

Джей Би Рем

Сингулярность

Извлечение

Книга вторая
серия «Сверхспособности»
www.jbram.ru

Джей Би Рем

Сингулярность. Извлечение.

Иллюстрации в книге Джей Би Рем

Официальный сайт: <http://jbram.ru>

e-mail: jbram@jbram.ru

vk: <https://vk.com/jbram>

facebook: <https://www.facebook.com/jb.ram.9>

Instagram: <https://www.instagram.com/j.b.ram/>

Аннотация:

Найти свое место в жизни – одна из главных задач человека. А что делать, если это место оказывается на другой планете? Здесь действительно все идеально. Но у всего красивого есть обратная сторона, и я начинаю понимать – что-то не в порядке. Безукоризненное обиталище не спешит принимать меня с распростертыми объятиями. Моя новая работа – просто кошмар! Да и кому понравится вести статистику катастроф?! Наши цивилизации тесно переплетены и, боюсь, люди от этого не выигрывают. Меня потрясают и ужасают все новые открытия, которые, вместо того, чтобы прояснить ситуацию, требуют еще больше ответов. В этот раз я умудрилась вмешаться даже в военно-политические игры. А что вы сделаете, если кто-то решит переиграть демографическое положение с помощью опасного вируса? Но сильнее всего меня подавляет то, что я не могу быть с Максом. Ведь он знает, что я вынуждена выйти замуж за представителя своей расы. Но я найду способ, чтобы все изменить.

Глава 1

Если человек дорог тебе, ты должен быть рядом с ним. Вы любите друг друга, значит, все преграды для вас преодолимы. Раньше и мысли не возникло бы, что можно как-то иначе.

Теперь я понимала, что смотрю на Макса, который для меня ценнее собственной жизни, в последний раз. Как такое возможно, если любовь побеждает все?!

Ах, да... Я для него безмерно опасна. Как опасна и для всего вокруг. Поэтому я обязана сохранить равновесие и покинуть привычный мир, ошибочно мною считавшийся домом последние несколько лет.

Как было бы просто пару месяцев назад все бросить и уехать. В то время это казалось мечтой! Я бы с радостью отправилась раскрывать тайны своего происхождения. Но что у меня имелось тогда? Я была одна, без семьи, без памяти (кстати, она ко мне не вернулась до сих пор), дезориентирована, выброшена на произвол судьбы. И только надежда, что родные ищут меня, не покидала мои мысли. Вера в воссоединение с ними давала мне силы и заставляла смотреть вперед, прогоняя отчаяние. Но кульминацией кризиса оказалась внезапно обнаружившаяся возможность путешествия в пространстве. Настоящая телепортация... Я была в растерянности. Да ладно, чего уж там! Меня охватил ужас сюрреалистичности происходящего. Я сходила с ума, и в какой-то момент думала, что это галлюцинации. Мне совсем не помешало бы, если кто-то сведущий пришел и объяснил, что происходит. А еще лучше, забрал меня домой к родителям, как это сделал в итоге Алекс. Я так мечтала об этом! Я была бы счастлива. Но не теперь...

С шутками, которые иногда разыгрывает с нами время, по жестокости могут поспорить только шутки, инсценированные нашими неосторожными желаниями. Здесь я попала по обоим пунктам.

Теперь есть Макс... Я люблю этого парня больше собственной жизни.

Его руку я сейчас сжимала, чтобы запомнить прикосновение родного тела, на него смотрела, стараясь оставить в памяти светлый образ. Он появился в моей жизни, как маяк, направляющий меня, поддерживающий, спасительный. И вот до чего я его довела... Лежит в больнице, едва избежал смерти. Вернее, не избежал. Фактически, он перенес клиническую смерть. Боже, кого я обманываю?! Он находился на второй стадии смерти, биологической, так как мозг практически умер, и у него уже были необратимые изменения в организме. Как мне удалось перезапустить всю его систему жизнедеятельности, не знаю, но я вернула любимого на этот свет. А теперь должна покинуть его, чтобы эти трагические события, имевшие место быть по моей вине, не повторились.

Мягкое тепло коснулось моего лба и начало разливаться по телу, прокладывая дорожки по сосудам и венам, освобождая меня от тяжелых мыслей и воспоминаний.

Каждый день я переживаю тот последний момент расставания с Максом, и боль разлуки режет мое сердце на части, окутывая паутиной депрессии. Тем желаннее было это временное избавление от отчаянных мук.

Я открыла глаза и увидела тень, склонившуюся надо мной. Никакого страха я не испытывала. Наоборот, удивительное спокойствие накрыло меня убаюкивающей волной. Я улыбнулась, узнавая силуэт женщины.

– Мама?

– Я чувствую твою боль. Ты не помнишь, как закрываться, поэтому эмоции сияют вокруг тебя ядовитым желтым цветом, – она перевела руку с моего лба на щеку, нежно поглаживая ее.

– Ты видишь в темноте? – удивилась я.

– Да.

– Так все могут видеть? – эта мысль ужаснула.

В ответ по комнате разлился мягкий приглушенный свет, позволивший мне лучше различать мамины черты.

– Не все. Только люди, связанные родственным происхождением. Или очень сильные синги.

– Синги... – наша раса, всплыла в памяти подсказка.

– Синги – люди, обладающие сингулярностью, это мы, – терпеливо напомнила мама.

Я тут находилась уже примерно месяц, но не переставала слышать что-то новое, непонятное для себя, и ясное, как день, для всех окружающих. Я старалась больше молчать и впитывать в себя свежие термины и понятия, аки губка, но на нескольких званых раутах все равно попала впросак. Алекс мастерски вытащил меня из неудобных положений, но осадок в душе остался. От этого волей-неволей, чувствуешь себя глупым ребенком. В мое распоряжение предоставлено личное многофункциональное устройство, в котором я бездонно могла копаться в любой информации, что я постоянно и делала, но мне казалось, жизни не хватит, чтобы все изучить, а уж тем более понять.

– С моей силой что-то не так, – я отвела взгляд в сторону, понимая, что такого рода признание демонстрирует мою слабость. А эту черту сваргцы презирали. Я ничего не могла поделать и чувствовала себя здесь такой же чужой, как и на Земле.

– Не вини себя. Мы вернем твою личность, ты все вспомнишь и снова сможешь управлять своей сингулярностью.

– Спасибо.

– У вас с Александром уже что-нибудь получается?

Брат Макса, который на самом деле имел со мной больше общего по происхождению, чем с ним, помогал мне освоить элементарные методы и приемы, позволяющие совладать с силовыми потоками, но пока я все время оказывалась на лопатках. Наши семьи знакомы, а когда-то были очень дружны. Мы с ним с детства друзья. По крайней мере, он так сказал. Но в последнее время Алекс вообще-то был не особо неразговорчивым. Любую информацию приходилось выпытывать по крупице, и это навевало на мысли, что он от меня что-то скрывал.

– Немного... Да почти ничего.

– Все будет хорошо. Ты должна успокоиться. Возможно, твои негативные волнения влияют на результат... – она выжидательно подняла брови.

Я знала, что Ниан, мама, приглашала меня к беседе. У меня не хватало смелости открыться ей, относительно обуревающих и уничтожающих меня чувств, заполнивших мою сущность с самого первого дня вдали от него. Я не понимала, что со мной происходит, но все симптомы указывали на болезни, о которых столько пишут и рассказывают люди. Только вот я никогда не болела раньше, и вряд ли тут поможет пресловутая микстура.

Я сама много раз собиралась обратиться к маме с просьбой разрешить увидиться с Максом, но не могла заставить себя вымолвить ни слова. По какой-то, засевшей глубоко в душе, причине не верилось, что, рассказав о своих страданиях и переживаниях, я смогу надеяться на счастливое воссоединение с ним. Я чувствовала, что она искренне хочет помочь мне, но все же некая отчужденность сквозила между нами. Я уже поняла, что семьи здесь не ездят на пикники, не поют вместе песни у костра, не гуляют по паркам с аттракционами, не путешествуют с целью отдыха на пляже. В общем, не ведут себя, как типичные семьи на Земле. Но, с другой стороны, их функции мало отличаются от земных: они дают тебе жизнь, воспитывают и помогают занять положение в обществе. Все это автоматически делает их самыми близкими людьми. Но чаще мне казалось, что это чужие люди. Отца я видела не так много раз, и в каждый из них между нами устанавливались довольно натянутые отношения. Возможно, напряженность замечала только я, и весь дискомфорт, действительно, из-за потери личности. Но я не могла просто отодвинуть свои эмоции, как здесь было принято.

С матерью ситуация была совсем другая. Когда мы оставались вдвоем, она, действительно, мне нравилась. Мама представлялась мягкой, сопереживающей, само ее присутствие несло спокойствие и гармонию. Но, как только появлялся третий, ее взгляд становился отрешенным, а фразы редкими и общими. Иногда мне казалось, будто в ней совмещено два разных человека.

Но вот сейчас она сидела передо мной. Ее глаза обещали помочь, и с моего языка уже почти сорвалось признание в неиссякаемой любви к землянину. Любви, которая стала навязчивой безумной идеей.

– Я...не знаю, мама... Может, я теперь не синг, и моя сингулярность ушла вместе с личностью?

– Не говори так! Возможности, которые открыты перед нами, бесчисленны! Мы можем почти все. Даже в самом бесперспективном исходе, если мы не сможем вернуть твою личность, ты наша дочь, поэтому в тебе все заложено с рождения. Ты всему научишься заново со временем, – ее слова с благодарностью отозвались в моем сердце. Ну как можно не любить эту ее сторону?!

– Я хотела бы поговорить о Земле... – тут же выпалила я, приняв наконец решение и заходя издалека.

– Не переживай об этом. Это недоразумение и скоро забудется.

– Я так много хотела бы спросить о ней, – сделала я последнюю попытку, чтобы в дальнейшем иметь для себя оправдание, что все-таки пыталась.

Мама свела брови на переносице и поморщилась, будто ей физически неприятно было упоминание о голубой планете. Это окончательно утвердило мое решение, отложить все на неопределенный срок.

– Я не могу тебе ничего сказать. Секретный проект, которым занимается твой отец...– начала она, но прервалась. – Это его работа, у меня обязанности совсем в другой сфере. Очень неприятно, что ты там оказалась. Когда мы выясним, как все произошло, все виновные будут наказаны по всем строжайшим мерам. Ты теперь на Сварге, в безопасности.

В глазах женщины на секунду появилась отстраненность, а ее безапелляционный тон возвестил, что дальнейшие мои вопросы не приведут к нужным результатам, поэтому я просто кивнула.

– Спи спокойно, Киара.

– Спи спокойно, мама.

Земля – секретный проект. Что это могло означать?

Когда я вернулась на свою родную планету Сварга, мне не давали сначала видиться с родителями, не позволили даже осмотреться и не оставили времени для адаптации.

Кроме того, Алекс перед прибытием шепнул мне странную фразу, чем тут же насторожил меня:

– Говори честно, но коротко, избегай тем о нем и, особенно, эмоций.

Конечно, я поняла, о ком он, и, хотя в голове моей возникло миллион вопросов, только молча кивнула.

Сначала я проходила освидетельствования с помощью разных непонятных приспособлений, которые мне водружали на голову и цепляли к телу. Затем испытала нечто, вроде допроса, где пришлось подробно излагать про свою жизнь на Земле. Все это было подозрительно, поэтому о Максе и Дин, единственных свидетелях моей ненормальности, оставшихся в живых, я старалась не упоминать больше положенного, ограничившись информацией, что они являются моими сокурсниками. Затем меня, действительно, заставили подписать договор о конфиденциальности информации, касающейся абсолютно всех аспектов Земли. В большей мере поэтому теперь я ничего не могла добиться от Алекса. Кажется, он тоже подписал подобный документ.

Утро встретило меня солнцем, как, впрочем, и весь последний месяц. Природа за окном поражала своей живописностью. Все вокруг было красивым, приятным, полным благоухания. На улице стояла все та же прекрасная погода, при которой тело ощущало себя великолепно. Надо отдать должное, климат здесь в это время года – что надо. Вообще, что касается комфорта окружающей среды, условия для существования просто идеальные: атмосфера, воздух, гравитация, температура, влажность. Такой легкости, казалось бы, я никогда не испытывала.

Встретившиеся на пути люди тоже обладали незаурядной красотой, будто сошли с обложек модных гляцевых журналов. Они величественно кивали при встрече, а у некоторых в улыбках, обращенных ко мне, скользила непонятная надменность, заставлявшая меня теряться в догадках о причине ее возникновения, искать на губах крошки или осматривать себя беглым взглядом на предмет одетой наизнанку одежды.

Первое время я все ждала, что из-за угла появится какое-нибудь чудовище, ну или просто инопланетянин, внешне отличающийся от гуманоидных форм. Но каждый человек, которого я видела, был настолько божественен на вид, не имея ни одного отклонения, даже в виде кривого носа или шрама какого-нибудь, что я почувствовала себя единственным уродцем в цирке. На это я и решила списать не слишком дружелюбные взгляды незнакомцев.

Я не заметила ни одного нейрофага, что радовало. Наверное, таким страшным существам не место в идеальном мире, где всюду царит перфекционизм. Напрашивался вопрос, как такое совершенное и образцовое общество могло породить ужасных монстров? И нет ли очередной загадки в отсутствии золотой середины между красивыми людьми и изуродованными нейрофагами?

– Киара?

Я вздрогнула.

– Александр.

– Готова?

– Да.

Снова тренировки, заставляющие чувствовать себя бесполезной. Но мне они нужны. Нужны, чтобы увидеться с Максом. Макс – только он движет меня к цели. Это он пробудил во мне способности. Мама сказала, что у меня ничего не выходит из-за негативных чувств, но это не так. Она не догадывалась, как на самом деле я смогла вызвать из глубин подсознания силы... Так же, как никто до конца не знал, что случилось в тот день, когда я обрушила град на город. А это было лишь побочным действием того, что я неизвестным образом заставила Макса снова жить.

Воспоминания того момента, когда я осознала, что чуть не потеряла его, всплыли перед глазами, заполняя меня страшными мыслями.

Я почувствовала удар, заставивший видение, постоянно преследующее меня, рассеяться. Огненная стена нещадно повалила мое тело на землю, обдавая твердой обжигающей волной, лишая возможности вдохнуть необходимое для бесперебойного функционирования организма количество кислорода.

– Киара, ты в порядке? – услышала я обеспокоенный голос.

Я открыла глаза, все еще ощущая жар на опаленных участках кожи рук. Защитный тренировочный костюм сделал свое дело и уберег закрытые места, оставив на растерзание открытую поверхность ладоней и пальцев.

Надо мной навис взволнованный Алекс.

– Ты опять замечталась. Я просил тебя концентрироваться на хороших воспоминаниях, а не тонуть в грезах и мечтах! Я мог тебе серьезно навредить, – голос его имел спокойную ровную интонацию, но я уловила в нем вспышку раздражения.

– Прости, Александр. Надеюсь, мои брови на месте? Не хотелось бы оскорблять такое великолепное общество барби и кенов своим видом, – решила я разрядить атмосферу. Пальцы нещадно щипало, но я, превозмогая боль, послала ему улыбку.

Он хмыкнул, но промолчал, несмотря на то, что сарказм и другого рода шутки у сваргцев считались плохим тоном. Затем помог мне сесть и расположился рядом. Некоторое время мы сидели, не нарушая тишины. Я пыталась мысленно настроиться и запустить процесс регенерации поврежденных участков кожи. Это была задача одного из первых уроков, которые дал мне Алекс, и считалась им самой простейшей начальной стадией, подходящей для моего индивидуального освоения. Уже некоторое время я пыталась обуздать свои силы. Хотя бы немного приспособиться к основным навыкам пользования ими. Алекс, единственный, кого я могла считать своим другом в новом для меня ареале, согласился помочь мне научиться этому. Каждый день мы приходили в закрытый клуб-парк, специально отведенный для подобных занятий.

– Думал обучать тебя – это отличная идея. Но я уже пару раз чуть не убил единственного ребенка Стратимов. Меня за это по голове не погладят.

Я хмыкнула, услышав его фразу, одну из многочисленных, подхваченных на Земле. Учитывая, что речь на Сварге используют только для передачи исключительно важных сведений, я очень скучала по обычному земному трепу. Сейчас я понимала, почему Дин всегда жаловалась на мою сдержанность и неразговорчивость.

– Это я виновата.

– Лучше временно прекратить обучение.

– Нет, пожалуйста, Алекс. Я должна научиться управлять своими способностями.

– Когда пропустила удар, ты думала о Максе?..

Я опустила глаза и уткнулась в узорчатый ковер ярко-зеленой травы.

– Я всегда о нем думаю.

– Ты должна уметь контролировать свои эмоции. С ним все хорошо, я знаю.

– Откуда?

– У меня есть свои источники. Если ты будешь лучше стараться, тоже сможешь.

– Я смогу увидеть его? – оживилась я.

– Будь сдержанней. Никто не должен знать, что ты чувствуешь к нему. Вообще все, что с тобой случилось, нужно любыми способами удержать в тайне.

Я удивилась словам Алекса. В первую очередь, потому, что они неожиданно попали в одну ноту с моими мыслями, а, во-вторых, было странно слышать от него откровенность, ведь он постоянно избегал моих вопросов.

– Почему?

– Я не вправе рассказывать, если родители решили не посвящать тебя в курс дел о Земле. Кроме того, я связан пунктами контракта о неразглашении.

– Алекс, прекрати! Я, конечно, пока этого не помню, но ты сам говоришь, что мы друзья и с детства вместе. Я не прошу выдавать тайны корпорации, но, тебе не кажется, имею право получить информацию о Максе? – во мне клокотали гнев и раздражение. Больше всего я нуждалась в новостях о любимом человеке, а он отказывал мне в этом.

– Как продвигаются поиски в «НХЛ»?

– Что? – немного зло спросила я, раздосадованная его желанием сменить тему.

– «Нейрофагское Хранилище Личностей».

– Пока ничего.

– Если твои воспоминания и личность стерты, то этого можно было добиться только через «Нейрофаг Индастрис».

– Кому это нужно?.. Отец сказал, что делает все возможное. Идет расследование. Но не переводит тему. Что такого важного я не знаю?

Он некоторое время молчал, уставившись долгим взглядом на свои блестящие ботинки.

– Что родители рассказали тебе о Земле?

– Практически ничего. Более того, мама вообще не хочет об этом говорить. Только и слышу про секретный проект, а что это значит, не ясно. Знаешь, родители... Не знаю, как объяснить... Все очень странно. Я думала, наша встреча пройдет по-другому. Более... - я запнулась, стараясь подобрать слова.

– Тепло? – усмехнулся Алекс.

Я удивилась его четкому попаданию.

– Да. Я не хочу сказать, что они были не рады меня увидеть живой и здоровой. Но будто я и не пропадала на два года, а съездила к бабушке на каникулы на пару дней. Кроме того, все избегают говорить со мной на эту тему.

– Ну, во-первых, они знали, что ты жива. Когда синг умирает, его кровные родственники сразу понимают это.

– Неужели?! – я была поражена.

– Да. Происходит некий импульс, связующая кровная нить обрывается, – в его голосе я уловила грусть.

– Удивительно. Значит, они знали, что я в порядке. Ну тогда все не так плохо... А, во-вторых?

– Если ты встретишься с моими родителями, то поймешь, что твои испытывают к тебе самые настоящие для любого синга чувства привязанности и любви. Я могу объяснить твои сомнения лишь потому, что прожил на Земле определенное время. Традиции отношений между людьми земной расы сильно отличаются от наших. Ты ведь заметила, мы более рациональны. У нас эмоции отодвигаются на задний план, потому что зачастую они только мешают. Считается плохим тоном, показывать свои переживания не только посторонним, но даже близким людям, – при последней фразе на лице его появилась мальчишеская ухмылка, которую он тут же подавил, стремясь донести до меня свои скучнейшие лекции по этикету сингов.

– Да, ты уже говорил, Алекс. То есть Александр, – вспомнила я еще одно негласное правило на Сварге, называть полные имена людей.

– Ты можешь обращаться ко мне, как тебе нравится, когда никого нет рядом. Я повторяю это, чтобы помочь тебе адаптироваться в нашем мире. И твое свечение... Ты должна его контролировать.

– Ты тоже видишь? Но мама сказала, что только родственники... и сильные синги, – я постаралась сосредоточиться, успокоиться и ровно дышать, подавляя волнение, пульсирующее светом вокруг меня.

– Да. Я явно не родственник.

– Здесь всё такое красивое, идеальное. Но у меня чувство, что это чужой мир. Я не понимаю его. Все кажется странным и ненастоящим. Люди на улице улыбаются, но надо скрывать свечение, чтобы никто не узнал твоего истинного настроения. Все такие счастливые, хотя знают, что правительство штампует из неугодных людей монстров! Меня передергивает каждый раз, когда я об этом вспоминаю. Земля – секретный проект заигравшихся в богов сваргцев, но как такое возможно, и что конкретно это значит?! Объясни мне, что с этой планетой, что со всеми этими людьми?! Ты – мой единственный друг. Я могу доверять только тебе. Пожалуйста, не молчи и не уходи, как делаешь всегда, когда ничего не хочешь мне объяснять. Мне больше некуда обратиться, а вопросы разъедают меня изнутри.

– Ты привыкнешь, – только сказал он.

– А ты привык?! – взорвалась я.

Алекс посмотрел вдаль, затем на траву под ногами, оставив мои вопросы без ответа. Видимо, кое-кто попал в точку.

– Так что я должна знать о Земле? – решила я сменить одни болезненные темы на другие.

Парень тяжело вздохнул, и я почувствовала, что мне удалось прорваться.

– Я говорил, что Солнечная система принадлежит твоей семье, – сдался он, наконец.

– Да. Также ты сказал, что я все узнаю здесь, но никто не хочет мне ничего рассказывать.

– Если быть точным, она является собственностью корпорации «СтратимХорс», в совет директоров которой входят наши семьи. Это многопрофильная компания, но в основном там занимаются научными исследованиями, изобретениями. Я всю жизнь рос с намерением в ней работать. Я жаждал этого, и не собирался растрачивать свои силы

впустую, целенаправленно стремясь именно туда. Отец доверял мне несложную работу под присмотром, и был мною доволен, но никогда не оставлял меня одного в своем кабинете или в офисе. Его рабочий кабинет дома не имел свободного доступа ни для кого в семье, кроме него самого. Я знал, что там хранилось много тайн, а я так хотел скорее стать полноценным сотрудником корпорации. Я всегда отличался излишним любопытством. Ему это даже нравилось, данное качество казалось своеобразным двигателем к научным изысканиям. Однажды отец потерял бдительность и, выйдя из кабинета, ушел, не проверив, защелкнулся ли цифровой замок. Я долго ждал такого случая, для которого припас машину на дистанционном управлении. Я загнал ее в проем с панелью, и не дал двери закрыться. Таким образом, сигнализация не активировалась, и я свободно попал внутрь. Я действительно наткнулся на тайну... В ящике стола нашел шокирующую информацию. Сначала я даже не поверил, поэтому зафиксировал все на свой крипт. Позже, когда стал детально изучать ее, я понял, что передо мной приказ на подготовку к Извлечению энергии в состоянии сингулярности планеты Земля Системы Эрго, Солнечной системы, – было видно, что ему неприятно говорить все это. Он периодически морщился, а к последним словам вовсе опустил голову и только искоса смотрел на меня.

– Что это значит? – волнение охватывало меня с каждой секундой все больше.

– Если сказать простым языком, это значит устроить Большой Взрыв и изъять энергию в момент бесконечной плотности и температуры вещества.

Глава 2

Меня пронзил приступ паники. Слова постепенно доходили до моего мозга, бросая тело то в жар, то в холод, но разум сопротивлялся дикости заявленного.

– То есть уничтожить? Зачем?

После некоторой паузы, Алекс поднял голову и посмотрел мне в глаза изучающе, будто думал, говорить мне следующие слова или нет.

– Солнечная система – это один из научных исследовательских проектов «СтратимХорс». Частично она и была создана, чтобы получить конкретный конечный продукт.

Я почувствовала, как моя потрясенная нижняя челюсть с легкостью расстается со своей законной соседкой, будто знает, столько кислорода, сколько мне в этот момент внезапно понадобилось, носом просто не вдохнуть. Я как со стороны услышала свой возмущенный полустон-полувдох. Если я жила бы в средневековье, то воскликнула, какую святотатственную чушь он несет, и сожгла бы его на костре, как еретика. Нет, я, конечно, не такая жестокая. Но услышав поразительный кошмарный расклад дел, мой гнев заслуженно занял свой королевский трон рядом с удивлением. Мне уже было известно, что синги имеют отношение к мифологии богов на Земле. Мне даже приходило в голову, что, возможно, они стали невольными, а, может, и вольными участниками заселения планеты, так как трудно оспорить наше внешнее сходство. Но узнать о бездушных безжалостных расчетливых планах сингов на целую Солнечную систему – этот удар заставил мое сердце обливаться кровью.

– Компания создала целую галактику?! Но как такое возможно?! – это не укладывалось в голове.

– Уровень развития нашей цивилизации намного выше. Есть всего несколько компаний занимающихся такими сложными операциями. И главная из них – наша, – я услышала нотки гордости в его тоне и почувствовала тошноту.

– Но зачем уничтожать?

– В этом люди везде одинаковы. Это проект, обещающий огромное количество денег и власть.

– Но там люди! О Боже! Там Макс! Это чудовищно! – меня просто трясло от страха, туго переплетенного со злостью от безысходности.

– Я согласен. Когда копался в документах, я и нашел этот отчет. В нем было изложено, что на одной из планет образовалась разумная жизнь. А это могло стать поводом для отмены Извлечения. Но я также обнаружил приказ, оставить в тайне эту информацию от всего совета. Я не мог поверить, что в этом документе стояла подпись моего отца. Я пришел к нему и прямо все сказал. Он убедил меня, что произошла ошибка, и за разумных приняли приматов. Показал мне отчеты, доказывающие это. Я поверил. Почти. Но решил идти до конца. Я оставил ему послание, что отправляюсь на Землю, проверить его информацию. Проник в «Нейрофаг Индастрис», запустил оборудование, стерев часть своей личности, чтобы меня трудно было обнаружить, и телепортировался на планету Земля. И понял сразу, что отец лгал. Там действительно оказались разумные существа, с уровнем ментального развития младенцев, но практически не отличающиеся от нас внешне.

– Алекс, ты очень смелый. Так ты оказался в семье Макса...

– Да. Ушло немного времени, чтобы выучить их язык. Пожалуй, чрезмерная экспрессивность, свойственная обычно только детям, очень удивила меня, конечно... Но они не заслуживают быть уничтоженными. Пусть даже и появились в результате эксперимента в научной программе.

– Но как теперь обстоят дела с Землей? Все разрешилось? – не терпелось мне услышать развязку. В душе все клокотало, и я молилась, о том, чтобы он сказал, что все в порядке.

– Не совсем. Идет суд, который должен определить судьбу Солнечной системы, борьба между нашими семьями. Моя – по-прежнему настроена на Извлечение. Сильной стороной моей семьи всегда являлась коммерция. Твой отец, как человек науки, настаивает продолжать эксперимент и оставить планету для дальнейшего развития.

– А в суде теперь знают о людях?

– Да. Я об этом позаботился.

– Значит, они запретят уничтожать Землю?

– Не факт. Затрачено много денег, замешаны очень влиятельные синги. Проект такого размаха не может обойтись без участия правительства. Ходили слухи, что ты похищена в связи с этим делом, но никаких доказательств пока нет. Кто-то хорошо поработал. Надеюсь, что это не мой отец, – Алекс устало опустил голову.

Я коснулась его плеча успокаивающим жестом.

– Даже если это он, наша дружба не пострадает. Ты – не твой отец. Я верю тебе.

– Спасибо.

– Как мы можем повлиять на ход этого дела?

– Никак.

– Но если суд решит в пользу твоего отца...

– Земля погибнет.

Дыхание перехватило, а сердце сжалось. Макс... и Дин... И еще множество невинных людей...

Внимание привлек приближавшийся к нам через парк нейр, выполнявший на Сварге функции полицейского. Один из представителей современного общества, пугавший меня до ужаса. Как и нейрофаги, нейры лишены личности вследствие приговора суда, но их хотя бы не видоизменили. Они были похожи на обычных людей, только в специальной форме и с пугающим отстраненным отсутствующим взглядом. Меня аж передернуло от инстинктивного страха, когда он направился к нам.

– Я вынужден попросить прервать тактильный контакт. В общественном месте это запрещено.

Я одернула руку от Алекса, плечо которого сжимала, и спрятала ее в карман.

– Все в порядке. Я – доминус Александр, род Хорс. А это доминэ Киара, род Стратим. Она под защитой пункта Борна. Все данные хранятся в системе. Можете проверить, – выступил вперед Алекс, бросив на меня успокаивающий взгляд.

Нейр достал устройство, похожее на небольшой планшет и направил его на меня. Я дернулась назад.

– Все хорошо, Киара. Он просто просканирует твое лицо, отпечатки и сверит информацию о тебе. Просто стой и не двигайся.

Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Я чувствовала себя хомячком в аквариуме, над которым навис отвратительный мальчишка с целью помучить животное.

По идее, я должна была обрести дом, а попала в аквариум. С красивыми декорациями и прекрасноликими золотыми рыбками.

– Все в порядке, личность подтверждена. Всего доброго, доминус Александр Хорс, доминэ Киара Стратим.

– Алекс. Что это за пункт Борна?

– После восстановления личности резиденту требуется время на адаптацию, и ему свойственно совершать ошибки в обществе, так как память работает избирательно. Поэтому некоторый период он защищен этим законом, дающим право прикрывать служателям порядка глаза на мелкие нарушения.

– И сколько времени на адаптацию у меня?

– С тобой все сложно...

– Ведь у меня пока даже нет личности, соответственно и памяти, – догадалась я.

– Точно. Но я уверен, все образуется.

– Почему полицейский сказал, что нельзя касаться другого человека? – я повернулась к нему.

– Ну...это просто правила приличия, запрещающее нарушение личного пространства. Это принято уже очень давно. Я читал, что пошло все с того времени, когда Народы Содружества Галактик были разобщены и бесконтрольны из-за раздробленности государственных систем. Начались беспорядки, эпидемии, экономический кризис подогрел волнения в разных частях Мира. Напряженная военно-политическая ситуация на всех заселенных планетах нашей и соседних систем достигла своего пика. Кроме того, люди мигрировали, путешествовали и переносили друг к другу все новую инородную заразу. Пересматривалась законодательная система. Ну и среди многих изменений также вышел закон, запрещающий в общественных местах телесно взаимодействовать. Эпидемии прошли, а этикет остался. И, сама понимаешь, везде свои правила и традиции. Все разные, поэтому это унифицированный код общения.

– А если случился приступ, и нужна срочная помощь?

– То надо помочь всеми возможными способами.

– А если мать несет ребенка?

– Нет, только если касание излишнее...

– В смысле?

– Если оно не продиктовано определенным общественно важным делом или занятием.

– Ясно. А как же влюбленные? – я покраснела, понимая, что сам мой вопрос, скорее всего, неприличен здесь.

Алекс нахмурился, но я увидела промелькнувшее в его глазах смущение.

– Киара, я не хочу задеть тебя, но любовь – это чувство, не присущее разумному человеку. Прости. Я хотел сказать, современному сингу. Это как предыдущий этап развития что ли. Только не обижайся, правда. Если ты будешь рассказывать родителям, как любишь Макса, ничего хорошего из этого не выйдет. И уж точно они не обрадуются, что их единственная дочь выбрала себе в пару землянина. Это здесь не приветствуется. Да что уж говорить – такого никогда и не было!

– Да что плохого в землянине?

– Ничего. Просто они другие. Когда тебе вернут личность, я думаю, ты пересмотришь многое в своей жизни за эти два года.

– Все же не верится, что совсем никто не испытывает чувств симпатии, любви.

– Нет. Почему? Испытывают дома, где никто не нарушает единение пары, а также дети априори подвластны эмоциям. Но в нашей с тобой среде лучше забыть о таких сомнительных привилегиях.

– Я не смогу забыть, Алекс. Как только я найду возможность быть рядом с Максом, не представляя при этом для него никакой опасности, я вернусь к нему.

– Я понял тебя. Но сначала надо добиться судебного отказа в Извлечении, иначе некуда будет возвращаться.

Страх сковал меня ледяными щупальцами. Весь мой мир, который я до сих пор считала больше своим домом, чем сегодняшнее окружающее пространство, завис над бездонной пропастью.

– Когда ты сможешь научить меня управлять перемещениями?

– Как только ты освоишь материализацию энергии, дело пойдет быстрее, а пока никаких перемещений.

– А ты сможешь мне увидеть Макса?

– Киара, мы ведь уже обсуждали это. Перемещения оставляют за собой нити. Мне нельзя пока так делать. Я сейчас стараюсь войти в состав совета «СтратимХорс», поэтому делаю все, что ожидает от меня отец. Учитывая мое внеплановое длительное посещение Земли, мне пришлось приложить немало усилий, чтобы он поверил, что мы единомышленники. Но при этом меня постоянно проверяют. За мной следят. Если он узнает о моем отношении к Солнечной Системе, то оттянет мое вступление в совет до того времени, когда я уже не смогу ничего предпринять для Земли.

– Если за тобой следят, значит, он знает, что ты сейчас здесь?

– Конечно.

– Со мной.

– Да.

– А разве наши отцы не противостоят друг другу в суде?

Алекс, поморщившись, кивнул.

– Тогда он должен быть против наших встреч. Он может подумать, что ты на стороне моего отца.

– Он не против.

– Я не понимаю.

– Ну он думает, что я собираюсь предложить тебе стать моей парой, – совершенно равнодушно заявил он, как будто речь шла о совместном походе в магазин.

– Что?! – я вскочила с лавки, уставившись на Алекса во все глаза.

– По-другому я просто не смог бы реализовать твоё обучение. Ты ведь сама просила.

Я села обратно и успокоила себя уже привычной дыхательной гимнастикой.

– Но ты не собираешься делать этого, правда? – наигранно спокойно спросила я, потому что дыхательная гимнастика ни черта не помогла.

– Подавляй свечение. Отец рад возможности объединить два старинных и состоятельных рода. Тем более и ты, и я – единственные дети. Я использовал это, чтобы быть рядом с тобой.

– Прости за мою реакцию.

– Да уж, тебе надо лучше пытаться сдерживать себя. Ты не стабильна. Это одна из

причин, почему мы идем миллиметровыми шагами в обучении. Энергия не любит неточности и непостоянства. Она – удел сильных, решительных сингов.

– Там у меня получалось переместиться только в момент кульминации панического страха.

– Да, это тоже вариант для самозащиты... детей.

– Мило. Сравниваешь меня с ребенком. А когда я уничтожила десятки нейрофагов в пустыне? Я не боялась.

– Правильно. Тебя вели сильные чувства: стремление защитить, помочь. Но это опять же экстренные меры, замешанные на эмоциях. А нам нужна холодная спокойная концентрация и знание того, что ты делаешь. Боюсь, второй раз тебе не простят уничтожения такого количества государственной собственности.

– Я сама не могу простить себе, что подвергла опасности свой город и его обитателей.

– Точно. Хотя, по секрету, тебя бы не нашли по-другому. Ведь твоей личности нет. А за два земных года ты не делала ничего, указывающего на твою принадлежность к пропавшему сингу.

– Но я перемещалась.

– При перемещении, не имея своей личности, ты оставляла след уже другой сущности. К тому же он был такой незначительный, что в инстанции выше патрульных нейрофагов это не ушло. Поэтому они пытались устранить тебя, как постороннюю энергию. В первый раз ты засветилась, когда твоя кровь попала к нейрофагу. Проанализировав ее, и обнаружив в базе данных первой категории по пропавшим, он подал сигнал, но ты уже отправилась в следующее отслоение земной реальности.

Каждый раз воспоминания о страшных монстрах болезненно напоминали о Дене, моем друге, следы которого потерялись в Чешских катакомбах при нападении. В душе я осознавала, что нейрофаги в каком-то роде заслуживают жалости. На самом деле они некогда тоже были людьми, но совершили ошибку, нарушив закон, а затем прошли процедуру изъятия личности на срок приговора, и были отправлены уничтожать все огрехи Вселенной, вроде меня. А то, что Ден находился рядом – полностью моя вина...

– Зато, когда в отчетах энергетического воздействия неземного плана проскочили указания штормового характера, стало понятно, что к этому приложил руку Стратим, – продолжал Алекс. – И тут уже все переполошились.

Я опустила глаза, вспомнив, какой урон нанесла своими неуправляемыми разбушевавшимися силами.

– Алекс, тебе удалось что-нибудь узнать о Дене? Ты говорил, что твой дядя работает в этой организации.

– К сожалению, нет.

– Но ведь если он прошел процедуру изъятия личности, теоретически, она где-то в их картотеках?

Он накрыл мою руку своей ладонью, наклонился чуть ближе и произнес тихим ласковым голосом, как будто говорил маленькому ребенку:

– Киара. Нейрофаги не всегда оставляют в живых своих жертв. У них четкие инструкции, и иногда они выполняют приказ на месте. Это же Земля. Люди слабы, чтобы даже пережить процедуру изъятия. Поэтому, скорее всего, его энергия просто была поглощена.

Одновременно в парадоксе с этими страшными словами я почувствовала, как по моему телу разливается теплое спокойствие, и поняла, что это дело рук Алекса.

– Ты не слишком о них высокого мнения. А ведь они приняли тебя в семью, – голос мой дрожал, подчеркивая, что усилия Алекса, заставить меня забыть о трагической судьбе Дена, напрасны.

– Ты не права. Возможно, они являлись единственной настоящей семьей, которая у меня была. Просто люди слишком хрупки. Хрупки и не стабильны. Как ты сейчас. Поэтому я защищаю тебя. Ты напоминаешь мне о них.

– Защищаешь от кого? – не поняла я.

– От всего. И, в первую очередь, от себя самой.

– Что ты имеешь в виду?

В голове моей разлилась неприятная вибрация, заставившая меня буквально подпрыгнуть. Я растерянно смотрела на парня передо мной, пока через несколько секунд не вспомнила, что это все значит.

– Что случилось, Киара?

– Кажется, мне звонят, – я подняла руку и посмотрела на часы, как я прозвала местное средство связи, крипт, заключавший в себе схожие со смартфоном качества. В голове возник образ улыбающейся мамы, высветившийся как «Ниан Стратим».

Я только несколько раз пользовалась этим прибором, оставляющим впоследствии такое ощущение, будто в твоей голове побывал кто-то посторонний и совсем там не нужный, но до сих пор до конца не разобралась в правилах пользования.

Поэтому сказала вслух:

– Э...мама? Ответить? – вроде гаджет меня понял, так как тут же раздался мелодичный голос матери.

– Привет, Киара.

– Здравствуй...те.

– Завтра мы уезжаем, поэтому хотелось бы видеть тебя сегодня на ужине.

– Ладно.

– Хорошо. Увидимся на ужине.

– Ок.

– Что?

– Хорошо.

Образ растворился, принося мне облегчение. Я и на Земле не очень любила телефонные звонки, а тут прямо в голове. Настоящее нарушение личного пространства именно это, а не то, что тут внесено в свод законов, типа дружеского рукопожатия.

– Киара, а ты в курсе, что разговаривать можно мысленно, не посвящая посторонних в свои личные переговоры? – подал голос ухмыляющийся Алекс.

– Надо привыкнуть. Родители завтра уезжают. Есть еще вопрос, который меня мучает.

– Давай, – вздохнул парень.

– Почему в вашем высоко-цивилизованном обществе такие варварские методы обращения с преступниками?

Алекс оглянулся по сторонам, оторопев от моего заявления.

– Сколько я просил тебя быть сдержанней. Если бы здесь был кто-то другой, то скоро ты снова общалась бы с нейром, несмотря на закон Борна. Я тебе скажу один

секрет. Не то чтобы у нас демократия в человеческом понимании. Ты можешь изучить материалы по истории, тогда тебе все станет ясно.

Вот тебе раз. Идеальное общество. Наверное, все не идеальные отправляются к нейрам.

– То есть, у вас нет свободы слова, – уже тише сказала я, наклонившись к нему.

– Есть, если оно не противоречит закону. И не у вас, а у нас. Здесь твое место.

– Как это, не противоречит? – по поводу моего места я даже спорить не стала.

– Ну, например, сейчас ты критикуешь одну из основ нашей системы. Ты не относишься с уважением к механизму, выработанному веками. Посмотри, как вокруг все стабильно. Нет войн, болезни побеждены, нет нищих, все одеты, никто не голодает, преступность сведена к минимуму, наука процветает. Все это достигнуто при современном политическом укладе. Может быть, чтобы жить хорошо, людям не нужна демократия?

– В твоих словах есть доля правды, если все на самом деле так, как ты описываешь, но сама ситуация с Солнечной системой подрывает твою теорию! Это неправильно! Как неправильно переделывать людей в то, чем они не являются при рождении. Это кошунство! Сами законы бытия подрываются таким образом. Делать с живым разумным существом такие вещи ужасно! Я убила множество нейрофагов, которые еще имели возможность вернуть личности после истечения срока и жить дальше, поэтому не удивляйся, что я чувствую вину за загубленные жизни. Но настоящая вина в этом не моя, а вашего политического строя.

– Таковы законы. Нейрофагами становятся только самые отъявленные нарушители. В некоторых странах Земли их казнят. У нас же им дают возможность пройти естественный отбор. Если он выживает, то становится иной личностью, обретает новую жизнь, лишившись качества, за которое попал на конвейер.

– Все равно это не правильно.

– А что бы ты предложила? Посадить в тюрьму? Это что ли справедливость? Изолировать с разными диагнозами в одно место, где они не исправляются, а цепляют друг от друга новые маниакальные качества и прочую заразу?

В его словах был смысл, но я не могла смириться с такой жестокостью.

– Я...я не знаю. Мне пора.

– Сделай перед сном все упражнения, которые я тебе показывал.

– Хорошо.

– До встречи. И Киара?..

– Да.

– Лучше тебе не говорить о Максе. И о нашем разговоре.

– Ок.

– Ок... – вздохнул Алекс, – ну что за заразительное слово!

Глава 3

На очередном семейном ужине подтвердились мои опасения. Отец, резюмируя работу всех органов, признался, что, скорее всего, моя истинная личность утеряна навсегда. Хотя он заверил, что расследование не прекратится, но ясно дал понять, нам надо свыкнуться с сегодняшним положением вещей. С мыслью, что я уже никогда не стану прежней. Собственно, не зная себя прежнюю, не могу сказать, что я сильно расстроилась. В беседе он акцентировал внимание на огромной роли моего прилежного обучения, призванного вернуть меня в ряды настоящих сингов, достойных рода Стратим. При упоминании Алекса и того, какова его роль в моей подготовке, у отца на миг промелькнуло настороженное выражение лица, но он вынужден был признать, что лучшей кандидатуры для занятий не найти.

Дети сингов учатся пользоваться своими способностями с детства, постепенно расширяя и оттачивая свои знания и умения. Они копят собственный опыт, опираются на свою эмпирию. Отец с матерью стараются не вмешиваться, и с самого раннего возраста детей вынуждают принимать самостоятельные решения. Предполагается, что я уже прошла все этапы, родители заложили во мне все положенное. Это есть внутри меня, за запертыми дверьми подсознания, если бы не одно «но» – кто-то взял и изъял мою личность со всем богатым багажом. Я оказалась отброшенной в самое начало, вынужденная постигать заново каждый аспект становления сингулярной личности.

Вот в такой запутанной ситуации и явился Алекс со своим предложением. Он обещал мне помочь научиться контролировать необузданные в своей мощности силы, присущие каждому в моей расе. Правда, пока никаких новых навыков у меня не появилось. Если только не считать то, как я теперь здорово группируюсь при падении или маневрировании, спасаясь от небольших, но все же опасных горящих комочков, напоминающих маленькие солнышки. Такие же лучистые, сияющие, яркие и опаляющие жаром. В роду Алекса способности связаны с солнечной энергией. У них даже основная символика герба представлена изображением солнца. На Земле он считался бы богом солнца. Его дар, успокаивать одним касанием, взывать к жизни и возрождать надежду – это поистине прекрасно, не говоря уже о способности управлять температурой и согревать в лучах своего огня. Если, конечно, он не пытается научить тебя искусству поединка, когда все его благородные силы направлены на то, чтобы поджарить твои филейные участки.

У меня вся атрибутика с орнаментами волн, молнии и воронки. Ну это понятно. Я должна в ответ на минисолнышки завалить его теми самыми разрядами молнии, перекинуть через весь парк с помощью ветра или на худой конец притопить в озере. И мне очень много раз уже хотелось сделать хоть что-то из перечисленного выше. Настолько меня злила вынужденная беспомощность. Но пока что только мое тело металось и летало по парку, лавируя между огненными шарами.

– Ты в порядке? – наклонился надо мной Алекс со своим стандартным вопросом.

– Да...нет.

Он оскалился улыбкой без малейшего признака сожаления и присел рядом.

– Я сегодня тебя разозлил, – констатировал он.

– Ой, да брось, совсем нет.

– Правда?

- Нет конечно!
- Не понимаю. Должно уже было все проявиться.
- Может, я исчерпала себя, когда уничтожила нейрофагов?
- Нет. Я о такой возможности даже не думаю.
- Да ты оптимист, - подколола я его.

Алекс тоже лег на спину рядом, подставив лицо яркому теплому солнцу. Некоторое время мы просто лежали и молчали. Внезапно я почувствовала, как его рука накрыла мои пальцы.

Я подумала, что парень случайно задел мою руку, и ждала, когда он одернет ее, но она продолжала покоиться на месте. Я открыла глаза и повернула к нему голову. Оказалось, он тоже смотрел на меня. Его лицо было так близко, что мы почти контактировали носами.

- Что ты делаешь? – прошептала я ему.
- Прости, – он начал убирать ладонь, но я поймала его руку, вцепившись своими двумя.

– Алекс. Помоги мне увидеть Макса. Пожалуйста.

Он встал, стряхнув с себя мои конечности, и осторожно огляделся, видимо, выискивая признаки жизни поблизости.

- Я уже говорил тебе, что не могу.
- Прошу тебя. Ничего не выходит с обучением. Так я никогда его не увижу.
- Ты все еще хочешь...
- Алекс. Я люблю его даже больше прежнего. Помоги мне.
- Убери сияние.
- Хорошо. Прости.

Хотя бы этому я научилась. Я сосредоточилась, как он показывал, сосчитала до пяти, и постаралась слиться с окружающим миром, как хамелеон.

- Получилось, – резюмировал он.
- Так ты поможешь мне?
- Ты представляешь, что случится, если мои следы обнаружат? Как я объясню свое появление на планете, которая является частью секретного проекта? Второй раз мне это с рук не сойдет.
- Ты можешь как-то использовать то, что я не оставляю следов?
- Но ты не можешь перемещаться!
- Но как-то я это делала на Земле!

Он задумался.

- Знаешь, есть один способ, но попробовать его лучше ночью.

В моем сердце будто все перевернулось, радость затопила меня и готовилась вырваться наружу, как лимонад, который потрясли перед тем, как собрались открывать.

- Эмоции! – жестко скомандовал Алекс.
- Хорошо! Прости, – я потушила свет вокруг своей фигуры. Кажется, я начала видеть цвета, которые легкомысленно распространяю вокруг себя в минуты переживаний.
- Попробуем сегодня ночью. Сможешь выскользнуть во двор?
- Да! Спасибо! Спасибо!

Остаток дня я провела непрерывно слоняясь из угла в угол, не забывая

изображать из себя хамелеона, чтобы не выдать всем своих скачущих как кардиограмма нервов. На самом деле моя абсолютная незанятость делами или работой бесила меня уже давно. Окружающие объясняли это необходимостью полного погружения в обучение. Но я проводила там полдня, а остальное время исследовала дом, его окрестности и прозябала в одиночестве. Единственной отдушиной было единение с потрясающей своей красотой природой, видом которой я наслаждалась постоянно. Но она занимала глаза, а вот мысли всегда возвращались к Максу.

Иногда, в минуты сосредоточения на своем теле и воспоминаниях, мне казалось, что я чувствую рядом его присутствие. Я поднимала руку и касалась его скулы, нежно очерчивала пальцем лоб, нос, губы и спускалась дальше по шее к груди, к которой затем прижималась головой в надежде услышать сердцебиение. И я на самом деле слышала стук родного сердца, открывающего мне двери в мой желанный мир. Стук становился все громче, нарастая в ушах, пока их совсем не закладывало. И я слышала, как его утробный низкий голос произносит:

– Я люблю тебя, Ки.

А потом блаженная тишина.

На этом самом месте, в высокой траве, где предавалась мечтаниям все последнее время, сейчас я с нетерпением ждала Алекса.

Он появился незаметно, тенью выступив из-за дерева.

– Ты должна мне кое-что пообещать, если получится, – без вступления заявил парень.

– Что угодно!

– Ни слова о сингах, о нашем происхождении, обо мне. Протяни руку.

– Но что я ему скажу? – я послушно вытянула свою дрожащую конечность.

Он укоряюще посмотрел на меня, одновременно закрепляя браслет на моем запястье.

– Хорошо. Как я и сказала, все что угодно! Что это? Похоже на крипт, – я почувствовала жжение, устройство укололо меня, пробуя на вкус мою кровь.

– Ладно. Ты должна довериться мне, делать все, как я прошу.

– Хорошо.

Алекс подошел вплотную и положил руки мне на предплечья, крепко вцепившись пальцами. Наклонившись, он прижался лбом к моему лбу. От такого близкого присутствия чужого человека мое дыхание возмущенно сбилось, а рот открылся, хватая воздух.

– Закрой глаза, успокой дыхание. Ты должна мне доверять. Я передам тебе немного себя, но ты должна постараться прыгнуть сама, чтобы остался только твой след. Я выберу точку и направлю нить к ней. У тебя будет только несколько часов, чтобы увидеться с ним, и тебя выбросит обратно. Ты готова?

– Да.

– Думай о Максе, что-нибудь сильное. Самое яркое воспоминание.

Этот момент мгновенно всплыл в моей памяти, ибо именно его так часто я проигрывала в голове. Когда светящиеся желанием глаза Макса так близко, а наши тела сплетаются в страстных, но нежных объятиях, обжигающих обнаженную кожу в местах соприкосновения. Когда поцелуй прерывается только для возможности сказать, как сильно ты любишь.

Алекс вздрогнул, я подняла веки и по его расширенным удивленным глазам поняла, он тоже видел и чувствовал все то, что проносилось сейчас в моей памяти.

В следующую секунду я не смогла вдохнуть из-за высокой влажности. Вода заполнила легкие, в голове что-то звучно хрустнуло, обдавая огнем переднюю часть черепа. Я попыталась закричать, но безвольно упала на... твердый пол.

Да, именно на пол. Кажется, это паркет. Отдышавшись и дождавшись, когда в глазах прояснится, я огляделась. Отметив ряд дверей, уходящих вглубь коридора по обе стороны от меня, я резюмировала, что нахожусь в фойе гостиницы или жилого комплекса.

Какая-то женщина выходила из номера, и, заметив меня сидящей на полу, поспешила в мою сторону, протягивая ко мне руки.

– Что случилось, девочка? Плохо стало? Где больно?

– Нет, спасибо. Простите, – я была тронута ее беспокойством.

– Все в порядке? – она помогла мне подняться, придерживая рукой за предплечье. Я облокотилась о стену, не чувствуя твердости в ногах. Тремор нещадно взялся за коленки, прогоняя по ногам микросудороги.

– Все хорошо, спасибо. Я ищу Максима Домлатова. Вы знаете, где он живет?

– Ох, всех имен я и не помню, – голос ее немного охладел, когда она поняла, что я не знаю, куда идти, а, следовательно, скорее всего, не была приглашена хозяином.

– Высокий парень двадцати двух лет, с темными волосами и очень красивыми синими глазами, – решила я косвенно обозначить цель своего визита.

Женщина хохотнула, видимо, догадавшись о моих чувствах.

– Есть тут такой. Правда, я думала, он немного старше. Последняя дверь направо. Удачи в любовных делах, – подмигнула она мне и направилась к лифтам.

Я, переваливаясь на ватных ногах, быстро пошла к указанной двери и, достигнув ее, шатаясь от головокружения и нетерпения, облокотилась о косяк, чтобы не упасть. Сделав несколько вдохов, я громко постучала. Меня встретила только тишина, заставив изрядно напугаться, ведь мне дорога была каждая минута. Я в отчаянии съехала по косяку спиной вниз и села на пороге, опершись плечом в ненавистную преграду. Глаза наливались слезами, грозя перерасти в грандиозные рыдания. Неужели его здесь не было... Я не могла так ошибиться. Но затем дверь отворилась, заставив тело пошатнуться, потеряв равновесие, и на меня сверху уставился ледяной взгляд самых красивых в мире, во всех мирах, синих глаз.

На какое-то время мы замерли, сцепившись зрительным контактом, словно спасительными страховочными крюками над пропастью. Все тот же лишающий меня воли и рассудка от нахлынувших чувств темноволосый парень безмолвно возвышался надо мной. Он был похож на бога, который вот-вот дарует мне жизнь или отнимет ее навсегда.

Я сидела замерев, не в силах пошевелиться, с высоко задранной головой, ожидая и страшась его реакции, но покорно надеясь на теплые слова и радужные объятия. От нервного перенапряжения каждой клеточки моего организма, я не сразу поняла, что по моим щекам текут слезы. Макс открыл рот, намереваясь что-то произнести, а я перестала дышать от неумемной жажды услышать родной голос, готовая внять каждому его слову. Но, как я ни настраивала себя к нашей встрече, какие сценарии ни прокручивала в голове, все равно была так шокирована его первыми словами, будто они

ударили меня незримым кнутом.

– Где ты была четыре года, черт побери!

– Макс, я...что?!

В следующую секунду он схватил меня и прижал к себе так сильно, что мне стало больно. Его губы накрыли мои в жадном давящем поцелуе, лишившем последних сил и, собственно, сознания. Безобразие! Когда я стала такой слабой?!

Очнулась я, когда в глаза ударил яркий солнечный луч, прорвавшийся сквозь ткань портьеры. В одно мгновение все детали моего последнего путешествия всплыли в голове, наградив мозг вспышкой боли и, одновременно, ощущением потерянного упущенного момента. Сколько я провалялась, тратя время на бесполезное дело?

Я попыталась вскочить, но оказалась придавлена тяжелым предметом. Тяжелый предмет пошевелился. Обернувшись и выглянув из-за плеча, я поняла, что это Макс расположил на мне руку и ногу, создав клетку из своего тела.

– Проснулась? – раздался его голос, по которому я так безумно скучала.

– Макс! Сколько я уже здесь нахожусь?

– Ты спала всю ночь.

– Не понимаю, – растерялась я.

Он дал возможность мне развернуться, сдвинувшись, но затем снова прижал к себе.

– Что случилось?

– У меня было всего пару часов.

– В смысле? – он заметно напрягся, а черты лица его нахмурились.

– Я должна была вернуться через несколько часов.

– Ты никуда не пойдешь, – его глаза прищурились, а на нижней челюсти заходили желваки.

– Это больше от меня не зависит, Макс. Все изменилось.

– Я не понимаю. Ты больше не телепорт? – попал он в точку, удивив меня.

– Мои способности пропали, – я кивнула.

– Это то, что мы хотели. Ты поэтому не могла вернуться?

– Частично.

– Где ты была четыре года? Я думал...самое плохое, – он снова с силой сжал меня.

Снова эти четыре года ввергли меня в шок. Я внимательно посмотрела ему в глаза, находившиеся так близко.

– Макс, ты пугаешь меня. Какие четыре года? С нашей последней встречи прошел месяц.

– Ки, тебя не было четыре года. Это правда, – медленно, как ребенку, объяснил он, а его взгляд выражал недоверие и сомнение.

– Не может быть, – я высвободилась из крепких объятий и села в кровати, сию секунду осмыслить слова Макса. В груди все похолодело, а ладошки вспотели. Какой уж тут контроль над системами организма, когда он рядом, и уж тем более когда пугает меня своими словами.

Его теплые руки накрыли плечи, и он притянул меня к себе, прижимая спиной к разгоряченному торсу.

– Я думал, больше не увижу тебя, – услышала я хриплый волнующий голос.

– Не понимаю, – я вырвалась из железных горячих объятий только для того,

чтобы повернуться и обхватить его лицо ладонями. Кожей почувствовала покалывание его щетины, и только это ощущение придавало происходящему каплю реалистичности, заставляя поверить, что все это правда. Макс здесь, рядом, я касалась его... и прошло, действительно, четыре года, раз он так уверенно на этом настаивает. Парень печально смотрел на меня, и слезы непроизвольно покатались по моим щекам, оплакивая потерянное нами, друг без друга, время. Я не могла с этим свыкнуться, но я и не могла сомневаться в том, что он говорил правду. Что-то неправильное случилось, и мы стали жертвами этого.

– Там, где я была, прошел всего месяц, клянусь. Прости меня, – я ласково с трепетом коснулась его губ своими, запечатлевая легкими поцелуями всю нежность и любовь, что я испытывала к нему. Он помнил обо мне четыре долгих года. Ждал меня. Я не заслужила этого человека.

– Месяц...

– Я так люблю тебя! Я не могла вернуться. И, самое ужасное, не смогу... остаться, – ну вот, эти страшные слова сказаны.

Макс схватил меня за локти, вцепившись так, что позже я нашла синяки.

– Я никуда тебя не отпущу, – резко отрезал он со злостью.

– Мы ничего не сможем сделать. Но, как только у меня получится, я вернусь, – я медленно вывернулась ненадолго из его хватки, чувствуя, что перестаю контролировать дрожь в теле.

– Когда? Еще через десять лет? Или через пятьдесят? Боюсь, я не дождусь, и уйду на пенсию, – парень в ярости тряс меня, удерживая за предплечья. Затем, будто осознал, что причиняет мне боль, и снова прижал к своей груди, поглаживая одной рукой мой затылок.

– Макс, мне дали всего несколько часов, чтобы увидеться с тобой, но я должна буду вернуться.

– Нет.

– Меня просто выбросит назад, независимо от моего желания. Прости. Я сделаю все, чтобы быть рядом с тобой, как можно, быстрее. Я очень хочу этого! Ты мне веришь? – я с мольбой заглянула в бушующие гневом глаза, пытаюсь смягчить его ярость.

Он молчал.

– Я только не понимаю, почему сейчас еще тут. Может, это связано с тем, что на моей... у меня дома прошел месяц, а здесь четыре года...

– Где твой дом?

– Он... далеко. Я дала обещание не обсуждать этого. Ты можешь пострадать, как и человек, который рисковал, помогая мне увидеться с тобой.

– Кто это?

– Это Алекс, Макс, твой брат, но опять же это все, что я могу сказать. Прости.

– Ты нашла его, – удивленно выдохнул он.

– Скорее, он нашел меня.

Я убрала челку с его глаза и, не удержавшись, запустила руку в темные шелковистые густые волосы, окутавшие своей нежной прохладой. Он наклонил голову на бок, заключив мою ладонь в колыбель между ухом и плечом, и потерся о нее щекой.

– Я так скучала. Прости, что оставила тебя в больнице. Представляю, как ты себя чувствовал.

– Если бы я нашел тебя, ты бы долго еще не смогла сесть. Кстати, никогда не поздно... – его лукавые глаза мгновенно потемнели, но я не напугалась. Совсем, наоборот, мое дыхание участилось, стало будто жарче, а слова дались с трудом:

– Но меня заверили, что с тобой все будет хорошо, – мой голос прозвучал так хрипло, что даже пришлось откашляться.

– Кого благодарить за медвежью услугу?

– Макс, пожалуйста.

– Снова обет молчания?

Я кивнула.

– У меня есть теория относительно моей задержки тут. И, если все так, как я думаю, это хорошая новость. Давай калькулятор.

Макс протянул телефон. Я начала вводить цифры.

– Если месяц в моем мире соответствует четырем земным годам, значит, считаем один к сорока восьми. Соответственно, исходя из этого, два моих часа – это девяносто шесть на Земле. А данное утверждение, в свою очередь, означает, что я здесь на целых четыре дня. Ну почти, не считая ночи, – голос мой срывался от радостного возбуждения.

– Всего четыре дня. А что потом? – Макс выглядел подавленным, что причинило мне физическую боль, потушив всю радость открытия.

– Я придумаю, как вернуться. Обещаю.

– Ки, с тех пор, как ты обещала не оставлять меня, ты уходила уже два раза. Я не могу верить тебе.

Я обняла его и прижалась лбом к горячему лбу, ощущая знакомый, присущий исключительно ему, мужской аромат, который ни капли не изменился и все так же сводил меня с ума.

– Мне так жаль. Прости меня. Я не знаю, что делать. Все бы отдала, чтобы каждую минуту быть рядом. Я люблю тебя больше всех на свете.

– Так оставайся.

– Ты разрываешь мне сердце. Это мое единственное желание, но все очень сложно. Когда смогу, я расскажу тебе. Просто поверь мне. У меня идея, – я, нерешительно улыбаясь, взглянула в его глаза.

– Какая?

– Давай, сделаем то, что не делали никогда?

– Что? – брови Макса поползли вверх по лицу, выдавая заинтересованность своего владельца.

– Мы можем прожить эти четыре дня, как нормальная пара, не думая, что вот-вот случится нечто ужасное. Мы будем наслаждаться обществом друг друга, делать все то, ну что там делают обычно?! Можешь даже пригласить меня на свидание в кино! Как тебе?

– В целом, отлично, только с небольшой поправкой.

– Да?

– Основную часть времени я бы провел с тобой, не выходя из дома. Согласна?

Мое сердце, выбрав самого ретивого скакуна, рвануло галопом по ипподрому.

В эту ночь Макс до последнего сопротивлялся сну. Его объятия окутывали меня стальной стяжкой, вызывая во мне чувство защищенности, любви и благодарности. Я же, наоборот, не могла сомкнуть глаз. Опасалась, что проснусь в своем настоящем мире, и самый желанный образ моего любимого растает, словно последний снег весенним

теплым днем. В груди жгло опустошающее чувство, отсчитывая минуты и предвещая скорое расставание.

Я любовалась его точеным прямым носом, чуть вздернутым кверху на конце, придающим лицу совсем мальчишеский вид, полными губами, длинными пушистыми черными ресницами под четко очерченными линиями бровей, мощной челюстью, с абсолютно симметричным волевым подбородком, словно вырезанным из камня талантливым скульптором. Меня накрывали волны наслаждения, вызванные моим восхищением его великолепием, соприкосновением наших тел и осознанием принадлежности друг другу. Я могла бы вечно смотреть на него, но никогда не сумела бы удовлетворить свою потребность видеть его снова и снова.

Боже. Прошло четыре года. Если бы я не видела его все это время, наверное, умерла бы от тоски. Даже последний месяц, проведенный вдали от него, был для меня тяжелым. Почему Алекс не сказал мне про разницу в хронологии наших миров? Как такое вообще возможно!? А если бы я не смогла уговорить его помочь мне увидеться с Максом? А вдруг прошло бы еще много месяцев, прежде чем я обрела бы способности и возможность увидеть его!?

Я вздрогнула от страха при этих мыслях. Макс, будто почуяв мои переживания, прижал меня к себе крепче и что-то пробормотал сквозь сон.

И что мне делать теперь? Стоит вернуться на «родину», как у Макса нещадно полетит время. Синги живут долго, сотни лет, а вот обычные люди проводят на Земле весьма ограниченный срок. На секунду захотелось все бросить, и не уходить. Раньше мы справлялись с неприятностями в лице монстров, зато были вместе. За месяц вынужденной изоляции от Макса, я уже вспоминала наши совместные приключения с удовольствием, опуская часть про нейрофагов, конечно. Но как все закончилось?! Под невыносимой тяжестью обрушивающихся на меня катастроф я чуть не потеряла любимого навсегда. Поэтому я не должна подвергать его жизнь очередной опасности.

Надо действовать другим путем, но как?! Здесь остаться нет возможности. Даже если мои силы сейчас дремлют, они все равно появятся в самый неожиданный момент, угрожая нарушить равновесие этой планеты. Придут нейрофаги, вернется Алекс, в любом случае меня найдут. Могут пострадать люди, и Макс... И этот суд, результатом которого будет судьба Земли. Если я останусь, значит, даже не попытаюсь повлиять на исход дела.

Нужно посоветоваться с Алексом, и, если Макс согласится уйти со мной.... Люди моей расы внешне не отличаются от землян. Может быть, получится выдать его за гражданина Сварги. Хотя бы той касты, которая не являлась сингами. Но что это за жизнь будет для него?! И как я объясню все родителям?!

Будто почувствовав мои терзания, он открыл глаза, и я утонула в их потемневшей синеве. В голову, словно само собой разумеющееся, пришло осознание, что я могу различить все его черты в сумраке, а также вижу свечение вокруг него. Красная аура – страсть и любовь. Эти эмоции, абсолютно идентичные моим, он испытывал сейчас, глядя на меня.

– Не спишь, – скорее констатировал он хриплым голосом, пронзающим все мое тело волной желания и всеохватывающим нарастающим чувством любви.

– Боюсь, закрою глаза, а ты исчезнешь, – честно прошептала я.

Он печально улыбнулся и потерся носом об мой нос, чем вызвал очередной

прилив нежности.

– Как случилось со мной не единожды... – закончил Макс.

– Ты не простишь меня?

– Нет. По крайней мере, пока ты не успокоишься и не осядешь рядом со мной насовсем, – он гладил пальцами мое лицо, попеременно оставляя тепло своих рук на скулах, висках и губах.

– Очень этого хочу...

– Расскажи, где ты была... долгих четыре года.

– Я не знаю, где находится это место, но оно не на Земле, и не в ее реальностях.

– Так мы были в реальностях. Значит, ты не человек?

– Вроде человек, – я кивнула.

– Инопланетянка. Где ты спрячешь свои милые рожки и хвостик? – он шутливо провел по спине вниз.

– Сейчас, подожди, я открою тебе свое настоящее лицо. Обещай, что не сбежишь от страха, – заявила я, загадочно посматривая на него исподлобья, и стараясь сохранить серьезное выражение.

– Что, на самом деле? – слегка опешил парень, но объятий к моему удовольствию не расцепил.

– Да, к сожалению.

– Вот это поворот. Я думал, что знаю каждую клеточку твоего тела...

– Закрой глаза.

Макс недоверчиво прикрыл веки, сведя брови на переносице.

– Ты готов?

– Готов, – я точно слышала, как он напряженно сглотнул. Руки его, покоившиеся на моих лопатках, дрогнули.

– Хорошо. Открывай глаза.

Макс рьяно распахнул веки, и глаза его заметались по очертаниям моего лица в темноте. Я хохотнула, не удержавшись.

– Я ничего не вижу, – услышала я его возмущенный голос.

Ах, да, он же не видит в темноте.

Макс потянулся к ночнику и зажег свет. Удивленно окидывая меня внимательным прищуренным взглядом, он замер, видимо, обескураженный представшим зрелищем моего веселого оскала.

– Ки, я вижу только то, что вокруг тебя какой-то зеленоватый свет. Больше никаких инопланетных особенностей.

На этот раз застыла я, чувствуя себя идиоткой за неуместную глупую шутку.

– Ты уверен, что видишь зеленое свечение вокруг меня? – отчетливо спросила я, делая паузу после каждого слова.

– Да.

– Но как? Люди этого не умеют, – хотя что я знаю о людях теперь...

– А у меня оно тоже есть?

– Да.

– Что это значит?

– Это просто эмоции.

– Ты всегда их видела?

– Нет. С недавнего времени.

– И что означает зеленый?

– Я еще толком не разобралась, но, вроде дружелюбие и позитив.

– А у меня какой цвет?

– Смесь красного, оранжевого, синего.

– О чем это тебе говорит?

– Любознательность, растерянность и любовь.

– Прямо в точку. Так я для тебя раскрытая книга? – поморщился парень.

– Никогда. – уверенно сказала я. – Но как такое может быть, что ты видишь свечение?

– Может, ты заразила меня инопланетной болезнью? – усмехнулся он.

Я цокнула и в сомнении покачала головой, глядя на него с укором.

– Так как называется твой дом?

– Я обещала Алексу ничего не рассказывать. Информация может навредить кому-либо, и, в первую очередь, тебе. Я и так много болтаю, что вообще не свойственно моей расе.

– Тогда говори, что можно, – понимающе кивнул Макс. Я облегченно вздохнула, ошибочно полагая, что он смирился.

– У меня есть родители, но нет ни сестер, ни братьев.

– Хорошая новость! Хотя чем больше семья, тем лучше. Не представляю свою жизнь без Леры и...Алекса.

– Я тоже стала считать Алекса братом. Ну еще они...мы живем долго.

– Правда? Сколько? – Макс заметно оживился.

– Я не знаю точно. Несколько сотен лет.

– Ого! А, может, ты родилась, когда в некоторых местах Земли еще рисовали наскальные рисунки? – усмехнулся он.

– Возможно, – не стала я его разубеждать.

– С учетом разницы течения времени, я состарюсь, а ты будешь все такая же, как сегодня, – Макс посмотрел на меня с нежностью, отбросив шуточный тон.

Меня словно ударили хлыстом. Жар бросился мне в лицо, стало больно дышать и говорить, а в горле образовался ком. Под таким углом я еще не успела все рассмотреть. Видимо, весь ужас отразился на моем лице. Уголки губ Макса поползли вверх, а в глазах появились искорки смеха.

– Не расстраивайся. Зато у меня всегда будет молодая красивая жена. Знаешь, об этом мечтает каждый мужчина. Не бойся, я никому не расскажу, что на самом деле ты древнее египетских пирамид.

Хотя мне не понравились шутки о моей ветхости, я засчитала его попытку отвлечь меня от тяжелых мыслей, и постаралась улыбнуться, но получилось что-то нелепое, вызвавшее на лице Макса сочувственную ухмылку.

– Расскажи еще о своем мире.

– Там очень живописно и красиво, климат идеальный, и все люди вокруг просто неестественно совершенны. Ни одного изъяна человеческой внешности я не наблюдала за весь месяц. Будто Голливуд, наполненный звездами. Чувствую себя там лишней, – поморщилась я.

– Почему?

– Все слишком красивые, пугающе прекрасные, будто не обычные люди, а куклы.

– Как и ты. Знаешь, как я приятно удивился, заметив около тебя не занятое место, когда в первый раз зашел в аудиторию в твоём универе, – он погладил мой подбородок.

Я уже и забыла, как Макс все время заставлял меня краснеть.

– Вот ты там, действительно, хорошо вписался бы.

– Я готов вписаться куда угодно, только бы ты была рядом, – сказал он серьезно.

Боже, я готова была разрыдаться от радости и с трудом сдерживала слезы благодарности, грозившие залить все вокруг парадоксальным водопадом счастья, любви, сожаления, грусти, отчаяния и надежды.

– Ты бы сделал это для меня? Оставил бы Землю?

– Да. Я многое бы сделал, лишь бы не жить без тебя еще четыре года.

Три дня пронеслись так быстро, как может пролететь только самое счастливое и чудесное время. Утро четвертого дня, вечером коего я должна исчезнуть из жизни Макса еще на неопределенный срок, встретило меня всеми красками рассвета, обдавая ветерком из окна и разбрасывая мои волосы ореолом по подушке. Приятная прохлада охватила тело, вырывая из сладкой забвенной дремы, где я вела свою параллельную жизнь с моим любимым человеком. Но сегодня я могла касаться его не только во сне, но и в реальности. Как жаль, что скоро это останется лишь моим воспоминанием.

С отчаянным желанием сиюминутно почувствовать прикосновение Макса я повернулась на кровати и замерла в ужасе от обрушившегося на меня откровения, что его рядом нет. Почти физическая боль прокатилась по моему телу, отказываясь принимать факт его отсутствия. Я резко села и, оглядев комнату, успокоила себя тем, что все-таки нахожусь в квартире своего парня. Усмирив сердцебиение, я уже направлялась к двери, когда с растерянным видом влетел Макс.

– Кира, что случилось? – схватил он меня за предплечья, вопросительно заглядывая в глаза. Аура его при этом вспыхивала темно-синим цветом страха, вызванного адреналином, и решительности, готовности к бою.

– Все в порядке. Я...просто проснулась. Тебя нет. Вот шла искать. Это у тебя что случилось?

Теперь он явно расслабился, но продолжал удерживать меня руками за плечи.

– Я не знаю. Мне показалось, что тебе плохо.

– В смысле?

– Я почувствовал внезапный беспричинный испуг, будто произошло страшное. И сразу подумал о тебе.

Это интересно. Какая-то связь...

– Просто мне на миг почудилось, что я уже вернулась, не попрощавшись с тобой, – я нежно провела рукой по его щеке.

Он обнял меня, прижав головой к своему сердцу, но мой рассудок смущало произошедшее. Мозг неустанно обрабатывал информацию, сопоставляя и осознавая странную параллель наших эмоций. Сначала Макс увидел мое свечение, теперь словно почувствовал мой страх.

– Мне надо было поговорить по работе, но не хотел будить. Прости, что напугал тебя. Готов заглазить свою вину.

Его ладони скользнули вдоль моих рук и остановились на талии, обхватив ее почти полностью. Макс приблизил ко мне лицо и поцеловал в губы.

– Поэтому я приготовил самый вкусный завтрак.

– Твои завтраки я люблю почти так же сильно, как тебя, – улыбнулась я, вспомнив еду в форме рожницы, которой он однажды меня приятно удивил.

Все оставшееся отведенное нам время мы провели лежа в объятиях друг друга, разговаривая обо всем вокруг. О том, что Макс делал эти четыре года, как сложилась жизнь Дин, куда мы отправимся, когда сможем беспрепятственно быть вместе. Мы делились впечатлениями и просто молчали, фиксируя в своей памяти образы этих мгновений единения и счастья, омрачавшиеся печальным отсчетом стрелок на циферблате.

– Ты вернешься...

– Обещаю.

Глава 4

Возвращение назад прошло менее болезненно, и я сделала вывод, что снова начинаю привыкать к путешествиям в пространстве. Алекс ждал меня на том же месте, и я появилась прямо около его ног. Моросил дождь, поэтому мои руки и колени тут же испачкались в сырой земле. Он помог мне подняться, но я, чувствуя отвращение и злость, вызванные его предательством, сразу же с остервенением отбросила руки парня от себя.

– Как ты мог?! – выдала я ему в лицо, стараясь перекричать дождь.

– Что? – кажется, он был действительно растерян.

– Почему ты не сказал мне про разницу во времени?! Четыре года!!!

Алекс поджал губы, а лицо его приняло суровый вид, который у него был каждый раз, когда он обучал меня.

– Четыре года!!! И ты смеешь говорить, что ты мой друг?! – гнев сочился из меня, как пожирающий изнутри яд. И весь его я собиралась выпустить на своего, так называемого, приятеля.

– Что изменилось бы, если бы я тебе сразу сказал? Ничего! Кроме того, что ты стала бы неуправляемой, не смогла бы сдерживать своих эмоций. Как сейчас! И натворила бы глупостей, навредила бы себе и окружающим.

– Я не хочу сдерживать эмоции! Ты намеренно молчал об этом! Ненавижу тебя! Я не хочу тебя видеть! – вскричала я, тряхнув рукой в его сторону.

По подушечкам пальцев прошли иглы и, заискрившись синим пламенем, в следующий момент мелькнули ярчайшие голубые стрелы, метнувшись в сторону источника моего негодования.

Алекс, ментально сгруппировавшись, нырнул в сторону, но недостаточно быстро, поэтому синий свет зацепил его, повалив на спину в густые кусты. Оторопев на секунду от содеянного, я опомнилась и ринулась за ним, взмолившись о чуде.

– Алекс! Алекс! Ты в порядке?

Я кинулась на колени, заключив его голову в ладони, и жадно всматривалась в него, опасаясь не увидеть признаков жизни. Глаза Алекса были открыты, а сам он улыбался во весь рот. Я не помню, чтобы видела когда-нибудь прежде его искреннюю и широкую улыбку, делающую его лицо добрым и милым.

– Знаешь, в детстве мне от тебя и посильнее доставалось, – сказал он, накрыв мои руки своими ладонями.

Я расхохоталась от облегчения, что все обошлось... Или от радости, что наконец вновь почувствовала силы, которых мне так не хватало. Они являлись частью меня, и теперь начали возвращаться, даруя мне новые надежды. А, может, я смеялась от того, что на самом деле схожу с ума. Я упала на спину рядом с ним и не могла успокоиться до тех пор, пока не начал болеть живот и икота не поглотила меня в попытках остановить истерию. Дождь щедро поливал нас, не оставив ни одного сухого места на теле.

– Алекс, какой же ты засранец, – заявила я заикаясь, когда немного успокоилась.

– Может быть, но я единственный засранец, которому ты можешь здесь доверять.

– С этим не поспоришь.

– Нам пора. Надо привести тебя в порядок.

– Я тебя не простила, – возмущенно заявила я, но тут же сама поняла, что сказала

неправду. – Тебе больно?

– Ерунда. Не думай об этом.

– Тем более, что ты заслужил, – подытожила я его слова.

Он кивнул, все еще улыбаясь.

– Завтра мы не увидимся, придется пропустить занятие. Будет очередное закрытое заседание по делу Земли. Отец вроде начал мне доверять, и я смогу присутствовать в суд.

– Ты будешь держать меня в курсе?

– Да. И, Киара, скрывай свечение, – раздраженно заметил он.

– Хорошо. И Александр, – передразнила я и тут же вернула на лицо серьезное выражение. – Не скрывай от меня ничего, кроме свечения, пожалуйста.

– Постараюсь, – он отвел взгляд, подтвердив мои опасения, что есть еще нечто, сокрытое от меня, и поспешно зашагал в сторону выхода из нашего родового приусадебного парка.

Следующий день, не в силах ничего предпринять, я прожила с трудом, ощущая, как тянется каждый час, увеличивая время между мной и Максом. Одни мои сутки стоили ему сорока восьми, минуты здесь для него часы, а часы – безвозвратно пролетающие дни. Не продержавшись и половины оговоренного срока, я стала пытаться связаться с Алексом, но безуспешно. Он блокировал меня, вызвав новую волну бессильного гнева, который я собиралась вылить на него при встрече. Не выдержав напряжения, я вышла в парк и направилась к озеру. Великолепный вид не приносил мне привычного успокоения. Мысли перемешались, то и дело выдавая образ Макса. В конце концов, я просто села у воды и выплеснула все свои, неприличные для моего нового дома, эмоции в горьком плаче. Слезы катились по щекам и оплакивали мои чувства к Максиму.

Когда они высохли, стало противно от себя, бездействующей, расквашенной и жалкой. Я смотрела на свое четкое отражение в озере, ощущая необходимость предпринять какие-то действия, но не понимала, что я могу сделать в этом незнакомом мире, не принимающем меня. Вывод напрашивался один: такое состояние бесполезно, поэтому я должна успокоиться и рассуждать здраво.

Сбросив платье, я начала заходить в воду. Легкий материал не успел коснуться земли, как был подхвачен ветром и устремился к озеру. Я не сделала ни движения, чтобы предотвратить его падение, и оно опустилось у самой кромки берега, оказавшись наполовину в воде. Я медленно подняла платье и повесила на ветку. Теперь оно уже не выглядело столь блистательно, как утром. При появлении на публике этот наряд являлся предпочтительным на Сварге для девушки из благородной семьи. В основном мой шкаф состоял из платьев и костюмов с юбками, поэтому часто я носила именно это. Конечно, когда дело не касалось тренировок. Сначала гендерный подход к дресс-коду мне показался варварским, но за последний месяц я привыкла, и мне даже стало нравиться отражение в зеркале, всегда элегантно и очаровательно в искусно сшитых одеждах. Конечно, я скучала по своим джинсам и майкам, а особенно кедам, и даже периодически носила их, но старалась в это время не попадаться на глаза родителям и посторонним.

Приятная освежающая нега поднималась от щиколоток вверх по моим ногам по мере продвижения вперед. Когда влажная линия дошла до бедер, я, задержав дыхание, резко нырнула в воду, одновременно выбрасывая на несколько блаженных секунд все

негативные мысли из своего мозга. Я оставалась там, пока желание вдохнуть не стало острым и причиняющим боль, как лезвие ножа, рассекающего кожу.

Выплыв на поверхность, я набрала полную грудь воздуха, ощущая резь в районе трахеи. Я не могла надыхаться, а когда дыхание выровнялось, легла на спину, расслабилась в воде, погрузила уши под воду, перестав слышать мир снаружи, и окунулась в жизнь подводную.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Это единственные звуки, проникавшие в голову. Они помогали умиротворить тело, отпустить переживания и упорядочить мысли.

Когда я открыла глаза, вокруг было темно. Не совсем понимая, чем вызвано резкое изменение, я плавно двинулась к берегу.

– Так мы черпаем силу, – раздался надо мной знакомый голос.

– Мама? – я не знала, нарушила ли снова какие-то местные традиции, купаясь в озере, но на всякий случай извинилась и стала выбираться на сушу.

– Вода помогает нашей душе и телу быть единым целым. Мы – есть вода.

– Внутренне я всегда это знала, – улыбнулась я.

– Ты научилась скрывать свое свечение, но я все равно ощущаю, что твое единство нарушено. К сожалению, я не знаю причины...

Как же хотелось ей все рассказать, но разве она поймет? Этот мир сильно отличается от земного. А вдруг случится самое страшное, и они сделают из Макса нейрофага, чтобы он не нарушал какие-нибудь законы Вселенной. При этой мысли меня передернуло от ужаса. На такой риск я не пойду никогда.

– Просто я будто лишняя, – призналась я, не покривив душой.

– Мне очень жаль, но это только от того, что ты лишена своей личности. Возможно, еще не все потеряно, и ее вернут, – она не очень уверенно произнесла это. – Теперь ты другая, я чувствую, но всегда остаешься моей дочерью. Ты просто запуталась. Планета, на которой ты была, ввела тебя в заблуждение, но все наладится.

– Мама, я ведь отсутствовала всего две недели?

– Мы старались найти тебя как можно быстрее, – она кивнула в знак согласия.

– А ты знаешь, что на Земле для меня прошло два года? – я пытливо посмотрела ей в глаза, не забывая прикрывать свою ауру.

– Да, отец объяснил мне, что время там текло по-другому, поэтому твоя адаптация проходит тяжело. Но ты наша дочь, ты синг, ты сильная, поэтому справишься.

– Я не чувствую этого.

– Почувствуешь. А теперь мы должны идти к отцу. У него важный разговор к тебе.

Я кивнула, внутренне насторожившись, и начала натягивать на себя мокрое платье. Мама улыбнулась, подошла и приложила руку к мокрой ткани, свисавшей с моих рук. Ее пальцы засветились синими искрами, я ощутила волну тепла, и платье в моей руке стало горячим и сухим.

Воу... Я удивленно подняла на нее глаза. У мамы встроенный промышленный фен. Это действительно круто и полезно. Не то что мои способности поджигать здания, разбивать машины градом и рушить города.

– Ты тоже все это можешь, – ответила она на мой немой вопрос. – Тебе просто нужно время.

Его-то у меня и нет.

– А перемещения?

Мама кивнула.

– А куда я могу телепортироваться, не нарушая законы? – спросила я осторожно.

– В пределах нашей и содружественных Галактик в подготовленные специальные зоны, отвечающие всем требованиям, и не являющиеся частной закрытой собственностью.

– А на Землю?

Она нахмурилась и посмотрела на меня с подозрительностью.

– Нет.

Я, наконец, преодолела тремор рук и залезла в платье.

– А как мы это делаем? Есть какие-то теории? Может, учебники, способные помочь мне понять основы? Я пробовала искать через эту штуку. Там есть много всего, но по моей теме – ноль, – я указала на наручное устройство.

– Тебе еще рано погружаться в практику, учитывая твои обстоятельства. Мы ведь учимся с самого детства, а твоя личность пока не возвращена, – она вздохнула, читая разочарование на моем лице. – Но литературу такого рода ты всегда можешь найти в нашей библиотеке. Она поможет тебе...прояснить мысли. Но Александр лучше донесет, как воплотить все в реальность. Просто доверься ему.

– Тебе нравится Александр?

– Он приятный молодой человек, – кивнула она.

– А почему вы не общаетесь с его родителями? Вы ведь знакомы, – задала я каверзный вопрос.

Мама поморщилась.

– Они очень своеобразные люди. Раньше мы часто отдыхали вместе, но сейчас у отца с ними конфликт в коммерческом плане на работе. Лучше тебе поговорить об этом с папой.

Во время обильного ужина из четырех блюд за длинным столом в большом зале я хранила молчание, вежливо кивая, но особо не участвуя в светской беседе.

Внутренне я готовила себя к предстоящему разговору, о котором ранее сообщила мне мама. Отец, обычно молчаливый и занятой человек, не так много времени проводил со мной в последний месяц. При матери я часто ощущала напряжение, а уж рядом с ним, кажется, проглатывала язык. Хотя он и являлся моим ближайшим родственником, я ничего не могла сказать ни о его характере, ни о привычках и увлечениях. Я даже не понимала, как он ко мне относится. Мои земные представления о теплой дружеской атмосфере в семье не шли ни в какое сравнение с возникшими здесь отношениями. Невероятные слова Алекса о сдержанности и холодности сингов на самом деле оказались не лишены смысла. Особенных эмоций у отца я не заметила. Он уж точно относился к любому делу, как к очередному коммерческому проекту.

– Сегодня знаменательный день, Киара, – начал отец издали, сразу заставив своими словами сжаться мое сердце в нехорошем предчувствии.

После небольшой паузы, глотнув напиток из своего бокала, он продолжил.

– В связи с последними событиями, которые коснулись напрямую и тебя, ты многое узнала о моей работе. Так сказать, побывала на передовой, – он сделал паузу. – Семья твоего друга, Александра, является нашим оппонентом в суде... Исход дела по которому уже предрешен.

– Могу я узнать причину спора и в чью пользу разрешен? – выдала я, хотя мои коленки под столом отбивали «ча–ча–ча».

– К сожалению, я не могу много на этот счет распространяться, но только скажу, что мы можем заметно улучшить положение благодаря тебе.

– Что вы имеете в виду? – у меня пока не поворачивался язык, обращаться к нему на «ты». Но мне явно не понравилась его последняя фраза.

– Раньше наши семьи были близки. Вы с Александром росли вместе. И всегда подразумевалось, что вы объедините два старинных и сильных рода.

– Что? – я в ужасе вскочила из-за стола, но тут же села обратно под строгим взглядом родителя. В сердце что-то перевернулось, выворачивая и поднимая страхи на новый уровень моего внутреннего «Mortal Kombat». Только этого еще не хватало! Будто мало проблем! Надо успокоиться и говорить с ними на равных, иначе никто меня всерьез не воспримет.

– Понимаю, что тебе тяжело, твоя личность утеряна, ты ничего не помнишь... Но если бы не этот конкретный трагический факт, то ты принимала бы все как должное. Потому что всегда осознавала свой долг перед семьей.

– Ты никогда не была против. Вы с Александром друзья с самого детства, – вмешалась мама.

– Но я не хочу за него замуж! – слишком тяжело скрывать свечение, я просто в бешенстве! В бешенстве и в западне!

– Замуж? – сморщилась мама. – Отец имеет в виду, что вы составите пару.

– Мне не нужна пара! – я старалась дышать размеренно, чтобы стабилизировать чувства и эмоции.

– Дорогая, всем нужна пара! Не говори глупостей! Как тогда вообще наша раса дожила бы до сегодняшнего дня, если бы каждый рассуждал так вздорно, как ты сейчас?! – с возмущением наставительно заявила женщина.

– От рода Хорс поступило официальное предложение сделки. Предварительно мы ее приняли, – спокойно сказал отец, встал и покинул обеденный зал с таким видом, будто говорил только что об удачной продаже большой партии макарон.

За ним последовала и мать. Только я осталась сидеть за столом, уткнувшись взглядом в золотые орнаменты, украшающие дерево, и вцепившись до боли пальцами в колени. Это точно происходит в параллельной Вселенной или вовсе не со мной. Что за варварство, идти против чувств человека! Даже инопланетного!! И это в развитой цивилизации!

Где эти чувства отвергают и подавляют, тут же добавил внутренний голос.

Успокоиться я не могла, во мне все кипело от ярости и отчаяния. Пока не научилась перемещаться и управлять способностями, я бессильна что-либо сделать.

А Алекс мне за все ответит!

И речи быть не могло о том, чтобы идти спокойно спать после такой новости. Я направилась в библиотеку, надеясь отвлечься, и там наткнулась на странную огромную панель во всю стену. Не имея ни единого понятия, что с ней делать, и ни малейшего желания разобраться в очередном инопланетном девайсе, я уже хотела уйти, как заметила в стороне неприметную белую дверь в тон окружающим стенам. У нее не имелось ручки, но, когда я подошла, чтобы рассмотреть нишу, то почувствовала небольшое секундное давление в голове. Точно такое же ощущение возникало, когда со

мною связывались через крипт мама или Алекс. Видимо, я прошла некую идентификацию, потому что в следующий момент, дверь отъехала в сторону, сигнализируя, что путь свободен. Внутри находилась небольшая зала, в которой тоже была размещена панель, как в предыдущей комнате, но меньше размером. Что особенно обрадовало, так это полки с настоящими книгами. На ощупь страницы отличались от привычной на Земле бумаги, и больше походили на какой-то сплав с ней полиэтилена. Как ни странно, здесь хранились тома, касавшиеся моего рода, его история, и истории других семей. Некоторые произведения были похожи на сказания, другие на дневники и своды правил.

Не знаю, сколько времени я там провела. Информация сыпалась на меня, открывая моему разуму действительно поразительные вещи. После длительного погружения в хроники сингов, на меня снизошло понимание, почему представители моей расы так хладнокровны. Нас мало. И всегда было мало. И будет только меньше со временем. Яйцеклетка женщины-синга созревает всего раз в жизни. В семье рождаются близнецы, девочка и мальчик. Эта особенность поражала жестокой нежизнеспособностью моего вида. То есть, два человека соединяются, и, в итоге, им на смену приходят только два их ребенка. Но если с одним что-то случается, то общая численность неизменно уменьшается. Моя раса находилась в демографическом кризисе с самого своего зарождения.

Это было настолько странно, что прошло некоторое время, прежде чем я осознала шокирующую правду. Исходя из написанного, у меня должен быть брат! А где же мой брат? Или сестра Алекса? Взяв себе на заметку, выяснить эту темную историю, я продолжила изучение.

Детей воспитывают, вынуждая осознавать свой долг перед обществом и семьей. Ага, об этом упоминал Алекс. Уже с самого раннего возраста заключаются предварительные пары, чтобы все обязательно со временем выполнили свою функцию по воспроизведению потомства. Сингам невозможно составлять пары с другими расами, потому что их потомки теряют свои способности.

Это откровение, акцентирующее невыполнимость моего желания быть с Максом, расстроило меня окончательно, но и бросило вызов всем моим чувствам. Некая удовлетворенность от правильно принятого решения, не рассказывать родителям о Максе, бальзамом легла на душу. Вот, что пытался донести до меня Алекс.

Множество полезной, но и печальной, информации теперь гнездились в моей голове. Я также узнала, что действительно существует темная энергия, о которой мы рассуждали с Максом. Это все то, что нас окружает, но не имеет плотности тела. Я бы сказала, что это воздух, но не только, также пустота космоса, не занятая твердыми, жидкими или газообразными телами. Как ни странно, в том числе и ее черпает наше тело, вырабатывая новый вид энергии, доступный сингам – последней ступени эволюции живых организмов, известной на сегодняшний момент. Синги в свою очередь делятся на людей с разной степенью и количеством возможностей. Вот, например, мой род, оказалось, один из самых сильных и могущественных. В душе шевельнулась горечь. Я сильно подведу свою семью, потому что не собираюсь жить по законам сингов! Да я вообще не ощущаю себя сингом!

Я до утра просидела, выискивая и листая литературу на тему тайн освоения семейного дара, пока не уснула прямо там, на полу между полками.

Разбудил меня назойливый звук, беспрестанно сигналивший, отдаваясь унылыми трелями в голове. Жесткий пол сделал свое дело, и все тело ломило. Будильник совсем потерял страх.

Подождите, какой будильник?.. Я в библиотеке. Трезвонило прямо в мозге, вызывая ощущение рези и щекотки в лобной доле. Это местное средство связи. И мне звонил Алекс. Вот ведь наглости хватает!

– Да? – ответила я, сдерживаясь, чтобы не высказать все сразу, и собираясь с мыслями, как это сделать наиболее жестко.

– Почему ты опаздываешь на занятие?

Я просто задохнулась от нахлынувших чувств.

– Вчера отец поведал мне странные вещи! Какого черта происходит?!

– Приходи. Надо поговорить, – выдержав паузу, сказал он твердым тоном, в котором не обнаружилось ни капли сожаления, а затем отключился.

– Мне определенно не нравится этот мир.

Я, наверное, никогда так быстро не собиралась. Уже через час я находилась в назначенном месте и метала молнии. Правда, пока только мысленные, но я уже ощущала напряженное онемение и покалывание в пальцах.

– Александр! Что происходит?! Какая пара?! Какое замужество?!

Расслабленная скучающая поза и равнодушное спокойное выражение лица, с которыми он меня встретил, приблизило состояние моего психологического аффекта к апофеозу.

– Киара, я надеялся, что тебе вернут личность, и не придется все объяснять. Потому что знаю о твоих чувствах к Макс. Если бы ты все помнила, это не было бы для тебя такой трагедией. Ты осознала бы всю абсурдность надежд на спокойную жизнь с ним где-нибудь в живописном месте на Земле. Нам запрещено брать в пару человека другой расы.

– Спасибо за своевременную информацию! Только мне все равно! Я думала, ты мой друг! Да что с тобой вообще такое?! Макс – твой брат! Ты сам сказал, что он для тебя значит больше, чем родители. Как ты можешь так с нами поступить?

– Земля проиграла, – внезапно выдал он, прервав мой поток обвинений.

– Что? – я не поняла, какую смысловую нагрузку несут его слова.

– Суд законодательно признал Извлечение. Земля обречена.

Мои ноги перестали удерживать тело в вертикальном положении, и я осела вниз, в траву, которая прикрыла меня от всего парка и остального безжалостного проклятого мира. Голова так сильно закружилась, что я тут же завалилась на спину, и теперь передо мной было только безбрежное голубое небо, переправляющее по нежной синеве из стороны в сторону безмятежные челноки – облака. Тем страшнее прозвучала новость на фоне окружающего спокойствия и благоденствия.

Иррациональность его заявления резала мое сердце на мелкие кусочки, заставляя меня умирать или, по крайней мере, желать немедленной смерти, облегчающей ментальные терзания души.

Алекс сел рядом, накрыв мою дрожащую руку своей ладонью. Все тело было внезапно охвачено лихорадкой, вибрируя в унисон стучащим друг о друга зубам.

– У меня есть идея, как это остановить, – сказал он тихим голосом, сжимая мои пальцы.

Я перевела на него взгляд, цепляясь за каждое его слово, словно психически больная за остатки разума.

– Как?

– Тебе не понравится.

– Мне последнее время почти все не нравится... Но, если есть шанс, я схвачусь за любую возможность, – я села, и мы оказались лицом друг к другу. Озноб уменьшился, возвращая системы организма в норму.

– Отец передает мне сейчас часть дел, но этот проект он из рук так просто не выпустит. Если только... не предоставить ему равноценной выгоды. Например, объединения наших семей. Слияния всех владений. Ты можешь потребовать от моей семьи отсрочку для Земли в условиях договора. Далее я позабочусь, чтобы Извлечение не состоялось. Твой отец просто продолжит исследования, а планета будет жить дальше, не подозревая о нависшей угрозе.

– А будут ли в безопасности остальные планеты Солнечной системы? А Солнце? Это разве не основная их цель? В нем самая большая концентрация энергии! И оно необходимо для существования Земли!

– Эту звезду компания не тронет. Солнце – актив, который никто не подумает извлекать, когда он может в будущем принести неограниченное количество выгоды. Я прослежу, чтобы осталось все необходимое для жизнедеятельности этой планеты, как только войду в Совет компании, ты же знаешь.

– А ты успеешь?

– Должен.

– С какой стати твой отец откажется от Земли ради меня?

– Понимаешь, после того, как случились разногласия, начался суд, вопрос об объединении наших семей был забыт на неопределенное время. Когда я заметил отцу, что, несмотря на его юридическую борьбу, положительно к тебе отношусь, и даже готов принять обязательства, он поддержал меня. Отец всегда имел целью объединение именно с твоей семьей. Я упомянул, что тебе импонирует планета Земля, и ты, возможно, согласишься, если мы предложим сделку. Думаю, это будет выгодно и для твоего отца, тем более если мой откажется от иска.

Я ошарашенно смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова.

– Я уже говорил, тут живут, руководствуясь логикой, и думают на опережение, а не чувствами, как ты. Ты – сбой в нашей системе, – усмехнулся он, но тут же принял серьезный вид. – Отец сделает это, потому что все достанется его наследникам. Нашим наследникам.

– Неужели тебя не заботит то, что я люблю и всегда буду любить только его, – я опустила глаза, понимая, насколько по-детски прозвучал мой последний из аргументов.

– Меня заботит Земля...и заботишь ты, – последнего я совсем не ожидала от человека, который все время отчитывает меня за проявленные эмоции и неконтролируемое свечение, поэтому сейчас же пронзила его изумленным взглядом.

– Подумай об этом, но помни, времени совсем нет. Ты должна дать ответ и поставить свои условия завтра. Потом будет поздно. А теперь вставай, мы начнем тренировку.

Пожалуй, это помогло бы мне немного прийти в себя. В голове вертелись мысли, стараясь выработать путь к бегству из сложившейся ситуации, но выход был только

один. Тот, который предложил Александр Хорс.

Алекс кидал в меня свои огненные шарики, перед которыми я только и успевала ставить озоновую защиту(это словечко я вычитала в родовых книгах) или уворачиваться, группируясь. Потом он окончательно разозлил меня, и пришла ярость. Как будто и так было мало! Возможно, огромную роль сыграли размышления, беспрестанно прокручивающиеся в моей голове, но я сама не поняла, как начала отправлять в сторону своего оппонента синие микромолнии, вырывающиеся из моих рук. Те, что попадали прямо к нему, он спокойно блокировал световыми вспышками. А те, что летели мимо, натыкались на установленные вокруг нас, невидимые глазу, стены, растворяясь в них или поглощаясь ими.

Улыбка парня росла пропорционально тому, как исчерпывались мои силы и распалось бешенство. И тем больше мне хотелось стереть ее с самодовольного лица братишки Макса.

– Алекс, где твоя сестра? – зло крикнула я, напрямую касаясь темы, волновавшей меня с недавнего времени. Одновременно я старалась представить, как уплотняется воздух и несется по направлению к партнеру по спаррингу, чтобы ударить его в грудь на манер взрывной волны. К моему удивлению, у меня получилось, а мой каверзный вопрос застал Алекса врасплох. Он пропустил маневр и, несколько раз провернувшись в свободном полете, рухнул в высокую траву.

Теперь, зная, что синги довольно крепкие особи, я неспешными шагами подошла к нему и спросила, подражая его поведению в предыдущих наших тренировочных боях:

– Ты в порядке?

– Да. Рад, что энергия начала лучше поддаваться материализации.

– Извини. Это было низко и получилось благодаря все той же нестабильности эмоций. Но меня на самом деле интересует этот вопрос. Я изучила некоторую информацию, и узнала, что синги рождаются по двое. Значит, у меня должен быть брат. Я бы спросила у родителей, но боюсь лишний раз открывать рот. Да и со своей сестрой ты не спешишь меня знакомить.

– Ее звали Алексия, а твоего брата Киан. Они погибли в один день. Около двух лет назад произошел несчастный случай в лабораториях, – голос его был ровный, но я чувствовала, в какой-то момент он дрогнул, выдавая печаль.

Я не помнила брата, но в душе все же ощутила болезненно щемящую поскребывающую боль потери. Я подозревала, что неспроста никто не говорил мне о нем, но надеялась, все окажется не настолько трагично. Но что еще могло случиться, если он ни разу не появился с момента моего прибытия.

– Что произошло?

– Взрыв в одной из резиденций лаборатории компании, спровоцированный неопознанным потоком энергии. Погибли многие, расследование до сих пор не завершено. Имелись подозреваемые в этом деле, сотрудники корпорации, но они исчезли вместе со своими семьями, не оставив и следа. За все прошедшее время нейрофаги не поймали ни одного из них. Возможно, они ни в чем не виноваты, но вряд ли смогли бы доказать свою невиновность. И факты, что люди одновременно пропали, и их крипты перестали работать в один момент, являются косвенными доказательствами, что они все-таки причастны к диверсии.

– И Киан, и Алексия были сотрудниками научной лаборатории? Учеными?

– Если ты имеешь в виду термин, принятый на Земле, то здесь есть некая тонкость. Все синги с детства получают разностороннее образование и являются, своего рода, учеными с земной точки зрения. Каждый находит свою область со временем и закрепляется за ней, разрабатывая новые научные теории, применяя их на практике и улучшая разные сферы жизни. Алексия была еще очень молода и не выбрала четкий предмет изучения, но всегда следовала по пятам твоего брата. Я подозревал, что она была к нему действительно равнодушна, и только надеялся, как бы у нее хватило сил, не выставляя напоказ свои чувства. О конкретных разработках ей было еще рано думать в пятнадцать лет. Ты напоминаешь мне ее. Она была тоже немного эмоциональна.

– Подожди, но ведь вы же с ней близнецы! Не понимаю... Значит, тебе сейчас должно быть семнадцать!

Он смутился.

– Ну да. Семнадцать, но только я шесть лет провел на Земле, и организм адаптировался под ее условия. Поэтому мой биологический возраст сейчас – двадцать три года.

– Сколько же мне лет? – наконец догадалась я спросить то, о чем должна была узнать уже давно.

– До того, как ты попала на Землю, тебе было двадцать. Ну а теперь считается, что двадцать два.

Я уже думала, что сегодня меня ничего не шокирует, но утром встать восемнадцатилетней, а вечером ложиться двадцатидвухлетней – это просто фантастика! Нет, вернее, это чертовщина какая-то!

– Значит, я старше тебя на пять лет...

– Нет, это я теперь старше тебя.

– Боже, какой ужас. Еще утром казалось, что мне восемнадцать.

– Не делай из этого трагедию. Мы живем довольно долго и практически не стареем. Через десять-двадцать лет такая несущественная разница стирается из памяти.

Он неожиданно по-мальчишески улыбнулся.

– Что? – удивилась я внезапной смене его настроения.

– Ты всегда норовила поддеть меня по поводу своего старшинства.

– Для меня все это действительно очень странно, – я пожала плечами с неуверенной улыбкой.

– Ты привыкнешь, – опять его любимая фраза.

– А какую отрасль науки выбрала я?

– Космология.

– Поразительно. Учítывая, что я вообще об этом ничего не знаю.

– Ты была одержима ею. Сейчас ты совсем другая.

– Да, про космос придется забыть. Теперь моя стезя – вечные поиски себя. А ты в какой области?

– Я? В скучнейшей, не то что исследование космических прерий. Политология.

– О... действительно, сплошное веселье, – я понимающе кивнула.

– Выбора у меня не было. Будущим членам совета корпорации особо не из чего выбирать. Киан тоже шел в этом направлении. Ну на самом деле у меня есть еще одно увлечение. Не догадываешься, какое?

– Ни малейшего понятия.

– Я так же занимаюсь квантовой физикой. Поэтому и помогаю тебе обуздать сингулярность. И именно благодаря этому твои родители так быстро согласились, чтобы я обучал тебя, – на лице его застыла самоуверенная ухмылка.

– К сожалению, не могу связать два этих суждения, – сухо заметила я.

– Я понимаю, как происходят эти процессы. Как запустить их. При условии, что ты синг.

– Уже не знаю, кто я. Итак, ... Политика и физика. Удивительно. Ты сможешь мне еще кое с чем?

Парень только вздохнул, почувствовав неладное.

– Алекс, я должна увидеться с Максом и все ему рассказать. Я хочу попроситься с ним. Он заслуживает знать правду.

– Хорошо. Но я пойду с тобой, – снова удивил он меня.

Глава 5

Той же ночью мы уже находились на Земле. Под четким руководством Алекса, я переместилась практически сама. Я мастерски справилась с задачей, потому что надо было сконцентрироваться на образе человека, к которому ты хочешь перенестись. Переживая в голове яркое событие, связанное с ним, я протянула нить к Солнечной Системе, к планете Земля и еще более детализированным координатам местонахождения. Здесь помог Алекс.

Оказались мы в том же коридоре жилого комплекса, где я нашла Макса в прошлый раз. Перед его дверью мы замерли в молчании, объединенные гнетом и тяжестью предстоящего разговора. В груди нарастало предчувствие катастрофы. Затем Алекс все-таки постучал, и через несколько секунд Макс уже сжимал брата в крепком объятии.

– Алекс! Рад, что ты в порядке! Где ты был все это время, брат?

Хотя я не могла оторвать жадного взгляда от Макса, периферическим зрением отметила, что на секунду на лице эмоционально уравновешенного синга мелькнула радостная ухмылка. Но он ее тут же подавил, так же как и свое свечение, которое пробило брешь в его броне в первый раз с момента нашего знакомства. У меня на душе кошки заскребли от жалости. Когда Макс узнает, почему мы здесь, они уже не смогут так искренне друг другу улыбаться.

– Для твоей безопасности лучше не знать. Я тоже рад, – ответил Алекс.

– Ты всегда казался не от мира сего. Но я не думал, что настолько... – мужчины закрепили встречу крепким рукопожатием.

Затем любимый человек шагнул ко мне и, обхватив мое лицо ладонями, соединил наши губы в долгом нежном поцелуе. Тело моментально ответило на его ласку, прильнув к родному обжигающему торсу и посылая импульсы жара через всю мою сущность. Как глоток свежего воздуха после долгого погружения, рядом с ним меня накрыло успокоение, плавно варьирующее между наслаждением и душевным равновесием.

«Я так люблю тебя», это была единственная мысль, которая бесконечно крутилась у меня в голове, отдаваясь многократным чувственным эхом.

«Я тоже люблю тебя», отчетливо услышала я голос Макса. Его удивленные и смеющиеся синие глаза смотрели на меня сверху вниз, но, могу поклясться, что рот он не открывал. Как это возможно?! Я была так поражена, что не заметила, как в шоке вцепилась в его руки, впиваясь ногтями в кожу. Осознав это, я поспешно ослабила хватку, расстраиваясь, что причинила ему боль.

«Макс, ты что, меня слышишь?», – послала я мысль, не отрывая от него испуганного взгляда.

«Если я не сошел с ума, то слышу».

«Никому не говори», – не знаю почему я так решила, но почувствовала необходимость сохранить это в тайне.

«Что происходит?»

«Прости меня за все, что сейчас узнаешь. У меня нет выбора. Помни, я люблю тебя».

«О чем ты?» – брови он свел вместе, и его лицо помрачнело.

Раздалось сигнализирующее оторваться друг от друга покашливание Алекса, который в затянувшемся молчании наблюдал за нами с явным интересом.

– Максим, мы здесь по настоянию Киары, хотя я считаю, что ее план, во все тебя посвятить, опрометчив. Это разглашение информации, которую здесь никто не должен знать.

– Да что происходит? – кажется, он уже начинал злиться.

– Алекс, можно я сама все скажу?..

– Конечно, – тот будто почувствовал некоторое облегчение.

– А ты не мог бы прогуляться? – я послала Алексу самую милую улыбку, которая у меня имелась в арсенале. Он был уже не так доволен, но скромно кивнул и исчез из квартиры.

– Вы все-таки знакомы?

– Да, мы с одной планеты, выходцы одной цивилизации и мы одной расы, к сожалению, – я опустила голову.

– Это я уже и так понял. Что ты имеешь ввиду, упоминая о сожалении?

Я не знала, как говорить и что говорить, чтобы не ранить его.

– Я не совсем человек, ты знаешь... Я отношусь к расе сингов... – как же тяжело это все говорить. – Синги – люди с определенными способностями, передающимися из поколения в поколение.

– Со способностями, да...

– Они существуют очень давно и рьяно охраняют чистоту крови. С самого детства их воспитывают с огромным чувством долга перед семьей и обществом. Поэтому еще в раннем возрасте им определяют пару.

– Пару?

– Заключают предварительные сделки между семьями детей, равными по силе и власти. Когда они становятся старше, то образуют пару.

– Зачем ты это рассказываешь? – он сузил глаза.

– Макс, я тоже синг. И мне также была определена пара с самого детства.

– И?

– Я не помню себя настоящую. И мне по сути не так важно это чувство долга перед семьей. Но все равно... у меня нет возможности отказать.

– Что за бред?! Ты что, пытаешься мне сказать, что решила выйти замуж?!!

– Это не совсем так, но... - я закрыла глаза, страшись его разъяренного взгляда, в котором ярость перемешалась с разочарованием и печалью, и кивнула.

– Нет выхода?! У вас точно развитая цивилизация? Потому что больше похоже на средневековье!

– Множество раз у меня возникало подобное возмущение, но это так, – все мои оправдания сейчас казались жалкими.

– Просто забудь все и останься со мной.

– Я так этого хочу, ты даже не представляешь! – я подошла к нему ближе и взяла его за руки, прижала их к своему сердцу, которое выскакивало из грудной клетки, сопротивляясь ужасу происходящего.

– Ну так сделай! – он резко вырвал руки, и в следующий момент схватил меня за плечи и встряхнул, будто пытаюсь выбросить вздорные мысли из моей головы. Затем с силой прижал к груди. Его дыхание шевелило мои волосы, а ритм сердца отбивал

последние секунды единения с любимым. Позже он возненавидит меня, и путь к нему будет закрыт навсегда. Я посмотрела в его потемневшие глаза, провела пальцами по волосам, убирая челку со лба и впитывая ощущение прикосновения к нему. Как же хотелось замолчать и оттянуть расставание.

– Я должна, и дело тут гораздо серьезнее, чем требования семьи. У меня есть возможность предотвратить катастрофу, грозящую Земле.

– Но ты моя.

– Знаю. И всегда буду. Я люблю только тебя.

– Мы придумаем другой выход, чтобы все исправить.

– Прости. Я пришла попроситься, чтобы ты знал, я не просто исчезла, нарушив все свои обещания. Я... я не хочу, чтобы ты продолжал ждать меня, напрасно растрчивая свою жизнь, – мне было тяжело отпускать его, а на уме вертелась тысяча отговорок, но я не могла с ним так поступить. Я хотела, чтобы он был счастлив. И если сейчас я сделала его несчастным, то в будущем, я надеялась, он начнет новую жизнь.

– Я не согласен. Ты останешься здесь со мной.

– Ты что не слышишь?! Дело не во мне и не в тебе! Здесь все серьезнее! Земля может пострадать! Ничего нельзя сделать, только подчиниться. Меня все равно найдут нейрофаги! А если бы и не нашли, в любом случае все бессмысленно, потому что синги уничтожат Землю, – я начинала злиться на себя, на него и на весь мир.

По его расширенным от удивления глазам, я поняла, что он шокирован. Я до последнего не хотела описывать масштабы нависшей над планетой угрозы, но Макс должен знать, ради какой цели я оставляю его.

– Я не понимаю, они уничтожат Землю, если ты не выйдешь замуж? У тебя солнечный удар.

– Да. То есть, нет. Я тут ни при чем. Это было их целью изначально. Косвенно, я могу этому помешать, если создам пару, – я всячески старалась избежать подробного изложения проблемы. Никто не заслуживает вот так внезапно узнать, что его мир существует лишь благодаря негуманному эксперименту, направленному на получение прибыли.

– Какая ты благородная, – саркастично сказал он, отталкивая меня. Гнев сочился из каждого слова, наполняя мое сердце болью. Макс неровно дышал, кулаки его были сжаты, и мне показалось в какой-то момент, что он хочет меня ударить.

– Прости, – я опустила взгляд вниз, не в силах смотреть в его полные ярости и обиды ледяные глаза.

Появился Алекс, будто ему было ведомо, что все необходимое уже сказано. Он положил руку на плечо Макса успокаивающим жестом. Надеюсь, он хоть немного облегчил его чувства, как сделал это при нашей первой встрече тогда в больнице.

– Не волнуйся. Я буду заботиться о ней, – сказал он.

На секунду выражение лица Макса, действительно, смягчилось, но тут же мгновенное понимание ситуации промелькнуло в глазах парня, моментально приводя того в бешенство. И внезапно он опрокинул брата, впечатывая кулак в его лицо. Алекс пошатнулся.

– Макс! Нет! – завопила я, напугавшись, что Алекс может навредить ему.

– Как ты мог?! – взревел Макс, заноса руку для следующего удара. Его аура плотного серого цвета изобиловала черными всплесками агрессии.

– Отойди, Киара. Пусть выпустит пар, – спокойно бросил Алекс.

– Макс, пожалуйста! Алекс здесь ни при чем! У него нет выбора так же, как и у меня!

Он абсолютно проигнорировал мои слова и снова двинулся на брата, который отбивал его атаки, стараясь свести их к минимуму, даже не пытаясь нападать в отместку. У обоих были сосредоточенные лица, сведенные брови и сжатые губы, что усиливало их схожесть. Будто названных братьев действительно связывало биологическое родство.

«Что ты делаешь, Макс? Он может навредить тебе. Не делай этого!», – попыталась я воззвать к нему мысленно.

Его брови дрогнули, и на миг мне показалось, что сейчас все прекратится. Но затем он с неестественной быстротой и мощью толкнул Алекса, заставив того перелететь через гостиную и врезаться в стеллаж, ломая его в щепки и опрокидывая все кругом.

Мое удивление его фантастической для человека силой было настолько масштабным, что я забыла про Алекса, про все окружающее. Я стояла, замерев, и смотрела на гордый, четко очерченный, профиль парня, которого, думала, что знаю.

– Сюрприз, дорогая, – сказал Макс, не поворачиваясь в мою сторону и оглядывая брата с холодной усмешкой.

– Макс...

– Вам лучше уйти, – перебил он, голос его был спокойный и ровный.

Алекс, уже стоявший на ногах, хмуро и подозрительно поглядывал на брата, а затем двинулся в мою сторону, кивая мне.

«Макс», – я из последних сил старалась поймать его взгляд, но у меня ничего не выходило. Слезы, оплакивающие его боль, мои душевные муки, эфемерные моменты хрупкого счастья, пережитого нами, наше иллюзорное будущее вместе, беззвучно заливали мое лицо. Не так я хотела попрощаться, но что еще я могла ожидать, привнося в его жизнь только боль, неприятности и разочарования...

«Пожалуйста, прости. Я так сильно люблю тебя», – послала я ему заключительную мысль за секунду до того, как рука Алекса опустилась мне на плечо, и он направил нас, прокладывая дорогу в мой теперь уже единственный дом.

– Тебе надо успокоиться, – сказал Александр, как только мы оказались во мраке ночи родового парка Стратимов. – Мне жаль, – добавил он тут же.

Водопад, обретающий начало в моих слезных железах продолжал орошать меня своими неиссякаемыми водами, пытаюсь смыть отчаяние, но безуспешно.

– Киара, Земля будет жить благодаря тебе, Макс будет жить. Разве этого мало?

Я кивнула, соглашаясь с ним.

– Он даже не посмотрел на меня...

– Максим смирится.

– А я не смогу жить, зная, что он ненавидит меня.

– Он просто обозлен, но со временем поймет, что так было необходимо.

– Мне надо было пойти одной.

Что-то большое и всепожирающее грызло мою душу, и, самое ужасное, я хотела, чтобы оно поскорее покончило со мной, отправив меня куда-нибудь в небытие, где я не буду ничего чувствовать.

– Может быть, но дело сделано. Меня волнует, почему он так силен. Никогда не замечал за ним этого раньше. Насколько я знаю, земляне вообще не обладают

подобного рода физической силой.

– Да, это странно.

– Лучше бы это выяснить.

– Не думаю, что он настроен разговаривать с кем-то из нас.

– Время покажет. Он остынет. К тому же во времени мы имеем преимущество.

При упоминании о разноплановости хронологических рамок наших миров я подумала, а вдруг за тот период, что мы здесь разговариваем, Максу стало уже легче, и боль от обиды, которую я ему причинила, пошла на убыль. Это немного уредило мои терзания и осушило слезы.

– Завтра ты должна быть спокойна и беспристрастна, как истинный потомок своего рода. К вечеру все закончится, Земля будет спасена. Все будут в безопасности.

– Хорошо, – я развернулась и устало побрела в сторону дома. Он возвышался огромным замком, почти закрывая собой живописную гору, которая каждое утро приветствовала меня своим величавым видом в окне спальни.

Всю оставшуюся ночь я ворочалась в постели, прокручивая в голове каждый счастливый момент, проведенный с Максом. Особенности первые встречи, которые сопровождались постоянным чувством смущения. Воспоминания даже сейчас вызывали улыбку на моем зареванном лице. Первые касания, нежные поцелуи, переходящие в страстные объятия, первые важные слова, признания. И внезапно все это перечеркивалось его ледяным взглядом, заставляя сердце бешено колотиться, тело дрожать в панике, а слезы пробивать намеченный маршрут по уже проторенным руслам.

Как же было бы легче, если я могла бы отключить все чувства, сфокусироваться на решении основной проблемы. Жить дальше и не испытывать эмоции, доводящие меня до пароксизма.

Как живут все синги, внезапно пришло осознание в мою измученную стенаниями голову. Я – синг. Значит, теоретически, я могу побороть себя и сделать это. Вот и Алекс говорил, что в обучении управлению энергиями мне мешает моя нестабильность.

В мыслях, разрывающих душу, словно стая дерущихся гиен, не поделивших долгожданную добычу, я уснула, чтобы через несколько часов открыть глаза навстречу дню, который сулил необратимые перемены для очень многих людей.

За завтраком родители всячески поощряли меня, выказывая одобрение моему решению. Можно подумать, меня кто-то спрашивал. Отец уж точно не похож на человека, который понял бы мои обстоятельства, простил и отпустил на четыре стороны в объятия землянина. Хотя теперь даже это не поможет нам примириться.

Мысли о Максе я заперла за самой надежной дверью на огромный амбарный замок, зная, насколько дезориентирующие, лишаящие сил и рассудка, они для меня были в этой тупиковой и безрадостной ситуации. Я запретила себе думать о нем, так как мое бесконтрольное свечение вызвало бы нескончаемый поток вопросов у окружающих.

Скорее хотелось оказаться подальше от этих чуждых мне людей, являвшихся родными по крови, но абсолютно инородными по чувствам. Я хотела увидеть Алекса, потому что в логове эмоциональных роботов он был моим единственным другом, а мне требовалась настоящая поддержка. Алекс тоже синг, но я ощущала, что этот человек чуточку более экспансивный, чем все остальные вместе взятые. Хотя он никогда не признался бы в этом, но я видела в его глазах теплоту, а в его действиях дружескую привязанность. А если вспомнить момент встречи с братом...

Макс объединял нас даже при том, что мы оказались в безвыходном и очень печальном положении. Тем больнее было Максиму, который отнесся ко всему, как к заговору и предательству двух людей, которых любил. К сожалению, именно так для него все и выглядело. Я тут же остановила себя, находясь в опасной близости от нового приступа истерики.

– Рад, что Хорсы приняли положительное решение по вопросу Эрго системы. Солнечной системы, – уточнил отец, кивая на мой вопросительный взгляд.

– Я тоже, – я позволила улыбке скользнуть по лицу, не затрагивая глаз. Новость о Земле – единственный согревающий лучик солнца, надежды, во всей этой истории.

– Уже долгое время относительно нее идет наше судебное противостояние, – продолжил отец. – Мы достигли всех изначально ожидаемых результатов исследований, и, действительно, пришло намеченное в договоре время для Извлечения, но такой исход должен быть продиктован только в случае ее несостоятельности. Хорсы, к сожалению, считают именно так, но теперь у нас есть время доказать им, что они ошибаются. – Я сидела, опасаясь упустить даже толику из его неожиданного откровения.

– Ты понимаешь, что за пределы семьи эта информация выходить не может?

– Да, конечно.

– Тернус вводит Александра в курс всех дел, и он скоро займет место в совете. То, что его сын на нашей стороне в этом вопросе, играет нам на руку. После процедуры слияния вы станете одним целым, и ты узнаешь всю информацию, которой владеет он.

Я не понимала, к чему отец клонит. Наверное, принято, что между местными супругами нет секретов, но он не знает, что мы с Алексом станем нетипичной парой. Я его бесспорно уважаю, но мы никогда не будем настолько близки. В общем, я решила, что родителям это знать не обязательно, и просто кивала, впитывая материал и пытаюсь уловить больше сведений.

– Ты удивила меня. Поступила благородно, вытребовав время для Земли. Твоя просьба по поводу нее – хитрый ход и неожиданный. Эрго вызывает у тебя интерес, потому что ты побывала там?

Я сказала честно:

– Да.

– Твои действия дали возможность продолжать крайне важные исследования. Ты доказала свою преданность семье и делу, которому мы служим. Я предлагаю тебе должность в нашей компании. Работа связана с Землей, – он многозначительно посмотрел на меня, выдержав паузу. – Это, конечно, довольно далеко от космологии, но все твои знания и навыки исчезли вместе с личностью.

Я сидела, не в силах поверить в только что услышанное, и старательно сдерживала свечение, бурлящее от шока и радости.

– Будешь заниматься под моим руководством в одном из отделов «Эрго» нашей корпорации. Ты согласна?

– Да, – на удивление спокойно сказала я, хотя во мне все гудело и шумело не меньше, чем на заполненном футбольными фанатами стадионе во время решающего броска.

В столовую чинно вошел Кенек, исполняющий в доме роль привратника, и, остановившись около отца, произнес, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Пришел доминус Александр из рода Хорс. Просит разрешения для аудиенции с

доминэ Киарой.

Через несколько минут мы уже шли к нашему любимому месту в родовом парке, более-менее спрятанному от вездесущих глаз и ушей.

– Что случилось? – настороженно спросила я, как только мы отошли на приличное расстояние. – Что-то с Максом?

– Нет, – он явно мялся, и мне показалось, что от его обычного самоуверенного поведения не осталось и следа. – Я хотел удостовериться, что ты все знаешь о процедуре образования пары. Я подумал, ты ведь можешь считать, что это то же самое, что и на Земле.

Нехорошее предчувствие начало заполнять меня, расширяясь и расплываясь по груди отравляющим страхом.

– Ну да. Так я и думаю... Что ты имеешь в виду? – спросила я шепотом.

– Тебе рассказывали родители или, может, ты изучила, как происходит слияние сознаний?

Ну вот, опять это пугающее слово «слияние».

– Слияние – это метафора? – попыталась я схватиться за последний шанс выплыть из болота, в котором безнадежно утопала.

Алекс поморщился и потер виски, заставляя меня нервничать еще больше.

– Нет. Это объединение сознаний пары, интеграция генокода, духовное сращивание.

– Я...я не понимаю, Алекс. Ни черта!.. И ты меня сейчас действительно пугаешь! – вопреки моим словам это был крик отчаяния. Я не хотела знать детали, потому что произнесенное ранее уже звучало, как приговор моей жизни, моей свободе, моей любви к Макс, вообще мне, как личности, которой я стала за эти два года.

– Мы объединимся и станем одним целым организмом, просто размещенным в двух разных телах, – он не поднимал на меня глаз.

– ЧТОО? Нет! Я хочу остаться одна в своем теле! И сознание мне нужно одно! Мое! Так я не хочу! – меня просто колотило от ужаса.

Он снова поморщился. Неподалеку прошел незнакомый человек. Алекс резко сел, утягивая меня за собой и размещая на расстоянии вытянутой руки.

– Так я и думал. Вряд ли ты интересовалась этой информацией в сети. И я не догадался все рассказать тебе раньше, – теперь от его привычного равнодушного спокойствия уж точно ничего не осталось.

– Боже... – я чувствовала, как искривилось мое лицо против воли. Во мне все кипело. – Это еще большее предательство по отношению к Макс, чем я думала. Можно как-то по-другому все устроить, без слияний? – не унималась я.

– Нет. Так принято, без вариантов. Объединяясь в пары, мы разделяем все: знания, силы и...чувства.

– Ну чувств у вас нет, чтоб их делить! – зло заявила я.

– Это не так... – сказал парень. Он выглядел на самом деле задетым. – Просто мы не выставляем их напоказ, как земляне, не бросаемся ими налево и направо, и руководствуемся логикой, а не эмоциями во всех делах! Ты не понимаешь! Мы с детства знаем, кто будет нашей парой, и учимся уважать, любить и принимать человека, с которым будем впоследствии объединены! Все это не вызывало бы у тебя удивления, если бы твоя личность не была потеряна! – и тут я увидела его ауру, она сверкала

красным цветом. Это могло означать только одно...

– Алекс, что это? – тыкнула я в него пальцем, не веря своим глазам. – Твое свечение...

Мгновенное осознание его истинных чувств, которые он так мастерски скрывал, поразило меня. Неужели Алекс все это время относился ко мне не только по-дружески?!

– Да, Киара. Когда погибли Алексия и Киан, это была огромная трагедия для всех. Мы остались единственной надеждой на объединение наших семей и сохранения сил обеих родовых линий. Но меня и не надо было принуждать. Я всегда восхищался тобой и хотел, чтобы мы были вместе. И ты, в конце концов, ответила бы мне взаимностью. Да, ты не упускала шанса задеть меня по причине разницы в возрасте, но все мы понимали, что со временем грань сотрется. Мне жаль, что не смог защитить тебя от похищения. Теперь ты не помнишь всего, что было между нами.

Я ошарашенно смотрела на него.

– Почему ты не сказал мне раньше?

– Какой в этом смысл? Твои чувства к Максусу... Я думал, ты забудешь его, и это пройдет, но ... я все видел, и все понял, когда помогал тебе отправиться к нему.

– Что понял?

– Ты уже не тот человек. Ты действительно сильно любишь его. И мне неприятна мысль, что я лишаю вас шанса. Я просто не знаю, как уйти в сторону и при этом не дать Земле погибнуть. Мне жаль, что загоняю тебя в угол.

– Алекс... – слезы потекли по моим щекам.

– Если мы объединимся, назад возврат заказан. Мы будем вместе, единым неразделимым целым. Ты должна знать это. Решайся, и обещаю, я сделаю все, чтобы ты была счастлива и забыла Макса.

– Этого никогда не случится. Может, со временем и станет легче, но он всегда будет всей моей жизнью. Прости.

– Тебе не за что извиняться.

– Но, я думаю, не станет легче никогда, – сердце источало печаль, заставляя меня понизить голос к концу фразы, и угрожая снова вызвать приступ рыданий.

– Станет, знаю точно, потому что я заберу половину твоей ноши. Все разойдется пополам, – улыбнулся он мне поддерживающей улыбкой.

– Что же, ты тоже будешь страдать от любви к Максусу? – удивление, смущение и неловкость смешались в моей душе.

– Нет, я просто буду ощущать то же, что и ты, – хохотнул он.

– Но это несправедливо по отношению к тебе! – я в изумлении смотрела на него.

– Я смогу качественнее воспользоваться своей способностью, чтобы успокоить тебя, когда ты станешь частью меня. Я готов на любые чувства, которые ты можешь мне предложить. Хотя бы дружбы и уважения.

– Ох, Алекс... Ты такой добрый, – я наклонилась и обняла его, прижавшись мокрой щекой к его груди. В этот момент мне казалось, что я обманываю всех вокруг, включая себя.

Глава 6

Алекс подал мне руку, и я вложила свои дрожащие пальцы в его ладонь. Приятное чувство успокоения мягко вторглось в мое, сопротивляющееся из последних сил, беснующееся сознание, распространяясь по всему телу теплой убаюкивающей волной. Я еще не разгадала тайну дара Алекса, дающего возможность утешить человека, просто дотронувшись до того, но меня подкупал сам факт, что, едва коснувшись его, мне становится легче на душе, будто тяжесть постепенно спадает с плеч. Я посмотрела на него с благодарностью и не смогла сдержать сожалеющей улыбки, хотя сердце усиленно противилось всем совершающимся действиям. Все вокруг казалось иррациональным, будто я дрейфовала во сне. Или даже не я.

Это абсолютно другая девушка сейчас добровольно идет к алтарю, чтобы возложить свою душу и тело, как подношение, ненасытным богам. Да, так, пожалуй, легче – просто сторонне наблюдать за замедленной съемкой кинематографического фильма. Ведь, если это мне предстоит пройти путь объединения сингулярной пары, значит, волей-неволей именно я предаю Макса. И не имеет значения, что у меня нет выбора, что все ради благой цели. Для него это не играет никакой роли. Предательство – вот, что говорил тогда его взгляд. И он не простит никогда. В тот момент Макс будто похоронил меня.

Зато он будет жить. Он и еще семь с лишним миллиардов невинных жертв негуманного эксперимента. Без которого ни у кого из них не было бы ни единого шанса на существование. Парадоксальный замкнутый круг, заставляющий под разными углами смотреть на действия «СтратимХорс». И видеть не только белое и черное, но и все их оттенки.

Ватные ноги вели меня вперед, Алекс надежно поддерживал, вцепившись так крепко, что, казалось, скорее удерживал. Будто я имела право сбежать.

– Не бойся, – словно почувствовав мои мысли, прошептал парень.

Наконец мы избавились от улыбающихся довольных родственников и почтенных сингов, неустанно поздравлявших со счастливым событием. Присутствовали также, заверявшие в своей вечной дружбе, друзья, которых я не помнила и никогда не видела. По крайней мере, никто из них ни разу не пришел с визитом с тех пор, как я вернулась.

Далее, по плану, мы должны были сами завершить процесс слияния. Войдя в просторную пустую залу с ослепительно белыми стенами, я внезапно ощутила, что мои глаза словно пронзили иглами, моментально добравшимися до лобной доли мозга. Возникло чувство, что молекулярные ковбои устроили в моей голове мини перестрелку, истязая меня импульсной резью.

– Все хорошо, так и должно быть. Это электромагнитное поле воздействует на заряженные тела, на нас.

Посредине возвышался небольшой пьедестал, воистину напоминавший алтарь для жертвоприношений. Подсознательный страх послал дрожь по всему телу, хотя ранее Алекс рассказывал мне, как будет происходить процедура. Так как и звучало это не менее страшно, практически фантастично, для человеческих ушей, напряжение во мне снова начало расти.

Вокруг залы были установлены щиты, изолирующие нас от окружающего мира, наподобие клетки Фарадея. Они предотвращали возможность разрушительного

действия наших сил в момент их соединения.

– Каждый синг проходит через это. Никто еще не пострадал, – несмелая улыбка заиграла на его губах.

– А что, разве нет одиноких сингов, которые не захотели поделиться своим мозгом с посторонними? – выдала я, пожалев, что слова прозвучали грубовато. – Извини.

К моему удивлению, он хохотнул.

– Это случается крайне редко. Мы очень серьезно относимся ко всем своим обязательствам. Иначе, нас, как вида, уже не было бы. Но про мозг ты забавно сказала. Помню, смотрел фильмы такой тематики на Земле. Они меня веселили своей наивностью.

– Только сейчас совсем не весело, – признаки эмоций на его лице моментально потускнели, и я ощутила новый приступ сожаления. Снова обидела человека, старающегося просто успокоить меня и немного разрядить обстановку.

– Располагайся, – показал он в направлении того самого пьедестала.

Я присела на край, стараясь оттянуть неизбежное.

– Будет больно? – я уже спрашивала, но мне нужно было еще раз услышать его успокаивающие заверения.

– Только немного заболит голова в момент консолидации. А так, скорее, просто страшно для такой впечатлительной девочки, как ты, – его голос, под стать словам, был неожиданно нежен.

Алекс присел передо мной на колени и, коснувшись моего лба рукой, отодвинул челку, открывая глаза.

– Ты уверен, что это безопасно? Ведь я до сих пор не до конца владею способностями, моя личность утеряна, сингулярность не восстановлена... – нервно сыпала я все новыми аргументами.

– Думаю, все будет хорошо, – он осторожно положил ладони на мои предплечья, аккуратно нажимая, подталкивая и призывая занять нужное положение.

Когда я устроилась, тело недовольно просигнализировало о слишком твердой поверхности, впившейся в меня с холодной каменной надменностью.

Боже. Кажется, каждая традиция этого народа направлена на то, чтобы все было как можно сложнее и неудобней. Учитывая возраст цивилизации, это выглядело еще удивительнее. Почему нельзя сходить в ЗАГС, расписаться и отпраздновать за большим столом?! А потом развестись, если не сошлись характерами... Или если женились только для того, чтобы планету с живыми существами, среди коих люди, которые тебе дороги, не взорвали и не изъяли мощности для обогащения энной группы беспощадных властолюбивых высокоразвитых особей.

Алекс тем временем занял место рядом, повернувшись ко мне лицом. Я фиксировала его периферическим зрением так близко в своем личном пространстве, что моя кожа с той стороны начала интенсивно зудеть, подавая мне команду, срочно увеличить расстояние между нами. Его дыхание обдувало мою шею, заставляя сотни мурашек занять оборонительные позиции. Мне не было неприятно, но каждая частичка души требовала остановиться и прекратить фарс. Будто то, что должно произойти, в высшей степени неправильно и неестественно. Да, именно так я и считала. Поэтому лежала неподвижно, замерев в ожидании приговора.

– Киара, – услышала я мягкий с хрипотцой голос Алекса. – Ты так оцепенела,

будто ждешь казни, – печально добавил он.

– Ну я чувствую себя ужасно и не в своей тарелке, – честно ответила я.

– Все будет хорошо, – все мужчины в моей жизни постоянно говорят эту фразу.

– Да, – не было желания спорить с ним, хотя я могла бы привести множество причин, почему для меня никогда больше не будет ничего хорошего.

– Повернись ко мне, – потребовал он твердо, но с некоторой нежностью.

Миллион возражений вертелось на языке, но я послушно повернулась на бок, при этом опасаясь, что он захочет поцеловать меня. Смешно говорить, но о данной стороне слияния я еще не думала. Вернее, старалась не думать, потому что это действительно пугало. Никто, кроме Макса, не прикасался ко мне. И я бы хотела, чтобы так было всегда.

Наши лица оказались так близко друг к другу, что мы почти касались носами, разделяя один воздух на двоих. Никогда не замечала раньше, что его глаза были так похожи оттенком на глаза Макса. От этого неожиданного открытия у меня на миг перехватило дыхание. На секунду показалось, что это Макс смотрит на меня своим любящим ласковым печальным взглядом.

Он поднял руку и положил ее мне на затылок, придвинув мою голову еще ближе. При соприкосновении наших лбов я ощутила жар, растекающийся по телу, наподобие того, что я испытывала при первых перемещениях на Земле. Постепенно зрительное восприятие начало тускнеть и затуманиваться, пока пронзительные голубые глаза не рассеялись, оставляя в сердце отчаянную надежду. Стало тяжело дышать, так как теплая влажность заполнила полости носа и рта, переводя процесс поступления необходимого воздуха в организм на новый уровень существования живого в плотной завесе кислородосодержащей амниотической жидкости. Голова кружилась, теряя последние зацепки реальности. Кожа горела, игольчатые покалывания переливались по всей ее поверхности, вспышки огня и холода прокатывались по телу, распределяясь по всем его частям и конечностям импульсивными всполохами, принимающими систематический характер.

Боль и наслаждение боролись за каждый сантиметр моей сущности, подвергая пыткам и принуждая забыть все, чем истерзано сердце, то, как меня зовут, и ту, кем я являюсь. Абсолютная фантастическая эйфория существования и радость прозаического бытия накрыла меня целиком шелковой простыней, убаюкивая и успокаивая мечущуюся душу. Я почувствовала легкое касание на губах.

В одно мгновение блаженство сменилось агонией, в ту же секунду мобилизуя организм и заставляя вынырнуть из сна. Я резко открыла глаза и вскочила в попытках избавиться от острой боли, простреливающей все тело. Меня согнуло пополам, и я, затравленно озираясь по сторонам, старалась понять, что происходит.

Взволнованный Алекс подскочил ко мне, заключая мое лицо в ладони.

– Что случилось, Киара? Что такое?

– Алекс, так больно! Что это?

– Я...не знаю.

– Ты обещал!!!

Мне стало легче, и я в исступлении обмякла, желая только отдышаться после этого ужаса. Алекс обхватил меня и прижал к себе, поглаживая мою голову и стараясь успокоить.

– Что произошло? – проскулила я, как только вернулась к реальности.

– Я не знаю. Что-то не так. Мы не до конца консолидировались.

– Что это значит?

– Связь поверхностная. Твоя боль отдавалась мне приглушенно, я даже сначала не понял. Надо известить Совет.

– Подожди! – мой мозг истерически заработал, стараясь ухватиться за призрачные нити надежды. Алекс вопросительно смотрел на меня.

– Остальные заметят, что с нами что-то не так?

Он внимательно посмотрел на меня.

– Вроде нет.

– Алекс, давай пока не будем ничего предпринимать. Земля в безопасности. Мы добились желаемого.

Парень отшатнулся и поднял глаза, полные удивления.

– Это опасно. Мы не знаем, чем все кончится, если оставить все так. Ты можешь пострадать!

– Хуже положения, чем сейчас, и не представляю! Прости Алекс. Я люблю тебя, как друга, но не могу не ухватиться за возможность предотвратить наше слияние. Пожалуйста, пойми меня. Давай просто сами выясним, что произошло, никому не рассказывая, – я взяла его руку в свои ладони и с мольбой заглянула в глаза.

– Хорошо, но если будет малейшая угроза твоей жизни, сразу же идем за помощью в Совет.

– Спасибо!

Как Алекс и сказал, никто не заметил отсутствия между нами крепкой связи. Отец настоял, чтобы мы жили в их особняке. Нам выделили весь третий этаж, и это сыграло на руку нашим планам. Две спальни, объединенные общей залой для отдыха, стали просто идеальным прикрытием для исключительно дружеского соглашения.

Расписание следующего после слияния дня не отличалось от всех предыдущих, хотя я с вожделием ждала приглашения отца приступить к новой работе. Утром мы отправились в учебный парк, отрабатывать навыки трансформации энергии в материальные объекты. Это были первые шаги, овладев которыми в совершенстве, я стала бы на полпути ближе к умению перемещаться, а, значит, и к Максиму. Да, я не выкинула из головы надежду на его прощение, а происшествие при соединении дало мне силы и веру в то, что все образуется. Я должна сказать ему, что слияние не состоялось, и у нас получилось обмануть систему. И у нас теперь есть шанс.

Алекс еще менее разговорчивый, чем обычно, все время вглядывался в меня так, будто ожидал, что у меня вырастут рога. Уже несколько раз он поднимал вопрос по поводу обращения в Совет, чем пугал меня до чертиков. То, в какой ситуации я оказалась сейчас, могло в итоге привести меня к желаемому – быть с Максимом. Если же идти в Совет, они, возможно, разрешат наши домыслы, как и почему не получилась полная консолидация, но уж точно отнимут мой последний шанс на счастье.

Притягивая к себе магнитные или электрические поля, в зависимости от того, что в избытке имелось рядом, я пропускала их через себя, в конечном итоге вырабатывая чистую неприкрытую энергию. Она становилась настолько частью меня, что я могла очень виртуозно манипулировать ею. Этот процесс приносил мне визуальное и даже

физическое наслаждение. Не в пример предыдущим занятиям, все получалось с первого раза. В мой воспаленный мозг даже стали поступать мысли, что я уже все умею, и пора приступать к главному, то есть к телепортации. Алекс был поражен кардинальными переменами, но уговаривал повременить с изучением теории и практики перемещения.

Проблема в том, что меня невозможно разубедить, если я задумала получить желаемое.

Вечером после легкого ужина и светской беседы за столом, где время текло так медленно, что меня начал пробивать озноб нетерпеливости, я, распрощавшись со всеми, поспешила в свою комнату. Буквально через несколько минут раздался стук в дверь, и тихим голосом Алекс попросил разрешения войти, спроецировав просьбу в мои мысли. Ну только этого не хватало, подумала я, но послала ему краткое «да». Как же меня раздражает это вмешательство в мою голову. Неужели все синги живут в вечном диалоге со своими спутниками?!

Дверь отворилась, и в проеме возник мой псевдомуж.

– Поговорим в гостиной? – не перешагивая через порог, спросил он. У нас образовалось негласное правило, встречаться в зале, которая соединяет наши комнаты. Так было спокойнее, и это давало мне уверенность, что я не окажусь в его объятиях ночью.

– Хорошо, – я встала с улыбкой, хотя внутри все кипело. Мне не терпелось быстрее провести свой эксперимент, но для его реализации требовалось, чтобы весь дом погрузился в сон. Особенно Алекс, присутствие которого в моей голове может очень здорово помешать предстоящим планам.

Огромный диван углом занимал центральное место в большой просторной зале, залитой ярким насыщенным мастерски воспроизведенным дневным светом, несмотря на то, что за окном было уже темно. Когда мы сели, синие глаза пристально изучающе уставились на меня, вызывая ощущение, что все мои намерения раскрыты.

– Ты нервничаешь? – ну понеслось.

– Нет, – я была уверена, что надежно прикрыла ауру.

– С тобой что-то происходит, и это меня беспокоит, – не вопрос, а, скорее, утверждение. – Почему ты закрываешься от меня? – в его голосе сквозила настороженность.

– Алекс, поверь, ты тут ни при чем. Просто мне не нравится наличие посторонних в моей голове, я говорила.

– Но это нормально для пары, – вздохнул он и, кажется, немного разозлился.

– Для нормальной пары может быть. Но мы не такие, и никогда не будем, – сказала я мягко, стараясь не задеть его.

– Но ты даже не даешь нам шанса, – ему явно тяжело было все это говорить.

– Я просто не хочу тебя обманывать. И не хочу обманывать себя. Прости. Я устала. Пойду спать.

– Будь осторожна, – внезапно сказал он, повергнув меня в шок. Неужели он знает?!

– Спокойной ночи, Алекс.

– Спокойной.

Оказавшись в своей комнате, я села на кровать и решила дождаться полуночи. К этому времени все должны спать. Едва стукнуло двенадцать, я прислушалась к мыслям,

пытаясь понять, бодрствует ли Алекс. Никаких звуков или волнений я не ощутила, поэтому приступила к задуманному.

Сев на середине комнаты, я начала очищать разум от всех отвлекающих элементов. Сконцентрировавшись на своем теле, я запустила образы самых памятных моментов, проведенных с Максом. Я остановила внимание на его лице, таком до боли знакомом и любимом, вдохнула его запах, заполняя свои легкие самым приятным ароматом на свете. Я раскрыла обращенные к небу ладони, собирая энергию с окружающего меня пространства, высасывая мощностъ и пропуская ее через себя пульсирующими волнами, генерируя новый, абсолютно другой поток биоэнергии. Когда я поняла, что достигла уровня требуемой силы, то открыла внутреннюю дверь, за которой должен был ждать меня он.

А затем распахнула глаза. И радостно улыбнулась, разглядев постороннюю обстановку. Удача снова на моей стороне. Поднявшись с колен, я наткнулась взглядом на большую кровать. Вернее на того, кто на ней лежал. И задержала дыхание...

Макс.

У меня получилось.

Он спал на боку. Его рука покоилась на подушке, которую он прижимал к себе, что напомнило мне, как когда-то эти сильные руки держали в крепком объятии меня. Лицо его было безмятежно. И, боже, мое сердце застучало быстрее от осознания того, какой передо мной был красивый парень. Темные пушистые ресницы трепетали, а полные губы ворошили сногшибательные воспоминания. Они так и звали коснуться их. Я почувствовала, как любовь разрастается во мне с новой силой, подобно растению, вкусившему живую воду после долгой засухи.

Но тут в памяти возник его ледяной ненавидящий взгляд, адресованный мне, и сердце защемило от боли. Повезло, что он спит, и я имею возможность просто смотреть на него, вбирать его образ, складывая изящную мозаику восхитительного портрета в потаенном уголке своей души. Когда Макс откроет глаза и заметит меня, я увижу то же презрительное выражение лица, с которым он, оскорбленный, выставил меня за дверь в прошлый раз. Конечно, есть вероятность, что он остыл, ведь по земным меркам прошло уже четыре с половиной месяца.

Я осторожно подобралась к нему – и вот он уже на расстоянии вытянутой руки. Оказавшись так близко, я еле сдерживалась, чтобы не коснуться его. Страх разбудить или волнительное наслаждение от близости любимого – точно не сказала бы, что из этого заставило меня дышать так прерывисто.

Внезапно рука Макса, откинув подушку, медленно двинулась в мою сторону, скользя по темной простыне и завораживая своим действием. Глаза его оставались закрытыми, а ритм дыхания – ровным, и я была уверена, что он все еще спал. Тем удивительнее казалось, когда его пальцы сомкнулись на моем запястье и потянули за собой, увлекая, таким образом, и все тело. Прижав мою ладонь к своей груди, Макс положил руку мне на затылок и, надавливая, придвинул голову к своему лицу вплотную так, что наши глаза оказались на одном уровне. Затем его рука переместилась на мою талию, и он повторил маневр. Теперь наши тела соприкасались.

Я так скучала по его объятиям, что, очутившись совсем рядом, словно окаменела, опасаясь потревожить и спугнуть этот момент. Свечение вокруг него разрасталось алым пламенем.

И тогда он открыл глаза, а я снова забыла, как дышать.

Самый потрясающий потемневший синий взгляд с расширенными до предела черными зрачками остановился на мне. Несколько долгих секунд мы молчали. Я, внутренне съежившись, пыталась уловить хоть какие-то отголоски уничижительных эмоций, но он просто смотрел на меня, лишая дара речи и путая мысли. Я сжалась, словно испуганный зверек, ожидая приговора хищника, загнавшего меня в угол.

Но в следующую секунду Макс уже впился в мои губы жадным поцелуем, терзая их, будто пытаюсь вобрать в себя без остатка, стереть эту часть с моего лица. Это казалось неожиданным, потому что до сего момента, он всегда был только нежным. И такого Макса я тоже познавала с удовольствием и интересом, отдавая всю себя с не меньшим рвением, что и раньше. Я ощутила, как наши энергетические потоки схлестнулись, соединяясь в одно свечение, как две реки неизбежно сливаются в одном устье. Он перевернулся, подмяв меня вниз, а сам навис надо мной. Его челка щекотала мне лоб, вызывая улыбку на горящих от безжалостных поцелуев губах. Мое тело отвечало жаром, нещадно прокатывающимся по всем его частям и отдаваясь блаженной дрожью.

Я действительно почувствовала всполохи силы, разрядами снующей между нами, расходясь гедонической пульсацией. Такую невероятную всепоглощающую эйфорию от прикосновений я не испытывала еще никогда.

Кажется, Макса охватили те же ощущения, потому что он на миг остановился, тяжело дыша и вглядываясь в мои глаза с чуть ошарашенным выражением лица.

«Я тоже чувствую это», – послала я ему мысль, опасаясь нарушить сказанным вслух словом наше единство.

После секундного колебания он вновь прильнул ко мне, возвращая в мир сказочных фантазий и абсолютного счастья.

Я лежала на боку, спину окутывало тепло Макса, продолжавшего хранить молчание. Я не могла прийти в себя от всеохватывающего многообразия гаммы чувств, в плену которых только что находилась. Произошло нечто нереальное и из ряда вон выходящее. И раньше я любила Макса больше собственной жизни, но теперь я по-настоящему чувствовала его, ощущала частью себя. Что-то будто переключилось во мне, вызывая физическую боль даже от мысли, что я скоро буду далеко от него.

Рука его, покоившаяся на моем бедре, сжалась, посылая мурашки по телу, которое, казалось, минутой ранее, от усталости уже не способно было к каким-либо действиям. Он не разговаривал, и его мысли не доходили до меня. Даже его свечения мне больше не было видно, будто он поставил блок, который я не могла преодолеть. Его эмоции были мне не доступны, поэтому все во мне сжалось от нехорошего предчувствия. Будто он наказывал меня.

– Макс, – наконец я услышала свой охрипший голос. Надо рассказать ему обо всем, заставить поверить в фиктивность отношений с Алексом. И тем более в то, что мы не соединились в пару. Я повернулась на сто восемьдесят градусов и оказалась нос к носу со своим идеалом. – Ты должен знать кое-что важное. У нас с Алексом ненастоящий брак.

От того, как приподнялась одна его бровь, а взгляд остался тот же отстраненный, я поняла, что должна очень сильно постараться, чтобы убедить его в своих словах. Я вздохнула и, не удержавшись от соблазна, провела указательным пальцем по щеке

парня. Печаль, вызванная его недоверием и отстраненным выражением лица, сковала мое сердце. Я надеялась, он простил меня, прочитав все мои чувства, мысли, жесты.

Неожиданно я услышала отчетливый звук проворачиваемого ключа со стороны коридора, а затем шум открывшейся двери. Неприятное предчувствие шевельнулось в моей груди. Я посмотрела на него с немимым вопросом, ожидая, когда же его проникновенный долгожданный голос зазвучит, рассеивая мои сомнения и страхи. Типа он сегодня ждал в гости сестру или даже родителей, которые сейчас казались мне меньшим из зол, но он молчал.

Через минуту дверь в комнату отворилась, а Макс прикрыл глаза, поморщившись, будто вся эта ситуация его только раздражала. В один момент его мысли открылись мне, показывая то, что я никогда не захотела бы видеть. Череду образов девушек, которые были у него последние месяцы. Они прижимались к нему, касались его, целовали и... и все остальное, о чем у меня нет сил даже уразуметь.

Сердце сдавило, словно тисками, дышать стало тяжело, будто сверху положили необъятный груз, в голове стучал пульс, ударяя по мозгу на манер барабанной установки, а сознание до последнего отказывалось верить. Наверное, так себя чувствует живой человек, очнувшийся в гробу и осознавший, что надежды нет. Именно так я себя ощущала. Мертвой.

– Нет, пожалуйста... это не правда, – руки сами собой потянулись к его лицу, дотронулись до высоких скул, обхватив лицо в последних попытках утопающего найти спасательный круг. Но я тут же в ужасе одернула их, прижимая к своей груди.

– Мне жаль, что ты это видела... Я живу дальше, как ты и просила, – в его голосе сквозила смесь усталости, печали и даже сарказма, ввергнувшие меня в окончательную пучину ноталгии.

– Кто-нибудь, может, расскажет, что здесь происходит? – зло спросила гостя.

И я сделала единственное, что могла в этот момент. То, что на самом деле хотела. Я исчезла.

И как только оказалась на полу своей спальни, я дала волю чувствам и разрыдалась в голос, не беспокоясь быть услышанной. Холод покрытого глянцевым камнем пола, напоминавшего мрамор, под стать леденящей стуже, сковывающей душу, окутывал все тело, прикрытое лишь тонкой простыней. Было так больно, что, казалось, я действительно умирала. Медленно, мучительно, беспросветно, бессердечно и жестоко. Я заливалась слезами, но они не могли стереть образ Макса из моей головы, как не могли и убрать его слова из памяти.

На смену ужасу и горю заступало чувство огромной обиды, такой сильной, какую может причинить только любимый человек.

Когда мозг и тело в объединенном горем тандеме уже практически приняли решение прекратить существование, а вместе с тем и муки, в комнате бесшумно появился силуэт. Лишь на долю секунды задержавшись на пороге, он скользнул ко мне и, подняв с пола, прижал к своей груди в защитном жесте. Как лучи доброго живительного света, его синие глаза всматривались в мои с бескорыстным желанием помочь.

Ни о чем не спрашивая, Алекс передал мне свои силы, успокаивая воспаленный разум и умиротворяя измученную сущность.

Утром я так и проснулась, завернутая в простынь в руках Алекса, лежащего рядом

в неудобной позе. Я немного подвинулась, чтобы дать ему больше места. Он тут же благодарно раскинулся, не разрывая своих объятий.

Я внимательнее к нему присмотрелась: лицо его было уставшее, синяки под глазами выдавали то, как много сил он потратил, чтобы утешить меня. Мне стало неловко от того, что я своими проблемами все время истязую его, а он каждый раз мчится на помощь. Нет, он не бесчувственный, как однажды я заявила ему в лицо, а заботливый преданный друг.

Воспоминания о вчерашнем дне были подернуты толстым слоем мембраны, защищавшем меня от очередного приступа суицидальной меланхолии. Все казалось, как в далеком сне или даже в прошлой жизни. Нет, любовь к Максиму никуда не ушла, как и обида. Они просто притупились, чтобы дать мне жить дальше. Я с удивлением обнаружила, что могу думать о нем, и при этом слезы не рвутся изнутри сокрушающим все на своем пути потоком.

Ощутимое облегчение настолько меня поразило, что я взглянула на Алекса, как на бога. Чувства благодарности и бесконечной признательности переполнили меня.

Он приоткрыл глаза, взмахнув пушистыми темными ресницами, и уголки его губ поползли в стороны, растягиваясь в милую улыбку.

– Как ты? – спросил Алекс хриплым ломаным низким голосом.

– Лучше. Благодаря тебе, – я коснулась его руки, покоящейся рядом с моей.

– Я рад, что смог помочь, – его теплая ладонь обхватила мои холодные пальцы.

– Прости.

– Тебе не за что извиняться.

– Я, наверное, должна рассказать, что произошло, – не очень уверенно пролепетала я, отводя в смущении взгляд.

– Не надо, я видел твои образы, – он был явно сконфужен.

– О, ужас, – я покраснела от стыда. – Значит, ты знаешь, где я была.

– Да. Мне жаль. Я не хотел подглядывать. Просто мы связаны, пусть и поверхностно, но ты вчера была, как открытая книга. Я даже думал, что вот-вот подтянется твоя семья.

– Кошмар.

– Не переживай. Как только я пришел, поставил блок вокруг нас, чтобы о твоих эмоциях и сингулярных всплесках не стало известно остальным.

– Сингулярные всплески? – не поняла я.

– Знаешь выражение на Земле есть «метать молнии»? Это про тебя вчера, только без метафор, – Алекс чуть улыбнулся, а я в ужасе вытаращила глаза.

– Ты не ранен? – мои последние неконтролируемые всплески закончились плохо для города, где я находилась, а еще ранее пострадал Макс, получив ожоги от моих произвольно раскалившихся во время сеанса гипноза рук.

– Нет, не волнуйся, – он ласково провел по моим волосам, убирая прядь за ухо. Я невольно замерла, осознав, как близко от меня находятся его губы. Алекс смотрел на меня взглядом, суть которого я не могла понять. Между нами образовалась неловкая пауза.

– Твой отец попросил сопроводить тебя сегодня на новую работу, – откашлялся он, отводя глаза.

– Здорово, – ухватилась я за тему, которая меня чрезмерно интересовала,

особенно сейчас.

– Поздравляю.

– Спасибо.

– Хм... Я буду ждать тебя внизу в столовой, – с этими словами Алекс встал, стараясь не задеть меня, и, кивнув напоследок, вышел за дверь.

Глава 7

Уже с месяц в «СтратимХорс Индастрис» я была приставлена к Дороу, женщине, занимавшейся статистикой поведения людей в стрессовых условиях. Она регистрировала и распределяла информацию образа действия человеческих особей Земли в разных критических ситуациях, от мирового масштаба до единичных трагических обстоятельств. Я не переставала в душе благодарить Алекса за его эмоциональный блок, позволявший мне относительно спокойно взирать на эти негативные данные. Но все же периодически, когда сосуд терпения переполнялся, я удалялась в дамскую комнату, чтобы успокоить нервы, потому что только там можно было побыть наедине с собой и выплеснуть переживания. В остальных местах велась строгая фиксация, не позволявшая расслабиться ни на секунду. Совсем непросто было не сочувствовать отдельным людям, расам и народам, поставленным в тупик стихийной, экономической, социальной или политической обстановкой. У меня начали закрадываться подозрения, что отец неспроста послал меня именно в этот отдел. Что он хотел этим добиться, для меня пока оставалось тайной.

Я была шокирована количеством скапливающихся здесь знаний о разумной жизни голубой планеты. Все было строго засекречено, поэтому остальное население вне корпорации и не подозревало о существовании земного шара с миллиардами существ, внешне не отличавшихся от местных жителей. Будто созданных по их образу и подобию.

Также я заметила, что юрисдикция нашего отдела строго ограничивалась узкой специализацией. Вызывало недоумение несвязность подразделений компании между собой. Отделения были настолько обособлены, что никто не знал, какие работы ведутся этажом выше или ниже, и на свои вопросы я получала лишь недоуменные подозрительные взгляды сотрудников. Это только раззадоривало мое любопытство, так как выглядело все крайне странно. Для каких целей проводились эти исследования, зачем собирались такие подробные данные – вопросов набралось явно больше, чем ответов.

С Алексом в последнее время мы виделись нечасто. Он так же продолжал обучать меня, при встречах неохотно отвечая на вопросы, а в основном сохранял молчание, как голлум оберегал волшебное кольцо всевластия. Остальное же время пропадал в «СтратимХорс Индастрис», потому что готовился войти в совет директоров. Вел он себя после той ночи отстраненно, и даже с некоторым недоверием.

Единственное, о чем мы разговаривали во время занятий, это о моем самочувствии и нежелании обратиться в Совет, с якобы нависшей надо мной со дня слияния опасностью. Алекс настолько застрашал возможными последствиями, что у меня на самом деле начались приступы головной боли, о которых я решила пока молчать. Иначе от угроз, потащить меня прямиком в органы власти, он перейдет к действиям.

Мигрень я связывала с особенностями работы, ведь каждый день приходилось обрабатывать кипу очередных документов, заключающих в себе чье-то несчастье. Иногда мне казалось, что защитная мембрана вот-вот прорвется, и я залью рабочее место горячими слезами, оплакивая чужие жизни, а заодно и мою. За последние месяцы я столько раз уже редела, что сама себе стала противна. Благодаря Алексу теперь я могла сдерживать свою депрессию, и, чтобы его дар не пропал зря, я, действительно, старалась начать новую жизнь.

– Сегодня важный день, – голос незаметно вошедшей Дороу заставил меня прервать сканирование недавно поступивших файлов.

Я с недоумением воззрилась на нее со своего места.

– Ты бы хотела побывать на Земле? – выгнула она изящную бровь. Ах да, то, что я уже была там, почти никому не известно.

– Да, это было бы впечатляюще, – сказала я без особого энтузиазма, хотя в груди сердце колотилось все быстрее. – А разве это не запрещено?

– Не запрещено, когда касается работы. В данном случае – командировки.

– А как же нейрофаги? – выдала я, и она удивленно посмотрела на меня. Потом Дороу проанализировала что-то в голове. Скорее всего, то, что я из семьи основателей, соответственно могла располагать неожиданно откровенными сведениями. Затем она кивнула сама себе и растянула дежурную улыбку, какие обычно щедро раздают синги.

– Компания хорошо заботится о нашей безопасности.

– Сколько времени продлится командировка?

– Ну это риторический вопрос. Я бы ответила, что не пройдет и дня. Но это по меркам нашего течения времени. На Земле все несколько иначе, – она искоса испытующе взглянула на меня, продолжая перекладывать файлы на своем столе.

– А разве о командировке не предупреждают заранее?

– Можно сказать, что она спонтанная. Тебе понравится. Люди там такие экспрессивные.

Я поджала губы и вернулась к работе, внутренне отметив ее презрительный тон.

– Вот держи. Твой крипт останется здесь, – она кивнула на мой браслет, протягивая практически такой же, только больше в два раза. – С помощью него мы избежим встречи с нейрофагами. Здесь записан твой путевой лист.

– А куда мы направляемся? – спросила я, стараясь игнорировать ее прищуренный взгляд.

– В самую густонаселенную страну Земли. У них там постоянно что-нибудь случается, – вздохнула Дороу. – Твоя задача внимательно наблюдать, а не задавать вопросы, – прозвучало это довольно сдержанно и равнодушно, но все равно чувствовалась неприязнь.

Я догадывалась, что мы направляемся в Поднебесную, но как только увидела вдаль домики, крыши которых углами подворачивались кверху, последние сомнения исчезли. Перемещение прошло на удивление гладко, что значительно улучшило мое настроение, а уж когда ноги коснулись вожделенной земли, в голове вообще заиграла музыка с победными мотивами. Кажется, это был трек из репертуара «Queen». Не важно, что я оказалась на другом конце Земли, но все же ощутила себя дома. Подбравшись и усилив блок, прикрывающий мое счастливое свечение, я надела на себя самую серьезную физиономию, какую могла. Это было сложно, потому что я постоянно подавляла желание улыбаться и радостно вдыхать земные ароматы.

Кстати, о воздухе... Хотя мы и находились посреди зеленого парка, физически дышать было сложно. Казалось, будто стоишь посреди перекрестка, заполненного машинами. Общая загазованность промышленной деятельности человечества дополнялась разнообразными сладкими запахами ароматических палочек, которые жгли люди, образующие небольшие группки в стороне.

Мы оказались у входа в пещеру, выполнявшую когда-то роль храма, а теперь

являющуюся памятником в туристическом маршруте. Находилось это все в скале, в стене которой были вырезаны огромные величественные фигуры Будды и других священных персонажей. К своему стыду, в восточной мифологии и религии я не особо сильна.

Из трещин в горе выглядывала радостная насыщенная зеленая растительность, переплетающаяся между собой и образующая, своего рода, ожерелье, украсившее монолитный камень.

Всюду сновали люди, но, кажется, ничего иррационального в нашем появлении никто из них не заметил. В основном это были жители местной страны, но хватало и туристов европейской наружности. Все имели счастливый доброжелательный вид путешественников в отпуске. Каждый второй носил на груди, как знак почета, фотоаппарат.

Я вздохнула. Не было времени скучать, но теперь я вспомнила, как люблю пользоваться своим девайсом. В последний раз я держала его в руках в очередном раунде спонтанной телепортации, и в конечном итоге испортила свое сокровище электромагнитным импульсом. Теперь я умела ставить поле, защищающее меня и предметы, которые имелись при мне, от всех возможных воздействий.

Да, я многому уже научилась, но не стала от этого счастливее.

– Линьянь практически не меняется. Какой-то период времени это был самый густонаселенный город Земли. И сейчас все тот же муравейник. Только теперь тут совсем дышать нечем из-за промышленности. Как можно так не заботиться о своем ареале?! – все с теми же презрительными нотками в голосе прервала мои размышления Дороу.

– Слышала, что у них проблемы с загрязнением воздуха, – заметила я, прерывая затянувшуюся паузу.

– А ты много знаешь для первой экскурсии.

– Много читала. Да и сейчас этого трудно не заметить.

– Хм... Сейчас ты попробуешь самый вкусный чай, – с этими словами она уверенно направилась по центральной аллее к лотку с красной крышей. Там Дороу обратилась к улыбчивой пожилой женщине на чистом китайском языке. Мне недолго пришлось удивляться, потому что уже в следующую минуту до меня дошло, я не только понимаю ее, но и могу сказать, на каком диалекте та говорит и насколько хорошо.

Кроме разнообразных сортов чая на прилавке лежали длинные огурцы, но больше никаких овощей не наблюдалось. Я огляделась, чтобы разгадать тайну зеленых огурцов, и мой взгляд сразу же зацепился за китайца, с наслаждением жующего данный предмет. Ага. Это, наверное, как шаурмой перекусить на улице. Что ж, огурец куда полезнее.

Будто прочитав мои мысли, продавщица уже протягивала мне зеленую дубинку, улыбаясь во весь рот и безостановочно кивая. На мой вежливый отказ, адресованный китайке, и, видимо, произнесенный на китайском диалекте, та разочарованно покачала головой, но отстала.

Прогулявшись немного вглубь парка, мы, к моему неописуемому восторгу, вышли на берег живописного озера, окруженного великолепными горными холмами. Вид настолько завораживал, что Дороу пришлось несколько раз окликнуть меня, прежде чем ее голос дошел до моего плененного шедевральной формой сознания. Уже второй раз за день я пожалела, что у меня нет фотоаппарата. Я, возможно, могла бы материализовать

его, так как знала из чего он состоит, принцип работы деталей в отдельности и в совокупности, но перед телепортом подписала бумаги, юридически лишаящие меня прав на какие-либо энергетические воздействия на время командировки.

Поэтому я только вздохнула и села на красивую витиеватую скамейку, не прекращая крутить головой в желании охватить весь контекст окружающего очарования.

Чай, действительно, расшевелил вкусовые рецепторы, даруя прекрасные ощущения наслаждения. За то, что Дороу напоила меня таким восхитительным напитком, я смягчилась, решив не обращать внимания на ее высокомерное поведение.

– Пора, – констатировала она, посмотрев на свое устройство на руке.

Я не стала выпрашивать, куда нам пора, зная, что спровоцирую еще одну ее презрительную усмешку. Тем более в любом случае вскоре узнала бы нашу цель. У меня в голове раздался звуковой сигнал, оповещающий, что оборудование Дороу связалось с моим, определяя новое место назначения. И мы скользнули.

Развернувшаяся карта в голове подсказала, что точка следующей локации находится недалеко от предыдущей. Я подумала, что ее можно было бы даже преодолеть пешком, но в следующую секунду мы вынырнули на мосту посреди огромной реки с водой грязного цвета. Жуткий грохот, напоминавший звуки отдаленного грома, только не прекращающийся, заполнил мои уши. Загадочное громкое гудение постепенно нарастало, нагнетая чувство тревоги.

Вокруг было нереально большое количество человек, будто весь Китай решил сегодня прогуляться по мосту. Я напугалась, что сооружению не справиться с такой огромной тяжестью. Люди вокруг вели себя возбужденно и держали фотоаппараты на прицеле, из чего можно было заключить, что с минуты на минуту должно произойти важное событие. И оно, видимо, связано с шумом.

Памятуя о своем испытательном сроке, я старалась вести себя непринужденно, но продолжала поглядывать на Дороу, ожидая, когда же она рассеет мои тревоги.

Та неспешно двинулась к перилам, взглядом увлекая меня за собой. Я с любопытством послушно последовала за ней, отгоняя нехорошее предчувствие, которое, надо сказать, в последнее время ни разу меня не подводило.

С грацией королевы Англии Дороу положила руку на перила и замерла с неестественно ровной осанкой. Я огляделась. Конструкция, на которой мы стояли, оказалась очень длинной дамбой, полностью заполненной человеческой массой, напоминающей разворошенный муравейник. На горизонте река сливалась с небом, и было не совсем ясно, где заканчивается одно и начинается другое. Грохот продолжал усиливаться. Я нервно поглядывала на коллегу. С губ моих уже готов был сорваться вопрос, но тут я различила вдали странное шевеление. Практически прекратив дышать, я ждала, пока мое подозрение подтвердится, к моему ужасу, или опровергнется, к величайшему облегчению.

Нет, это все-таки волна. Огромная волна! Почему все стоят и фотографируют, а не бегут, я не понимала. Когда я уже готова была закричать, я различила голос Дороу:

– Самая большая приливная волна в мире здесь, на реке Цяньтань. Каждый год осенью, во время прилива, вызванного притяжением Луны, гравитацией Земли и некоторыми природными погодными условиями, формируются особенно крупные волны. Приливная волна идет против течения со скоростью сорок километров в час и

достигает в высоту до девяти метров. Только сегодня она будет больше девяти метров.

Затаив дыхание, я слушала ее, впитывая каждое волнуемое слово. Мне не нужно было напрягать слух, а ей кричать, чтобы я услышала все. С помощью крипта спокойный голос раздавался в голове, доводя трагическую суть до мозга.

– Но люди?.. – начала было я.

– Мы здесь, чтобы только наблюдать и регистрировать катастрофу, – покачала она головой.

– Нет!.. Как же так?! – возмутилась я. Волна была уже близко, и полицейские, стоявшие оцеплением ярусом ниже для того, чтобы сдерживать зевак в так называемой безопасной зоне, напряглись. Кто-то нервно полез за рацией, передавая или уточняя какие-то данные.

– Пострадает только вон тот участок, – ткнула она наманикюренным пальцем в сторону в нескольких километрах от нас, где дамба плавно заворачивала.

– Нет! – в ужасе повторила я заметно удивленной начальнице, отвернувшейся от волны и в упор с интересом разглядывающей меня, будто микроба под лупой. Вокруг защелкали фотоаппараты. Как в замедленной съемке стена воды начала приближаться, содержание влажности в воздухе резко повысилось, брызги орошали все и всех вокруг. Воды в пространстве становилось все больше. Наконец до людей начало доходить, что-то идет не так, как планировалось. Полицейские, встревоженные не на шутку, теснили народ, наступая на них плотной сцепкой. Некоторые еще улыбались, не понимая происходящего, но большинство уже кинулось в сторону от воды. Вот только бежать было некуда. Сзади находились зеваки, еще не осознавшие всей серьезности ситуации.

Среди всей этой какофонии только Дороу стояла недвижима, и все так же искоса наблюдала за мной. Я почувствовала, что это был тот самый момент проверки моей эмоциональной стабильности, который я должна была выстоять, сделав своим выбором равнодушие.

Но я же Стратим! Я управляю водной стихией! Я могу и должна остановить это! И плевать на последствия!

Приливная волна уже проходила мимо, орошая всех проливным дождем такой силы, что люди валялись с ног, сбиваемые пенящимся потоком. Осталось совсем немного времени, и она обрушится на место, указанное начальницей, уничтожая и калеча невинных.

Я сконцентрировалась на воде, из которой состоит мое тело, вспоминая уроки Алекса. Контролируя ее, я получала возможность управлять окружающей влагой. Я материализовала образную волну и разбила ее на множество частей, накрывая руками и заставляя таять. В пальцах я почувствовала зуд, открыла глаза, но...

Ничего не изменилось. Огромная волна неслась на разбегающихся людей, оказавшихся в ловушке своей медлительности.

Я в ужасе потрясла руками, которые продолжали жутко чесаться, и уставилась на них с недоверием. Они покраснели и пульсировали от силы, накапливающейся внутри. Я ощущала ее, но никак не могла ей воспользоваться.

– Что происходит? – вскричала я в шоке, теряя все видимые признаки наигранного равнодушия.

– Приливная волна разрушает дамбу. А если ты о своих силах, то они заблокированы. Ты же сама подписала договор перед отправлением, – совершенно

спокойно ответила Дороу, тут же потеряв ко мне интерес, и со скучающим видом продолжила наблюдать за трагическими событиями.

Потеряв надежду предотвратить несчастье, я устремила взгляд на место, где развернулась катастрофа. Стало ясно, что стена воды обрушилась на дамбу, заливая, раскидывая и сбивая с ног людей, в беспорядке разбежавшихся, но неминуемо наступаемых ею. Но еще страшнее было, когда я увидела разлом в дамбе с трещинами, расползающимися по сторонам. Куски бетона расходились, впуская реку в ранее безопасные места. Вода заливала нишу с людьми, которые успели добраться до своих машин на парковке, но безуспешно пытались выехать в образовавшемся хаосе.

– Боже, – я закрыла глаза, чтобы не видеть всех ужасов масштабного бедствия.

– Это происходит постоянно. Информацию о подобных событиях ты обрабатываешь каждый день. Если не можешь профессионально делать свою работу, мне придется доложить об этом, – снисходительно заявила женщина и дотронулась до своего связного устройства на руке. После звукового сигнала, прозвучавшего в моей голове, обессиленное тело и изжеванный переживаниями разум разложились на кварки и, минуя кротовую нору, материализовались в офисе корпорации, в исходной точке отправления.

– Ты свободна. Иди домой.

– Вы...расскажете?

– Что расскажу? Я сдам записи, где зафиксировано, что мы, как и положено уставом, регистрируем катастрофу. Ничего необычного не произошло. Поздравляю с первым опытом работы на передовой, – с этими словами Дороу покинула кабинет, оставив меня в растерянности.

Что ж, она не могла не заметить моих попыток воспользоваться силами, чтобы предотвратить обрушение волны, но не собирается об этом докладывать. Значит, все не так просто с Дороу Мараз.

Домой я прибыла раньше обычного. Родители уехали на несколько дней в филиал корпорации, находившийся в соседнем городском секторе, поэтому особо притворяться хладнокровной амфибией, к моей безграничной радости, мне не светило. Перед Алексом можно было не разыгрывать спектакль, хотя я сомневалась, что увижу его сегодня.

Я вздохнула, осознавая свое одиночество. Так хотелось поделиться трагическими событиями, переживаниями, разрешить невыплаканным слезам облегчить боль в присутствии того, кому не все равно. Завтра мы увидимся с Алексом на занятиях, но я не смогу все ему поведать из-за посторонних глаз и ушей.

Кенек подал мне роскошный ужин, вкуса которого так и не получилось оценить после мучительного дня, и я удалилась к себе, забравшись в кровать, как в последнюю крепость, отделявшую меня от отчаяния. Думала, что не смогу уснуть после минувших событий, но моментально забылась беспробудным сном.

Очнулась я в горячке с трясущимися руками и бешено колотящимся сердцем в самочувствии, близком к истерии. Плохой сон? Но я не помнила, что мне снилось, и не могла понять причину такого беспокойного состояния. Унять дрожь в руках не выходило, поэтому, сбросив остатки дремы, я двинулась в помещение, где находилась питьевая вода.

Не пройдя и десяти шагов, я внезапно ощутила, как грудь сжало тисками, лишая возможности сделать полноценный вдох. Будто астматический приступ скрутил легкие,

не позволяя свободно дышать. Через минуту присоединилось покалывание по всему туловищу и закружилась голова. Я напугалась и начала усиленно переставлять ватные ноги, казавшиеся сейчас чужими. Устремившись к двери в комнату Алекса, я чувствовала себя муравьем, поднявшим непосильную ношу. Ощутимо росло внутричерепное давление, в голове страшно кипело, создавалось впечатление, что череп вот-вот не выдержит, и мой мозг разлетится на тысячи частей.

В надежде только на то, что Алекс уже дома и сможет помочь мне, я повисла на двери в его спальню. А затем вломилась в обитель своей пары всем корпусом, представляя собой странное зрелище. Без сил я сползла по стенке и села у порога, прислонившись к косяку.

Он резко вскочил с кровати, будто произошло вторжение инопланетян. Можно сказать и так.

Тело охватило неожиданное облегчение, и все недавние симптомы подступающей, как мне казалось, смерти так же внезапно прошли, как и начались. Эмоции полыхали букетом радости, неловкости и страха после пережитого. И раньше частенько в напряженной опасной ситуации на лицо непроизвольно выползала глупая торжественная улыбка, а сейчас я просто расхохоталась, и оказалась в еще более конфузной ситуации. Зачем нужен такой рефлекс?! Наверное, у меня какой-то сбой физиогномического характера.

– Тебе плохо?

– Нет, Алекс, – я пыталась успокоить зловещий смех и параллельно истерически придумывала причину такого позднего нарушения условленных границ. Но стоило мне сказать, что произошло на самом деле, и мы тут же отправимся в Совет.

– Я ощущаю твой страх. Что случилось? – он подошел и поднял меня с пола за талию. Усадив на кровать, Алекс почтительно отступил на шаг, увеличив между нами расстояние.

– Я...мне приснился страшный сон. Но не помню, какой, – потушила я взгляд, осознавая неправдоподобность своей детской отмазки.

– Если тебе часто снится то, что ты не желаешь видеть, можешь воспользоваться программой осознанного сна.

– Что это? – ухватилась я за отвлекающую тему.

– Ты сможешь сама моделировать свой сон и во время сеанса осознавать, что находишься не в реальности.

– Это как мечтать, только во сне? – меня, действительно, заинтересовала такая возможность.

– Что-то вроде того. Внизу в библиотеке скачаешь. У твоего отца должна быть эта программа. Он даст тебе код доступа. Твое устройство само запустит ее, когда настанет фаза.

– Здорово, – оживилась я. – Я хотела поговорить...День был ужасный!..

– Хорошо. Давай.

– Ты не спросишь меня о работе?

Алекс опустил голову и поджал губы, из чего я заключила, что ему, как минимум, часть информации известна.

– Это кошмарный отдел. Только катастрофы и боль... Просто невыносимо. Но еще хуже командировка, в которую меня сегодня отправили, – к концу фразы я

инстинктивно понизила голос, так как не переставала помнить, что все, касающееся голубой планеты, является секретным.

Парень вздохнул, но продолжал хранить молчание.

– Алекс, я была на Земле. В Китае. Там обрушилась плотина, погибло много людей. Даже не знаю, сколько точно... – речь моя сбилась от избытка эмоций, накативших на меня. – Но, скорее всего, завтра мне станет известно. Когда я буду обрабатывать эту трагедию.

– Понимаю, что тебе тяжело. Я ничего не могу сделать пока, но, как только появится возможность, позабочусь о твоём переводе.

– Переживать подобное и не иметь возможности помочь – это ад!

Он только кивнул, не поднимая глаз.

– Но зачем им это? – на смену ужасу пришли гнев и раздражение.

Алекс приблизился и сел рядом. Я отчетливо услышала его усталый вздох, а в следующий момент начала различать свечение, делающее его похожим на святого, кои в изобилии изображены на православных иконах. Но его ореол был серым. Мои цвета выглядели не лучше, я точно знала это.

Алекс накрыл мою руку своей, и легкие приятные веяния, несущие равновесие и успокоение проникли во взбудораженное сознание.

– Часть эксперимента... А, может, политика... Пойми, если мы не дали им изъять мощност, это уже победа. Но лишить их научных исследований и... другого рода выгоды, полученной от полностью созданного ими проекта, мы не можем. На Земле постоянно происходят трагедии. Кто-то всегда умирает. Ты просто не видела этого раньше, но также не смогла бы повлиять. Смирись. Ты должна стать тверже. Как все синги.

– Не могу, – прошептала я, и в голосе моем невольно прозвучала горечь.

– Я поставил тебе эมоблок. Но если ты не будешь даже пытаться контролировать себя, то повредишь его. И вся негативная энергетика, которую мы перекрыли, обрушится на тебя одномоментно.

Я бы очень себе не позавидовала, если бы все запертые чувства к Максy прорвались вдруг наружу. Наверное, я сошла бы с ума. Даже сейчас воспоминания о нем разливались теплом и любовью. Будто отдельно живущий организм шевелился в области сердца. И некий черный осадок довлел над всем, подкармливая подсознательную печаль, но заставляя ускользать от меня причину моего страдания.

– Если ты почувствуешь, что-то не в порядке, ты должна будешь срочно сообщить мне.

– Можно я останусь сегодня здесь. Не хочу быть одна, – сменила я тему, чтобы ненароком не проговориться.

– Хорошо, конечно, располагайся, – казалось, он был слегка удивлен. И я тоже. Чувство несокрушимого одиночества съедало меня изнутри. Я боялась остаться снова в уединении своей комнаты и своей души.

Я забралась под одеяло с самого края. С другого лег Алекс, оставляя между нами футбольное поле. С одной стороны это было правильно, но мне требовалось человеческое тепло, и я не смогла побороть инстинкты. Я протянула руку под покрывалом и тут же наткнулась на ладонь Алекса, изумляясь его интуиции. Телепатия – это иногда прекрасно, хотя я к такому навряд ли привыкну. Когда кто-то понимает

тебя, не строя ошибочных предположений и не следуя ложными путями неверных решений – это бесценно.

– Алекс?

– Да?

– Почему ты тогда пришел к Максусу и рассказал ему про перемещения и нейрофагов? Ты же знал, что он не сможет помочь тебе. Зачем ты втянул его?

Он долго молчал. Я уже подумала, что он решил проигнорировать мои вопросы или даже спит, но интуитивно ощущала присутствие его сознания. Кроме того, мое потрясающее зрение фиксировало трепетание ресниц на прикрытых глазах.

– Я тоже виню себя за тот момент слабости, – наконец произнес он.

– Я не виню тебя. Просто хочу понять, какой в этом смысл.

– У меня была одна цель пребывания там – получить доказательства существования разумной жизни, а я обрел настоящую семью. Такого никогда раньше со мной не случалось. Я не хотел возвращаться на Сваргу. Был растерян, зол, и пустился во все тяжкие, желая перепробовать все на Земле, успеть ощутить каждую возможную эмоцию всеми органами чувств! Впечатления были острые, такие настоящие и естественные, будто пелена с глаз упала...

Я удивленно слушала его, опасаясь прервать.

– За этот период жизни мне нечем гордиться. Я бездумно увлекся, был на всех вечеринках города. Ел пачками таблетки, удивляясь фантастически интересному воздействию, которые они оказывали на меня. Наркотики, как я думал, не вредили организму синга, в отличие от человеческого тела, которое они убивают безвозвратно. Мой метаболизм выводил их за сутки. Но они спровоцировали неконтролируемые перемещения. То есть, как я понял позже, наркотические вещества опасны даже для синга. Я надеялся выбить клин клином, пробуя другие вещи, чтобы остановить спонтанную телепортацию, но ничего не выходило. Все усложнилось тем, что я пропустил момент, когда на устройстве истек срок действия защиты от нейрофагов. Хотя я и воспользовался частичным стиранием личности, я лишь запутал следы, и меня невозможно было идентифицировать. Сама понимаешь, если за тобой охотятся нейрофаги, это заставляет здорово нервничать. Я оказался обложен со всех сторон, но изо всех сил старался остаться на Земле. Тогда я и рассказал Максусу то, что мне показалось не опасной для него информацией. Когда я понял, что совершил ошибку, пошел на попятную, но было поздно. Помочь мне – стало для него навязчивой идеей. Тем ужаснее было, ведь я знал, что это невозможно. В итоге они все равно достали меня, – в его открывшемся свечении я заметила цвета переживания и сожаления.

С каждым нашим разговором я убеждалась, что Алекс далеко не такой бесчувственный, как мне всегда казалось. Он просто сдерживает свои эмоции, свое свечение, вводя всех окружающих в заблуждение. И разве можно его винить за желание остаться на Земле с любимыми, ведь сама я хотела бы для себя только этого. И также стала бы бороться и сопротивляться жизни на Сварге, если бы не угроза Извлечения.

Сейчас в нем говорил мальчик, познавший в семье любовь и теплые отношения, являющиеся нормой на Земле. Тоска в его голосе, когда он рассказывал о своем брате, выдавала Алекса. Я почувствовала горечь вины за то, что невольно стала причиной, по которой сейчас Макс был на него так зол.

– Ты не должен винить себя. Ну, по крайней мере, себя одного. Я тоже конкретно

облажалась. Но толку от самобичевания нет. Зато у нас еще есть шанс все наладить.

– Мне нравится твой оптимизм, – улыбнулся Алекс.

– А мне нравится твоя улыбка. Тебе надо чаще это делать, – я похлопала его по руке.

– Твоя все же лучше, – я услышала нотки смущения в его голосе, но перед этим те же цвета мелькнули в его ауре. Ну точно подросток.

– Я хотела у тебя узнать одну вещь, – настало идеальное время для откровения, чтобы выяснить у него кое-что.

– Дерзай.

Я формулировала в голове вопросы, которые могли помочь мне вывести разговор на подземных жителей. Они были детально осведомлены о судьбе Алекса, значит, и он должен знать их секреты.

– Как ты вернулся на Сваргу? Макс говорил, что ты был ранен и опасался, что нейрофаги добрались до тебя.

– Просто при очередном телепорте так и случилось. Чистильщики настигли меня.

– А где они тебя нашли? – подтолкнула я его в выбранном направлении беседы.

– В каких-то туннелях. Вся суть спонтанной телепортации в том, что ты не знаешь, куда тебя закинуло, – он, прищурившись, искоса взглянул на меня.

– То есть ты не понял, где конкретно это произошло? – значит, сам рассказывать не хочет. Придется снова работать клещами.

– А что? – напрямую мне лгать не хочет.

– Ну, может быть, ты заметил там нечто странное? – продолжала я гнуть свою линию, досадуя на его отпирательства.

– Например?

– Или, возможно, даже видел кого-то странного?

Последние признаки расслабленности покинули его лицо, и оно как будто вмиг отвердело, надевая на себя маску.

– О чем ты?

– Алекс, ты единственный человек, которому я доверяю. Я не говорила тебе, но в одном из путешествий мы нашли твои часы в туннеле. В их принадлежности сомневаться не пришлось, потому что Макс опознал эту редкую вещь.

Я отчетливо увидела, как нервно дернулся его кадык.

– Возможно.

– Как ты потерял их?

– Подозреваю, при борьбе с нейрофагами. Перед тем, как они обезоружили меня и проанализировали мою ДНК, я здорово сопротивлялся.

– Больше ничего знаменательного тогда не произошло?

– Не припомню, – стоял он на своем, избегая прямого ответа.

Все время поражалась этому качеству в людях. Ну как на четко поставленный вопрос можно изощриться и не ответить?! И не соврать, при этом. Я разочарованно и даже с обидой внимательно посмотрела ему в глаза.

– Алекс, на нас тоже напал нейрофаг. И мы погибли бы, если бы не произошло кое-что, из ряда вон выходящее.

– Что? – он даже подался телом немного вперед.

– Нечто помогло нам. Уничтожило нейрофага. И с помощью этого мы узнали, что

ты жив и в порядке.

– Кира, ты рассказывала это кому-нибудь при возвращении? – взволнованно спросил парень.

– Нет, конечно.

– Это хорошо. Никто не должен знать то, что с тобой произошло. Помни, это важно. От твоего молчания зависит твоя жизнь. Когда я смогу пролить свет на эту тему, ты все узнаешь первая. Ты мне веришь? – я почувствовала почти физически, как его настороженность обволакивает меня коконом и тянется щупальцами к сердцу, заставляя его нервно подрагивать.

– Хорошо, Алекс. Конечно, верю.

Глава 8.

На работу я попала к середине дня. Мышцы гудели после длительной тренировки, тело ломало, но не зря говорится, что правда делает тебя тверже и решительнее, поднимает с колен и призывает бороться. Если только она не ставит тебя на эти самые колени. Макс – единственный, кто делает меня уязвимой. Мысли о нем, как скользящие ленты гимнастки, выполняющей свой божественный танец. Что-то прекрасное и мимолетное, что-то родное и вдохновенное, что-то влекущее все бросить и отдаться инстинктам. И с другой стороны, венец нашей любви – ужасная истина, прикрытая блокирующей пеленой, созданной Алексом. Только она удерживала от необдуманных порывов вернуться к тому, кто не ждет меня и не желает видеть. Эта печать помогала мне хранить свой скелет в шкафу и ждать лучшего времени, когда я смогу с ним справиться. Дни летели за днями, я старалась изо всех сил стать настоящим сингом, или хотя бы выглядеть, как настоящий синг, спокойной, рассудительной, логичной, сильной, уверенной в себе. Мне очень помогала тренировка. Я открывала все новые возможности своего тела и разума. Теперь же сила моего духа укрепилась, так же как и контроль над способностями, появились новые знания, важные задачи и первостепенные цели.

Я все обдумала и разложила свою текущую жизнь по полочкам. На этой планете у меня был единственный друг, и я очень им дорожила. Я убедилась, что он знает о тех туннелях гораздо больше, чем говорит. Он хранил тайну, связанную со странными людьми, которых я повстречала в туннелях под пирамидами в одном из параллельных миров Земли. И я чертовски хочу ее разгадать. Это вопрос времени. Кроме того, Алекс обещал открыть мне детали позднее. Если я не докопаюсь раньше сама. Возможно, я даже смогу стать полезной.

В подобных размышлениях меня застала Дороу. С порога она ошарашила новостью о необходимости новой командировки. Грудь сдавило тяжелым чувством грядущего несчастья. Вот только снова трагедий и страданий беспомощных землян не хотелось видеть, не имея возможности помочь им.

– Ты точно готова? Я могу сказать, что тебе нездоровится, – начальница сегодня казалась мягче.

– Нет, все в порядке, спасибо.

– Тогда держи корпоративный крипт, – она протянула мне мобильное устройство, название которого я еще раз попыталась сохранить в памяти.

Я послушно стянула свой смартфон-браслет и зафиксировала на его месте рабочий. Ремень эластично растянулся и идеально закрепился на запястье без какого-либо дискомфорта, облепив руку, как вторая кожа. Да, я никак не могла запомнить имя сего девайса, но в повседневной жизни обойтись без него было бы теперь трудно. Настолько я к нему привыкла. Сначала меня тяготила мысль, что я под круглосуточным наблюдением. Звонки, внезапно возникающие в голове, раздражали. Но как только я поняла, что подключена к беспроводной высокоскоростной сети, в которой могу серфить, не открывая рта, не поднимая век и не жестикулируя пальцами, словно пианист, осознала, как это удобно. В особенности учитывая тот момент, что я находилась в чуждом мне мире, где практически все в новинку. Я начала постоянно обращаться к устройству с вопросами, неожиданно возникающими пачками по каждому поводу на непонятной для меня планете. Я старалась быть крайне осторожной, догадываясь, что,

скорее всего, мои запросы мониторятся подведомственной службой.

– Надеюсь, ты помнишь, что пока лишена прерогативы пользования сингулярностью на Земле, – будто прочитала мои мысли Дороу.

– Почему? – я тут же заслужила один из ее презрительных высокомерных взглядов.

– Стажерам запрещается применение любых форм сингулярных воздействий на изучаемых территориях.

– А другие работники компании, не стажеры, как-либо влияют на эти территории? – спросила я нейтральным голосом, стараясь придать разговору непринужденный характер беседы между коллегами, хотя внутри у меня все замерло в ожидании ответа на один из самых животрепещущих вопросов.

– Работа нашего отдела – наблюдать. Это все, что тебе надо знать, – отрезала женщина и, мне показалось, даже фыркнула в раздражении. Мягкости и сочувствия в ее тоне как не бывало. Разве работа стажера заключается не в возможности узнать о компании как можно больше?! Вообще не понятно, кому и для чего нужны садистские данные отдела статистики? И почему наша компания не занимается, скажем, спасением людей? Ведь у нас для этого есть все возможности...

После специфичного звука синхронизации наших криптов я задержала дыхание, и уже через мгновение ступила на твердую неровную каменистую почву. Меня обдало жаром, и я резко вдохнула теплый воздух, приятно ударивший в нос разнообразным ароматным букетом цветущих растений. Нежная смесь удивительных запахов опутала меня, и я тут же услышала свой восхищенный стон наслаждения. Такие чувства особенно будут понятны тому, кто живет в городе, где настоящая суровая зима чередуется с жарким знойным летом. И в тот переходный период, когда после зимней стужи и огромных холодных сугробов, короткого светового периода наступает весна, удлиняя день, все вокруг тает, оживает – и вот, наконец, появляются первые зеленые ростки, а затем расцветают деревья: сирень, яблоня, вишня, боярышник, рябина, являя миру великолепные цветы, даря неземные божественные запахи всему живому кругом, знаменуя праздник жизни. Такие ощущения поглотили меня в один миг, вызывая ностальгию в моем сердце о месте, в котором я провела не так много времени, но кое до сих пор считала единственным домом. Может, все было бы иначе, если мне вернули бы утраченную личность...

Вокруг расстился тропический рай. Здесь было раннее утро, но солнце уже светило ярко, ласково прогревая кожу, а легкий бриз окутывал тело нежнейшими шелками. Интенсивная растительность с преобладающими ядовито-зелеными красками радовала глаза своим изумрудным сиянием. Мы стояли на возвышенности. Перед нами открывался панорамный вид, где уходила к небу огромная живописная гора. Внизу, у подножия великана, переливались разноцветные крыши домиков небольшого городка, будто вросшего в основание монументального памятника природы. Фантастичность пейзажу придавали облака, скрывающие в пуховом убежище вершину монолита. Присмотревшись внимательнее к небесным зефирным потокам, я отметила, что некоторые из них имеют совершенно невообразимую траекторию движения, заинтриговавшую и насторожившую меня. Через минуту дымка рассеялась, раскрыв передо мной свои тайны, и заставила меня ахнуть.

Жерло самого настоящего действующего вулкана дымило, словно папиросой,

создавая безмерное количество новоиспеченных облачков. Вот только общего с ними у туманообразного вещества был только визуальный божественный вид. В остальном же картина являла собой явную неприкрытую угрозу.

– Вулкан? Это извержение? – безуспешно пыталась я подавить беспокойство в голосе вместе с возбужденного цвета свечением, ибо сердце мое билось в этот момент, как у кролика.

– Мерапи, огненная гора. Один из самых свирепых представителей своего рода на Земле. Он великолепен, не находишь? – я отчетливо уловила восхищение в глазах Дороу, когда она повернулась ко мне.

– Да, вид потрясающий, но все пространство пронизано ощущением опасности. Неужели случится катастрофа? – выровняла я интонацию нечеловеческими усилиями.

– Катастрофы случаются тут постоянно. Это активный вулкан. Каждые семь лет он начинает извергать потоки лавы на окрестные поселения, выбрасывает раскаленные камни на много километров в радиусе, сметает пирокластическим потоком все живое и неживое вокруг себя. Просто ошеломляюще кровожаден. Но не сегодня.

Я снова воззрилась на поселение, расположившееся у ног опасного гиганта с взрывным характером, чувствуя отголоски радости, что не стану свидетелем несчастья. По крайней мере, не сейчас.

– Тогда что заставляет их оставаться здесь в такой опасности? – кивнула я в сторону деревеньки.

– Ну, во-первых, идти практически некуда. В этой стране сплошная сейсмически активная зона. На протяжении трех тысяч километров тянется цепь, соединяя между собой шестьсот вулканов. Причем сто двадцать девять из них действующие, потому что Индонезия находится на территории тихоокеанского вулканического огненного кольца.

– Огненное кольцо?

– Стык тихоокеанской, евразийской и австралийской тектонических плит. На самом деле, если смотреть на карту, это больше похоже на подкову, чем на окружность. Вулканы огненного кольца образовались, образуются и будут образовываться в дальнейшем в результате субдукции литосферных плит. При взаимодействии одна из плит подныривает под другую, вызывая землетрясение и рождение новых или разрастание имеющихся вулканов. Происходит извержение, и земля выбрасывает на поверхность магму, которая снаружи становится смесью лавы, камней и вулканических газов, – развернуто рассказывала Дороу, приводя меня в замешательство своей явной заинтересованностью объектом разговора.

– Пирокластический поток, – кивнула я, вытаскивая из недр памяти знакомые слова.

– Верно. При всем этом пепел, который оседает на земле и разносится ветром на многие километры, превращает грунт в самую плодородную почву в мире, одаривая ее микроэлементами и минералами. Это позволяет им снимать роскошные урожаи несколько раз за год. А гуманоидальная жадность не знает границ. Ради выгоды люди готовы мириться с опасностью и рисками. Это во-вторых.

– Ну или им просто некуда деваться, – мне стало обидно, что она считала, будто все поступки людей продиктованы меркантильностью. Насколько я могла объективно судить, это синги отличались расчетливостью и подавляли в себе все порывистое на корню. – Ты же сама сказала, что вулканы по всей их стране. В местах экваториального

климата, где можно жить, как в раю, не требуется отопления в холодные сезоны, потому что зимней стужи просто нет, не надо платить за коммунальные услуги, еда растет прямо на пальмах, а урожаи снимаются несколько раз в год, почему-то простой народ всегда беден и классовые расслоения общества более контрастны. Поэтому, я думаю, они просто пытаются прокормить себя и свои семьи, а не гонятся за наживой. И многие живут так.

– Ты хорошо осведомлена. Работала в социальном отделе?

– Типа того, – смутилась я и в очередной раз поругала себя за длинный язык. И зачем правление компании держит деятельность каждого отделения в секрете? Почему я не могу сказать, что ранее была на Земле, если все равно работаю в этом направлении? И, самое главное, как они могли допустить вероятность Извлечения, если знали все это время о разумной жизни на Земле, так дотошно за ней наблюдая и даже являясь косвенной причиной появления этой жизни? Отец Алекса лгал ему, ведь уже на тот момент отдел, где я работала, существовал и функционировал.

– Ты готова? – прервал мои размышления голос Дороу.

– К чему? – вместо ответа женщина провела манипуляции с криптом, и после уже привычного звука синхронизации я ощутила, как по телу от ног вверх поплыла волна давления, издавая шуршащий звук. Я в испуге наклонилась, чтобы посмотреть на источник шума, но перед глазами внезапно потемнело, и непонятная тяжесть опустилась мне на голову, заключив лицо в пугающие объятия. Дыхание мое замерло в инстинктивном страхе, руки интуитивно взметнулись к голове, стремясь избавиться от того, что к ней прилипло. В мыслях всплыли образы нейрофагов, подкармливая панику. Я ощутила моментальную мобилизацию организма, готового сражаться до последнего за право на существование. Но тут темная пелена спала, зрение прояснилось, и я увидела свои ноги, запакованные в новые блестящие штаны. Затем перевела взгляд на руки, которые тоже были одеты в сверкающие перчатки, без швов переходящие в рукава.

Напротив Дороу, обтянутая, по-видимому, в те же удивительные одежды, напоминавшие смесь космического скафандра с гидрокостюмом, равнодушно смотрела на мою дерганую разминку сквозь стекло своего модного шлема. Кажется, уголки ее губ подергивались в улыбке, которой она не позволяла прорваться наружу.

– Забыла, как одевается протекционный костюм?

– Хм...

– Странно. В любом учебном заведении это обязательная программа по жизнеобеспечению.

– Я просто не ожидала, – начальница показала явную неосведомленность о моем личном деле, и я ей объяснять ничего не стала. – Куда мы собираемся в таком виде?

– В эпицентр вулкана.

– Для чего? – спросила я, но глаза мои уже загорелись. Этот опыт будет интересным и незабываемым.

– Возьмем пробу магмы и определим состав газов в ней. Измерим давление, – добавила она скучающим тоном.

– Так мы узнаем, когда начнется извержение?

– И это тоже. Готова? Будет жарко.

Там, куда мы переместились, действительно, оказалось тяжело дышать даже в этом костюме супермена. Мы шли по подземным коридорам, образованным из

застывших пород. Как некогда здесь прокладывала себе путь магма. Наши костюмы излучали зеленоватый свет. Если бы кто-то вдруг увидел нас, светящихся зеленых человечков, то точно подумал бы об инопланетянах, и был бы не далек от истины.

Иногда мы проходили огромные залы, где под переплетениями самородных мостков далеко внизу бурлила вязкая адская жижа, то и дело выпускала пузырьки зловонного газа и дымилась сотнями струек.

Дороу периодически останавливалась, активировала бота – маленькое устройство, отсоединяющееся от ее крипта и отважно погружающееся в устрашающее кипящее болото для сбора информации. Оно выдерживало огромные температуры без единого повреждения. Я точно знала, на Земле нет ничего подобного, что могло бы пережить от пятисот до двух тысяч градусов и не растаять в одну секунду сразу при соприкосновении с расплавленной массой. Сделав себе пометку, чтобы узнать состав его материалов позже, как только получу доступ к сети, я двинулась за Дороу.

Та спроецировала в пространстве перед собой голубоватый светящийся экран и теперь заполняла показатели в столбцах. Затем просканировала земную кору, определяя толщину литосферы, состав магмы, количество газа в ней и давление, измерила температуру мантии на десятки километров под землей. Я то и дело слышала множество цифр, но для меня ее слова были, будто китайская азбука. Только не как в прошлый раз, когда я с помощью крипта, начала понимать азиатскую речь и даже говорить на ней, а как паникующий больной, услышавший диагноз, но абсолютно не понимающий термины доктора. У меня болело сердце за бедных людей, живущих в своих домиках с разноцветными крышами и не подозревающих о надвигающейся опасности.

– Большая концентрация газов, давление сильно выросло с последнего раза, почва вздулась, – покачала головой начальница.

– Что это значит? – занервничала я еще больше, стараясь не отставать от нее. Мы двигались теперь в обратном направлении. Температура начала заметно понижаться.

– Извержение произойдет раньше, чем я думала. И оно будет сильнее, – все же ответила она после долгой паузы.

– А как же люди в городке? – я растерянно махнула рукой за спину.

– А что с ними?

– Мы их предупредим?

Дороу неодобрительно вздохнула. Остановившись, она повернулась ко мне, поднесла крипт к лицу, поводила по экрану пальцами. Экран загорелся красным. Через секунду мое устройство тоже засверкало аварийным светом, а в голове пронеслось:

«Внимание. Устройство отключено. Включите крипт. Опасность. Если Вы не можете самостоятельно включить крипт, оставайтесь на месте. Через несколько минут будет передан сигнал тревоги».

Я удивленно воззрилась на женщину передо мной.

– У нас есть несколько минут для разговора, о котором никто не должен знать. Тебе, как дочери одного из владельцев нашей компании, должно быть известно больше всех, что мы здесь не для помощи. Нам запрещено это делать. Мы не имеем права вмешиваться. По инструкции даже разговаривать об этом не можем. Уже второй раз ты дала повод отослать отчет о твоих действиях.

– Почему ты этого не делаешь?

– Я... – начала она, но осеклась и тряхнула головой. – Это не важно. У людей есть

свои ученые. Они изучают, наблюдают, отслеживают. Перед извержением учащаются землетрясения, вздувается почва, в жерле вулкана появляются пузыри. Земля всеми силами предупреждает о готовящейся катастрофе.

– Но у них нет такого оборудования, как у нас! И даже для тебя сегодняшние данные оказались неожиданностью.

– Мерапи извергается очень часто. У них разработаны системы эвакуации и планы по уменьшению ущерба. Есть специальные базы-укрытия, куда направляются люди в чрезвычайной ситуации. Они оснащены всем необходимым. Также проложены каналы, которые отводят некоторую часть лавы в сторону от городов. Все жители постоянно проходят учения и способны действовать в условиях стихийных бедствий.

– Но все равно многие погибают.

– Такова их жизнь. Не так много, как раньше. Все-таки некоторых достижений в науке они добились, – сказала Дороу с нотками гордости, – вот еще пару лет назад... то есть более ста лет по земному, вулканические катастрофы уносили сотни тысяч жизней по всей планете. А еще раньше... взять хотя бы Помпеи. Они даже отражены в живописи и литературе... – внезапно удивила меня она знанием местной культуры.

– А ты давно работаешь в отделе статистики?

– Со дня основания этой отрасли.

– То есть ты знаешь о Помпеях не по литературе и истории? – решила я подтвердить свою догадку.

Дороу кивнула, сведя брови на переносице. Глаза ее были печальны, и мне показалось, что в них отражалась печаль.

– Ты должна понять, мы не можем им помогать.

– А ты пыталась?

– Да, и это плохо для меня закончилось. Все отслеживается. Каждый гражданин нашей планеты не может ступить и шага, чтобы об этом не стало известно специальным органам. Но не ты. У тебя нет личности, – внезапно шокировала меня Дороу, пронзив пронизательным взглядом.

– Как...

Сильный толчок внезапно выбил почву из под ног. Я упала на спину, не успев толком сгруппироваться, и острая боль пронзила мой позвоночник в районе поясницы. Из груди вырвался крик, но был поглощен дезориентирующим рокотом, заполнившим все вокруг. Голове тоже сильно досталось, но шлем оказался надежным демпфером между мной и твердой земной поверхностью. Перевернувшись и неуклюже вскочив на четвереньки, я увидела, что упала на острое каменное образование, которое должно было, как минимум, проткнуть меня насквозь. Не имея времени удивляться и рассуждать, я стараясь удержать равновесие в трясущемся пространстве, пыталась найти Дороу. И обнаружила ее у противоположной стены. Она лежала на боку, спиной ко мне, лишая меня возможности понять, в сознании ли та. Уняв тошноту и оставив попытки встать на обе ноги, я поползла в сторону женщины. Сердце мое колотилось от поступившего в кровь адреналина. Грохот и скрип то и дело раздавались над головой. Землетрясение не прекращалось. Я поглядывала на основание потолочного свода, переживая, как бы он не обвалился, и мы не оказались погребены заживо.

Когда до нее оставалось совсем немного, случились мои худшие опасения. После очередного толчка, в сопровождении оглушительного шума передо мной посыпались

обломки и камни. Большая их часть некогда являлась пирокластическим потоком, то есть массу имела менее плотную и более легкую, поэтому у меня оставался шанс на выживание. Я отпрыгнула в сторону, спасаясь от убийственного града, отрезавшего меня от Дороу. Мелкая крошка, местами приправленная глыбами, летела непрекращающимся потоком, заваливая меня так, что приходилось практически грести руками, словно пловец, продираясь в неизвестность в наступившей внезапно темноте. Я не могла ничего увидеть, так как в воздухе сплошной стеной стояла пыль. Шлем защищал голову от ударов, поэтому я только слышала глухие перестуки, и не чувствовала всю силу получаемых затрецин. Костюм на пару с адреналином, впрыснутым в кровь мобилизационными системами организма, смягчал побои, облегчая боль от атакующих булыжников. Я металась, на ощупь пробираясь вглубь очередного прохода.

Когда землетрясение прекратилось, а гул стих, я упала без сил, потеряв какие-либо ориентиры, и просто дышала, пытаюсь выровнять дыхание. В наступившей неестественной тишине только эти звуки заполнили все мое существование. Лишь они являлись доказательством, что я еще жива.

Кислород исправно поступал, системы фильтрации на удивление четко работали, насыщая легкие чистым и охлажденным воздухом.

Кажется, это был один из моментов в жизни, когда даже самому заядлому атеисту хочется помолиться. Положение вырисовывалось из разряда «мы все здесь умрем».

– Дороу?! – просипела я, опасаясь вызвать новые обвалы звуком своего голоса. Тишина была мне ответом и в последующие несколько раз, когда я пробовала достучаться до начальницы. Подземельная крошечная темнота, захватившая меня в свои злоеющие сети, начала проникать в мой организм, осваивая территории и распространяя первые зачатки истерики.

Потеряв последние остатки хладнокровия, трясущимися руками я догадалась наконец оттереть лобовое стекло, и обрадовалась, увидев, что костюм все еще излучает заметно потускневший зеленый свет. Я находилась в довольно большой пещере, хотя и с низким потолком, поэтому мне удалось избежать приступов клаустрофобии, и относительно быстро успокоиться. Я удостоверилась в отсутствии видимых повреждений на теле, и, к моему шоку, даже на костюме (вот уж действительно, зачетная штука). Сколько в дальнейшем он сможет светиться и подавать кислород, я боялась даже думать. И какая ужасная смерть ждет меня при недостатке воздуха и сильной жаре, исходящей из недр земли. Все это мне грозит, если раньше не начнется извержение вулкана или очередное землетрясение. Так что будем отталкиваться от меньшего из зол.

«Активируйте крипт. Без подключения к устройству запас энергии в данном режиме двенадцать часов. Активируйте крипт, чтобы заработал маячок. Оставайтесь на месте, крипт отправит данные Вашей локации для спасательной группы», – просигналил в моей голове равнодушный голос. Ну вот, началось, со мной разговаривает костюм... Хотя надо поблагодарить его за хорошую идею.

Тыльной стороной ладони я очистила устройство на своей руке. Погасший экран дефилировал только одним словом «заблокировано».

– Ой, да брось! – не знаю, истерика ли это, но я пропустила злой смешок. – Ты не можешь не включиться в критической ситуации!

Я села поверх кучи камней, изъеденных множеством дырочек. Нужно было

успокоиться, чтобы придумать план. Выбросить из головы негативные мысли оказалось не так просто. Я сосчитала до десяти, сосредоточив взгляд на камнях передо мной. Камень – горная порода природного происхождения. Пемза – есть застывший пирокластический поток. Масса этих глыб гораздо меньше, чем масса обычных твердых пород. Видимо, поэтому я не пострадала.

Вся проблема в крипте. Нужно еще раз основательно его исследовать.

После длительных манипулятивных войн с вредным безапелляционным устройством, я готова была разреветься. Даже в человеческих, далеко отставших, технологиях, при чрезвычайных происшествиях можно позвонить с любого телефона бесплатно, при наличии сети, а тут высокоинтеллектуальное устройство безжалостно отказывает мне в шансе на спасение. Хотя и человеческий телефон в этом месте сеть навряд ли бы поймал.

подавив панику и отчаявшись реанимировать крипт, я стала искать выход, двигаясь по периметру пещеры. Хруст под ногами гулко разлетался по зале, эхом отдаваясь где-то вдали. Это внушало надежду, что землетрясение не отрезало меня от мира живых, и я найду выход.

Получается, Дороу отключила свое устройство и заблокировала мое. Если она не включила его обратно, то тревожный сигнал с последнего места был отправлен через несколько минут после случившегося. Значит, отходить далеко нельзя. Но я уже ушла в неизвестном направлении, спасаясь от обвала. Время, обычно затрачиваемое спасательной группой на прибытие, по идее, должно быть минимальным. Поисковые технологии на Сварге развитые, судя хотя бы по скану или боту. Они бы уже обнаружили меня. Моя семья и Алекс сделали бы все возможное, чтобы сократить время розыска, как только заметили бы исчезновение. Но когда это случится?!

А две минуты по земному времени или по сваргскому?.. Ведь две минуты на Сварге, равно...сколько?.. девяносто шести минутам на Земле. Плюс подготовка, перемещение... Как сложно!.. Заряда костюма должно хватить. Остается надеяться, что по истечению двенадцати земных часов я уже буду способна самостоятельно дышать настоящим воздухом.

Боже мой, Дороу... Надеюсь, она жива. Но если бы это было так, разве она не включила бы свой крипт, таким образом, активировав мой. Все-таки, если его повредило обвалом, она не сможет им воспользоваться. Прибор переносит высокие температуры, но сломался от удара – маловероятно. А если все же сломался?.. Но Дороу – синг. Устройство не влияет на способность сингов перемещаться в пространстве, лишь корректирует и отслеживает сопровождающие действия. Значит, если Дороу в порядке, теоретически, она вернется на Сваргу и объявит тревогу.

Я еще раз с надеждой посмотрела на бесполезный теперь кусок сплава суперновомодного технического ноу-хау у меня на руке.

Зачем они блокируют силы стажеров?! И как они это делают? Если с помощью крипта, и он сейчас не работает, то я, возможно, гипотетически смогу переместиться.

– Попробуем, – прошептала я, и голос мой многократно разнесся под сводами пещер.

Я сосредоточилась и постаралась поднять ближайший камень в воздух, не касаясь его физической оболочки. Я так напряглась, что даже начала в отчаянии манипулировать руками, как в сказках про волшебников, но, к моей досаде, ничего не

выходило. Даже такая простейшая процедура высосала из меня последние силы, и я сползла на пол, облокотившись о неровную стену. Подперев голову, вернее шлем, руками, я пыталась настроить себя на позитивный лад и спокойно просчитать шансы. Вокруг зеленоватый свет рассеивал первозданную тьму. В сочетании со шлемом создавалось впечатление, будто я смотрю сквозь приборы ночного видения. Громко шумело мое собственное дыхание – все это действовало на меня психоделически.

Я попробовала ментально дотянуться до Алекса, но все так же не получила результата. Если бы мы по-настоящему были связаны, то могли бы полноценно общаться телепатически, чувствовали бы все эмоции друг друга. Он нашел бы меня. Сейчас же мы изредка можем ощущать только всполохи и отголоски наших переживаний и настроений, когда находимся в пределах соседних помещений. Обычно это раздражало, а в данной ситуации я бы многое отдала, чтобы услышать его успокаивающий голос в моей голове.

«Активируйте крипт. Без подключения к индивидуальному устройству запас энергии в данном режиме десять часов. Активируйте крипт, чтобы запустить сигнал маячка. Оставайтесь на месте. Крипт отправит данные Вашей локации для спасательной группы», – заставило меня вздрогнуть уже знакомое сообщение.

Десять часов! Прошло уже два!

Нужно что-то делать! Надо двигаться, чтобы найти выход.

Я подергала устройство на руке, но оно продолжало свою забастовку в режиме блокировки. Захотелось снять крипт, бросить на пол и топтать, но оставалась надежда, что он все-таки активируется, или поможет спасателям найти меня. Да и, скорее всего, не так просто сломать то, что не реагирует на высокую температуру окружающего пространства. В общем, всю свою злость и отчаяние я перенесла на исследование пещеры, в которой находилась. Было все еще плохо видно из-за поднятой в воздух пыли, мое зрение кошки здесь оказалось бесполезным.

За моей спиной возвышался завал, а впереди обнаружилось три подобных друг другу отверстия в человеческий рост. Вот прямо как в сепаративной стадии сказки: «направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – себя потеряешь, прямо пойдешь – коня потеряешь и сам пропадешь». Коня у меня нет, так что в голове засело интуитивное решение двигаться правым ответвлением.

Заприметив у ноги небольшой камень, я схватила его и нацарапала на стене правого коридора, куда собиралась направиться на поиски выхода, цифру один. В случае, если я начну двигаться кругами, у меня будет ориентир.

Несколько раз мне попадалось разветвление, заставившее мучиться альтернативой. В конце концов, я сделала выбор держаться правых коридоров по мере возможности. Тогда, если забреду в тупик, я смогу вернуться на исходную позицию, выбирая на пути левые туннели.

Аккуратно вырисовывая порядковую цифру восемь, я прослушала очередное бездушное заявление моего костюма, что мне осталось дышать всего семь часов, и увеличила темп продвижения. Создавалось впечатление, что пещера взяла уклон кверху. Чтобы окончательно закрепить эту мысль, я нашла относительно круглый тяжелый камень размером с кулак, более-менее плоскую поверхность и установила его посередине. Бинго! Голышек, действительно, сделал несколько оборотов в сторону, откуда я только что пришла. Окрыленная надеждой, я с новым приливом сил двинулась

дальше.

Иногда мне казалось, будто кто-то идет за мной по следу. Ощущение, что из жуткой темноты некто следит за каждым движением, приводило в ужас и заставляло переставлять ноги быстрее. От этого я то и дело рассеянно спотыкалась. Необходимо было собраться. Немедленно одернув себя и подавив очередной приступ паники, я списала все на галлюцинации воспаленного испуганного и загнанного мозга.

Нужно быть осторожной, ведь подземный мир – территория малоизученная и опасная. В некоторых местах попадались провалы в полу. Если угодить в такую дыру, даже мое обмундирование не поможет. К тому же на сегодняшний момент я могла «похвастаться» подобным опытом. Я ведь уже один раз не заметила яму в тоннеле, когда мы с Дин увлеклись альпинизмом, но тогда все закончилось благополучно.

Дин... Как же я скучаю по моей подруге. К сожалению, Макс тогда ничего толком не мог о ней сказать. Наверное, она уже меня забыла, ведь это на Сварге прошло всего пару месяцев, а здесь на Земле – долгих восемь лет. У нее, вероятно, столько всего произошло, она ведь никогда не сидела на месте. Ей сейчас уже двадцать шесть лет. Скорее всего, Дин теперь замужем. Может даже уже несколько раз. И у нее двое детей. Я непроизвольно хохотнула, представив себе ее образцовой мамочкой. Бедные дети...

И тут я совершенно отчетливо различила звук, от которого кровь так и застыла в жилах, а на глазах выступили слезы ужаса.

– Нет...

Визг нейрофага настолько врезался в память уродливым шрамом прошлого, что узнать его я могла бы, даже если воспоминания мне стерли бы вместе с личностью еще раз. Есть вещи, которые действительно хочется забыть...

Я замерла, искренне надеясь, что стала жертвой слуховой галлюцинации. Примитивный первобытный страх сковал мое тело, голова заболела, интегрируя напряжение всего организма, позывы тошноты не давали сосредоточиться и успокоиться. Стало душно, все вокруг закружилось, мигая зеленым свечением, и пришлось сесть, чтобы не рухнуть на пол.

Этого не может быть! Что здесь делать нейрофагам?! Алекс сказал, что эти существа блюстители энергетических законов Вселенной. Они преследуют нарушителей, но здесь никто ничего не нарушал! Я не пользовалась силами! Только попыталась... К тому же я по заданию в официальной командировке.

Я вздрогнула, вспомнив, что Дороу говорила как-то о том, что крипты защищают нас от нейрофагов. Мое устройство сейчас заблокировано, я – инородный энергетический источник. Значит, они по мою душу явились.

Костюм еще раз оповестил меня, что необходимо подключить крипт, (знал бы он, как я этого желала), и мою жизнедеятельность готов поддерживать еще шесть часов. Половина выделенного времени прошла, а спасать меня никто не явился. Кроме нейрофагов! Но сдается мне, что они здесь не для моего спасения. С другой стороны, на Земле обнаружили Алекса, когда нейрофаг получил его кровь. Мне не хочется примерять данный опыт на себя. Как я смогу это реализовать?! Дождусь чудовища и скажу: «Хей, привет! Как жизнь? Вот возьми мои анализы и спасай меня из-под завала».

Истерическую мысль подкрепил раздавшийся снова, уже ближе, душераздирающий рев монстра, который когда-то был человеком, возможно даже сингом. Сейчас же являлся бездушным чистильщиком пространства от

противоестественной для этого мира энергии.

От звуков такой мощности может в любой момент произойти новый обвал. Хотя эта смерть кажется уже не такой страшной, как от зубов и когтей того, кто постоянно преследует меня в кошмарных снах.

Собрав всю волю в кулак, я вскочила и ринулась в сторону впадины, находившейся, по моему предположению, в противоположном углу от источника шума. Ничего уже не выцарапывая на стенах, я неслась, гонимая инстинктом выживания. Нейрофаги чувствуют меня, и, если сидеть на месте, то они быстро обнаружат желанную добычу. Которой и защититься нечем! Я не видела смысла держать при себе оружия, учитывая, какие силы оказались в моем распоряжении. Но теперь они заблокированы!

Я попыталась еще раз переместиться, надеясь на чудо, коего, конечно, не произошло. Зато, наверное, я отправила жирный импульс со своими джи пи эс координатами нейрофагам. В доказательство умопомрачительный ультразвуковой визг оглушительно разнесся под сводами пещер, неотвратно и фатально распространяясь по коридорам, подобно крови, скользящей по венам или реке, текущей по руслам.

Проходы мелькали, дыхание сбилось, в районе солнечного сплетения все горело, не давая сделать вдох в полную силу, сдавливая трахею, словно клещами. Ноги не слушались, с каждым толчком замедлялся ритм бега. Светящийся костюм делал меня еще более уязвимой. Сзади уже различался топот, поднимая панику на новый уровень. Через секунду глухой удар по ноге, заставил меня споткнуться, и, потеряв равновесие, я продолжила движение уже кувырками. Мир кружился, потолок чередовался с полом и стенами, не особо отличаясь от них. Потеряв пространственный ориентир, я сгруппировалась и ждала, пока гравитация сделает свое дело, и все в статике замрет перед глазами.

Картина предстала весьма печальная. Поднявшись на четвереньки, я оказалась прямо перед зубастой пастью нейрофага, раскрытой до невообразимого размера, как у удава, готовящегося проглотить жертву. Беспросветные угольные провалы глазниц, в которых я не видела ни мельчайшего блика или отражения, уставились на меня, как две бездонные черные дыры, обещающая бескомпромиссно поглотить без остатка. То, что преследовало меня в страшных снах, теперь стояло в метре и готовилось к заключительной сцене. Я забыла как дышать, моргать, жить, и только смотрела в ожидании последнего удара. На меня опустилась апатия. Захотелось, чтобы все быстрее закончилось, и мне не пришлось бы больше бояться, переживать, бежать. В один момент показалось, будто совсем не я стою здесь. В голове пульсировало, я словно увидела ситуацию со стороны. Ощущение дежавю, где душа отделилась от тела и парила над ним, окончательно сделало обстановку нереальной. Это происходило всегда в самые острые критические моменты моей жизни. Страх доходил до пика и застывал, отпуская и расслабляя тело и мозг.

Все сейчас закончится.

Осталось одно дело. Я осторожно прикрыла глаза, и передо мной возник образ того, кого я всегда буду любить. И легкость, волшебная и прекрасная, окутала тело, успокаивая сущность.

«Макс... я так люблю тебя...прости». Все фибры души скользнули на поиски самого главного человека в моей жизни, чтобы в последний раз коснуться его родного лица, объять его тело, вдохнуть его запах.

Когда я открыла глаза, то уже была готова к концу. Как только монстр дернулся, я лишь отвернула лицо, не желая видеть его страшную суть перед смертью. И он вцепился в мое плечо всеми своими острыми зубами, а последняя надежда на прочность костюма рухнула. Я вскричала от непереносимой боли, отчетливо слыша хруст собственных костей.

И тут увидела в полуметре от себя узкий лаз, в который могла бы протиснуться. Желание жить загорелось во мне с новой силой.

Превозмогая боль, я дотянулась свободной рукой до морды монстра и вцепилась пальцами в то место, где у обычных существ находятся глаза, так как это единственный способ заставить разжать челюсти хищника. Моя рука потонула в липкой покалывающей жидкости по запястье. Чудовище взревело, ослабляя хватку и выпуская мое плечо. Секундного замешательства хватило, и я нырнула в лаз, двигаясь всем телом, как червяк, и не обращая внимание на простреливающее плечо.

Вслед мне раздался кровожадный рык, переходящий в ультразвуковой визг. В ответ земля затряслась, послышался уже знакомый рокот, сопровождающий очередной обвал в пещерах. Меня обдало очередной порцией камней и крошки.

Я уже вылезла из узкого туннеля, когда почувствовала давление в ноге. Обернувшись, готовая вновь вцепиться в ужасающие мерзкие глаза нейрофага, чтобы снова заставить его выпустить меня из своих лап, я обнаружила с долей облегчения, что его там нет, а ногу защемило между глыбами. Я попробовала дернуть ее, поводила из стороны в сторону, но ничего не вышло. Чтобы освободить конечность, нужна была любая крепкая палка. Я могла бы воткнуть ее между камней и методом рычага подвинуть их. Но откуда в пещере такая роскошь?..

Я устало откинулась и просто лежала. Ну все, от меня теперь больше ничего не зависит. Я попыталась ощупать плечо. Оно все горело, то ли от укуса, то ли от того, что костюм был порван, и жар вулканических недр обжигал обнаженные участки. Рука оказалась в чем-то липком. Зеленое свечение погасло, но вокруг не было темно. Из-за угла шел рассеивающийся тусклый свет, позволявший хорошо различать окружение. Когда я поднесла пальцы к глазам так близко, что пришлось испачкать стекло, стало ясно, что нейрофаг все-таки получил мою кровь. Анализы сданы. Теперь ждем спасателей.

Как говорил кто-то умный, не можешь ничего изменить, отпусти ситуацию. Я закрыла глаза и попыталась игнорировать боль, отключая нервы в районе плеча и запуская аварийную регенерацию тела. У меня плохо получалось, но я продолжала стараться, пока сон не поглотил меня с головой, временно избавляя от жизненно важных проблем.

Глава 9

Конечно, мне снился Максим. Он, как в лучших супергеройских фильмах, пришел спасать меня. Абсолютную ирреальность создавал его вид, джинсы и белая майка. Отличная экипировка для пещеры, где стоит адская жара. Это уже не говоря о том, что он никоим образом в действительности не мог тут оказаться. Я воспользовалась этой уникальной возможностью – снова видеть его. Только Макс все портил своим недовольным лицом, искаженным от гнева, но от этого не менее привлекательным. А вот его бесконечные чертыхания серьезно грозили омрачить волшебный момент.

– Это мой сон! Веди себя подобающе герою-спасителю, – попыталась я вернуть его в рамки жанра сказки, на что он нахально рассмеялся и стал дергать мой шлем.

Наверное, чтобы поцеловать. Надо было помочь ему. Откуда парню с Земли, даже и во сне, узнать, что костюм снимается с помощью крипта. Я и сама толком не знала, как это сделать. Все произошло при синхронизации, запущенной Дороу, а теперь мое устройство отключено. Я поднесла крипт к лицу и вскрикнула, почувствовав острую жгучую боль в плече. Даже во сне не обходится без болезненных ощущений. Я неловко подергала крипт, но ничего не вышло.

– Любишь ты неприятности, – приглушенно донесся до меня волнующий голос, заставивший глупую улыбку атаковать мое лицо. Он наклонился над ноющим плечом, губы его сжались в тонкую линию.

– Это ведь сон? – поразила меня внезапная догадка. Я с удивлением лицезрела его отрицательное качание головой.

– Я не понимаю... Как ты попал сюда?..

Макс не отвечал, ощупывая мое устройство, и внезапно каким-то образом снял его с меня и откинул в сторону. Одновременно с этим исчез костюм, и я осталась в той же одежде, в которой пришла утром в офис. Температура окружающего пространства оказалась намного ниже, чем я ожидала. Было жарко и душно, как в знойный летний день, но ничего больше. Видимо, я смогла подобраться близко к поверхности.

Макс осторожно приподнимал огромный валун, высвобождая мою ногу. Мышцы на его руках напряглись, перекачиваясь под кожей. Как только ему удалось сдвинуть монументальную массу, я попробовала подвигать затекшей конечностью. Она с трудом, но все же покинула каменные оковы.

Вдруг в дальнем углу метнулась тень. Я испуганно дернула головой в сторону движения и остолбенела. Передо мной в один миг выросла огромная фигура нейрофага. Сердце пропустило удар. В следующий момент раздался треск... еще один... и еще. Монстр, рухнув на колени, стал заваливаться на меня. Я только в ужасе выставила руки. Макс схватил его за шею и с огромной силой отшвырнул в сторону, с треском стукнув об землю. Нейрофаг упал в таком положении, что мне стал виден его проломленный череп. Я перевела взгляд на прерывисто дышавшего парня, все еще стоящего в оборонительной позиции и держащего в руках пистолет, с которого капала темная жидкость. Я смотрела, как падают эти капли, и звуки казались такими громкими среди замершей тишины. Последовала запоздалая реакция, и я затряслась.

– С...спасибо, – прошептала я, не в силах оторвать глаз от темной лужи у ног Макса.

– Давай выбираться отсюда, пока не случился еще один обвал... или тварь, – тихо

сказал он, помогая мне подняться.

– Ты знаешь, где выход? Мои силы... они заблокированы, – с горечью призналась я дрожащим голосом. – Конечно, знаешь. Ты ведь как-то пришел сюда. Как ты оказался в Индонезии?

– Мимо проходил. Пошли, – Макс взял меня за руку, и я с удивлением обнаружила на его запястье устройство, напоминающее крипт.

– Что... – дыхание мое на мгновение замерло, и в следующую секунду мы оказались в светлом просторном помещении, – происходит? – закончила я фразу, находясь уже в шокирующем состоянии.

– Ты ранена. Нужна аптечка.

Теперь я смогла отчетливо рассмотреть урон, нанесенный нейрофагом. Все-таки костюм держался до последнего. Благодаря ему у меня вообще еще есть плечо. Оно горело, но уже не вызывало у меня адских мук. Я физически чувствовала, как запущенный процесс регенерации сращивает поврежденные места, выправляет и соединяет кости, сосуды, заживляет пронзенную кожу. Будто сотни маленьких червячков заполнили эту часть моего тела, бесконечно двигаясь так, что жжение периодически чередовалось с кошмарным зудом. Раньше я не осознавала, но теперь понимала и принимала эту фантастическую физическую особенность сингов. Поэтому даже местами управляла ходом реконструированная травмированных участков. Если здоровью не нанесен фатальный вред, наши тела восстанавливаются за очень короткое время, особенно если помогать реабилитационной процедуре ментально. Что я и попыталась сделать еще в пещере.

Тем не менее я не остановила Макса, когда он расположился около меня с аптечкой. Я замерла, наслаждаясь моментом, ведь парень находился так близко, а я не могла насмотреться на его лицо с обворожительно выступающими скулами. Боже, мужчинам вообще запрещено иметь такие великолепные чувственные губы. Я помнила каждый момент, когда они касались моего тела. Тогда его красивые небесные глаза, не отрываясь, смотрели на меня с любовью и мягкостью, а не кидали равнодушные взгляды, как сейчас. Воспоминания завели меня так далеко, что я ощутила крайнее перенапряжение всего тела. Меня колотила лихорадка, скорость всех процессов в организме увеличивалась, и я уже не понимала, связано это с особенностями заживления или с близостью Макса.

Я с трепетом ожидала, когда он коснется меня. Пусть даже и для того, чтобы перевязать, и, с другой стороны, осознавала, что нужно взять себя в руки и не дать ему дотронуться до разгоряченной взбудораженной кожи. Еще больший диссонанс вызывало то, что я не видела его свечения, поэтому не знала отношения этого человека ко мне. Простил ли он меня? Чувствует ли ко мне что-нибудь? Понимает ли, как сделал больно в нашу последнюю встречу? Всплеск гнева заставил меня вздрогнуть, а Макса посмотреть на меня.

– Больно? – казалось, во взгляде его промелькнуло сочувствие. Я опустила глаза и наткнулась на крипт, закрепленный на его руке. Это, конечно, могли быть просто модные земные умные часы, но что-то мне подсказывало, что разгадка его появления в недрах горы кроется именно в них.

– У тебя крипт, – не стала я ходить вокруг да около.

– Да, – Макс взял ножницы и начал разрезать мою блузку в районе травмы,

старательно избегая контакта с кожей.

– Но откуда?

– Подарили.

– Ты шутишь что ли?!

– Алекс дал.

– Ты его видел? Зачем тебе крипт?

– Так получилось, – нет, он явно решил вывести меня из себя.

– Это крипт помог тебе найти меня?

– В какой-то мере. Тебе надо к врачу. Раны не глубокие, кровь остановилась, а вот с ключицей явно не в порядке. Она сломана.

– Макс, что происходит? Когда мы виделись в последний раз... – начала я, но на секунду утонула в его синих глазах, и тут же опомнилась, тряхнула головой. – То есть, в предпоследний, ты толкнул Алекса с силой, превосходящей человеческую. А сегодня ты проломил череп нейрофагу, а это не так просто сделать.

– Подучил приемы самозащиты.

– А перемещение?

Он молчал.

Бесполезно. Усталость навалилась на меня, не давая возможности продолжать спор.

– Так ты встречался с Алексом.

– Да.

– Вы помирились?

– Все, готово, но я бы отвез тебя к врачу.

– Спасибо. Не надо, – он умудрился ни разу не дотронуться до меня.

– Вот вода. Отдохни. Я принесу чего-нибудь поесть.

– Спасибо, – я взяла стакан из его рук, снова удивившись, как нам удалось избежать тактильного контакта.

Я проводила его взглядом, у меня вырвался тоскливый вздох, который, очень надеюсь, он не заметил. Комната была слишком светлой. Даже сейчас, уже столько времени в ней находясь, я еще не привыкла к освещению и периодически щурилась. Когда я увидела себя в зеркале, мне стало стыдно. Макс омыл мое плечо, но лицо оставалось в разводах и подтеках, волосы были растрепаны, а одежда на мне помята и не слишком свежа.

Я открыла дверь, соседнюю с той, через которую удалился Макс, и вошла в белоснежную ванную. Скинув с себя одежду, я забралась в душ и, избегая потревожить плечо, ополоснула тело. Осмотрев скептически свое отражение, я снова отправилась к душевой кабинке, намереваясь, преодолевая боль, помыть и голову. Нет, я не собиралась обольщать Макса и не надеялась возродить отношения между нами. Он четко дал понять, что все кончено. У него есть девушка, меня он презирает. А учитывая, что прошло много лет с нашего последнего свидания, может, он уже обзавелся женой. Но чувство собственного достоинства не позволяло разгуливать в его присутствии, как закопченный мышоныш.

Когда я закончила вытираться белоснежным пушистым полотенцем, у меня возник вопрос, что теперь надеть. Я подцепила двумя пальцами свои перепачканные лохмотья. Совсем не хотелось в них облачаться, но выбора особого я не имела. Если

только остаться в полотенце... Но в последний раз, когда мы оказывались вместе, а на мне было только оно... Я снова подавила тоскливый вздох. Вот не надо опять по этой же тропе...

Осмотрев ящики со скрупулезностью сыщика, я наткнулась на халат. Разочарование и досада окутали меня своими путами, стоило мне разложить его и понять, что этот дивный белый шелковый халатик явно принадлежит стройному женскому телу. Первым порывом было разорвать его на две части и положить на место, будто ничего и не случилось, а затем с достоинством удалиться. Но все же мне больше нечего одеть, поэтому я отбросила эти мысли, расчесалась, облачилась в одежду девушки Макса и вышла из ванной с гордо поднятой головой.

Комната оказалась пуста, так что я расслабила гордую осанку и опустила подбородок, став сразу меньше сантиметров на пять. Аптечка исчезла. Значит, он заходил. Казалось, помещение выполняло роль гостиной. Оно было оформлено в стиле ар-деко. Большой диван полукругом красовался посреди зала, ни капли не уменьшая его размера, и практически сливаясь с окружением по цвету, если бы не коричневые вставки по периметру. Несколько стеклянных журнальных столиков тоже были белого цвета, и вливались в колоритный ареал так, что обещали невнимательным гостям немало ушибов.

Аккуратно миновав их, я подошла к панорамному окну и одернула штору. Взгляду моему открылся великолепный фантазийный вид. Восхищение объяло меня, как могут объять только сбывшиеся грезы. Яркое солнце освещало белую песчаную полосу, протянувшуюся вдоль сверкающего ослепительными бликами моря. Насыщенное аквамариновое голубое небо казалось заполненным полностью разнообразными по форме белоснежными облаками, резко контрастирующими с ним. Это был самый настоящий рай. Мой рай. То место, где я хотела бы остаться навсегда, вычеркнув из жизни все неприятности и невзгоды. Когда-то, в минуту душевной близости с Максом, я поведала ему об этой своей мечте. Он обещал тогда, что обязательно исполнит ее для меня. Какая ирония...

Отодвинув в сторону ставни, я шагнула в свет, и через секунду уже стояла снаружи, вбирая в себя один из самых прекрасных запахов во Вселенной. Запах моря. Легкий морской бриз играл моими волосами, то собирая их вместе, то раскидывая в разные стороны. Пришлось сильнее запахнуть халат, чтобы ветер не задрал полы, оставив меня без прикрытия. Вокруг не было ни души, поэтому я в конце концов оставила попытки удержать его.

Белый горячий песок обжигал ступни, скользя между пальцев, но я не обращала на это внимания, пока не миновала половину расстояния до воды. А когда стало невыносимо жечь, я бросилась к морю, не переставая улыбаться глупости ситуации, в которой оказалась. В воде я села на колени, таким образом, очутившись по пояс в море. По телу моему побежали разливающиеся волны наслаждения, отдаваясь эхом в каждой клеточке организма. Незаметно для самой себя я откинулась на спину, погружая все тело в глубину. Когда влага коснулась головы, глаза сами собой закрылись от экстатического удовольствия.

Стихия моей семьи – вода. Поэтому мы взаимодействуем и черпаем энергию в ней. Сейчас мои силы заблокированы, но это не мешает мне чувствовать единение с природой. Каждый атом тела в этот момент движется в унисон с морем, ласкающим

меня волнами, обволакивающим в всеохватывающую защитную плаценту. Безумное блаженство, объединенное на физическом и ментальном уровне, которого я давно не испытывала, заполнило каждый миллиметр моей измученной сущности. Хотелось остаться в таком состоянии навсегда.

Тем более неожиданно и пугающе резко меня вырвали из моей нирваны, схватив за предплечья, подняв и сильно тряхнув. Обладай я телом хрупкой земной девушки, точно сломала бы шею, уже не говоря о том, как взвыло потревоженное раненое плечо.

– Какого черта!?! – ворвался в мое растерянное сознание разъяренный голос.

Я в испуге сфокусировала взгляд на самых красивых глазах, которые мне доводилось видеть в жизни, и непроизвольно расслабилась, удостоверившись, что мне ничего не угрожает. Макс вытащил меня на берег и довольно неделикатно опустил на песок, снова угрожая переломом, теперь уже моему копчику, или, как минимум, ушибом. Чувство обиды загорелось в груди, и, чтобы сдержаться, я прикусила нижнюю губу и опустила глаза.

– Так что ты задумала?! – он был на взводе, и все еще кричал на меня.

– Я просто плавала.

– Ты ушла под воду с головой, и была там довольно долго. Ты можешь дышать под водой? – скорее саркастически спросил Макс.

– Вроде нет, – я присмотрелась к ноге и ахнула, увидев какую-то слизь на ней. Когда я попыталась ее оттереть, то в обзор мой попали руки, которые тоже были покрыты тонким слоем прозрачной пленки. И остальные участки кожи также оказались в скользкой мембране. Я начала в ужасе все стирать с себя, не обращая внимания на гневную тираду Макса. На лице практически ничего не обнаружилось, только в районе рта, носа и ушей. Но я поспешила избавиться и от этого.

– Да что с тобой?! – не выдержал он и подошел ближе.

– Я не знаю. Такого раньше не было. Я просто хотела искупаться. Здесь очень красиво. Ты тут живешь?

– Не заговаривай мне зубы. Пошли в дом, пока кто-нибудь не заинтересовался сценой, – с этими словами он развернулся и направился к дому, удивляя меня своей заботой о мнении посторонних людей. Это что-то новенькое. Я огляделась, но вокруг было пусто. Только вдали поблескивал на солнце такой же домик, как и у Макса.

Как только мы зашли в помещение, он развернулся и шагнул ко мне, оказавшись так близко, что сердце мое невольно пропустило удар.

– Тебе больно? – спросил он, не отрывая взгляда от моего плеча. – Прости. Я на секунду забыл. Все-таки надо в больницу. Я, наверное, еще сильнее повредил твою ключицу. Можно?

После моего кивка, он осторожно спустил мокрый материал халата, случайно заставив его открыть гораздо больше плеча. Я покраснела, когда почувствовала, как прохладный воздух, направляемый кондиционером, стал свободно обдувать обнажившуюся грудь. Но, надо отдать ему должное, Макс не сводил глаз с плеча, аккуратно разматывая бинты. Я же, в свою очередь, не могла оторвать взгляд от длинных черных ресниц, обрамлявших синее пламя, от влажных темных волос, кошной упавших на лоб, стремящихся дотянуться до нахмуренных бровей. Он совсем не изменился за это время. Все тот же мальчишка, только вот улыбку на его красивом лице уже не встретить так часто, как раньше. Или просто я лишена привилегии видеть ее.

Я все же ощутила на себе тепло его рук, когда он коснулся моей шеи, нежно ощупывая ключицу. И это было то самое, чего мне не хватало все последнее время, чтобы быть счастливой. Я боялась дышать, чтобы нарушить бушевавшие во мне эмоции беспредельного счастья. Каждая частичка моей сущности ликовала, отвечая на его прикосновение.

– Кажется, ключица не сломана. Я поспешил с выводами, – услышала я его хриплый голос и кивнула, не в силах выговорить ни слова. Да и зачем ему знать, что она, действительно, была сломана, и процесс регенерации довершил предварительный этап сращивания кости.

Когда он наконец снял бинты, то замер в удивлении. Плечо покрывали синяки и шрамы, но никакого указания на то, что недавно тут имелись открытые раны, не было. Он уже однажды стал свидетелем, когда мои травмы быстро зажили, но тогда я еще не умела сама запускать процесс восстановления, и организм обеспечивался аварийными ресурсами. А теперь, когда я изучила научную литературу сингов анатомического и медицинского характера, у меня появились навыки, как правильно управлять своим телом и способностями в экстренных ситуациях.

Выражение лица его было таким потеряннным и милым, что я не удержалась и коснулась ладонью его щеки, сама напугавшись своей смелости. Руку покалывало электрическими разрядами, и приятное тепло Макса растекалось по ней, стремясь добраться до самого сердца, чтобы зажечь в нем любовь с новой силой. Он поднял на меня глаза, и через секунду уже я чувствовала его губы на моих губах. Тот барьер, который Алекс старательно выстраивал, пытаясь помочь мне, рухнул, и все воспоминания и эмоции вырвались наружу: любовь, счастье, радость, восторг, горечь, разочарование, утрата. Макс обхватил меня руками и бережно прижал к себе, усиливая натиск и вселяя ощущение защищенности. Я зарылась руками в его волосы на затылке, притягивая еще сильнее к себе и опасаясь, что он может опомниться, отстраниться и снова покинуть мою действительность.

– Киара, – требовательный голос Алекса заставил Макса отшатнуться от меня. Я с недоверием и страхом смотрела, как он разорвал сначала нашу телесную связь, отстранив мои руки от себя, а затем и зрительную, отводя взгляд в сторону, отказавшись от меня и от всего, что за минуту до этого тут происходило. Мне было очень больно, но я подавила свое сияние, с достоинством поправила на себе мокрый халат, гордо выпрямила спину и перевела взгляд на Алекса.

– Александр, – кивнула я, приняв надменную осанку королевы, принимающей гостей в тронном зале, несмотря на истинно жалкий вид.

– Я рад, что с тобой все в порядке. Дома тебе станет лучше. Спасибо, Максим, что помог нам, – он кивнул, сделав ударение на последнем слове, но Макс только презрительно и равнодушно смотрел на него. Алекс не пытался сделать и шага в мою сторону, только приглашающее протянул руку.

Значит, Макс просто выполнял поручение своего брата, и теперь спокойно передаст ему меня, словно груз. Я все еще пыталась поймать взгляд незадачливого спасителя, чтобы узнать его настоящее отношение ко мне. Чтобы увидеть хотя бы один знак, что нужна ему, что он на самом деле чувствует ко мне. Но тот упорно не смотрел в мою сторону. В груди образовался ком, который разрастался, стремясь вырваться наружу бесконечными слезами. Такого предательства я не ожидала, и даже порадовалась, что

лишена способностей, потому что уж очень хотелось дать ему пощечину сверхчеловеческой силы.

– Благодарю, – все, что мне удалось выдавить из себя, и с поднятой головой я прошествовала к Алексу, который удовлетворенно взял мою руку.

– Ты ранена? – обратился он уже более мягким тоном, чуть склонившись ко мне, стараясь заглянуть в глаза. Я отрицательно качнула головой, не имея сил отвести укоряющий взор от Макса.

– Сможешь сама переправиться? – Алекс нежно провел ладонью по моему лбу, убирая волосы.

– Нет. Я заблокирована.

Он кивнул, взял меня за руку, и я поймала прощальный разъяренный взгляд Макса.

– Что произошло? – спросил Алекс, как только мы оказались дома.

– Обвал. Где Дороу? – устало спросила я, внутренне опасаясь услышать ответ. Между нами не было близких дружеских отношений, но мне не хотелось бы, чтобы начальница пострадала, и я искренне надеялась, что она в порядке.

– Ее еще ищут. Группа прибыла на место, где в последний раз работал маячок, но никого не обнаружили. Почему отключились ваши крипты?

– Алекс, Дороу отключила крипты.

– Но зачем?

– Она что-то пыталась мне рассказать.

– Что?

– Думаю, по поводу «СтратимХорс» или конкретно нашего отдела.

– И?

– Она ничего не успела. А я потом не смогла активировать крипт.

– Но когда ты сняла его, почему не переместилась домой.

– Я не смогла. Меня заблокировали перед командировкой, как стажера.

– Когда крипт деактивирован, блокировка автоматически снимается.

Я опешила. Как такое могло быть?..

– Я тоже предположила подобное, и попыталась воспользоваться сингулярностью, но не смогла. Зато привлекла внимание нейрофагов.

– Это закономерно без антинейрофаговой программы. Но я не понимаю, почему ты не переместилась. Ты уже вполне самостоятельна. Проработай сейчас любой алгоритм.

Я попробовала простейшую процедуру, попыталась передвинуть предмет, но потерпела поражение. Ваза осталась на месте.

– Что это значит, Алекс, – я была напугана.

– Надо посетить Совет.

– Нет!

– Это чуть не стоило тебе жизни!

– Должен быть другой выход.

– Подожди секунду. Мне звонок.

Я отправилась переодеть мокрый халат, тряпкой свисавший на мне. Я почти закончила одеваться, когда влетел Алекс.

– Слушай внимательно. Сейчас за тобой явятся, чтобы допросить тебя. Им нужно

знать, что произошло. Говори, как есть: Дороу отключила крипты, и ты не знаешь для чего. Ты всего лишь стажер, и твой крипт всегда автоматически синхронизируется с устройством Дороу. Случился обвал. Потом ты очнулась, позвала меня, и я нашел тебя. Если хочешь, чтобы Макс жил, ни слова, ни мысли о нем. Никаких эмоций. Ясно?

– Поняла. А что происходит?

– Не волнуйся, это обычная процедура при чрезвычайных ситуациях.

Появившиеся уже через минуту в моем личном пространстве два нейра попросили Алекса удалиться. Тот послушно вышел, оставив меня в неприятном обществе двух насильно обезличенных существ, выполнявших теперь роли полицейских. Как будто этого мало, вошел мой отец, и лицо его не выражало никаких эмоций. Я не понимала, радуется ли он, что я цела и невредима, или в бешенстве за то, что снова влипла в историю. Он просто встал рядом, словно образуя еще одно звено конвоя, а через минуту наше пестрое молчаливое общество разбавил следователь. По долгу своей службы, видимо, он был крайне занятым человеком, поэтому к допросу приступил сразу после того, как представился. Вопросы он задал точно те, к которым меня подготовил Алекс и даже еще более интересные. Сам он в высшей степени изворотливо и недовольно отвечал на мои, касавшиеся судьбы Дороу. Я могла поклясться, что услышала протестующее покашливание отца, когда пыталась вытянуть хоть крупицу информации из дознавателя. Из разговора я поняла, что мой крипт был найден, Дороу исчезла, как и ее устройство, что казалось очень подозрительным, учитывая инновационные технологии поиска на Сварге. Станным было и то, что об этом землетрясении должно было быть известно нашему отделу заранее. Однако, в сводках оно не значилось, что являлось либо серьезной ошибкой и халатностью со стороны начальника отдела, то есть Дороу, либо запланированной фальсификацией документов.

Все это мне стало ясно из вопросов следователя, который завуалированно намекнул на то, что с меня сняты подозрения только благодаря положению моей семьи. При этом он многозначительно кивнул отцу.

Когда компания покинула нашу гостиную, вместе с папой, даже не посмотревшим в мою сторону, я устало опустилась на диван, чувствуя себя опустошенной, как бутылка шампанского, из которой выбили пробку.

Алекс, незамедлительно вошедший в комнату сразу после ухода следователя, сел рядом со мной, и стал расспрашивать о посетителях так дотошно, что я почувствовала себя второй раз за сегодня на допросе. Учитывая, что у меня у самой к нему были претензии, которые я не успела до сих пор озвучить, закидываемая его вопросами, я вконец разозлилась и вскочила.

– Алекс, расскажи-ка мне теперь, когда ты успел встретиться с Максом и почему у него крипт?! – прошипела я.

Он поджал губы и метнул взгляд в сторону, из чего я смогла сделать вывод, что эту информацию открывать мне не намеревались. Это окончательно вывело меня из себя. Но я вздохнула и сосчитала про себя до пяти, чтобы успокоиться, зная, что с сингами лучше умерить эмоциональный пыл и говорить спокойно.

– Так вы помирились? – сдержанно промямлила я.

– Нет.

– Что происходит? – господи, если он не начнет отвечать более развернуто, я не смогу подавить свой гнев.

– Я не хотел тебя волновать.

– Как мило. О чем ты? Я должна знать.

– После того, как он тогда толкнул меня с неестественной для землянина силой, я дал ему время остыть, и вернулся назад, прояснить ситуацию. И выяснил, что его преследуют нейрофаги.

– Что?! Но как такое могло случиться? – я физически ощутила, как краска схлынула с моего лица.

– Я появился в самый разгар драки и был так шокирован, что уничтожил нейрофага на месте, – Алекс поморщился, явно вспомнив неприятную сцену.

– Боже...

– Тогда Максим проговорился, что нейрофаги не переставали его преследовать и после твоего ухода, – во взгляде Алекса сквозило сожаление. И не зря!

– Как это могло случиться? Я ведь оставила его только для того, чтобы они не добрались до него! Ты уверил меня, что так будет лучше для Макса! Для всех!

– Я и был уверен, – смущенно добавил Алекс.

– Да, конечно. И что дальше?

– Я передал ему взломанный крипт, чтобы нейрофаги оставили его.

– Почему ты не сказал мне?

– Чтобы ты не переживала лишний раз. Я ставил тебе эмоблок, вспомни, чтобы ты могла жить спокойно.

– Алекс, он – моя жизнь!

– Кира, он согласился на помощь при одном условии.

– При каком?

– Он сказал... что...

– Ну же!

– Сказал, что больше не хочет тебя никогда видеть.

– Что?! – у меня даже перехватило дыхание. Это был нокдаун. Два предательства от одного человека за один день. Я снова села на диван.

– Прости...

– Что ж, сегодня его условие было нарушено, и я не заметила, чтобы он был этим недоволен.

Мне не нужна была его жалость. Я просто хотела остаться одной и упиваться горем. Я встала и направилась в свою комнату. Алекс было поднялся следом, но я жестом руки остановила его. У меня имелся еще один невыясненный вопрос, поэтому я притормозила и, не поворачиваясь, обратилась к другу.

– А что касательно того, с какой силой он тогда тебя толкнул? Сегодня он проломил голову нейрофагу, воспользовавшись только рукояткой пистолета.

– Я не смог ничего от него добиться. Попробую еще раз, – он тяжело вздохнул, выражая этим то, как сложно ему общаться с братом.

– И, Алекс, насколько я знаю, крипт помогает перемещаться, но если ты не синг, то не сможешь телепортироваться?

– Ты располагаешь верной информацией. Если бы Макс обладал сингулярностью, стало бы ясно, почему он так силен, может перемещаться, и нейрофаги идут за ним следом. Но он просто человек...

Я кивнула, не поворачиваясь, и удалилась в спальню.

Едва я вошла в свою комнату, как жестокая реальность тяжелым грузом обрушилась на меня и пригвоздила к полу мое тело. Слез было так много, что через некоторое время я промочила рукава. Становилось все хуже, и уже было невозможно остановить поток негативных мыслей, направленных на себя. Ведь это я всему виной. Я, действительно, ощущала боль, она прокатывалась волнами по всему туловищу и отдавалась в конечности.

За душевными стенаниями я не поняла сначала, что с организмом что-то не так. Головокружение и головная боль стали столь острыми, что я уже не могла двинуться, и просто свернулась в позу эмбриона. Я открыла глаза, но все вокруг расплывалось. Напугавшись, я вытерла их от слез и попыталась сфокусировать взгляд, но все равно ничего не видела. Я перевернулась и встала на четвереньки. В районе солнечного сплетения скручивало, будто кто-то пытался вскрыть мою грудную клетку. Я не смогла выдержать такой сильной рези и закричала. Левую руку внезапно ужасно заломило. Она пульсировала, будто прокалываемая скальпелем, эхом отдаваясь по направлению от сердца к ладони. Я не смогла удержаться и упала на пол, схватив правой рукой левую и сжав ее в попытке унять боль. Зрение мое прояснилось только для того, чтобы я увидела еще более страшную картину – правая рука стала просвечивать и размываться, теряя четкие очертания. Будто множество песчинок рассыпались, нарушая единую структуру кисти, а затем, словно одумавшись, собирались снова, возвращая пальцы к прежнему состоянию. Все это сопровождалось дикими ощущениями, заставлявшими меня кричать снова и снова.

Алекс застыл в дверях, шокировано всматриваясь в происходящее. Через секунду он бросился ко мне, но у меня уже иссякли последние силы, и я потеряла сознание.

Глава 10

Сквозь страшную головную боль до меня постепенно доходили приглушенные голоса.

– Это уникальная болезнь. Мы не знаем, как лечить ее на данный момент. Уже много поколений наши тела настолько усовершенствованы, что сами регулируют борьбу с вирусами, регенерацию и восстановление.

– Возможно, ты прав, причину надо искать в отклонениях при слиянии, – услышала я речь другого незнакомого человека.

– Я почти уверен, так как резкие скачки ее сингулярных способностей начали происходить после слияния. А теперь и это, – настаивал Алекс.

– Почему вы сразу не заявили о нарушении процедуры?

– Что происходит? – удалось мне наконец разлепить глаза, будто наполненные стеклом.

Алекс подошел ко мне и протянул руки, но вовремя остановился, сдерживая порыв, выпрямился, хотя в глазах его все еще светилось сожаление.

– Я доставил тебя в Совет, куда и должен был с самого начала, – твердо сказал он.

– Зачем?

– Здесь тебе помогут.

– Насколько я слышала, мне ничем не могут тут помочь, – я встала с импровизированной кровати, оказавшейся столом. Он мне напомнил операционный. Неудивительно, что после него все тело болело.

– Твоя симптоматика беспрецедентна, поэтому пока у нас нет ответов. Но если ты позволишь, Киара Стратим, мы попробуем разобраться, – уверенно заявил мужчина в черной одежде.

В голове пульсировало, кости ломило, мышцы побаливали, как после лихорадки, ощущалась слабость, но я все-таки выпрямилась и постаралась сделать хорошую мину при плохой игре.

– Мне уже гораздо лучше. Я бы хотела попасть домой и подумать там над вашим предложением.

– Дело серьезное. Мы знаем, что твоя сингулярность покинула тебя, – возразил член Совета.

– У меня сейчас некоторые проблемы. Возможно, все наладится, когда мне будет возвращена личность, – заметила я, не отрывая взгляда от стеклянной статуэтки, украшавшей середину комнаты, чтобы никто не заметил, как я нервничаю. Нужно было сосредоточиться. Алекс, предатель, еще поплатится за то, что притащил меня сюда. Теперь, главное, показать им, что со мной все в порядке, и я не подхожу на роль лабораторной крысы.

– Я знаком с твоей историей. Ты должна знать, что твоей личности не обнаружено в хранилище. Поэтому надеяться на возвращение больше не стоит, Киара.

– Что ж, придется по-другому решать этот вопрос, – я и сама не знала, радоваться или расстраиваться этой информации, потому что я сейчас совсем другой человек. И неизвестно, что было бы, получи я свою личность и воспоминания обратно. Почему-то мне кажется, закончилось бы все постоянным противостоянием двух разных характеров в одном теле.

Через секунду я поняла, что прозрачная фигура задрожала, а затем, повинувшись моей энергии, приподнялась в воздух. То же самое заметили и остальные. Получилось! Я укротила всплеск радости.

– Ну вот, я же говорила, что все в порядке, – демонстративно повернулась я к Алексу.

– Все же вопрос со слиянием не решен. Нам придется задержать тебя, Киара Стратим.

Возмущение вскипело во мне моментально, но я подавила свои инстинкты, ясно осознавая, что ссора ни к чему хорошему не приведет.

– Для каких целей?

– Мы должны понять, что произошло. В твоих интересах нам всячески содействовать.

– Абсолютно согласна с Вами, – решила я зайти с другой стороны. – Вы знаете, из какой я семьи. У меня есть обязанности, работа. Я буду находиться здесь требуемое для обследования время, но так же я должна иметь возможность выполнять свою работу. Как видите, Александр неверно истолковал вам мои симптомы. У меня были некоторые трудности. Но это лишь стечение обстоятельств. Мои способности блокировали, потом случилось несчастье. Возможно, поэтому возникла эта странность, но сейчас все в порядке. Я готова приступить к добровольному обследованию, – сделала я акцент на свои последние слова. – Но я прошу права на свободу передвижения.

– Конечно, Вы получите относительную свободу для своих действий, – после минутного молчания донесся голос синга, которого до этого момента я не могла разглядеть за спинами других. Теперь же он выступил вперед, и я увидела очень статного молодого мужчину с жесткими чертами лица. Волосы у него были до плеч, что очень удивило меня, так как длинных волос у современных мужчин на Сварге я до этого не замечала. Но что меня еще сильнее поразило, так это наличие веснушек, сглаживающих строгие черты, и делающих его похожим на мальчишку.

О Боже, мне показалось, или на его лице, действительно, промелькнула улыбка?! Я кивнула, ожидая продолжения. Подойдя к статуе, он протер с нее невидимую пыль и снова обернулся ко мне. Лицо его было бесстрастным.

– Случай исключительный и очень интересный. Полагаю, Ваши родственники освободят Вас от всех обязанностей, как только узнают, что их единственная дочь в опасности. С Вами произошел инцидент, взволновавший и заставивший Вашего партнера доставить Вас сюда. Если Александр описал нам процесс распада материи, а это именно он и был, то вывод один – Вы умираете.

– Но со мной все в порядке! – я невольно взглянула на руку, чтобы убедиться, что она на месте.

– Вы уже достаточно давно вернулись с Земли, чтобы заново познакомиться с основами нашей повседневности, и знаете, какова длительность жизнедеятельности сингов... – он выдержал паузу.

– Да, двести лет.

– В среднем, двести пятнадцать лет. А Вы видели на улице стариков, таких же, как на Земле?

– Нет, – мне показалось странным, что мужчина так компетентен в вопросах Земли. Это навело меня на мысль о его причастности к делам «СтратимХорс

Индастрис». Хотя все же такую осведомленность можно объяснить тем, что он являлся членом Совета.

– Ты уже поинтересовалась, как мы умираем? – неожиданно он перешел к более личному обращению.

– Не уверена.

– Мы медленно стареем. Благодаря совершенному телу, иммунитету, сингулярности наш организм долго сохраняет свои силы, не желая до последнего расставаться с ними. К старости ничего из перечисленного выше не остается. Мы теряем способности и наступает процесс распада. Энергетический катаболизм. Не видишь связи? – мужчина остановился прямо напротив меня, вторгшись в личное пространство, и вопросительно поднял бровь.

– Вы хотите сказать, что я умираю от старости? – воскликнула я, действительно, шокированная.

– Я не хочу, я именно так и сказал.

– Но мне двадцать два!

– Меня тоже это возмущает. Поэтому я хочу помочь тебе, Киара. Ты позволишь?

– Когда вы хотите приступить? – опустила я руки. Одно понятно – выбор мне предоставляется только на словах, и лучше сделать вид, что я на самом деле желаю их помощи.

– Тебе станет гораздо легче, когда ты поймешь, что тобой будут заниматься именно люди твоего отца. Он собрал самых сильных биологов и витализологов. К тому же ты сможешь, как и хотела, не прекращать свою работу.

– Когда вы планируете начать? – уточнила я последний вопрос с тяжелым предчувствием.

– В Ваших интересах приступить прямо сегодня по горячим следам. Вас будут сопровождать, на случай, если приступ повторится, – он кивнул, и в комнату вошло два нейра.

Я окинула Алекса надменным обиженным взглядом и отвернулась, когда он было открыл рот, чтобы что-то сказать.

Мы переместились в «СтратимХорс Индастрис», где мне не дали опомниться, и сопровождали как раз в ту часть здания, которая с недавнего времени меня так интересовала. К моему удивлению, за множеством дверей и коридоров нас ждали люди, среди коих был и мой нахмуренный отец.

– Киара, мы сделаем все возможное, – он накрыл ладонью мою руку, еще раз шокировав меня прилюдным выражением озабоченности. Ну а как по-другому? На Земле беспокойство за близких людей – это в порядке вещей. Я – единственный живой отпрыск, хоть и бесконечно проблемный. В моем сердце шевельнулось ответное теплое чувство, находя защиту в доброй улыбке папы. Наверное, в первый раз за все время пребывания на Сварге, захотелось обнять его и сказать, как я рада, что нашла семью. Мне даже стало неудобно, что снова доставляла неприятности и заставляла родителей волноваться. После образования пары с Алексом я не особо много разговаривала с отцом, всем своим видом показывая, что не забыла его принуждения. Но теперь, заметив неприкрытую тревогу на его лице, мне стало стыдно за свои чувства. Я должна была кого-то винить в навязанном браке, и он был идеальной фигурой для этого, так как сам и заявил мне о невозможности оспорить предложение союза. Но факт остается фактом –

у меня на самом деле не было выхода. Отец же... Характер человека обусловлен условиями его ареала и законами, царящими в обществе. Если бы мы были на Земле, из него, возможно, получился бы хороший папа.

– Ты уже знаешь?.. – выговорила я, сглатывая комок в горле.

– Да, случай беспрецедентный, но у меня лучшие люди. С тобой все будет в порядке. Но почему ты сразу не пришла?!

За руку он препроводил меня за еще одну дверь, где передо мной предстала подозрительная белая штука яйцеобразной формы. Я неуверенно оглянулась на отца.

– Тебе нужно в капсулу, – кивнул он, подтверждая мои страшные догадки.

Клаустрофобия – первое, что огромной неоновой табличкой засветилась у меня в голове, сигнализируя аварийными звуками.

– Я туда не полезу, – тихо заявила я ему, зная наперед, что решать не мне.

– Это просто сканер. С его помощью мы обследуем тебя, сделаем необходимые анализы, выявим ошибки. Не волнуйся, – он, казалось, был обескуражен и даже раздражен моим протестом.

– Там даже окошка нет, – пропищала я.

– Ты ничего не почувствуешь. Операция будет проходить в анабиозе.

– Операция?! – я ужаснулась.

– Не волнуйся. Потребуется биопсия костного мозга, а ее не очень приятно будет делать без анестезии. Давай. Раздевайся, и тебе помогут занять правильное положение.

Внутри было темно и тепло. Я слышала, как отбивает бешеный ритм мое перепуганное сердце, словно попавшая в силки птица. Шум в висках нарастал, а вместе с тем дыхание мое само собою замедлялось. Стало очень влажно, все труднее было сделать полноценный вдох. Наступил момент, когда мне показалось, что я совсем не могу вдохнуть, а вместо воздуха вокруг только теплая влага. Я дернулась, испугавшись, но тут же в нос и рот ворвалась вода. И я поняла, что дышу иным способом, используя жидкость вместо воздуха.

Очнулась я в белоснежной комнате на мягкой постели. Кроме кровати здесь ничего не было. В отражении я увидела себя в белом халате до колен, как это ни тривиально. В комнату через секунду вошла девушка, предположительно моего возраста. Хотя, учитывая особенности сингов, ничего точного об этом сказать нельзя.

– Доброго дня, меня зовут Алиси Хайм, – проинформировала меня посетительница, сделав ударение на первую букву своего имени.

– Здравствуйте. Вы врач?

– Нет, я стажер. Но со временем стану. Если что-нибудь понадобится, я буду недалеко. Ваш крипт, пожалуйста. На сегодня процедур нет, отдыхайте, – она положила устройство на полку около меня.

– Можно ли мне мою одежду?

– Да, конечно, – девушка подошла к стене, и через секунду та самая стеклянная панель, в которой я имела счастье наблюдать себя целой и невредимой, отъехала в сторону, явив глазам строгое серое платье. Тогда, вернувшись домой после пляжного курорта в еще влажном халате, я одела первое попавшееся.

– Я хотела бы вернуться к работе.

– Вам рекомендовано отдохнуть, но никто не говорил, что Вы обязаны это делать. Если Вы понадобится, с Вами выйдут на связь, – кивнула она в сторону крипта. – И

сегодня не назначено процедур. Я скажу, что вы в своем отделе, – внезапно закончила Алиси с улыбкой.

– Благодарю, – обрадовалась я, удивляясь ее осведомленности о том, где именно я работаю. Сама я не знала ни других сотрудников, ни о других отделах. Это было несправедливо, учитывая то, кому частично принадлежит этот холдинг.

– Но к вечеру вы должны вернуться обратно, – с долей строгости заметила девушка.

Как только она покинула мою палату, я сразу же стянула с себя кусок белой материи, осмотрела тело и, не обнаружив ни одного шва или другого свидетельства операционного вмешательства, быстро оделась в свое платье. Нацепив на руку крипт, открыла дверь и вышла в пустынный, хорошо освещенный коридор.

Не совсем понятно, зачем вообще существуют эти помещения, да и двери, если все здесь перемещаются из точки «А» напрямик в точку «Б» с помощью телепортации. Алекс упоминал, что на Сварге есть и другие расы, не обладающие способностями сингов, и пользующиеся земным способом передвижения, но я, сколько ни всматривалась, не смогла бы выделить их из окружающих людей.

Например, в нашем доме Кенек являлся представителем иной касты. С виду он не отличался от меня ничем. Все мои попытки подружиться с ним заканчивались крахом. Я не смогла пробиться через его холодную отстраненную вежливость. После нескольких неудачных предприятий, я решила оставить его в покое. На Земле я все привыкла делать сама, поэтому старалась не обременять Кенека своими заданиями. Кроме того, я вообще чувствовала себя в его присутствии крайне неудобно. Я не очень понимала условия, на которых он здесь находился, но все же считала, что слуги – это неправильно. Видимо, среди сотрудников компании тоже есть другие расы, раз всюду в здании наличествовали коридоры. Однако, это было мне на руку, так как, я могла избежать встречи с кем-то, кто мог бы поинтересоваться, что я здесь ищу. Ведь сотрудники-синги не стали бы терять время на пешеходные прогулки между лабораториями и кабинетами.

В свое крыло я не спешила, хотя мне было интересно, какие там произошли пертурбации, и что нового известно об исчезновении Дороу. Но также меня волновали тайны, хранившиеся в других отделах компании. Если верить члену Совета, здесь велись исследования в области витализма. Я тут же воспользовалась криптом, чтобы узнать о значении «Витализм». Это оказалось направление в биологии и ментологии. Наука о взаимодействии физических и ментальных сил сингов. Мог ли этот отдел иметь какое-либо отношение к Земле, если касался только сингов?

К сожалению, над дверьми я не заметила ни одной таблички, указывающей, что находилось внутри, поэтому решила ломиться во все помещения, куда можно было беспрепятственно попасть. Как оказалось, я ошибалась, когда думала, что коридорами мало кто пользуется. Вокруг периодически сновали люди. Причем многие были явно из руководящего состава и являлись, скорее всего, сингами. Почему они просто не перемещались в нужные помещения, я не поняла. Меня никто не замечал, и я могла спокойно продолжать реализовывать задуманное. С четвертой попытки датчик наконец на меня среагировал, и панель бесшумно скользнула в сторону.

Внутри оказалось очень светло. В середине комната делилась стеклом от пола до потолка на две части. Приблизившись к прозрачному покрытию вплотную, я пригляделась к двум капсулам, находившимся по ту сторону. Внезапно в одной из них

что-то шелохнулась – и высунулась маленькая ручонка, свернулась в кулачок. Он мило погрозил мне, пошатываясь из стороны в сторону. Во втором инкубаторе появилась еще одна ручка и засвидетельствовала мне свое почтение короткими взмахами ладоней. Я зачарованно смотрела на это чудо, умиляясь крошечным пальчиком. Детьми можно восхищаться вечно. Самая настоящая маленькая жизнь, возвращенная в теле и рожденная в мир.

– Они – прелесть, правда?

Я вздрогнула и повернулась к девушке, незаметно приблизившейся ко мне, а теперь стоявшей рядом и всматривавшейся с ласковой улыбкой в маленькие неугомонные комочки за стеклом.

– Да, – расслабилась я, не в силах относиться настороженно к человеку, который даже не пытался скрыть ауру, переливающуюся всеми цветами счастья и любви.

– Я так рада, что все благополучно разрешилось. Все эти бесконечные обследования, процедуры, вакцины...

– Так это Ваши?

– Да. И я дожидаться не могу, когда снова возьму их на руки, – она прижала ладони к стеклу, словно старалась быть как можно ближе к своим крошкам.

– Вы довольно эмоциональны, – констатировала я с интересом.

Девушка перестала улыбаться.

– Чувства весьма нестабильны в период беременности и лактации. Гормоны...

– Ясно.

– Ты на самом деле не узнаешь меня, – она развернулась ко мне всем корпусом и внимательно посмотрела в глаза.

– Сожалею, но моя личность временно утеряна, – по неясной причине захотелось быть с ней откровенной. Я не ошиблась, увидев вспыхнувшее и тут же потухшее свечение цветов печали и сочувствия.

– Мне жаль, что так вышло с твоим братом.

– Что ты имеешь ввиду?

– То, как он умер.

– В результате взрыва в лаборатории... – в смятении я автоматически процитировала Алекса.

– Нет. Ты ничего не помнишь... Я знала, что здесь что-то не так.

– О чем ты? – теперь я уже не на шутку заинтересовалась.

– Ты сможешь остаться здесь до завтра?

– Думаю, да.

– Встретимся ночью в час в коридоре, справа в двух шагах от двери, если стоять к ней лицом. Там нет датчиков. Постарайся прийти без крипта.

– Хорошо.

– Тебе лучше уйти. Через шесть минут обход, а ты не должна здесь находиться.

Я кивнула и шагнула к двери, когда ее голос остановил меня.

– Меня зовут Миерия Лада, Киара.

Я кивнула и вышла.

В отделе статистики катастроф ожидал еще один сюрприз. Вместо Дороу руководить моей стажировкой теперь стал не кто иной, как мужчина из Совета. Тот самый, с длинными волосами, который ясно дал понять, что у меня нет другого выхода,

кроме как согласиться на обследование. От него просто за версту веяло скрытой угрозой. Казалось, мне на самом деле перекрыли все отходные пути.

– Рад снова видеть тебя, Киара Стратим. Мы не познакомились. Ведь ты не помнишь меня. Мы были знакомы и раньше. Володар Род.

– Какое... необычное имя.

– Да? – усмехнулся он. – Оно означает «Властитель».

– О... тогда родители Ваши верно угадали. Ведь Вы состоите в Совете.

– Можно сказать и так, – ухмыльнулся Володар Род, но видно было, что мужчина сдерживает смех.

– А ты знаешь значение своего имени?

– Нет.

– Темная. Ты чувствуешь себя темной?

– Если Вы подразумеваете что-то типа ведьмы, то да, чувствую.

– Ведьмы? – поднял он вопросительно одну бровь.

– Ну да. Мифические существа, колдующие и летающие на метлах.

– А... Земной фольклор. – неопределенно протянул он. – Почему же?

– Видимо, с потерей личности все мои способности...

– Твоя сингулярность, – перебил он.

– Да, моя сингулярность для меня нечто странное, новое и неизведанное. Это как дар... или проклятие, – и я поняла, что мои слова буквально святотатственные в этом мире, поэтому закрыла рот с длинным языком.

Но тут с удивлением услышала:

– Ты не должна так думать. Это не дар, но и не проклятие. Это результат кропотливой работы, максимальной затраты сил и ресурсов, соблюдения свода законов и основ мироздания. Каждый синг – это наивысшая ценность в мире. Так было, и так должно оставаться, чтобы мир существовал. Ну а теперь приступим к работе.

Кроме этого странного разговора, в остальном, вел он себя доброжелательно. Общался со мной исключительно на дружеской ноте, не переставая расспрашивать о самочувствии и достижениях в исследовании моей проблемы. Но его вопросы только еще больше меня настораживали. А когда он упомянул, что для меня лучше, если я первое время буду находиться в пределах корпорации, Алекс не сможет меня часто навещать по причине того, что он проходит процедуру вступления в совет директоров компании, я окончательно поняла, что в заточении.

О Дороу не было никаких известий, она пропала. Эта новость тяготила мое сердце. К тому же я чувствовала себя виноватой, потому что относилась к ней с пренебрежением. Эта история заставила меня переосмыслить наши отношения. И я вспомнила, как она, нарушив устав, не стала заявлять о моей попытке вмешаться в процесс природной катастрофы в Китае. Как начальница на следующий день поинтересовалась моим самочувствием. Как рассказывала с сожалением об извержении в Помпеях. Как хотела поделиться со мной важной информацией, для чего и отключила фиксирующие устройства. Все это не могло не сигнализировать о том, что ее жесткость и надменность лишь проявления внешней оболочки, за которой пряталась совсем другая личность. И то, что в тот момент выжила я, а не она, тяготило меня.

Все утро я была как сонная муха и слонялась без дела, пока новый босс не заметил этого. Он тут же усомнился в моей трудовой профпригодности и попытался уговорить

освободить рабочее место на время обследования. Напугавшись, что придется сидеть взаперти в палате, я сделала вид самого трудолюбивого усердного сотрудника и погрузилась в кучу данных, на основе которых систематически заполняла отчеты. Среди них я с тревожным трепетом в сердце рассматривала сведения с Мерапи. Через несколько недель после нашего посещения магма все-таки вырвалась наружу. Лавой и пирокластическим потоком смела ту живописную деревеньку у подножия вулкана, а также навсегда похоронила останки моей бывшей начальницы. Двести девяносто восемь человек погибло... И один синг – гражданин Сварги.

Офис я покидала в расстроенных чувствах, но с надеждой в душе хоть немного развеять сегодня ночью туман таинственности, окружавший плотным кольцом мою жизнь. В палате меня никто в этот вечер больше не беспокоил, как и обещала Алиси. Я не могла дождаться оговоренного времени, и уже была еле жива, измучив себя разными теориями заговора, когда наступило время идти.

Миерия уже была там. Вжавшись спиной в стену, она нервно поглядывала по сторонам, чем напоминала запуганного зверька. И все ее поведение настолько было противоестественно для синга, что мне невольно передалось ее волнение. Вздвогнув при моем появлении, она моментально расслабилась, признав меня.

– Я не знаю, зачем мне это... Сейчас у меня совсем другая жизнь, и есть что терять, – она посмотрела на дверь, за которой спали ее близнецы, взгляд ее потеплел, скованность исчезла окончательно.

Я молча ждала продолжения, опасаясь спугнуть ее.

– Наверное, потому что я скучала по тебе. Мы так и не смогли поговорить после всего случившегося. Нам не дали даже увидеться. Ты ведь не изменилась, моя Киара. Ты не сдашь меня? Ты все та же Киара, хоть и не помнишь меня, но ты должна мне верить. Мы всегда были хорошими подругами, – Миерия взяла мою руку и пристально посмотрела в глаза.

Я была напряжена, но ее слова словно лились из самого сердца, а ее глаза будто проникли в мою душу, окутывая ощущениями теплоты и притягательности. Сердце открылось навстречу этой удивительной странной загадочной девушке. Я сразу поверила, что она говорит правду, и на самом деле мы были связаны крепкой дружбой.

– Ты так напоминаешь мне его. Сейчас словно частица Киана рядом со мной, – ее аура открылась мне на мгновение, и я увидела цвета любви. Ее взгляд светился теплотой и страстью.

– Кому я могу тебя сдать?

– О Ки, никому нельзя доверять. Ни Совету, ни даже собственной семье, – во взгляде полыхнула боль.

Ки... Так называл меня Макс. В сердце кольнуло, послав по телу импульс печали.

– Кого ты имеешь в виду?

– Твоего отца, – внезапно сказала она.

– Почему? – искренне удивилась я.

– Ты знаешь, что случилось в тот день, когда умер твой брат?

– Я для того здесь, чтобы все понять. Мне только сказали про взрыв в лабораториях.

– Это не так, – она энергично качала головой, а губы ее сложились в печальную ухмылку. – Тебе известно, что сингам положено управлять своими эмоциями?! Что ни

один настоящий синг не позволит чувствам встать на пути долга?! Мы с тобой с детства были лучшими подругами... – странно перескакивала девушка с одной мысли на другую. Я нахмурилась.

– Почему тогда тебя не было на моей церемонии образования пары?

– Ты соединилась с Александром?

– Да.

– Они все-таки объединили ваши семьи, не за счет Киана и Алексии, но за счет вас, – кивнула она. – Что ж, это неплохо. Поздравляю. Ты всегда к нему хорошо относилась. А что насчет того, что я отсутствовала... Так это потому, что мне запретили приближаться к тебе, и входить с тобой в какой-либо контакт. Это просто удача, что мы обе попали в этот центр одновременно. Иначе мы навряд ли когда-нибудь встретились бы. А ты не..? – озарила ее внезапная догадка, и она указала жестом на дверь, за которыми находились ее малыши.

– Нет, что ты! – даже мысль о детях привела меня в ужас. Дети Алекса... А ведь этого, скорее всего, и ждали наши семьи. – Так почему и кто запретил тебе ко мне приближаться?

– Я все расскажу тебе по порядку. Если не помнишь всего этого, начну с самого начала. Я часто была в вашем доме, как твой друг. Меня с детства влекло к Киану. Очень скоро я поняла, что люблю его. Твой отец всегда с презрением относился ко мне и нашей с тобой дружбе, но, как ты рассказывала, твоя мать заступалась за меня. Если бы она знала, чем все обернется, то первая выкинула бы меня на улицу, – она опустила глаза.

– Что ты имеешь в виду? И почему нам зазорно было общаться? – пыталась я разобраться.

– Ты – Стратим. Это одна из сильнейших фамилий, а я – Лада. Знаешь, какая у меня сингулярность? Я помогаю видеть прекрасное, любить. Мой род тоже очень древний, но синги презирают этот дар. Чего хорошего могут получить отпрыски великих громовержцев от меня? Только нахвататься непотребных качеств, и даже противоестественных в современном обществе. Я была изгоем, и только ты относилась ко мне хорошо. Даже узнав о моей любви, ты не посмеялась надо мной, и я поняла окончательно, что вы не такие, как остальные. Поэтому я привязалась к вам и полюбила вас всей душой. Прошло время, и Киан стал отвечать на мои чувства. Это были самые счастливые моменты моей жизни. Но детство закончилось. И он должен был прекратить юношеские увлечения, потому что у него был долг. У всех у нас есть обязательства... Со временем он должен был образовать пару с Алексией Хорс, и объединить две самые могущественные семьи на Сварге. Чтобы Киан прошел процедуру слияния со мной... – она удрученно покачала головой. – Об этом и речи не было. Для меня у Совета тоже имелся суженый с самых юных лет.

– Я поняла, что семьи играют огромную роль в выборе пары, но не Совет... – поражено пролепетала я.

– Нет, дорогая, Совет с самого рождения определяет пары, создает семьи. Они будто разводят нас, как животных. Да, с детства нас учат руководствоваться разумом и логикой при каждом шаге, но мы и чувствуем! А они не желают с этим мириться! Но мы не пошли по этому пути. Случилось чудо – и Киан не отказался от меня.

– Что произошло в тот день? – мое внутреннее перенапряжение достигло

кульминации. Я понимала сразу, что все закончилось трагедией, но мне нужно было узнать правду.

– Киан нашел выход. Ваш отец подозревал о нас с ним, поэтому вынуждал его преждевременно образовать пару с дочерью Хорса. Киан согласился, не оказывая никакого видимого сопротивления, чтобы получить отсрочку. Он тогда готовился к вступлению в состав совета компании, поэтому много времени проводил в главном корпусе. Там он и застал Дамарка, помощника главы технического отдела, за несанкционированным изъятием заблокированных криптов. Они оставались от осужденных сингов. В то время ходили слухи о недовольстве некоторых сотрудников политикой компании. Твой брат сразу понял, что готовится заговор, и увидел в этом наш шанс быть вместе. Я не знаю толком, что у них там случилось, но Киан убедил его, что он на их стороне, узнал, что они планируют взрыв в главной лаборатории, и имеют схему отхода в убежище. Он, рискуя, уговорил его взять с собой нас. Они просили его о доказательстве верности, поэтому втянули в свой план диверсии. Все это Киан рассказал мне вечером без подробностей. Предупредил, чтобы я не брала с собой вещи и ни с кем не прощалась. Мы просто должны были исчезнуть со Сварги и со всех правительственных радаров. Я сделала все, что он говорил. Я договорилась со знакомой из перинатального центра «СтратимХорс» об экскурсии по отделу, сказав, что хочу проходить там практику. Если все делать официально, я могла бы туда попасть только несколько дней спустя, не раньше. Таким образом, мне удалось проникнуть внутрь. Немного погуляв с ней, я двинулась к условленному месту встречи с Кианом. Он спрятал для меня форму обслуживающего персонала в кладовой перинатального центра, дал мне карту расположения камер и отслеживающих устройств, предоставленную Дамарком, чтобы я могла беспрепятственно до него добраться. В одной из лабораторий, где находились секретные данные, которые так стремились уничтожить мятежники, должен был произойти взрыв. В начавшемся хаосе мы собирались бежать, сменив свои крипты на взломанные, которые должен был нам передать незадолго до взрыва сообщник. Корпус находился на отдалении от всех остальных. Не планировалось, что будут пострадавшие. Иначе Киан ни за что не согласился бы. Я добралась до места встречи подземными переходами. Время шло, но Киан все не появлялся. Потом произошел взрыв. Я не двигалась с места, ждала его до последнего. И он появился. На руках его была Алексия Хорс в бессознательном состоянии, вся в крови. Наивная вздорная девчонка везде следовала за ним по пятам. В тот вечер это сыграло для нее, да и для нас, трагическую роль. Сколько трудов мне стоило, чтобы перестать винить ее во всем произошедшем, винить в гибели моего Киана. Он всегда относился к ней, как к сестре, и не смог бросить ее в беде. В этот день она заявила к нему на работу и ходила следом за ним, как привязанная. Из-за этого Киан не мог совершить то, что ему было поручено мятежниками. Она всегда была странной, твой брат рассказывал, что Алексия Хорс никак не могла перерасти свою детскую эмоциональность. Он сказал ей, как есть. Что они никогда не будут вместе. Она развернулась и помчалась к кабинету своего отца, то есть напрямиком к эпицентру взрыва. Он нашел ее в кабинете. Она стояла у отцовского стола с перерезанными венами на руках и кричала, что ненавидит его.

– Но ведь синг не способен к деструктивным действиям, направленным на самоуничтожение – ужаснулась я. – Как это возможно?!

– Вот именно! Это первый случай суицида на Сварге. Мы были в замешательстве.

В шоке! Но Киан точно сказал, что в кабинете никого не было, и она вела себя, как взбесившееся животное. Да и ее раны указывали на то, что порезы нанесены ножом с неровными краями. Ей срочно требовалась помощь, но времени не было. Он схватил ее и бросился бежать, но не успел уйти на безопасное расстояние. Переместиться они не могли, везде были глушители. Из-за этого несанкционированное пребывание Киана на секретном объекте в момент теракта было зафиксировано, да еще с истекающей кровью дочерью Хорса. Когда мы попытались оказать девушке помощь, сингулярность уже покинула ее тело. Мы оказались брошены на произвол судьбы в центре ядовитого улья. И, самое страшное, пути к мятежникам были отрезаны. Он...он уговаривал меня вернуться обратно, в перинатальный центр. Киан обещал, что все будет в порядке, он справится с ситуацией. Что, как только все уляжется, он вернется ко мне. Что он в безопасности, и отец поможет ему. А меня он не сможет спасти, если я не сделаю, как он велит. Появились нейры, и он впихнул меня в шахту лифта. Я сделала, как он сказал. Я ушла. Я бросила его, – она всхлипывала, и слезы текли по ее щекам.

Когда я подняла руки к своему лицу, я поняла, что тоже плакала.

– Ты...ты ничего не могла сделать, – я вытерла влагу и коснулась ее плеча.

– Я ждала его несколько дней, а потом по сети распространилась новость, что при взрыве в «СтратимХорс» он погиб. Я не верила своим глазам и ушам. Он, Алексия, и еще множество людей были признаны жертвами несчастного случая в лабораториях. Но он не погиб тогда! Да, Киан был ранен, но не смертельно. Так почему он умер?! Неужели ваш отец позволил Совету казнить его, собственного сына и наследника?!

– О Боже... Не может быть. Что-то произошло, но я уверена, отец здесь не при чем, – ноги меня не держали от навалившегося груза, и я сползла по стене вниз. Она тут же оказалась рядом.

– Не знаю, но что я могла еще подумать?! Я попыталась узнать правду, пришла в ваш дом. Твоя мать сказала, что Киан погиб, она видела собственными глазами его тело. Также она предупредила меня, чтобы я больше не показывалась в вашем доме и не вздумала приближаться к тебе. Так велел твой отец. Позже ко мне заявился нейр со специальным предписанием, в котором заключалось все, ранее переданное твоей матерью, только уже с законодательной основой. Я поняла, что о моем участии им ничего не известно, поэтому я до сих пор жива. Жива, но не живу, а существую. Я ничего не помню, что было с того времени. Я не сопротивлялась, когда Совет ускорил мое слияние. Очнулась я совсем недавно, только тогда, когда увидела крошечные личики своих малышей. Они – единственное, ради чего я теперь живу. Жаль только, что отец моих близнецов не тот, которого я люблю. Хотя он хороший человек, и разделил всю мою боль, не зная ее источника и не требуя отчета, но я никогда не смогу дать ему и толику тех чувств, которые испытывала к Киану. Теперь ты знаешь все. И я не прошу простить меня, потому что и сама никогда не смогу этого сделать.

– Я последний человек, у которого ты должна просить прощения. Я очень благодарна, что ты мне рассказала все. Я не помню Киана, но я горжусь, что у меня был такой брат. И рада, что у меня есть такая подруга. Жаль только, что мы не можем видеться часто.

– Спасибо. Я была бы рада увидеться еще хотя бы раз.

– Это обязательно случится, – я сжала ее руку в своей и ощутила ответное пожатие. – Скажи, а что конкретно хотели уничтожить мятежники в секретной

лаборатории, Киан упоминал?

– Нет, к сожалению, мы даже толком не говорили в те дни.

– А что в правительстве не устраивало заговорщиков?

– Что-то связанное с политикой использования ресурсов. Еще я помню, что он был очень разгорячен и расстроен, будто узнал нечто ужасное. Все бормотал, что это невозможно, и он в это не верит, и даже упомянул о каких-то жертвах, но не отвечал на мои вопросы, и у нас было ограниченное время, которое мы потратили на обсуждение и разработку плана побега. Надеюсь, я чем-нибудь помогла тебе.

– Спасибо. Очень сильно помогла. Ты смелая и сильная, – а думала я о ресурсах, о которых вчера упомянул Володар Род. Политика использования ресурсов.

– Это не так, – покачала она головой, вытирая слезы.

– Это так. Ты могла бы подчиниться предписанию, и я ничего сегодня не узнала бы, но ты не сделала этого.

– Надо уходить, – встрепенулась Миерия. – Знаешь, когда мы собирались бежать, Киан очень переживал, что больше не увидит тебя. И я тоже, – сказала она, улыбнувшись, и от этого ее заплаканное лицо стало в один миг снова прекрасно. И будто внутренний свет рассеял окружающую тьму.

Глава 11

Утром Алиси вкатила медицинский аппарат, и через минуту я уже делилась с ним своей кровью, в обмен на прозрачную жидкость, плавно вливавшуюся мне в вены. В голове была легкая туманность, которая тем не менее не мешала мне думать о ночном откровении Миерии. Впрочем, я размышляла над этим всю оставшуюся ночь, так и не удосужившись сомкнуть глаз. В итоге образовалось несчетное количество вопросов, кои задать было, мягко говоря, некому. Миерия настаивала, что доверять никому нельзя. Даже собственной семье. При мысли об отце я непроизвольно поморщилась, не желая верить, что смерть моего брата может быть на его руках. Какую страшную тайну узнал Киан перед смертью, что до последнего отказывался в нее поверить? Что конкретно значат понятия «жертвы», «ресурсы»? Как это все связано с мятежниками? То есть, скорее всего, эта величина в уравнении и является одной из причин недовольства этих людей. Куда должен был бежать брат? Что за убежище? Где теперь скрываются эти люди?

Меня внезапно поразила догадка. А могут ли это быть те самые загадочные люди, которых мы с Максом встретили в подземелье в одной из земных реальностей? Неужели это были синги?

Они бесспорно могли ими оказаться. В происходящем со мной практически сразу разобрались. Это раз. Объяснили сущность нейрофагов. Это два. Один из них справился с нейрофагом один с помощью луча. Это три. Они знали об Алексе. Это четыре. Алекс! Он что-то скрывает... и должен наконец рассказать обо всем!

Но его не пускают ко мне, и явно препятствуют моим свиданиям с семьей.

Я думала о Миерии. Благодаря ей я теперь знала о существовании перепрошитых криптов. Именно подобное устройство Алекс передал Максиму. Он не мог дать ему нерасшаренный крипт, иначе за Максом уже пришли бы нейры. Вот как Алекс помог ему избавиться от нейрофагов! Видимо, такой крипт не фиксируется на радарх правительства. И эта штука нужна мне!

Алиси прервала поток моих нескончаемых хаотичных вопросов и догадок, обрадовав, что сегодня у меня не запланировано больше процедур, и я могу спокойно заниматься работой.

Выспросив у нее координаты помещения, откуда можно совершать прыжки, я направилась к цели, гадая, выйдет ли у меня в этот раз. Попытка переместиться оказалась удачной, хотя и была непривычно болезненной. Как только руки перестали дрожать после путешествия, я встала, собираясь умыть вспотевшее лицо – и наткнулась на начальника. Под его взглядом я невольно выпрямилась, напугавшись, что тот заметит мое состояние. Володар явно понял, что я не здорова, но решил не акцентировать на этом внимание, и объявил о намечающейся командировке. Теперь меня пробрала дрожь уже по другой причине. Еще ни одно задание с выездом не обходилось без неприятностей. Вот и сейчас меня обволокло нехорошее предчувствие.

Едва мое состояние стабилизировалось, как мне довелось выслушать краткий инструктаж. Из него я поняла, что исполняю в этот раз функцию секретаря, и поведения от меня ждут соответствующего занимаемой должности. А, если быть точной, молчаливого присутствия. Я почти почувствовала облегчение, так как навряд ли природному катаклизму было бы интересно, какую должность я занимаю при своем

спутнике, а значит, сегодня обойдется без извержений и наводнений.

Далее все следовало по той же схеме: смена крипта на рабочий, блокировка способностей, переход, только весьма неприятный. Внутри моментально так скрутило, что стоило немалых усилий выпрямиться и принять человеческий вид до того, как Володар Род обернулся и тщательно с интересом осмотрел меня, аки лежалый товар на прилавке, скептически приподняв одну бровь. Я старательно сдерживала свечение, кричащее цветами боли, и смело смотрела ему в глаза, опасаясь дать слабину, поморщиться или даже моргнуть. Как только он прервал зрительный контакт, я осмотрелась вокруг.

Зал для конференций. Весьма шикарная обстановка, панорамные окна, открывающие вид на впечатляющий ухоженный цветущий сад. Володар занял роскошное кожаное кресло во главе стола и жестом указал мне на место по правую руку от себя. Я послушно опустилась, жадно разглядывая немногочисленные, разложенные по столу, вещи в поисках информации, которая подсказала бы, где мы находимся. Планшет, календарь, ручка в красивом футляре – ничего определенного.

– А... – начала я, намереваясь узнать о нашем местоположении прямо.

Володар поднял руку, жестом остановив мою так и не начавшуюся речь, и через секунду массивные дубовые двери отворились. В зал вошел мужчина лет пятидесяти пяти, среднего роста, с усами. За ним последовало несколько человек, которые чуть не налетели на него, когда он резко остановился, обнаружив нас. Все замерли, образовалась пауза. Я невольно поерзала на стуле, ожидая неприятностей. Но, как ни странно, вновь вошедший, не поворачиваясь к своим спутникам, махнул им рукой на дверь, призывая всех покинуть помещение. После того, как дверь закрылась, мужчина подошел ближе, и я увидела, что он не так уж уверен в себе, как говорили об этом его четкие действия. Да нет, он явно был напуган. Его аура светилась цветами страха, а глаза смотрели на моего начальника, не моргая.

– Добрый день, мистер Род. Чем обязан Вашему присутствию? – удивил он меня, назвав моего спутника по имени.

Володар указал ему на стул рядом с собой. Когда мужчина сел, я отчетливо увидела дрожь его рук, а на лбу у него блеснули капли пота.

– Добрый, мистер президент. Мы Вас не задержим. У меня для Вас поручение. Как вы знаете, на территории ваших соседей проходят военные действия, направленные на искоренение террористов.

– Да.

– Через два дня в районе десяти утра, военный истребитель страны, помогающей вашим соседям в уничтожении мятежников, нарушит границу и на несколько секунд окажется в вашем воздушном пространстве. Вы отдадите приказ, сбить истребитель.

– Но это объявление войны одной из самых мощных держав в мире! – даже вскочил президент, но под строгим взглядом Володара тут же опустился обратно.

– Никто не станет воевать с вашей маленькой страной. Для вас не будет практически никаких последствий, – совершенно спокойно властным голосом сказал тот.

– Но нас выкинут из Евросоюза.

– Я думаю, мы и так слишком много времени здесь провели. Совершенно неподходящий климат, – неожиданно обратился ко мне Володар, а затем снова

повернулся к взволнованному человеку. – Вы правильно поняли Вашу задачу? – синг встал, а президент остался сидеть, опустив голову.

– Да, сэр.

– До новых встреч.

– До свидания.

Я поспешно поднялась вслед за начальником, и мы покинули Землю на глазах у мужчины, положившего голову на руки, будто ему было невыносимо тяжело. Скорее всего, так оно и есть. Я бы точно себя ужасно чувствовала, если бы меня заставили сбить самолет с живым человеком и попытаться развязать войну.

Пока обедала, я обдумывала ситуацию, свидетельницей которой только что стала. «СтратимХорс» вмешивалась в политическую ситуацию на Земле. Но не ясно, для чего это надо компании. Я с беспокойством обдумывала версии. С самого начала работы в отделе статистики я без устали задавалась вопросом «зачем». Все действия имеют какую-либо цель. Но то, чем занимается компания моего отца – это просто странно и не вписывается ни в какие рамки. Зачем изучать поведение людей с другой планеты?

Ближе к вечеру я обрабатывала данные о первых последствиях появления Володара Рода в том злосчастном конференц-зале. Он не обманул президента. С его маленькой страной пока никто не воевал, но все же безнаказанно для правителя это не прошло. Судьбу летчика узнать не удалось. Зато его родина и страны-союзники прервали все внешнеэкономические дела с обидчиками, а также запретили въезд своих граждан на территорию государства, предательски ударившего ножом в спину. Так как это маленькая южная страна, основная прибыль которой идет с экспорта фруктов и овощей, а также с туризма, то местным жителям придется очень туго. В любом случае, отразится это на всем мире. Главное, чтобы не началась мировая война. Вот, что действительно страшно. Не она ли являлась целью Володара Рода?

Я выяснила, что через неделю после трагедии на президента было совершено покушение, а в столице случилась попытка переворота собственными же военными.

В итоге, по моим последним наблюдениям, это происшествие до предела обострило отношения между государствами Земли, фактически раздробив их на два основных лагеря.

Я зашла в кабинет начальника, чтобы передать ему последние сводки, но его там не оказалось. Подойдя к столу, чтобы оставить распечатанные данные, я обнаружила наши рабочие крипты, подсоединенные к компьютеру. Один из них был меньше размером, и внезапно до меня дошло, что передо мной не командировочный крипт, а личное устройство Володара Рода. То есть он переместился с рабочим криптом, а я сейчас смотрела на ящик Пандоры, возможно, хранящий в себе тайны, доступные лишь членам Совета Сингов.

У меня судорога по руке прошла, когда я поняла, сколько загадок помогла бы разрешить мне эта штука. Я жадно потянулась к устройству Володара, но вовремя вспомнила, что все равно не смогу им воспользоваться, так как он реагирует только на ДНК хозяина. Мало того, я оставлю свои отпечатки, наличие которых покажется ему очень подозрительным фактом. Поэтому я с разочарованным вздохом свернула с намеченного пути, и просто кинула на стол пачку документов. Падая, она все же задела крипт. От этого движения экран компьютера вышел из спящего режима, и передо мной, вместо привычной графы с запросом пароля, возникла таблица. Видимо, Володар ушел

не более десяти секунд назад, поэтому стандартный режим шифровки еще не успел активироваться. За все время моей работы в этом месте мне ни разу так не везло, а я ведь при каждой удобной возможности погружала свой любопытный нос в самую гущу событий.

В таблице было несколько колонок. Я внимательно присмотрелась к последней записи. Было очевидно, что в одном столбце стояла завтрашняя дата по календарю Сварги, а в соседнем число, если я правильно посчитала, соответствующее времени на Земле. Далее, судя по парным цифрам, знакам градусов и кавычек, шли «джи пи эс» координаты. А последняя, самая большая, графа пестрила загадочными жирными буквами «N1N1». Последний столбик был пуст. Я прочитала предыдущую строку, надеясь получить подсказку к ребусу, и вздрогнула. «Бомбардировщик Су-24», справа значилось «сбит». Я приблизила свой крипт к экрану и зафиксировала таблицу, собираясь разобраться в аббревиатурах позже, как-только окажусь в безопасном месте. Чтобы мое пребывание осталось в секрете, я схватила свои записи и повернулась, намереваясь выйти незамеченной.

В этот момент на моем пути, у входа, возник Володар, и вонзил в меня свой прищуренный взгляд. Я замерла на месте, вцепившись в документы онемевшими пальцами, и постаралась выровнять дыхание. Вся моя воля понадобилась, чтобы скрыть свечение.

– Как ты вошла?

– Было открыто, – тихо сказала я, скосив глаза на компьютер и с ужасом убедившись, что экран еще не погас. А значит, надо тянуть разговор, пока этого не произойдет. Иначе, он догадается, что я видела данные.

– Хм... Замки блокируются, как только я выхожу отсюда, – он сделал шаг по направлению к столу.

– Значит, они сломаны, – адреналин так и вливался в мою кровь пульсирующими потоками, в лобной части головы растекалась боль, в ушах стучало, но я с непринужденным видом пожала плечами, заставляя своего внутреннего синга взять верх над эмоциями.

– Надеюсь, это не ты сделала. Знаешь, меня не было буквально минуту, и вот, ты уже здесь, – по его губам растеклась жесткая ухмылка, а мое сердце забарабанило еще громче. Я еле сдерживала цвета волнения и страха, переплетавшиеся вокруг меня, и душившие своими паническими ручонками.

– Ну я бы нашла менее варварский способ, чтобы принести отчеты, – потрясла я ими перед собой, словно прикрываясь щитом.

– Ты могла бы просто прислать их, а эти занести позже.

– Я прислала. Просто привыкла не откладывать ничего на потом. К тому же действительно было открыто, – я бережно положила бумаги на край стола и снова повернулась к нему.

– Ясно, – он сделал еще шаг к столу, давая понять, что разговор окончен, но я не могла допустить этого.

– Есть еще кое-что.

– Слушаю, – остановился он около меня, и мне пришлось повернуться к компьютеру спиной, а лицом к начальнику, чтобы закрыть от него профиль светящегося экрана.

– У меня есть просьба, – я опустила глаза, не выдержав его взгляда.

– Просьба? – переспросил Володар. – Синги так редко опускаются до прошений.

Но ведь ты не можешь считаться полностью сингом без своей личности.

Казалось, он просто констатировал факт, но внезапно весь мой страх заслонила ярость, вызванная нотками превосходства в его тоне. Я гордо подняла голову и смело посмотрела ему в глаза.

– Много ли сингов оказывается в моем положении?

– Такая, как ты, одна.

– Я хочу навестить семью, – решила я вернуть диалог в изначально задуманное русло.

– Тебе требуется круглосуточное наблюдение.

– Но я почти весь день провожу на работе. Все равно никто не занимается наблюдением.

– Почему же? Здесь я выполняю эту функцию.

– Я действительно устала, и хочу сегодня спать в своей кровати. А так же я желала бы встретиться с Александром Хорсом и со своей семьей. Если что-то случится, доставить меня в исследовательский отдел будет делом одной минуты, даже если я сама этого сделать не смогу. Но вы сегодня три раза видели, что я совершенно спокойно телепортируюсь. И вы обещали свободное перемещение, – пустила я в ход последний аргумент.

– Ты получила все, что я обещал. На большее пока не рассчитывай, – он обошел меня и сел в кресло. Я медленно повернулась, посмотрела на него, периферическим зрением с облегчением заметив, что экран черный. Затем кивнула головой и вышла из кабинета.

Сама же для себя решила, что черта с два я буду сидеть в больнице, когда вокруг такое происходит. Как только я оказалась одна в своей больничной спальне, переместилась в дом родителей. Превозмогая боль от перенесенного путешествия, каждое последующее из которых мне стало даваться все труднее, я направилась прямо в семейную библиотеку. Я наслаждалась тайным, скрытым от чужих глаз, проникновением в якобы свой же дом. Только здесь я могла добыть нужную мне информацию и надеяться, что никто не узнает о моем исходном интересе. Мама как-то упомянула, что в этой комнате можно делать подобные вещи и рассчитывать, что ничего не выйдет за пределы родовых стен.

Скопировав фото с экрана Володара в семейное хранилище, я тут же удалила с крипта улики, стерла историю и почистила папки уничтожения, или корзину, как называли бы ее на Земле. Я понимала, что полностью не смогу устранить доказательства своего вмешательства, так как где-нибудь на удаленном сервере в папке «Киара Стратим», скорее всего, сохранялась абсолютно вся информация, которая касалась моего крипта. Но, по крайней мере, так просто им все не достанется.

– Что такое H1N1? – спросила я сразу, как только установилось защищенное соединение.

– Доброй ночи, Киара Стратим. H1N1, из архивных данных, – это подтип вируса гриппа А, вызывающий масштабные эпидемии у несингуляризированных людей. В осложненной форме протекает с вирусной пневмонией, не чувствительной к антибиотикам, в отличие от остальных вирусов гриппа. Летальный исход наступает в

течении суток. Симптомы: лихорадка, боль в горле, кашель, насморк, головная боль, миалгия, тахикардия, слабость, озноб...

Твердый звонкий голос продолжал перечислять энциклопедические сведения, а я старалась запомнить каждую деталь, фиксируя в памяти методы лечения и формулы исцеляющих средств, которые, я очень надеялась, не понадобятся.

Сомнений не оставалось, Володар Род собирается выпустить эту дрянь на улицы, полные невинных людей. Когда «библиотекарь» расшифровала координаты, ноги подомной подкосились. Все произойдет в центре столицы той самой страны, истребитель которой так нещадно он приказал сбить. На территории резиденции президента.

В следующее мгновение панель входа беззвучно скользнула в сторону, я вздрогнула и оборвала поток информации. В комнату уверенным шагом вошел отец. Увидев его непроницаемое лицо, я поняла, что он совсем не удивлен моим присутствием в библиотеке. Мало того, вся его поза выражала угрозу.

– Отец... – я вскочила.

– Киара, что ты делаешь?! Ты понимаешь, что подвергаешь опасности себя и всю семью, запрашивая данные о Земле, да еще за пределами корпорации?! – он сурово свел брови на носу.

– Ты все знаешь! – возмущенно выпалила я. – «СтратимХорс» собирается выпустить на Земле вирус! Умрут люди!

– Такова их судьба.

– Что ты говоришь?! Это ужасно! – не верила я своим ушам.

Он хмурился и качал головой, будто вел внутренний диалог. Лицо его смягчилось, и вся поза его буквально выражала усталость. Он вздохнул.

– Киара. Ты моя единственная дочь. И ты со временем займешь мое место в совете компании. Ты должна понимать, все, что мы делаем, на благо всем сингам.

– Я ни за что не поверю, что заражать людей смертельными болезнями – это благо!

– По-другому мы не можем. Таковы правила.

– Что ты говоришь?! Я не понимаю! Какие правила?

– Мы воссоздали жизнь на Земле. Благодаря нам там существует именно разумная жизнь. И то, что мы делаем – своего рода, их плата за это.

– Что? – я не верила своим ушам.

– Люди – продукт наших действий. Мы – их создатели.

– То есть вы специально это сделали?

– Да.

Значит, отец Алекса точно солгал ему не только когда сказал, что разумной жизни на Земле нет, но и когда уверял позже, что эта самая жизнь получилась случайно.

– Об этом знают лишь руководители «СтратимХорс» и Совет Сингов. Теперь знаешь ты, как моя преемница. Это тайна государственного уровня, за разглашение которой грозит Извлечение личности. Ты должна молчать.

– А Киан молчать не стал, поэтому его убили? – поразила меня внезапная догадка.

Отец первую секунду был поражен, а потом внезапно поник. Плечи его опустились, а брови сошлись на переносице. И в один момент этот мужчина постарел на сотню лет, потеряв эффект молодости и привлекательности сингов.

– Я не смог ему помочь, – проговорил он, не поднимая тяжелого взгляда от пола.

– Но я не могу потерять и тебя.

- Что с ним стало? – мой голос дрогнул.
- Они забрали его.
- Кто забрал?
- Совет.
- Как ты мог отдать его?
- У меня не было выбора. Участие в заговоре, проникновение в секретные лаборатории. А потом еще и взрыв... Я ничего не смог предпринять. Измена Сварге не прощается никому. Я мог лишь уберечь тебя и Ниан.
- Что с ним сделали?
- Изъяли личность.
- Он...Он теперь нейрофаг? – с ужасом произнесла я, понижая дрожащий голос. Отец отвернулся и кивнул. Миерия была права. Он причастен к гибели брата.
- И ты ничего не пытался сделать! – я презрительно выплюнула слова.
- Я не могу.
- Но ты можешь помешать Володару распространить вирус.

Он вздрогнул.

- Будь осторожна с ним.
- Как? Он теперь вместо Дороу. Это на его компьютере я обнаружила информацию о планирующейся диверсии.
- Очень плохо. Он опасен. Володар Род – глава Совета. Если он находится около тебя, значит, подозревает. Он очень умный и осторожный и не допустил бы оплошности. Если ты разузнала важную секретную информацию, это может означать только то, что он позволил тебе ее узнать. Это ловушка. Забудь о планах помешать ему. При любом исходе, если он не выпустит вирус, случится другое, подобное этому.
- Как это? – я не могла понять, что он имеет в виду.
- Совет контролирует все сферы жизни на Земле: политику, экономику, государственное устройство, социальный строй, климат, погоду, эволюцию, население. «СтратимХорс» – лишь средство.
- То есть и войны – это дело рук сингов? – я была ошарашена обширностью и всеохватностью сферы влияния сингов на человеческий мир.
- Отчасти. Люди слишком эмоциональны. Это их побочный эффект. Из-за эмоций земляне слишком агрессивны и в любом случае пускали бы свои силы в военное русло. Мы просто контролируем и направляем их.
- И природные катастрофы, которые я систематизировала, тоже мы провоцируем... – прошептала я.
- Иногда.
- То есть я подводила итоги... Все эти страшные последствия, трагедии – все делалось с подачи «СтратимХорс». А вирус зачем?
- Естественный отбор.
- Что?
- Контроль над численностью населения. Вирусы всегда играли роль чистильщиков в системе естественного отбора. Их слишком много для такой маленькой планеты.
- Но это не естественный отбор! Это убийство!

– Это жизнь.

– Подожди! Я ничего не понимаю. Почему тогда стоял вопрос об Извлечении Земли, если Совет знал о разумной жизни?

– Я не могу сказать всего. Но вопрос и сейчас стоит. Дело в том самом побочном эффекте. Эмоциональность.

– Но почему не оставить их в покое? Разве можно уничтожать жизнь на планете за то, что они не похожи на вас?!

– Слишком много вложено в проект. Никто не оставит золотую жилу лежать без дела.

– Но ведь там разумная жизнь. Совет должен понимать это. Надо донести до людей. И у них не останется выбора.

Отец моментально переменялся в лице, вцепился в мое запястье, приблизил меня к себе и зло сказал:

– Не смей. Здесь замешан весь Совет. Ты подписала документы высшей секретной категории при принятии на работу. Тебя просто казнят за предательство. Подумай о матери. После смерти Киана она и так нестабильна.

– Киан не умер! Он стал нейрофагом. И все по твоей вине! Он всего лишь хотел жить своей жизнью!

– Что ты сказала? – отец был явно ошарашен, а я прикусила язык. – Что тебе об этом известно?

– Ничего! Я даже только недавно узнала, что у меня был брат. Случайно, когда изучала литературу о сингах. Никто не удосужился мне рассказать.

– Когда это случилось, ты была убита горем. Ты даже не знала, как на самом деле он погиб. Ниан не догадывается до сих пор. Для всех он жертва действий мятежников. Так что ты хотела этим сказать? Ты что-то знаешь о его причастности к мятежникам? И откуда?

– Интуиция.

– Это Александр? Он знает правду?

– Он ничего мне не рассказывал, – я с вызовом смотрела в его глаза и прокручивала в голове слова Миерии о том, что нельзя доверять даже членам семьи. Но больше всего меня расстраивало то, что отец замешан в исчезновении Киана. Я решила дать ему последний шанс. – Ты сможешь мне предотвратить распространение вируса?

– Нет. И ты не будешь этого делать, – сказал он твердо и, шагнув к библиотекарю, совершил быструю манипуляцию, после которой проекция погасла, пожелав напоследок доброй ночи.

– Что ты сделал? – испуганно спросила я.

– Ты больше не имеешь доступа к центральной библиотеке. И не пытайся проникнуть сюда, я стер все данные, которые могли бы стать косвенной причиной исчезновения нашего рода.

– Как ты мог?!

– Если хочешь жить, оставь это дело, – отец окончательно восстановил над собой контроль и стоял сейчас как холодное бездушное изваяние. И вместе с этим на его лицо снова опустилась маска. От этого оно стало пугающе красивым. Ничего не осталось от того сломленного, раздавленного виной человека, который несколько минут назад дал слабину, вспомнив о трагической утрате сына.

В бешенстве от бессильной злобы, которая целиком завладела мной, я шагнула к нему, намереваясь высказать все или даже пустить в ход руки, но остановила себя. Я должна найти Алекса и рассказать обо всем. Он поможет мне.

Я вздохнула, кинула на отца презрительный, источающий желчь, взгляд, намереваясь переместиться в гостиную, нейтральную зону между нашими с Алексом комнатами. Там я могла бы спокойно дожидаться его. Вместе мы придумали бы план, как остановить Володара Рода. Пусть отец думает, что я смирилась. Но внезапно я замерла. Я не задала главный вопрос:

– Для чего вы все это делаете? Зачем истязать целую расу политическими, экономическими и природными катастрофами?

Он ощутимо напрягся.

Но в следующий момент меня скрутила сильная боль. Казалось, будто тело мое было объято пламенем, искромсано ножами, сжато в тиски. Я в ужасе подняла глаза на отца, отметив его посеревшее озадаченное лицо, и через секунду погрузилась во мрак.

Глава 12

Боль наконец прошла. Тело обволокло расслабление, создавая иллюзию, будто я парю в невесомости, словно легкое перистое облако. Я даже перестала ощущать свое дыхание и погрузилась в поверхностную дрему, лавируя на грани сна. Казалось, грудная клетка насыщает кислородом легкие, не совершая при этом никакого усилия, ни единого движения.

Темнота.

Прошло еще несколько секунд, и я осознала, что не могу задействовать ни один из органов чувств. На самом деле, я пыталась получить хоть толику информации, где нахожусь и что со мной происходит, но все в пустую. Самое страшное, конечно, отсутствие зрения, абсолютно дезориентирующее и основательно пугающее меня. Я потянулась руками к глазам, в какой-то момент ужаснувшись, что их может не оказаться на месте. Я почти осязала свою тянущуюся к лицу руку, но не почувствовала ни малейшего прикосновения, как не чувствовала и саму руку. Лишь фантом, заставивший сначала поверить, что я вот-вот дотронусь до губ. Как-то я слышала историю, что люди, которые только пережили ампутацию конечности, ощущают ее, и они уверены, что двигают ею. Страшное подозрение, подкормленное ужасным воспоминанием этого факта, грозило перерасти в панику. Пришлось делать гипотетические глубокие вдохи, чтобы успокоиться, а затем призвать всю рассудительность и логику, чтобы обдумать ситуацию. Ампутация исключается точно, потому что не было никаких показаний. Но и самый главный аргумент, это то, что организм синга способен исцелить и даже регенерировать ткани даже в аварийном режиме.

Я прислушалась к себе. Я, действительно, парила. Иначе как объяснить, что я не ощущала давления прикасавшихся ко мне предметов. Хотя бы взять ту же поверхность, с которой теоретически обязано взаимодействовать мое тело по законам гравитации.

Если это сон, то я должна проснуться. Я сделала мыслительное усилие, призывая себя очнуться, но ничего не менялось.

Не знаю, сколько времени я провела, размышляя о своем состоянии. Панические волны с незavidным постоянством прокатывались в моей голове, выбрасывая меня на берег безысходности.

Возможно, Володар оказался прав, и я умерла...

Наверное, так происходит, когда тело угасло, а душа теперь должна найти свое место в мироздании. Ее провожают в чистилище. Или же она готовится к перерождению. Или, например, остается в небытие. Да, это похоже на небытие. Ничего вокруг, никакой чувствительности, понимания, что происходит, и способности познания и изменения ситуации. Остается только мозг, отказывающийся воспринимать такую чудовищную форму жизни после смерти.

Но если верить Декарту, «мыслю, следовательно, существую». Тогда я все еще жива. Правда, можно поспорить о качестве такой жизни. Меня не устраивает точно... Это неправильно.

Пережив еще один всплеск страха, я приступила к практическим методикам медитации. С их помощью я собиралась успокоиться и попытаться обратиться к своей сингулярности. Да, последнее время она меня подводила, и, может быть, даже стала причиной сегодняшнего состояния, но, если и есть шанс выбраться из этого ужаса, то

только с помощью своих сил.

Очень долгое время я просто успокаивалась, заставляя себя сдерживать страх, вызывавший поначалу приступы самого настоящего удушья. Хотя я понимала, что не дышу, или не ощущаю этого, но поверить было тяжело. Я будто оказалась в гробу. Только без теснящих стенок.

Я повторяла, что все хорошо, всячески гнала негативные мысли, пока отчетливо не услышала низкий вздох с придыханием. Это был точно не мой вздох. Мало того, он показался мне знакомым, но я не могла вспомнить, где я его уже слышала. И какое он имеет отношение ко мне сейчас.

И я открыла глаза, увидела белый потолок, светлую прямоугольную плоскую люстру. Не веря своему счастью, я постаралась повернуть голову, чтобы оглядеться и выяснить, где нахожусь. Но не смогла. Я не могла повернуть шею. Не могла поднять руку, не могла шевельнуть ногой. И я по-прежнему не чувствовала свое тело. Только не это!

Страшные мысли потоком неслись в моем воспаленном мозгу, нарастая, как снежный ком. Неужели, я парализована?! Как, когда и почему это случилось?! При переломе позвоночника часто люди трагически становятся инвалидами, но я синг! Процессы восстановления в моем организме происходят сами собой, даже если не управлять ими. А стоит сингу взяться за ускорение этих процессов, то возможна даже частичная регенерация!

Что же произошло?! У меня случился приступ невыносимой боли. Последнее, что я запомнила, это лицо отца. Значит, Алекс был прав. Со мной действительно творятся страшные вещи. Боже мой! Алекс! Я должна рассказать ему о готовящейся биологической атаке!

За своей истерикой, недостойной не только синга, но и любого здравомыслящего человека, я не заметила, как изображение передо мной изменилось. Теперь я уже смотрела в окно, из которого открывался замечательный вид на безоблачное насыщенное голубое небо. Значит, я повернула голову, но не почувствовала этого. Через секунду все завертелось, я оказалась вплотную к окну и прижалась лбом к стеклу. Я наблюдала за незнакомым городом с высоты птичьего полета, но не ощущала ни холода, ни давления стекла, хотя это должно было случиться по всем правилам. Я только слышала звуки своего дыхания – и это был хороший знак.

Что же происходит все-таки?! Я могу двигаться, но не управляю своим телом. И не чувствую, совсем не чувствую. Я будто смотрю фильм. Или сон. Но неужели я не проснулась бы от такого кошмара?! Ведь он длится уже целую вечность.

В это время кадры моего экшена под названием «Не понимаю, что за хрень со мной происходит» снова сменились, и теперь я наблюдала приближавшуюся дверь. Когда я уже думала, что сейчас об нее ударюсь, и приготовилась к вспышке боли, она распахнулась, и передо мной возникла душевая кабинка. Где-то за операторской камерой прошуршала скинутая одежда, я забралась в стеклянный куб, послышались звуки воды.

Да, отличная идея. Я, действительно, хотела принять душ. Но еще лучше было бы самой управлять своими действиями! В этот момент изображение потемнело, и перед глазами заплясали разные оттенки красного, черного, коричневого и бордового цвета.

Я, видимо, закрыла глаза и наслаждалась водой, но, к сожалению, ее совершенно

не чувствовала.

Ничего, все наладится, подбадривала я себя. Какое-то время назад я думала, что умерла. А теперь хотя бы вижу и слышу. Это вселяет определенную долю оптимизма. Журчание воды оборвалось, запотевшие двери кабинки разошлись. Я шагнула в пространство ванной комнаты в светлых тонах и остановилась перед блестящей мраморной раковиной. Некоторое время я, замерев, смотрела в одну точку, затем подняла голову и уставилась на запотевшее зеркало.

Почистив зубы, я взяла полотенце и стала протирать зеркало. Передо мной замелькала рука. Я сначала не поняла, что именно в этой картине неправильно, хотя мозг визжал, как пожарная сигнализация. Моя кисть была просто огромная. Она будто распухла от неведомой болезни. Нет. Это была не моя рука. Владелец этой части тела явно мужчина. Мужчина. Что это значит? Почему у меня мужская рука?!

В это время изображение в зеркале начало проясняться. Темные мокрые волосы, льнущие к лбу, падающие на черные угольные прямые брови, и практически достигающие местами пронзительных голубых глаз. Таких родных и желанных. Сердце мое пропустило удар, наверное, если бы я его ощущала. Макс!

Я вскрикнула. Конечно, с его уст не сорвалось ни слова. Кричала я в лучших традициях фильма ужасов, но только в своей голове. Вернее, я уже не понимала, чья это голова и что я здесь делаю. Нет, бесспорно, я испытывала безбрежную радость видеть его, и очень соскучилась по каждой черточке его лица, по всему ему. Но что происходит? Как это случилось? И что чувствует он? Понимает ли, что происходит нечто, из ряда вон выходящее? Догадывается ли, что я так близко?

Он уже слышал мои мысли раньше, а я слышала его. Может ли теперь у нас возникнуть такая связь? Даже если он ненавидит меня, он поможет остановить распыление вируса. Я просто должна достучаться до него.

Пока я нечеловеческими усилиями бесконечно посылала ему свои мысли, он спокойно позавтракал и сел за ноутбук. Я отчаялась и устало смотрела на его дальнейшие действия. Вернее, осматривала обстановку в квартире и иногда его руки, попадавшие в обзор.

Мой запал потускнел, когда я поняла, что мы переходим с одного биржевого сайта на другой, оставляя непонятные заметки в электронном блокноте. Через несколько часов я уже не знала, куда себя девать от скуки, учитывая, что угол обзора у меня ограничивался только тем пространством, которое объял взглядом Макс, то есть экран и небольшое поле вокруг. Спасало лишь окно, перед которым стоял стол. Я могла любоваться проплывающими облаками в небе. Причем в весьма сомнительном размытом качестве, так как Макс был полностью сфокусирован на компьютере. Все же остальное находилось в зоне виньетирования. Периодически мелькали его руки по клавиатуре, и я жадным взглядом впивалась в знакомые длинные пальцы, грациозно перебирающие знаки. На память приходили моменты, когда они так же плавно и виртуозно касались меня, вызывая мгновенно закипающие чувства эйфории, и заставляя терять голову от любви, таять и принимать любую форму. Как будто он скульптор, ваяющий свое излишне податливое изделие. Захотелось дотронуться до его лица, ощутить, как покалывает ладони щетина на его подбородке.

Изображение пошатнулось, Макс дотронулся рукой до скулы, и я почувствовала тепло лица, передавшееся через рецепторы его тела и стрельнувшие ответным

импульсом моей сущности.

Он внезапно вскочил и стал резко вертеть головой в разные стороны, оглядываясь, будто загнанный зверь.

– Чертовщина какая-то, – выругался он.

– Ты чувствуешь меня, – ошарашенно выговорила я, и с каждым последующим словом радость наполняла меня все больше. – Максим, ты слышишь меня? Пожалуйста, услышь меня. Мне столько надо тебе сказать!

Он продолжал растерянно озираться, но не подавал каких-либо признаков, что слышит меня. Я загадочным образом заставила его дотронуться до своего лица. Он почувствовал постороннее присутствие, но я все также не имею возможности до него достучаться.

Я уловила его усталый вздох, затем Макс посмотрел на крипт, закрепленный на левой руке, и провел манипуляции, из которых стало ясно, что он продвинутый пользователь устройства. Даже я не предполагала, в каком из разделов интерфейса находится отчет о состоянии защитной противонейрофаговой программы. Значит, он подумал, что сейчас столкнется с нейрофагом. Ну что ж, придется поработать, чтобы Макс понял, что ощущение постороннего присутствия никак не связано с чистильщиками.

Одевшись в черные джинсы, зеленоватую рубашку и джинсовую куртку, рукава которой закатал по локоть, он бросил взгляд в зеркало, и приятные чувства восхищения и любви нахлынули на меня. Наверное, если бы у меня было тело, я бы покраснела от смущения, вызванного визуальным наслаждением. С другой стороны, я была невольным соглядатаем, но все же ощущала некоторую преступность в своих действиях, своего подглядывания за чужой личной жизнью. Я ведь не могла даже зажмуриться. Утром в туалете, например, мне пришлось сделать над собой невероятное усилие, чтобы сфокусировать взгляд на самой дальней и свободной от компромата части изображения. И не то, что мне было не интересно, просто так не правильно, и я чувствовала себя беззаконником, папарацци, подглядывающим в окна и копающимся в чужом белье.

Схватив ключи с полки, он вышел в холл и на лифте спустился в подземный паркинг. Я не поверила глазам. Макс направлялся к своему автомобилю, который был полностью разбит без возможности восстановления, когда мы попали в аварию. Но сейчас мерс стоял целый и невредимый, манил своим блестящим корпусом и вызывающе красивым видом. Я наконец поняла, что это другая машина той же марки, сошедшая с конвейера одноименного завода. Но как же приятно было здесь оказаться! Это авто не отличалось от предыдущего ни единой деталью и в салоне, поэтому теплые воспоминания нахлынули на меня, оглушив ностальгией.

После получаса быстрой езды мы прибыли в ресторан за чертой города, куда Макс не раз привозил меня съесть самую вкусную в этих местах отбивную. У меня даже, образно говоря, потекли слюнки, когда он с аппетитом, но не нарушая правил этикета, ел дымившиеся порезанные кусочки сочной говядины. К сожалению, моя роль ограничивалась зрительной пыткой, вкуса я совсем не воспринимала.

Через некоторое время, когда все было кончено, а Макс в расслабленной позе развалился на диване со стаканом безалкогольного коктейля, к нему подсел мужчина лет двадцати пяти. Сделал он это довольно уверенно, но непринужденно, из чего я заключила, что мы его ждали.

Макс моментально рассеял мои догадки:

– Мой ответ тот же – нет.

Несмотря на грубость фразы и холод, повеявший от этой короткой реплики, пришелец держался с достоинством. Взгляд его ничего определенного не выражал, а осанке мог бы позавидовать аристократ самых голубых кровей. Видимо, это повлияло на мое заключение, что он англичанин.

– Мы можем прийти к взаимовыгодной альтернативе, – дружелюбно сказал прибывший, будто не ему только что адресовался ледяной тон.

– Вам нечего мне предложить, – высокомерно произнес Макс.

– Возможно, ты ошибаешься, – он вытащил из кармана конверт, положил перед собой на стол и подвинул к нам. После этого парень кивнул в знак прощания, встал и двинулся к двери. Мы проводили его взглядом. Он открыл дверь и ступил на улицу. В ресторане было панорамное остекление, поэтому мы должны были увидеть незнакомца, удалявшегося от двери. Но та лишь хлопнула, а мужчина исчез.

Синг?! Что ему нужно?

Макс не был удивлен, что его собеседник растаял в воздухе, или, по крайней мере, я не увидела ни одного признака этого. Он не отрываясь смотрел на конверт. Затем медленными движениями взял его, свернул и убрал в карман.

Как?! Мы не прочитаем, что там за послание?! Да что происходит вообще?!

Некоторое время парень сидел, уставившись в окно, будто чего-то ждал, а может, размышлял. В итоге, расплатившись, мы снова оказались в машине и устремились по темному, влажному от дождя асфальту к городу. Как только мы запарковались в подземном гараже, из которого уезжали днем, Макс выключил плавно урчавший двигатель авто и замер в одном положении, не снимая рук с руля.

Меня тревожило такое поведение, его явно тяготила какая-то проблема. Скорее всего, связанная с конвертом в его кармане. Желание, обнять Макса, успокоить и чем-то помочь, возрастало с каждой минутой.

А самое главное, я владела информацией, которая могла бы предотвратить действительно страшную катастрофу. Тем более координаты места активации вируса в столице его страны. И мне предстояло придумать, как передать данные Максиму, учитывая то, что я слежу за всеми его действиями, но не могу с ним связаться или дать знать о своем присутствии.

Зазвонил телефон, и парень с неохотой оторвал взгляд от руля. Некоторое время он смотрел на экран, где улыбалась во все зубы его младшая сестра. Во мне невольно всколыхнулась радость, когда я увидела эти большие добрые глаза. Я на самом деле соскучилась по хохотушке Лере. В нашу первую с ней встречу передо мной пылала самая настоящая рассерженная фурия. В тот момент я ни за что не поверила бы, что она милейшая из людей, и мы станем хорошими подругами.

Когда я уже с недовольством подумала, что Макс так и не возьмет трубку, он нажал на кнопку ответа.

– Я тут уже полчаса жду тебя. Давай шевелись! – услышала я ее возмущенный голосок.

Макс нажал отбой, так и не сказав ни слова. Затем вытащил конверт, посмотрел на него. Я настороженно и с нетерпением ждала, когда он вскрыет его, но через минуту безмолвного взирания парень убрал письмо обратно. Мне оставалось лишь скрипнуть

зубами, если бы они у меня были в данной форме существования.

На выходе из парковки, перегородив половину прохода красовалась маленькая яркая красная машинка, из открытого окна которой высовывалось веселое симпатичное личико Леры.

– Ну не может быть! Я думала, на пенсию уйду прямо здесь, у твоего дома.

– Не уверен, что сегодня мне хочется вечеринки, – устало произнес Макс.

– Ты совсем что ли! Это же мое день рождения! – возмутилась девушка.

– Твое день рождения мы праздновали два дня назад вместе с семьей, – укоризненно сказал он.

– Да ты прав, но тогда же ты пообещал, что поедешь сегодня в клуб. Там будет твоя любимая группа.

– Нет настроения...

– Да, и ты решил его испортить и мне, – Лера нахмурилась и, выпятив губу, отвернулась в притворной печали, чем вызвала у Макса смешок.

– Ладно.

Я всего несколько раз была в клубе. Один из них посетила по настоянию сестры Макса, затащившей нас туда с помощью своего адского дара манипулировать людьми. Музыка внутри оглушала, тяжелый воздух сковывал дыхание, а такое множество двигающихся в такт потных тел сводило с ума. Вот и сейчас, как только мы зашли внутрь, меня окутала атмосфера хаоса, вгоняя в панику даже при наличии всего двух органов чувств – зрения и слуха.

Пробравшись на второй этаж, где, к моему великому облегчению, было немного тише, чем на первом, мы оказались над плотной движущейся биомассой. Дальний столик приветствовал нас радостным криком. Среди множества лиц мне удалось различить несколько знакомых. Здесь были Ангелина с ее шофером, от которого она была беременна, когда я ее последний раз видела. А, может, он уже стал теперь мужем. А еще тот самый парень, с которым Лера познакомилась в Греции, просиял при виде девушки и, сорвавшись с места, схватил ее в крепкие объятия. Макс никак не отреагировал, из чего я заключила, что он смирился с их отношениями, на которые так категорично реагировал вначале. За столько лет можно привыкнуть ко многому...

Со спокойной грацией мы обменялись со всеми рукопожатиями и сели на диван, откинувшись на спинку. Судя по раздраженному лицу Леры, когда она косилась в нашу сторону, Макс являл собою чрезмерно скупающего старшего брата, оставленного присматривать за малышами.

Из обрывков фраз, долетавших до меня сквозь грохот музыки, я поняла, что у Ангелины и Антона растет здоровый мальчик, а парня Леры, вспомнила, зовут Егор, и у них наконец назначена дата венчания. Остальных имен я не поняла из-за громкого не прекращающегося дабстепа.

Постепенно все перекочевали на танцплощадку, влившись в унисон пульсирующие ряды. И только Макс сидел и пил один стакан виски за другим. Ему было скучно, но он оставался здесь, просто наблюдая за людьми внизу. Периодически я выхватывала знакомую фигурку Леры, которая беспрестанно обнимала за шею своего Егора и получала в ответ его поцелуи. Макс поднялся и стал протискиваться к выходу. Через минуту мы были уже на улице, а от двери приглушенно раздавались монументальные басы. В моей руке, то есть в руке Макса, появилась сигарета. Чиркнула

зажигалка, и передо мной выплыло облако дыма. Я приготовилась кашлять, так как никогда не переносила этот противный запах, но ничего не почувствовала. Зато возмущению моему не было предела. Когда он успел отхватить эту отвратительную привычку?!

– Максим... – услышала отчетливо раздавшийся знакомый спокойный голос.

Макс повернулся, и передо мной возникли голубые глаза. Алекс здесь! Он пришел помочь! Я радостно рванулась к нему, но, естественно, осталась на месте. Я ведь всего лишь фантом, заключенный в голове парня, которого люблю.

– Алекс... – произнес Макс, будто и не удивившись, или очень хорошо скрывая эмоции. Он так качественно научился это делать, что в последний раз я даже не смогла прочитать его поле.

– Нужна твоя помощь.

– Я часто слышу это в последнее время.

– Дело серьезное.

– Чем я могу быть полезен тебе? – с притворным сарказмом усмехнулся Макс.

– Не мне. Кире.

Макс устремил взгляд в землю у своих ног.

– Ведь она твоя... как это называется у вас, высших существ эволюции? Пара?

– Да, но...

– Кажется, у нас был уговор.

Боже, Макс, выслушай его! Он может помочь нам! Мне! Пожалуйста, забудь все свои обиды! Мне нужна помощь! Макс!

– Да был, но, возможно, только ты можешь помочь...

– Вы вместе, и ваши проблемы – это ваши проблемы. Не хочу ничего знать, – разъяренно снова перебил он Алекса.

– Даже если это может касаться ее жизни? – теперь уже злился и Алекс, а это очень плохо.

– Вы же всемогущие синги! Наколдуйте что-нибудь, и все разрешится.

Алекс молча исчез, гневно сверкнув глазами напоследок.

– Будь проклят тот день, когда я сел за твою парту! – Макс с неожиданной силой пнул небольшую коробку, лежавшую на злобу дня близко к нему. Коробка отправилась в полет через весь квартал, а меня захлестнули гнев, обида и вместе с тем удивление, с какой легкостью он махнул на меня рукой. Ненавидит меня, но не знает, что я застряла здесь и не могу вырваться! Не захотел выслушать Алекса, а вдруг он действительно смог бы нам помочь. Я бы убралась из его головы, и пусть себе дальше меня проклиняет.

В отличие от Макса, который смог спокойно от меня отвернуться, мне приходилось пристально следить за его действиями, что бесило меня еще больше. За стол он не вернулся. Завис у стойки бара, и я вынуждена была наблюдать в зеркале за спиной бармена, как эта красивая, но упертая жестокая моська без перерыва глотает всякую алкогольную дрянь. Еще одна ужасная привычка. В отличие от его мозгов, мои оставались трезвыми, злыми и все так же горели обидой.

Но настоящим потрясением стала темноволосая девушка, присевшая на соседний высокий стул. Сначала она просто поглядывала из-за плеча, кидая призывные томные взгляды, а затем повернулась и нахально уставилась на нас, вернее на Макса, своими большими карими глазами с пушистыми обильно накрашенными ресницами. Макс тоже

рассматривал ее в упор, но не произносил ни слова.

Во мне разгоралось нехорошее предчувствие. Только знакомств с девушками не хватало, чтобы окончательно взорваться.

– Кажется, у тебя сегодня тяжелый день? – наклонилась она довольно близко к уху. Надо думать, из-за громкой музыки, но перед глазами, таким образом, в упор предстала ее обширная женственная часть в немаленьком вырезе.

– Да, не из легких, – хмыкнул нахал.

– Потерялся?

– В какой-то мере.

– А я сегодня рассталась с парнем, – с тошнотворным страдальческим выражением лица жеманно произнесла она.

– Сожалею, – буркнул Макс и одним глотком осушил оставшееся в стакане виски.

– А я нет. Он стал таким навязчивым и скучным.

– Серьезная проблема, – Макс положил руку на очередной стакан с алкоголем, заботливо придвинутый барменом. Он оценивающе смотрел прищуренным взглядом в зеркало, где отражалась наша смазливая приставучая соседка, не сводившая с него глаз.

– А вот ты другой. Мне кажется, с тобой интересно, – она теснее придвинулась к нему, и я с возмущением увидела в зеркале, как ее грудь бесцеремонно коснулась его руки.

Тревожный огонек набирал силу. Сначала он отказался мне помочь, теперь я вынуждена была наблюдать сцену пошлого обольщения. Даже думать не хотелось, как может закончиться этот вечер! Конечно, он не обязан любить меня до гроба, ждать, хранить верность, да и вообще испытывать ко мне хоть какие-то чувства. У него своя жизнь, и я уважаю его выбор. Но я не собиралась в этом участвовать! Как только мне выразить свой протест?!

– Ошибаешься. Я тоже очень скучный, – усмехнулся он.

– Врешь, – засмеялась она.

– Нет. И меня тоже бросила девушка.

– Сегодня? Это судьба.

– Нет. Довольно давно.

– Ну это значит только одно, – загадочно сказала она.

– Что же? – он приподнял одну бровь.

– Она полная дура, – хохотнула шатенка, и ее красные губы обнажили ровные ряды белых зубов.

Макс повернулся и в упор посмотрел на нее. Я же еще раз убедилась в безупречной гладкости ее кожи, а так же в том, что, стоит мне дотянуться до нее, она получит сполна.

– Меня зовут Кристина, – сказала она, не отводя взгляда от его губ.

– Макс.

– Купишь мне мохито?

– Хорошо, – он знаками подозвал бармена и заказал коктейль и виски. Ну разве не достаточно уже выпил?!

Дотянув свое мохито до конца, девушка кокетливо поправила волосы и подвинулась к Максиму. Изображение немного ухудшилось, поэтому она была в легком тумане. Видимо, последний стакан значительно повлиял на парня. Боже, ну как можно

столько пить?!

– Надоел грохот. Может, пойдём прогуляемся или найдём более спокойное место? – с просительными интонациями протянула она, вымученно улыбаясь.

Если она будет продолжать в том же духе, спокойное место на кладбище ей гарантированно до положенного срока.

– Конечно.

Тут уже возмущенный тревожный огонечек перерос в вулканическую магму, готовую в любой момент вырваться раскаленной лавой и нанести непоправимые повреждения моему объятому ужасом мозгу.

Кристина вцепилась в его руку и пропала из видимости, пока Макс протискивался сквозь толпу. Я же пыталась подавить тошноту, представляя, что сегодня может произойти, а я не смогу вмешаться, чтобы остановить их. Хуже некуда, когда не можешь отвести взгляд или закрыть глаза, дабы не видеть происходящее.

Мы вышли на улицу, и, судя по тому, как близко шла девушка, она все еще удерживала его руку, как питбуль удерживает свою жертву, вцепившись крепко сомкнутыми зубами.

– Куда мы идем? – услышала я ее голос.

– А куда ты хотела бы? – без всяких эмоций вторил ей Макс.

– Туда же, куда и ты?

– Я устал. Ты не против, продолжить беседу у меня дома?

– Даже не знаю. А ты хорошо себя будешь вести?

– Как примерный ученик.

От их диалога и раскатистого смеха Кристины, я совсем упала духом.

Я истерически думала, что предпринять, пока мы ехали в такси. Я практически не слушала их тихий треп, стараясь разработать план действий, способный им помешать, пока не поняла, что губы девушки приближаются к губам Макса. А через секунду он подался вперед, прижался к ее рту и закрыл глаза, освободив меня от страшной реальности. Не успела я оборвать свой внутренний, полный ужаса крик, как все закончилось. Остался лишь приступ тошноты, который, я не знала, почему, не передавался этому предательскому гаду.

Такси остановилось, мы вошли в фойе, мимо проплыл понимающе ухмыляющийся консьерж, пожелавший спокойного сна, чем разозлил меня еще больше. Ну да, а для чего еще посреди ночи к себе приводят красивых девушек. В лифте все повторилось, и теперь чувство психосоматической дурноты не проходило совсем. Когда они оторвались друг от друга, она погладила ладонями его скулы и положила руки ему на плечи. Он прижал ее к зеркалу, где над темными взъерошенными объятиями волосами я увидела его затуманенные прищуренные глаза.

Сердце сжалось от жалости к себе. Как такое могло произойти?! Кошмарный сон. Я никогда не смогу этого забыть. Эта рана будет напоминать о себе каждый раз, когда я буду вспоминать его глаза.

Все же я снова и снова пыталась воззвать к нему:

«Макс, очнись! Не делай этого! Ты же знаешь, что-то не так! Я не могу на это смотреть! Тырываешь мое сердце!»

Я продолжала отчаянно бороться с ним.

Когда парень открыл дверь квартиры и не стал включать свет, я с долей

облегчения поняла, что ничего не увижу.

Вот только, оказалось, что шелест, вызванный их движениями, когда они касались друг друга, сводил меня с ума еще более эффективно. Я не понимала, что происходит, и думала самое ужасное. Ну а что можно подумать в этой ситуации. Меня объяла паника. Горькая обида пронзила насквозь, не давая шанса успокоиться и попробовать действовать. Я была так зла на него, на обстоятельства, разлучившие нас, на весь мир, что не могла взять себя в руки. В темноте мне казалось, я видела тени, и эти тени были так близко прижаты друг к другу, будто образуя единое целое.

И я почувствовала! Мне снова больно, но я осязала. Все мое тело было охвачено агонией, но я могла шевелить конечностями! Могла чувствовать противный запах ее духов. И я видела в темноте, ко мне вернулось мое зрение синга. Видела, как Кристина сидела на коленях Макса, обхватив его голову руками и вцепившись пальцами в густые черные волосы. После краткой молитвы, которую воздала за то, что они одеты, я в слепой ярости схватила ее за плечо и, не успев одуматься, отшвырнула в дальний угол комнаты. Она только и успела пискнуть, а затем по громким чертыханиям я поняла, что с ней все в порядке. Но мне было все равно. У меня было острое желание мстить другому человеку.

Макс, еще не успев понять, что происходит, вскочил и моментально принял боевую стойку. Но я не дала ему времени опомниться, ударом в челюсть свалив с ног. Он был дезориентирован в темноте, поэтому бросился к стене, намереваясь включить свет, но я оказалась быстрее и, сделав подсечку, не дала ему добраться до выключателя.

Тогда он вскочил, и сделал выпад в мою сторону. Рука прошла в стороне, не задев меня. Неожиданно, он кинулся к противоположной стене. Я бросилась за ним, намереваясь до конца выпустить пар, но увидела, что Макс открыл ящик и достает пистолет. Раздался щелчок предохранителя, окативший меня ледяной водой и заставивший очнуться от аффективной горячки. Одновременно с этим включился свет, на миг ослепивший меня. Когда я снизила активность зрительных рецепторов, то передо мной предстало два удивленных лица.

– Что происходит? – спросила шатенка, сумевшая найти выключатель, и теперь недовольная и злая стояла, потирая ушибленные места.

Всю глупость ситуации оценила только я. И почувствовала себя разрываемой парадоксом: не только злой и обиженной, но и просто не имевшей право быть здесь и вмешиваться в чужую жизнь. Макс, с уже поменявшей цвет кожей в месте удара, замер с пистолетом, резонируя цветами ярости и удивления.

– Пристрелишь меня за то, что прервала ваше свидание? – на удивление спокойно тихо сказала я.

– Тебе лучше уйти, – кивнул Макс в сторону Кристины и закинул пистолет в ящик. Долго ее уговаривать не пришлось, она тут же хлопнула дверь, напоследок обозвав меня сумасшедшей.

– Что с тобой? – лениво бросил он мне.

Я непонимающе посмотрела на себя, и в недоумении поднесла руки к лицу. Как в тот раз с Алексом, они распадались на песчинки, и снова собирались. Вместе с осознанием пришла и боль. Видимо, с выбросом адреналина, в стрессе ранее она чувствовалась притупленно.

– У меня нет времени. Ты должен помочь...

– И ты туда же... – раздраженно перебил он меня, но я все это уже слышала, и в любой момент могла потерять сознание или исчезнуть. Поэтому медлить было нельзя, и, грубо прервав его речь, выложила, какую судьбу готовит Совет сингов для земного человечества.

– Ты должен попытаться остановить их. Так как именно генный код твоей расы заложен в вирусе. Соответственно, она стоит под угрозой вымирания. Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось, – добавила я уже чуть мягче.

– Останься. Мы сделаем это вместе, – сказал он, мгновенно оценив опасность и немедленно собравшись.

– Я не могу, – устало сказала я, чувствуя, как боль нарастает и волнами охватывает уже все части тела.

– Что происходит? – с тревогой спросил Макс, оглядывая меня, и на секунду я увидела, как смягчились черты его лица.

Я посмотрела вниз и поняла, что уже половина торса пропала в водовороте скользящих по ветру частиц, то рассеивающихся, то восстанавливающих структуру тела. Они устроили вокруг меня нечто вроде маленького торнадо, медленно облетая вокруг и все больше поглощая мою плоть.

– Я не знаю... Никто не знает, – слезы выступили у меня на глазах, а при последних словах голос дрожал от еле сдерживаемого рыдания. Я снова ушла в темноту.

Глава 13

Материализовалась я в белой комнате. Одна из стен представляла собой стекло, за которым я увидела Алекса, отца, Володара и еще других людей. Все они, замерев, смотрели на меня. Я подошла к стеклу и положила на него руку. Она тут же начала свое представление, рассыпаясь на частицы и медленно структурируясь вновь.

– Что происходит? – слабо спросила я, превозмогая боль.

Алекс тут же оказался вплотную по другую сторону и приложил свою ладонь к моей. Теперь их разделяло только стекло. Его твердая большая рука, и моя прозрачная, рассыпавшаяся на мелкую пыльцу и восстанавливающаяся по циклическому кругу.

– Ты была без сознания. Потом начался распад, и ты исчезла совсем. Теперь вернулась. Мы поместили тебя в энергоклетку, чтобы предотвратить процесс распада. Не волнуйся, тебе помогут, – уверенно сказал Алекс, но его огромные запавшие глаза не предвещали ничего оптимистичного.

– Сейчас защиту активируют, – раздался голос Володара из-за спины Алекса.

– Нет. Алекс... – я должна ему передать данные о вирусе, чтобы он помог Максу, но голова взрывалась, и это мешало сформулировать слова так, чтобы не выдать его остальным.

– Три секунды до активации.

– Что? – Алекс, казалось, понял, что мне необходимо передать ему нечто важное, поэтому вопросительно смотрел на меня, но мое сознание снова помутилось.

Разлепила веки. Светлый потолок и часть картины, на которой написана красная машина. У нее удлиненный корпус, откидная черная крыша, спаренные круглые фары. Кажется, это ретромобиль. Из тех американских гробов, что ездили по Америке в шестидесятые – семидесятые. Только диски довольно современные. Видно, что покрытые хромом и модно вдавленные внутрь. Наверное, вольное исполнение художника. С целью, осмотреть картину полностью, я попыталась повернуть голову, но провалилась на стадии начинания.

Снова я скованна. Где я теперь? В чьей голове? Макса?

Макс! Ведь я успела передать ему информацию о времени и месте диверсии. Он обязательно что-нибудь придумает.

– Все время кажется, что ты рядом, – услышав его хриплый голос, я радостно оживилась. Теперь ясно, где я нахожусь. Жаль только, что не успела сказать ему, что я была невольным свидетелем его любовных утех с шатенкой. Не хочу еще раз переживать такое.

– Если бы ты была здесь, то нашла бы способ указать мне на это, правда?

– О да! Если бы ты снова привел какую-нибудь дрянь в свою квартиру, я бы опять отметила тебя, это точно, – передернуло мой фантом от неприятных воспоминаний.

От моментального скачка изображения вследствие изменения горизонтального состояния на вертикальное, я не сразу поняла, что он сел. Передо мной возникли виденные ранее предметы интерьера. Я поняла, что он задержал дыхание, потому что перестала слышать шум, сопровождающий этот процесс. Я огляделась еще раз, насколько возможно, чтобы понять причину его взволнованного состояния.

– Схожу с ума, – он устало потер виски.

– Я думала, ты уже действуешь, чтобы предотвратить трагедию, а не лежишь в

депрессии на кровати после неудачного свидания.

Он снова вздрогнул.

– С тобой все свидания заканчиваются неожиданностью, – медленно с паузами сказал Макс, будто объясняя это маленькому ребенку.

– Не спорю, но тут я имела ввиду... – начала я и замерла, осознав, что мой монолог только что чудесным образом превратился в полноценный диалог. – Ты меня слышишь...

Раздался хохот, и я в какой-то момент, действительно, подумала, что у него белая горячка. Неудивительно, после того количества алкоголя, которое он выпил.

– Где ты? – вкрадчиво сквозь улыбку процедил он. – Я хочу тебя отшлепать после того шоу, которое ты закатила.

– Что?! – возмутилась я. – После того, что ты сделал в этот день, единственный, кто заслуживает наказания, это ты!

– Я так и не понял, за что побои? Я подумал, на меня напал нейрофаг, – ухмыляясь говорил Макс.

– Знаешь, я стала свидетелем таких сцен, что навряд ли переживала бы, случись так. Ты заслужил взбучку – это точно, – разъярилась я.

– Так где ты? Почему не показываешься? – озирался он по сторонам.

Я засмузилась. Сказать ему, что провела с ним сутки, неотступно следуя по пятам и наблюдая за каждым его действием из, так сказать, первых рядов, с главного места, язык не поворачивался, но он должен знать правду. Хотя бы для того, чтобы не допустить повторного инцидента.

– Я точно не знаю... Но, кажется, я... в твоей голове, – вылила я на него ушат холодной воды.

– В смысле? – оторопело спросил парень.

– В прямом...

– И как ты там оказалась?

– Я не знаю. И, чтобы ты знал, я не специально.

– И как давно ты шпионишь?

– Я не шпионю! – возмутилась я. Если хочешь знать, меня это не радует.

– Сколько ты там находишься? – настороженно повторил он вопрос.

– Примерно сутки, – с некоторой злостью выпалила я.

– Ясно... – после паузы сказал он. – Чего раньше не сообщила?

– Ничего тебе не ясно! Да я пыталась! Это было ужасно. Я...я будто была зажата в ваши невыносимые тесные объятия!

– Теперь, по крайней мере, понятно, почему на меня обрушился торнадо. – вздохнул Макс, но я чувствовала, что он пытался не улыбнуться. Это меня задело, и я решила игнорировать его некоторое время. Казалось, он понял мои эмоции и кардинально сменил тему.

– А этот фокус с исчезновением? Что это?

Я молчала.

– Я было подумал, что...случилось самое страшное, – голос его дрогнул, проронив в меня росток прощения.

– Это не фокус. Как видишь, со мной происходит что-то странное. У сингов не было таких прецедентов, и они не знают пока, как мне помочь. Сначала сингулярность

вела себя, как гость, навещая меня лишь изредка, потом моя рука начала рассыпаться на части и собираться снова. Теперь вот это. Полный распад – так они называют этот процесс. Они заперли меня в свою энергосеть...клетку Фарадея, чтобы я не рассеялась на частицы, пока ищут выход. Но я не знаю, что случилось, и почему я снова здесь.

– Так значит, все на самом деле серьезно, – расстроено подытожил он. – Если дела так плохи, я совсем не против, если ты будешь пользоваться моей головой.

– Спасибо. Я постараюсь не задерживаться.

– Скажи...

– Я не читаю твои мысли, – усмехнулась я, и незамедлительно услышала облегченный вздох. – Но я не могу закрыть глаза, чтобы не видеть то, что видишь ты. Поэтому в откровенных местах попрошу зажмуриваться.

– Хм... Не знаю откровенных мест, которые ты не видела, – с ухмылкой бросил парень.

Наверное, я бы покраснела, но не зная, как это реализовать, забросила комплексы подальше и перешла к делу:

– Мы должны остановить Володара. Сколько у нас времени до диверсии?

– Ну... до завтрашнего утра, если быть точным.

– Завтра?! – меня охватила паника. – До Москвы тысяча километров!

– Не волнуйся. К сроку будем на месте. Я все продумал.

– Но ведь ехать не меньше десяти часов, а с учетом пробок в столице, мы вообще опоздаем!

– Странно от тебя такое слышать. Мы переместимся.

– Как? Я не могу этого реализовать.

– Не знаю, что произошло, но многое изменилось, когда ты ушла.

– В смысле? Подожди! Это как-то связано с тем, что ты нашел меня тогда под Мерапи?

– Не понимаю, как, но я могу перемещаться. И да, я почти всегда чувствую, где ты.

– Так ты меня и нашел...

– Да, я услышал тебя и пришел.

В моих мыслях невольно возник тот день, когда я его чуть не потеряла. Я вспомнила, как буквально вдвухала в него жизнь, которая по всем законам природы уже покинула его навсегда. Тысячи раз позже я осознавала, как противоестественно было то, что я сделала, но совершила бы это снова, возникни подобная ситуация. Тот день стал поворотным для всех нас. Тогда все изменилось. Возможно, это исходная точка для появления его способностей и для моего сегодняшнего состояния. Кто может точно мне об этом теперь сказать? Отец? Но для этого мне придется признаться, что произошло, и, таким образом, я поставлю под удар Макса. Нет...

– Макс...

– Да.

– Ты должен знать. Думаю, это я виновата в том, что с тобой происходит.

– Иного я и предположить не мог. После нашего знакомства все в жизни изменилось.

– Нет, я говорю конкретно. Тогда, в логове нейрофагов... я не смогла прийти вовремя. Когда я вернулась... ты уже ни на что не реагировал...

– Тебе пришлось реанимировать меня?

– Что-то вроде этого.

– Что ж... Я подозревал. Боль была адская, когда я пришел в себя. Будто по мне пробежалось стадо слонов. Но клиническую смерть многие пережили, и прыгать через пространство, нарушая законы мироздания, от этого не стали.

– Скорее всего... это уже была не клиническая смерть... Вообще-то, это точно была не она .

– В смысле?.. – опешил Макс.

– Мне кажется, я поделилась с тобой частичкой себя. А с этим ты получил некоторую долю моих способностей... Это всего лишь предположение... Но оно в какой-то мере объяснило бы и мои сбой сингулярной силы.

– Вот как... Вполне логичное предположение. И как все исправить?

– Если бы я знала...

Некоторое время мы молчали, и я его отлично понимала. Узнать такое о себе, да еще спустя столько лет. От девушки, которая говорила слова любви, но, как он считает, бросила его и ушла к другому. И к трагическому совпадению не к кому-нибудь, а к его брату. Ужасная тоска пронзила меня. Мне было стыдно. Даже с моих слов я выглядела полнейшей дрянью. Хотя всего лишь стала жертвой обстоятельств. Ведь Алекс меня убедил, что со мной Макс в опасности. Да я и сама была свидетелем своего разрушительного воздействия на всех и все, окружающее меня. А потом эта безвыходная ситуация с Извлечением Земли...

Я ценой огромных усилий не бросилась извиняться и оправдываться перед Максом. Все мои разъяснения будут повторением предыдущих, в которые он и тогда-то не особо поверил.

И вместо того, чтобы жалеть себя дальше, я постаралась выяснить остальные детали его жизни вдали от меня.

– Алекс сказал, что тебя преследовали нейрофаги.

– Да. Пришлось немало отбиваться. Тогда он дал мне это, – в поле зрения появился крипт. Парень будто немного пришел в себя.

– Взломанный крипт. Так они не чувствуют тебя.

– Да.

– Полезное свойство. Их у него много. Но также на моей планете одна из главных функций этого устройства – слежение, фиксирование каждого шага человека и передача Совету абсолютно всех действий субъекта, выходящих за рамки принятого, будь то хоть запрос в сети любой подозрительной информации. Расшаренный крипт может не отслеживаться, но мы не знаем этого на сто процентов. Поэтому не сможем перемещаться с ним. А без его защиты нейрофаги почуют нас моментально. Надо ехать старым способом.

– Ты не доверяешь Алексу?

– Он единственный синг, которому я доверяю, но на нас слишком большая ответственность. Мы не имеем права провалить дело.

– Ты предлагаешь лететь на самолете?

– Я бы лучше отправилась на машине, чтобы твои документы нигде не светились, но времени нет.

– Чтобы попасть в Кремль, документы в любом случае придется засветить. И с чего им за мной следить?

– Ты не понимаешь всей масштабности контроля над Землей. Слышал про сбитый истребитель?

– Конечно.

– Это было сделано по приказу члена Совета Сингов. Я лично присутствовала в приемном зале, и видела, как нехотя подчинился правитель той страны. Я говорила с отцом, и он подтвердил, что Совет Сингов контролирует все на этой планете: политику, экономику, рождаемость, даже климатические изменения!

– Но зачем им это?

– Мне тоже интересно. Отец узнал, что я владею опасной информацией, и я просила его помочь остановить Володара – члена Совета. Он был против и настроен очень серьезно. Думаю, если бы не приступ, отец придумал бы, как задержать меня. А, может, отчасти и поэтому он дал разрешение поместить меня в клетку Фарадея. Когда они догадаются, что я улизнула, то придут за мной именно сюда, ко всем тем, с кем я контактировала на Земле. Потому что мне некуда больше идти.

– Твой отец замешан во всем этом? Почему отказался помочь тебе? Я думал, он – один из самых могущественных людей на Сварге.

– Я тоже так думала. Но папа всего лишь ученый. Он уже потерял сына, и во что бы то ни стало постарается уберечь от гнева Совета своего единственного оставшегося ребенка. Больше всех остальных он опасается Володара. Нельзя терять время!

– Мы быстро домчим, не волнуйся, – сказал Макс, уже натягивая на себя кеды.

Ехал он, действительно, быстро. Мимо с огромной скоростью пролетали поля, деревья и высоковольтные вышки. Раньше эта местность не вызывала у меня столько восторга, теперь же я старалась запечатлеть родные сердцу места.

Привычка к улучшенным реакциям сингов дала о себе знать, так как, обладая только урезанными органами чувств Макса, я вначале переживала, видя бесконечно пролетающие точки обгоняемых машин, на которых даже не успевала фокусироваться. Я уже стала опасаться, как бы нам целыми и невредимыми добраться до пункта назначения, но все-таки молчала, понимая, как важно быстро приехать на место. Макс вел себя уверенно, вселяя этим спокойствие и в меня.

– Как погиб твой брат? – неожиданно спросил он.

– Оказался жертвой обстоятельств, – мне не хотелось говорить о нем, но все же я понимала, что Максу важно это знать.

– Хм...

Я вздохнула.

– С самого раннего детства, и даже с рождения, сингам предопределяют пару в Совете. Сначала я думала, это делает семья, но, оказалось, все еще более скверно. В пару моему брату была обещана Алексия Хорс.

– Сестра Алекса? – удивился Макс.

– Да. Но он полюбил другую девушку с сингулярностью, по мнению Совета, не сопоставимой по уровню с сингулярностью Стратимов.

– Подожди. Ты же говорила, что у вас нет чувств!

Меня пронзило щемящее чувство обиды. Я так и не смогла отделить в себе человека от синга. Или лучше сказать, я не смогла ощутить себя полноценно ни тем, ни другим. И то, что он внес меня в категорию сингов, которые мне чужды, как, впрочем, и земляне, окончательно расстроило меня. Кроме того, теперь я знала, что синги так же

подвластны чувствам, как и люди, только очень хорошо умеют скрывать свои эмоции. А так же более консервативны и умеют подчиняться требованиям власти более изящно, чем люди с Земли. Я возмутилась:

– Я никогда такого не говорила! Просто все поступки сингов логичны. И серьезные решения они принимают обдуманно. Как правило. Но, видимо, есть исключения из правил. Как мой брат и... я. В общем, они хотели бежать вместе с мятежниками, которые организовали взрыв в лабораториях «СтратимХорс», но в итоге, его поймали. И больше его никто не видел. Киана забрал Совет, отец не смог ничего сделать. И теперь мой брат, скорее всего, бродит в стае нейрофагов... если еще жив.

– Мне жаль... Теперь понимаю, почему твой отец боится за тебя.

Между нами образовалось неловкое молчание. И он наконец спросил:

– А что ты знаешь о мятежниках?

– Сотрудники корпорации. Больше ничего. Они недовольны политикой компании относительно Земли. Возможно, еще чем-то. Никакой подробной информации – только слухи.

– Но «СтратимХорс» – совместный продукт ваших с Алексом семей?

– Может, когда-то так и было. Сейчас компанией управляет Совет. Мой отец просто проводит исследования. И он был против Извлечения изначально, – я чувствовала потребность защитить его, хотя и сама была зла на него по многим причинам.

– Так что они хотели?

– Взрыв был в центральной части, где сосредоточены все научные исследования. Думаю, они хотели навредить компании. Знаешь, после всего того, что я видела, а я видела очень мало, я бы тоже попыталась помешать «СтратимХорс» при любой возможности.

– А что ты видела?

– Мне поручили работу. Вначале я была рада отвлечься... – я прикусила фантомный язык. – Я собирала данные о катастрофах на Земле разного формата. И несколько раз стала очевидцем некоторых трагедий с человеческими жертвами. Я могла бы предотвратить их щелчком пальца, но была связана блокировкой способностей. А теперь я узнала, что во многих этих бедствиях виновата сама «СтратимХорс». Но не знаю, зачем они делают это.

Макс только выругался. Некоторое время мы ехали молча, находясь в одном сосуде, но думая каждый о своем. Я понимала, как много вещей ему нужно осознать. Своими сведениями я перевернула его мир. После получаса езды в тишине я все-таки решилась.

– Макс?

– Да...

– Помнишь, тогда в гробнице ты нашел часы Алекса?

– Да.

– А потом мы попали к странным подземным людям.

– Помню.

– Я думаю, они могут быть теми самыми мятежниками.

– Интересно...

– Они справились с нейрофагом. Знали, как защититься, чтобы те не

почувствовали их. Они же и рассказали нам, как называются эти существа. Относились к ним с сочувствием, как к несправедливо изувеченным людям. Откуда у них такая информация?... Они знали про Алекса. Только не догадывались обо мне. Потому что и я про себя еще ничего не знала. Моя личность утрачена, а способности были бесконтрольны. Думаю, они синги. И, скорее всего, те самые мятежники, скрывшиеся со своими семьями. И еще...

– Ты права, – прервал он меня.

– Что?

– Ты права. Это синги. Я тоже предполагаю, что это те самые повстанцы, о которых ты говоришь. И если бы они знали тогда твое настоящее имя, ты бы оттуда не ушла так просто.

– О чем ты?

– Они связывались со мной. Им нужна ты.

– Зачем?

– Говорят, что хотят использовать тебя в качестве рычага воздействия на твоего отца, чтобы остановить Извлечение Земли.

– Но Извлечение уже остановлено! И мой отец ничего не может сделать против Совета!

– Мне тоже не так легко поверить в благородные цели...– неопределенно выразился Макс.

– Это было в той записке?

После паузы, видимо, вспоминая, о чем я, он кивнул.

– Мы встречались уже несколько раз. Я отказывался им содействовать, как бы они не убеждали, что тебе не причинят вреда. Похищения, шантаж и вымогательство никогда не заканчивались ничем хорошим для жертвы. Тем более, я не забыл, как тогда они так беспощадно выкинули тебя в лапы нейрофагам. В последнем послании они обещают убежище нам обоим и клянутся, что не навредят тебе.

– А что будет, когда они узнают, что ничего не добьются от моего отца? Что за всем стоит Совет?

– Не знаю.

– Но там мы сможем быть вместе, – очень тихо сказала я самой себе, и замерла, не в силах поверить, что произнесла это вслух человеку, который хотел бы скорее избавиться от меня. Который не имел желаний больше видеть мое лицо, который при Алексе отрекся от любви ко мне. – Прости...

Повисло тяжелое молчание, в котором я вынуждена была переживать свое унижение в одиночестве.

– Я бы очень этого хотел, – внезапно сказал он тихо, перевернув все в моем мире, перекрасив в один миг все черное в белое.

– Но ты сказал Алексу, что больше не хочешь меня видеть, – напомнила я, заикаясь, все еще не веря в то, что услышала.

– Что я мог еще сделать? Думаю, за мной следили повстанцы. Они ищут тебя, и я не мог рисковать.

С каждым его словом, душа моя расцветала, а жизнь заново обретала смысл.

– Поэтому тогда, после Мерапи, ты вызвал Алекса, чтобы он забрал меня?

– Конечно. Думаешь, я когда-нибудь добровольно отдал бы тебя, если бы твоя

жизнь не была в опасности.

– А почему ты отказал ему, когда он просил помочь мне?

– Он явился сразу после встречи с повстанцами. Я знал, что за нами наблюдают.

– Макс... а женщина? – робко, с надеждой в сердце, спросила я.

Он усмехнулся.

– Говорю же, за мной наблюдали. И подслушивали. Тебе ли не знать, что они могут делать это на расстоянии. Надо было отвести подозрение после посещения Алекса и его навязчивых разговоров о тебе.

– Но ты же...

– Боже. Да ничего и не было бы. Пару поцелуев на камеру. А затем я собирался уснуть пьяным сном младенца.

– Это было ужасно, я скажу! – но во мне светились эмоции счастья, а улыбка расплывалась шире реки Ла-Плата.

– Это самое меньшее, что заслуживает маленький хитрый шпион, – рассмеялся он.

– Макс... Я так люблю тебя. И так хочу тебя обнять.

– Я тоже люблю тебя. И не отказался бы от твоих жарких объятий, – с улыбкой проговорил он низким хриплым голосом.

– Прости за все, что я сделала. Я не хотела оставлять тебя.

– Я знаю, Ки. Алекс все рассказал. Прошло время, но я начал понимать, что по-другому ты поступить не могла.

– Все-все?

– Все, – рассмеялся он.

– Значит, ты знаешь, что мы с Алексом не настоящая пара?

– Да, и это тоже. И в этом парадокс. С одной стороны, я рад, но с другой, Алекс думает, что последствия этого – вся цепочка странностей, случившихся с тобой, а теперь еще и угроза жизни. Когда ты растворилась в воздухе, я подумал, что так и не успел сказать, как люблю тебя.

– Теперь я знаю это! И счастливее меня нет никого на свете. Осталась только одна проблема – вернуть меня в исходное состояние, а то я останусь в твоей голове, и все будут называть тебя сумасшедшим, разговаривающим сам с собой.

– Мы что-нибудь придумаем.

– Как ты связываешься с Алексом?

– По крипту.

– Нет. Мы не можем его активировать. Это опасно.

– А что если мы попросим помощи у повстанцев? Они ведь рады будут насолить «СтратимХорс», – задумчивым голосом проговорил Макс.

Я замерла, а потом до меня дошло, что его план превосходен.

– Кто справится с сингом лучше другого синга! Макс – это гениально. Ты придешь к ним и скажешь, что поможешь им. Дашь им данные о готовящейся диверсии, и вместе мы остановим посланника Володара. Скажешь мятежникам, что я предоставила тебе эту информацию. Это будет доказательством, что мы оба на их стороне.

– Это опасно. Они могут попытаться навредить тебе.

– Но меня фактически нет. То, что я рядом, они и не узнают. У нас выбора нет, а это отличная возможность. Осталось решить, как нам добраться до них? Времени осталось в обрез.

– Ну это как раз просто. У меня есть код, который я должен транслировать в эфир, если приму положительное решение по их просьбе.

– Как транслировать?

– Через крипт. Не думаю, что они не предприняли защиты от вашей «СтратимХорс».

– Хорошо. Давай попробуем.

Макс остановил машину. Руки все еще покоились на руле, и большие пальцы нервно барабанили по его темным с матовыми хромированными вставками спицам.

– Макс?..

– Да, – он будто очнулся, затем, не отвечая на мой невысказанный вопрос, активировал крипт в режим онлайн, достал конверт из заднего кармана, сканировал часть написанного на экран так быстро, что я не успела понять, что там написано, затем отправил закодированное сообщение, выглядевшее, как тарабарщина.

– Сколько ждать? – поинтересовалась я, заметив цифры на часах.

– Думаю, недолго, – он вышел из автомобиля, достал сигарету и чиркнул зажигалкой.

– Давно ты куришь?

– Несколько лет. А что? У тебя аллергия? – с ухмылкой спросил он.

– Как ты догадался?

– Да брось.

– Синги не болят. На самом деле я переживаю за твое здоровье, – смущенно прошептала я, чувствуя абсурдность своих слов после того, что ему пришлось пережить по моей вине.

– Это очень мило. Придется бросить.

– Правда?

– Это небольшая плата, чтобы не вызвать приступ аллергии у моей девушки.

Я просто обомлела от радостных эмоций, которые пробудил в этот момент во мне Макс.

– Должна признаться, что аллергии у меня нет, – напугалась я, что невольно обманула его, пошутив.

– Я это понял.

С чувством юмора у меня всегда было туго. Это, наверное, как-то связано с моим происхождением.

– Не забудь, мы должны разговаривать, не открывая рта.

– Не за...

В этот момент перед нами вырос мужчина, прервав его на середине слова, а меня изрядно напугав. Макс же даже не вздрогнул. Пронзительные зеленые глаза пришельца цвета изумрудов впились в нас, словно стараясь просверлить голову и прочитать мысли. На душе невольно стало зябко, и я обрадовалась, что у меня нет тела, которое задрожало бы под тяжелым взглядом незнакомца. Аура его была скрыта, что являлось таким же признаком синга, как и внезапное появление в пространстве.

– Полагаю, Вы согласны, Максим? – спросил он без предисловий вальяжным спокойным тоном, никак не вяжущимся с его прожигающими прожекторами на лице.

– У меня важная информация, которая вам будет интересна, – уверенно сказал Макс в тон мужчине.

- Слушаю, – отозвался синг, внешне не показывая никакой заинтересованности.
- Повторяю, это важная информация, и скажу я ее главному или Совету главных,

как там у вас это заведено...

Медленная ленивая улыбка расплылась по идеальному и пугающему лицу человека.

- Так Вы согласны помочь доставить девушку к нам?
- Об этом поговорим позже.
- Я не услышал ответ на главный вопрос. Не уверен, что остальное нам нужно.
- Я так не думаю, – самоуверенно заявил Макс.
- Тогда убеди меня, чтобы я устроил тебе встречу.
- Сведения мне передала Киара Стратим, чтобы помешать «СтратимХорс» устроить очередную масштабную диверсию.

– Почему мы должны верить тебе?

«Макс, скажи ему, что они – сотрудники «СтратимХорс», и это ты узнал от меня».

– Ты сомневаешься, что я с ней виделся? Тогда откуда мне знать, что вы бывшие сотрудники «СтратимХорс»?

Он внимательно смотрел на Макса, не выдавая никаких эмоций.

– Хорошо, – он приблизился, протягивая руку, на которой было закреплено похожее устройство, и я услышала знакомый звук синхронизации криптов.

«Боже мой, Макс, мы были правы».

Глава 14

Мы снова оказались перед зданием, напоминающим белый куб. Пока мужчина открывал дверь, прикладывая к боковой панели свои отпечатки пальцев и прочие носители ДНК, Макс не спеша оглянулся, и в пространство моего обзора попала знакомая аллея с фонтаном. Там стояло несколько человек, что-то оживленно обсуждая, но, заметив нас, все замерли, не отрывая глаз от Макса. Здесь у них явно не часто бывают гости.

Свет замечательно имитировал дневное освещение, поэтому у меня имелась возможность внимательно осмотреться. Одеты они были просто, но со вкусом, а внешностью обладали, конечно, супермоделей. В прошлый раз их красота не так бросалась в глаза, возможно, из-за недостатка освещения в тот момент. Это определенно синги. Сотрудники корпорации, устроившие взрыв в лабораториях «СтратимХорс», погубившие моего брата, пусть и ненамеренно, косвенно. И теперь они скрываются от Совета Сварги. Живут здесь, в огромной пещере, на планете Земля. И над ними всеми нависла угроза Извлечения. Наш союз выгоден обеим сторонам. Осталось дождаться согласия и прийти к компромиссу.

Миновав коридоры и лестницы пешком, что противоречило обычаям сингов, я сделала вывод, что либо здание защищено энергощитом, либо они стараются не пользоваться сингулярностью, если можно обойтись без нее. Наверное, экономят энергию или что-то подобное этому. Оказавшись в той же зале, что и в предыдущий раз, мы снова стояли в середине, в оппозиции, окруженные важно сидевшими господами.

«Ну, честное слово, как на допросе. Это так они просят у тебя помощи в моем похищении?!» – даже немного обиделась я.

«Все хорошо, не волнуйся».

«Извини», – мой сарказм явно был сейчас неуместен.

– Так ты согласен помочь нам? – спросил мужчина, сидевший прямо перед нами.

– Я думаю, мы можем помочь друг другу, – заявил Макс, ловко уходя от ответа.

– Нам сказали, что ты встречался с девушкой, и она передала тебе важные сведения.

– Совершенно верно.

– Слушаем.

– Завтра в десять утра по Московскому времени в русском Кремле по приказу Володара...

«Рода», – подсказала я.

– ... Рода будет выпущен мутагенный вирус H1N1, направленный на поражение людей с определенным генокодом.

– И каким образом нас это касается?

«Боже, им все равно».

«Да. Попали».

– Киара тоже против Извлечения Земли. Она сказала, что все вы сотрудники «СтратимХорс», и боритесь за то, чтобы синги перестали проводить опыты над нашей планетой и людьми. Или она ошиблась? – презрительно сказал Макс.

«Макс, осторожно, пожалуйста! Не зли их».

«Все будет в порядке».

– Откуда у Киары Стратим такая информация? Это секретные данные, – нахмурился мужчина.

«Да пальцем в небо».

«Ну не совсем. Самое главное, они подтвердили нашу догадку. От этого будем плясать».

– Она работает в «СтратимХорс», и отец допустил ее к многочисленным секретным сведениям. То, что она на нашей стороне, всем нам на руку. Кроме того, вы предлагали убежище мне и ей. Взамен мы предлагаем помощь. Но ждем помощи и от вас.

– Мешать Володару Роду – очень опасно. Все это время он выслеживал нас. Если ему удастся это, он не пощадит никого.

Это прозвучало обращением ко всем присутствовавшим, и возникла пауза. Мужчины переглядывались, будто участвовали в беззвучном диалоге.

– У нас все равно нет выбора. Решайтесь и вы, – добавил Макс в тишину.

«Они решают», – с дрожью сказала я.

«Да».

– Вижу, ты не отдашь ее. Тогда какого рода помощь она может нам оказывать?

– Ну... – начал Макс.

«Скажи им, что если у нас общая цель – сохранить Землю и людей, я сама приду к ним».

«Ты уверена?»

«Здесь мы можем быть вместе, если вернем мое тело», – с надеждой сказала я.

– Она упоминала, что займет место в ваших рядах, если действительно поймет, что вы желаете благо для Земли и для людей. Думаю, помочь мне сейчас – это будет лучшим доказательством вашего равнодушия к этой ситуации. Иметь ее сторонником лучше, чем удерживать силой.

– Хорошо, – послышалось через некоторое время. – У тебя есть план, человек?

– Есть наметки, – с ухмылкой сказал Макс.

В намеченное время мы переместились на живописную Красную площадь, одной из достопримечательностей которой был храм Василия Блаженного с разноцветными куполами, кстати, являвшегося, своего рода, визитной карточкой страны. Своим многоцветием он напомнил мне пряничный домик из сказки, только гораздо более монументальный и эпичный. Он возвышался на десятки метров над людьми, сновавшими вокруг, и впечатлял своим необычным видом. Учитывая серьезность нашего предприятия, я не решилась просить Макса задержать на нем взгляд дольше возможного.

Перед выходом техник сингов внимательно проверил крипт Макса на наличие отслеживающих местоположение датчиков и программ. Датчик, действительно, оказался выведен из строя, как и говорил Алекс. Парень был дружелюбным и разговорчивым, и мы узнали, что он занимал неплохую должность в «СтратимХорс» в техническом отделе. После обновления прошивки доброжелательный Рен вернул нам устройство. Теперь мы точно знали, что корпорации нас не найти, если только они воспользовались бы земной системой распознавания лиц по уличным камерам. Но она была так несовершенна, что простая кепка на голове, избавила всех и от этой заботы. Хотелось верить парню, что датчик на самом деле обезврежен, и даже мятежники, не

смогут отыскать нас, если мы скроемся.

С нами также пошел синг по имени Див. Еще несколько людей страховало нас на большом расстоянии, готовые в любую минуту выдвинуться на помощь. План был прост. Распознав объект, Макс и Див должны были его нейтрализовать, Рен отключит крипт врага, а затем повредит на нем датчик и перепрошьет. Также он должен будет позаботиться о камерах и сигнализации, установленных по всему музею. Див, как биолог, должен будет изъять капсулу и проследить, чтобы вирус остался в контейнере. На крайний случай он имел при себе еще один, запасной.

Нашего внезапного появления в толпе никто, как всегда, не заметил. Видимо, сегодня на площади народные гуляния, потому что на каждый квадратный метр приходилось по несколько человек.

«Макс, не показывай, что ты обладаешь какими-либо способностями», – в который раз настаивала я.

«Ки, прекрати. Они же знают, что я перемещаюсь. Вполне логично, что у меня имеются и другие сюрпризы».

«Прошу тебя! Они не знают, пока ты не покажешь. У каждого синга сингулярность разного уровня и подтипа, а ты человек. Они и не ожидают от тебя ничего другого. Ты должен пользоваться силой только в крайнем случае».

«Тогда было бы вообще смешно, что я пошел со всеми в эту вылазку».

«Для обезвреживания одного человека должно хватить и двоих».

«Вмешаюсь в крайнем случае. Довольна?»

«Спасибо».

«Даже не думал, что нам будет с тобой так трудно. Ты как совесть. Ангел или демон за плечом. Внутренний голос, который не унять».

«Прости».

Местом, обозначенным подсмотренными мною точками координат, оказалась оружейная палата. Тем легче нам было проникнуть туда, потому что там постоянно проводились экскурсии. Билеты приобретались исключительно при предъявлении паспорта, поэтому мы переместились, нелегально мигрируя границу проверки документов. Оказавшись за кордонами и пропускными пунктами, мы вместе с толпой рассеялись по первому залу в зеленых тонах, стараясь держаться рассредоточено на расстоянии друг от друга. Здесь были представлены русские изделия из драгоценных металлов средневековья. Всюду стояли стеллажи, в которых заключались предметы быта и религиозной тематики: тарелки, чаши, чайнички, ковши, кресты, распятия и так далее, украшенные на разнообразный лад и инкрустированные всевозможными драгоценными камнями. Экспонаты было бы очень интересно рассматривать, но оставалось бросать только короткие взгляды на всю эту заманчивую таинственную раритетную красоту, помня о главном и продолжая вычислять нашу цель.

Коридоры и залы имели характерные черты построек дворцового типа. Резные белые колонны переходили в закругленный утопающий потолок, разделенный арками на множество куполообразных частей. Всюду свисали старинные люстры в виде подвесных канделябров. Это был совсем другой мир. Мир принцесс, царей, князей, королей, воинов и рыцарей, овеянный романтическими легендами, а на самом деле полный кровопролития, агрессии, несправедливости. Когда целые селения и города сжигали, людей полонили, подвергали ужасным пыткам, жестоко убивали, не щадя

никого: ни стариков, ни женщин, ни младенцев. Но этого былинного мира больше не существовало.

Люди в большинстве своем стали цивилизованны, толерантны и терпимы друг к другу. Они пришли к законам и правилам, которые сохраняют порядок в их жизни и позволяют быть уверенными в следующем дне, чего не скажешь о былом времени. Кто-то возмутится, какой же это порядок, когда вокруг царит коррупция, беззаконие, орудуют террористы, маньяки и прочие преступники. Но людям свойственно быть всегда чем-то недовольными, а вот настоящего беззакония и беспорядка, какой, например, творился в те же средние века, современные поколения не видели. И несмотря на накал страстей, обостренную военную ситуацию между странами, конфликты и кризисы, постоянно возникающие по всему земному шару, современный мир должен жить, потому что он находится в своей самой гуманистической стадии за всю историю планеты. Время, когда жизнь человека действительно ценится. А это значит, что пройдут десятки, сотни лет, и их гуманность будет прогрессировать по нарастающей, наращивая шансы стать идеальным обществом. Если все не испортят посторонние вмешательства или необдуманные действия отдельных людей, сосредоточивших власть в своих руках.

Следующую группу не впускали, пока наша не пройдет по инсталляциям. Каждой из групп давалось по часу. Диверсия должна была произойти в промежуток времени, отведенный на осмотр реликвий именно нам.

Оставалось определить, кто из людей вокруг представляет собой опасность. Володара нигде не было видно, значит придется иметь дело не с ним, от чего я только вздохнула с облегчением. Макс ему не знаком, но я опасалась, что он мог узнать бывших сотрудников «СтратимХорс». Хотя они и постарались изменить внешность, мне представлялось, что член Совета сразу почувствовал бы сингов.

Сейчас мы шли уже по следующему залу, наполненному возвышавшимися над нами рыцарями, облаченными в стальные боевые доспехи и вооруженные средневековым грузным оружием. Начищенные блестящие панцири и увесистые могучие оружия вызывали трепет и уважение к древним людям, добровольно экипировавшимся в такую тяжесть при любой погоде.

Мы аккуратно сканировали присутствующих, выискивая субъект, у которого отсутствует свечение. Сами же мы искусственно воссоздали ауру спокойствия и любознательности – это одно из новых изобретений мятежников, которые периодически совершали вылазки в мир людей, поэтому старались не отличаться от них. При ближайшем рассмотрении было видно, что состав ауры не натуральный, но на расстоянии можно было ввести в заблуждение. А высвечивать свои тревожные эмоции сейчас было нельзя, так как мы могли спугнуть посланника смерти. Удивительно, что при всей своей сдержанности, фальсифицировать свою ауру синги не умели, они могли только скрывать ее. Все больше фактов открывалось мне, доказывавших, что рассудительное отсутствие эмоций и чувств сингов – это просто внешнее подчинение общественным правилам.

Рен остановился у дальней стены, уткнувшись носом в устройство, выглядевшее, как телефон. Через минуту он повернулся и кивнул, подав нам знак, что разрешил проблему с камерами и сигнализацией. У нас было немного времени, пока охрана не поймет, что запись на экране закольцована.

Мы уже находились в зале королевских экипажей, украшенных красивыми

витиеватыми резными орнаментами цвета золота, когда в периферическом обзоре Макса мелькнула точка в том месте, где никого не должно было быть, так как мы шли последними.

«Не оборачивайся», – предупредила я, надеясь изо всех сил, что фразу он поймет правильно, а не как большинство людей, начинающих после этих слов хаотично вертеть головой, привлекая к себе внимание. Он послушался и сделал несколько шагов к одной из карет, затем наклонился, будто вчитываясь в вывеску, описывающую эпохальную и династическую принадлежность предмета старины. Я не понимала, где находились наши союзники, но теперь стал отчетливо виден заинтересовавший нас человек. Никогда раньше я его не встречала, как впрочем и многих других сотрудников «СтратимХорс». Одет он был в джинсы, темную водолазку и белые кроссовки. Вид обычного среднестатистического студента дополняла небольшая сумка через плечо. Как раз такая не вызывает подозрения у службы охраны, учитывая ее размеры, соизмеримые с размерами кошелька. Светлые волосы были зачесаны набок, а на пронзительных карих глазах были очки, смутившие меня, так как такого предмета на Сварге не существовало просто потому, что у сингов было идеальное зрение.

«У него очки...»

«И?» – не понял Макс.

«Синги не носят очков».

«Хмм... А в целях конспирации?»

Это казалось ему несущественным фактом.

«У него есть свечение», – мучали меня сомнения.

«Что оно означает?»

«Смесь многих цветов, но преобладает волнение», – после некоторой паузы оценила я.

«Ну? А если он его специально не скрыл?»

«Макс, синги показывают свою ауру только близким людям. А если он не скрыл ее... Не кажется ли тебе, что у него должны были бы присутствовать цвета агрессии? Думаю, это не он», – колебалась я, все больше сомневаясь в нашем товарище.

Студент тем временем с интересом изучал внутреннее убранство экипажа.

Макс аккуратно повернулся к другому экспонату, окинув помещение неторопливым взглядом. Див стоял неподалеку, нервно и вопросительно поглядывая в нашу сторону.

«Хорошо, как скажешь», – Макс направился в сторону Дива, который тоже повернулся, чтобы покинуть зал перед нами.

Внезапный спазм в голове пронзил болью мой мозг. Послышался звук, схожий с тем, который издают вышки электропередач, если подойти к ним ближе. Макс встал, как вкопанный, почувствовав неладное. И в следующий миг я не поверила своим глазам, перед нами материализовалась...я. Я смотрела, как моментально собралось мое тело, и через долю секунды я уже видела перед собой Макса. От его удивленного возгласа, когда он нецензурно выругался, в зал тут же ворвались Див и Рен, обратив на меня свои лица.

– Что происходит?

Сбоку мелькнуло резкое движение, и я повернулась в сторону студента, с запозданием понимая, что он все-таки оказался нашим клиентом. Парень, мгновенно

оценив ситуацию, выхватил из кармана небольшой контейнер и нажал на кнопку, расположенную на его корпусе. С небольшим хлопком коробка распалась, и в руке у него оказалась маленькая колба, но все мы уже бросились на него.

Синги двигаются очень быстро, поэтому далее все произошло, как сказал бы обычный человек, за мгновение ока. Все работали на удивление слаженно. Див определил своей целью сосуд из стекла, содержащий биологическое оружие, готовое вырваться при соприкосновении колбы с твердым полом. Туда с размаху и кинул его приспешник Володара. Фантастически ловко Див успел просунуть руку между колбой и полом в последний момент. Мы же втроем повисли на самом «студенте», скрутив его, чтобы он не воспользовался своей сингулярностью. Я схватила мужчину за голову в районе висков, и пропустила через его мозг заряд тока, чтобы задержать ионы, генерирующие электрический заряд, движущийся по телу нейрона. Я возблагодарила проведение, что задуманное у меня вышло и, таким образом, я смогла замедлить мозговые процессы передачи команд мышцам и сингулярности синга. Я даже немного перестаралась, и он потерял сознание.

Див внимательно исследовал сосуд. Мы напряженно молчали, ожидая его вердикта. Когда он заверил нас, что вирус остался за стеклом и все в безопасности, мы обменялись победными улыбками, и вернули внимание нашему пленнику, которого все еще автоматически удерживали.

– Что ты с ним сделала? – спросил техник, подозрительно косясь в мою сторону.

– Скорее! У нас всего несколько минут, – уходя от ответа, вскричала я на всякий случай, не зная, сколько потребуется времени организму такого сильного существа, как синг, чтобы перезагрузить и восстановить процессы.

Рен быстро отстегнул крипт, нейтрализовав его мощным электромагнитным импульсом так, что пол обуглился на несколько метров в радиусе. Оглушительно завывла пожарная сигнализация. Мы все удивленно на него уставились. Он же должен был позаботиться о ней. Техник залез в свое устройство и через несколько секунд наступила гробовая тишина. А чуть позже послышался шум человеческого гомона.

– Извините, про пожарную забыл, – заявил он с неловкой улыбкой, затем вытащил свои инструменты, с помощью которых он должен был вскрыть устройство и расплавить с помощью невероятно огромной температуры датчик слежения, подготавливая крипт синга к перепрошивке. Без него возвращаться было нельзя. Как объяснил Рен, каждое такое приспособление ценилось у мятежников на вес золота, потому что оно было высокотехнологичным и изготавливалось из редких материалов, коих на Земле не имелось, с помощью специфического оборудования, которое невозможно физически здесь собрать. Также количество энергии, затрачиваемой на этот процесс превышало наличествующие ресурсы. Приходилось тратить драгоценное время на необходимые процедуры, чтобы не привезти на базу мятежников нейрофагов и Совет.

– Рад с тобой наконец познакомиться, Киара, – сказал неожиданно Див с дружелюбной улыбкой и вернулся к колбе, которую он успешно водворил в свой контейнер.

– Я тоже.

– И спасибо, что ты на нашей стороне. Ты истинная сестра своего брата.

– Ты знал его? – меня охватило волнение.

– Можно сказать и так, – неопределенно бросил парень.

– Какой он был? – я ничего о нем не помнила, и так мало о нем знала.

– Он...был достойным сингом. И гордился бы тобой сегодня.

– Расскажи о нем! – нетерпеливо воскликнула я.

– Время не подходящее, а в другой раз – с удовольствием, – он мне подмигнул и снова отдал все внимание прозрачному контейнеру, несущему смерть.

Макс дотянулся до моей руки, я почувствовала тепло его ладони и благодарно ему улыбнулась. Он не мог оторвать взгляд от моего лица, а я не имела возможности отвести глаз от него. Хотя меня безумно интересовало то, что мог рассказать мне о Киане Див, я решила, что обязательно узнаю об этом позже. А прикосновения любимого человека могут стать снова недоступны в любой момент из-за непостоянства моей телесной оболочки. Так мы и сидели, около лежавшего без сознания человека, не в силах поверить, что можем касаться друг друга.

– Как ты? – спросил Макс одними губами.

– Все хорошо.

Из коридора слышался топот, а в дверь уже заглядывали первые испуганные лица.

– Готово! – воскликнул Рен, и одновременно с этим начал шевелиться наш повергнутый враг. Техник активировал на своем крипте команду синхронизации с остальными устройствами, слышались знакомые звуки.

Внезапно я ощутила резкую боль, расплывающуюся по телу, словно тысячи жалящих насекомых, и, вскочив, с ужасом увидела, что снова начала распадаться.

– Ки... – в тревоге прошептал Макс и попытался удержать меня за плечи, но все уже затуманилось, и я не знала, удалось ли ему сделать задуманное.

Сознание плавно прояснялось, вырывая меня из тумана. Первое, что я увидела, это силуэт склонившегося надо мной человека.

– Макс...

Нет, не он. Сначала черты мужчины были размыты, и я напряженно сжалась, ожидая неприятностей. Но затем знакомые детали, на которых мне удалось сфокусироваться, подсказали, что передо мной Алекс.

– Алекс... Где я?

– Ты потеряла сознание, а затем исчезла... Но теперь ты здесь. Все в порядке.

Я огляделась. Та же белая комната. Клетка Фарадея. Только находилась я не в ней, а с другой стороны стекла.

– Вытащи меня отсюда, – вцепилась я в его рукав.

– Ты сама не понимаешь, чего просишь. Тебе стало плохо, я открыл дверь, и это было ошибкой – ты растворилась в воздухе. Ты должна остаться здесь, – устало сказал он, накрыв мою руку ладонью.

– Расскажи все подробно, как все произошло.

Объясняя, Алекс тянул меня за собой, возвращая в комнату изоляции. Я послушно встала и вошла обратно в стеклянную клетку, чувствуя себя обреченной. Я попыталась связаться с ним мысленно, как это получалось у нас после слияния на близком расстоянии, но эфир молчал.

– Нас может кто-нибудь услышать?

– Скоро, ты поправишься, – он кивнул, отвечая на мой вопрос.

– Они что-нибудь придумали? – с надеждой спросила я.

– Пока нет.

– Может быть, они хотя бы узнали причину? – с насмешкой накинулась я.

Алекс отвел глаза.

– Возможно, я знаю, – очень тихо сказала я.

Парень резко повернулся.

– Это связано с ним.

Алекс помолчал, затем снова кивнул.

– Я приду проведать тебя позже, как сделаю важное дело, – Алекс многозначительно поднял брови. Оставалось надеяться, что он правильно понял инструкции.

Как только Алекс вышел, явился отец. Я уже оклемалась и прохаживалась, разминая затекшие мышцы. К телу вернулась чувствительность, хотя проступила легкая ломота. Но, главное, отсутствовала боль. Когда он подошел ближе, я внутренне съежилась, ожидая атаки. Никто здесь пока не знал, где я была, но отец помнил, что я раскопала секретные данные и собиралась предпринять действия для предотвращения биогенной катастрофы на Земле. Возможно, они не поймут, кто помешал Володару распространить вирус, но подозрение отца автоматически падет на меня. Но он меня не сдаст, я была уверена. Крипт исчез, остался только тот парень, который может меня опознать.

– Тебе лучше? – спросил он.

– Да, спасибо.

– Насчет нашего того разговора, ты ведь поняла всю абсурдность своих планов?

– Да, конечно, отец.

– Для всех будет лучше, если ты забудешь обо всем.

– Хорошо.

Он кивнул, довольный моим послушанием.

– Если хочешь, когда поправишься, можешь работать в другом отделе.

Я кивнула, принимая правила игры.

– Вы что-нибудь выяснили обо мне?

– Мы узнали только, что это нарушение не генетического характера. И это хорошо.

– Почему?

– Врожденное вылечить гораздо сложнее, чем приобретенное.

– Я могу покинуть эту комнату?

– Мне жаль. Все очень серьезно. При мне ты уже несколько раз дезинтегрировалась. Каждый следующий приступ может стать последним. Энергосеть удержит тебя от распада.

– А если вы не найдете причину и не сможете устранить ее, то я останусь здесь надолго?

– Будь рассудительной. Существует реальная угроза твоей жизни. Моя лаборатория всегда решала все проблемы. Решит и сейчас.

– Вы не сможете держать меня здесь вечно! Что помешает мне переместиться, как только я выйду за порог? – зло выпалила я.

– В этой части корпорации расставлена сеть и введены запреты на перемещения. Есть только несколько мест, откуда можно совершать прыжок. Мы не враги тебе. Я твой

отец. Поверь, у меня нет сильнее желания, чем разобраться в том, что с тобой происходит, избавить тебя от этой напасти и защитить.

– Ясно, – бесполезно, он мне не поможет выбраться отсюда. Рассчитывать можно только на Алекса. Я могла лишь надеяться, что он все правильно понял, и теперь разыскивает Макса, чтобы узнать сведения. Пока же нужно все обдумать. Как Алекс описал? Мне стало плохо, я начала распадаться в клетке Фарадея, потом оказалась в голове Макса. Алекс, узнав, что произошло, открыл дверь и разорвал цепь защиты. Может, именно в этот момент я смогла разделиться здесь и собрать свое тело там, где была я сама? Рядом с Максом. Но почему я снова распалась и как оказалась здесь?

Глава 15

Пока Алекса не было, отец заставил меня пройти множество тестов. Он все время был рядом, постоянно подбадривая и оптимистично кивая. Наблюдать такие изменения в наших отношениях было очень странно. Мама тоже находилась в зоне видимости, но держалась на расстоянии, периодически приближаясь, чтобы заверить, что скоро это закончится и со мной будет все в порядке. Вопреки обнадеживающим словам, я понимала, признаки такого поведения – бессилие. В основном же она неподвижно сидела в одном положении с прямой спиной в дальнем углу и неотрывно наблюдала за всеми действиями, происходившими вокруг. Выражение ее лица не выдавало никаких мыслей, а осанке могла бы позавидовать королева Англии. Все это делало молодую женщину похожей на статую греческой богини, восседающей на троне в нетленном величии. Иногда я все же ловила ее немые взгляды, обращенные к отцу. Разгадать их было просто, она уже потеряла сына, а сейчас опасность угрожала и ее дочери. Мама вела себя спокойно, достойно принятому у сингов этикету. Но это было лишь внешне. Сколько угодно энциклопедий могут пестрить одами, какая великая раса сингов, обуздавшая чувства и эмоции, но перед бедой все равны. И теперь я видела это, как никогда. Мне было искренне жаль ее. Я полюбила маму, хотя знала ее только последние несколько месяцев, а она носила любовь в своем сердце долгие годы с моего рождения.

Вскоре меня оставили в одиночестве. Все, включая родителей, удалились в сторону лабораторий, чтобы завершить необходимые анализы данных, оставив меня наедине со своими мыслями о побеге. Они быстротечно металась в моей голове, взрываясь фантастическими вариациями идей, словно сверкая огнями салюта. И так же быстро погасали, сталкиваясь в противоречии с экранированной стеной, удерживающей меня в неволе.

Увидев приближавшегося Алекса, я бросилась к нему, пытаюсь по глазам понять, какие новости он мне несет.

– Ну что? – воскликнула я, как-только он вошел.

– В этом есть смысл. Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да.

– Тогда пошли.

– Ты вытащишь меня?

– Нет. Если почувствуешь изменения в самочувствии, сразу бежишь обратно, иначе мы не успеем остановить распад! Гостевой код входа 46980.

– Что значит «гостевой»?

– Панель подстроена под отпечатки пальцев и ДНК, но для младшего персонала разработан гостевой код, чтобы они могли ненадолго снять щиты и открыть дверь в экстренных случаях. Если в течении пяти минут никто не активирует щит, или внесенный в список субъект не активирует отпечаток пальца, включится сигнализация. Прежде, чем ты обрадуешься или задумаешь глупость, скажу сразу, что код меняется каждый день. И, пойми, это для твоего блага. Пошли.

– Что происходит?

Он поддержал меня за локоть, и мы двинулись по коридорам. Шли мы недолго и через минуту остановились перед невзрачной дверью. Парень толкнул ее, и мы оказались в тесном помещении, полном чистящих средств и всевозможных тряпочек.

Алекс потер переносицу, и я вспомнила, как это делал Макс, устав со мной спорить. Приятное тепло воспоминания о любимом разлилось от моего сердца по всему телу.

– Здесь можно говорить, – вырвал меня из грез Алекс. – Недолго. Скоро тебя хватятся.

– Ты видел его? – с надеждой спросила я.

– Да. Я сказал ему, что с тобой все в порядке. Пока. Неужели ты сделала это?

– Что? – не поняла я.

– Ты его оживила.

– Думаю, да.

– Ты представляешь, что нарушила не только законы конкретной Вселенной, но и вообще всего мироздания?

– Я...я просто хотела, чтобы он жил! – воскликнула я, защищаясь.

– Ты не понимаешь, – устало покачал он головой.

– Это ты не понимаешь! Я сделала бы так снова, если бы это потребовалось. Только... я сама не знаю, как это произошло.

– Я просмотрел много информации, и толком ничего не нашел. Но, думаю, что вы правы. Все происходящее как-то связано с этим. Именно с того момента начались изменения в тебе и в нем. А попытка создания нами пары, возможно, стала катализатором процесса твоего распада.

– Есть ли вероятность, что я и Макс случайно соединились в пару? – тихо озвучила я свою внезапную догадку.

– Судя по некоторым признакам, такое могло случиться, – он оторопело смотрел на меня. Подобное ему явно не приходило в голову. Алекс потер подбородок, размышляя. – Например, масштабы разрушения, сопровождающие этот процесс, очень похожи на те, что ты учинила, когда тебя обнаружили. Энергощит защищает от данного воздействия. Тогда же ты не была изолирована. Но, мне кажется, это не возможно. Тут что-то другое. Ведь он человек, и его естественные процессы остановились. Макс не синг, он слабый, тело его хрупкое, восстановительная работа клеток маломощная, а регенеративная способность организма нулевая. Да, мы похожи по многим внешним признакам, но нельзя просто так перепрыгнуть тысячелетия эволюции! – он всплеснул руками, показывая всю абсурдность такого варианта. – Человеческий вид... беспомощный. Сами их тела беспомощны, изнашиваются быстро и не имеют способности к самоисцелению. Если только заживить царапину или синяк, да и это занимает не меньше недели. Если Макс умер... Это ужасно, но закономерно. А ты вмешалась...

Я боялась прервать ход его мыслей, хотя меня переполняла горечь, что он отчитывал за то, что я спасла Макса. Кроме того, бесил его высокомерный тон, когда он описывал несовершенство людей. В душе я понимала, что он лишь выкладывает объективные достоверные факты, но для меня Макс – самый совершенный на всем белом свете. Хотя я знаю, что бы он сказал...

– А как ты могла вообще его оживить? Ты же не бог! Что ты сделала?.. Что же ты сделала?.. – Алекс вернул меня к реальности, и улыбка, зачатки которой начали проявляться на моем лице при мысли о Максе, немедленно сползла. Я почувствовала себя ужасно глупой, что в такой напряженной ситуации снова отвлеклась. Казалось,

Алекс и не замечал, что я не слышала его последних слов. Он словно и не обращался ко мне, а кидал риторические вопросы в никуда.

– Как это у тебя вообще получилось?!

– Я...я не знаю.

– Что ты сделала такого, что он не просто ожил, но стал сильным и может перемещаться?.. Когда синги образуют пару, они много чем обмениваются, но только не своей сингулярностью. Способности каждого остаются его уделом и передаются только по наследству одному из детей... А ты будто поделилась с ним своей сингулярностью...

Глаза Алекса внезапно расширились.

– Ты не оживила его! Ты поделилась своей сингулярностью, собой, своей жизнью! Это невозможно!

Он потрясенно смотрел на меня, забыв о необходимости скрывать свечение. Через секунду парень тряс меня за плечи, а его аура окутывала нас всевозможными противоречивыми цветами: удивления, злости, восторга и ужаса.

– Как ты это сделала? Это противоестественно!

– Я не знаю! Не понимаю, о чем ты!

– Синг не может презентовать другому свои способности или подарить отведенное ему вселенной время даже своей паре. Как ты смогла отдать это обычному человеку? Синги вообще не могут ничем обмениваться с другими расами. Мы просто не совместимы!

– Я не понимаю, что ты говоришь, и что все это значит?! – меня охватила тревога, в этот момент он показался мне сумасшедшим.

– Это значит, что нам нужна помощь! Сами мы не справимся, у нас не хватает компетенции, чтобы помочь тебе. Я еще могу разобраться с сингулярными потоками на молекулярном уровне, но биолог я никакой! Ты можешь умереть, если мы не найдем выход. А вдруг наша теория подтвердится? Тогда уже будут известные значения в уравнении, от которых мы станем отталкиваться.

– Кто может нам помочь? – взволновалась я, так как его слова не предвещали ничего хорошего.

– Твой отец! Мы должны все ему рассказать!

– Нет! – вывернулась я из его рук.

– Они делают сейчас бесполезную работу, но если будут знать о случившемся, быстрее смогут исцелить тебя.

– Нет! Это может навредить Максу!

– Мне все известно про вирус. Макс рассказал. Также он рассказал мне, что твой отец знает, как ты планировала панихиду планам Володара Рода на распространение вируса в России, но тем не менее не выдал тебя Совету. Не сделает этого и сейчас.

– Все уже знают, что произошло? – остолбенела я.

– Про инцидент известно, но откуда ветер дует, знаю только я, и скоро догадается твой отец. Идет расследование.

Он взял мою руку, крепко сжав кисть, и открыл дверь, намереваясь тащить меня даже силой.

– Подожди! А как же Макс? – я обратила к нему глаза, полные мольбы.

– Это он просил меня сделать все, что в моих силах, чтобы помочь тебе.

– Пожалуйста, не делай этого, – взмолилась я, когда он уже впихнул меня в

лабораторию.

– Что не делай? – разнесся, подобно грому, в тишине ледяной голос одного из самых влиятельных людей на Сварге.

Мы застыли, напряженно глядя на приближавшегося к нам Володара.

– Я...я просила Александра, чтобы он не оставлял меня здесь. Забрал домой, – с такой же силой, с какой вырывалась минутой ранее, теперь я жалась к Алексу, клещами вцепившись в его руку и молясь, чтобы он поддержал меня.

– Да. Я пытаюсь объяснить Киаре, что в ее интересах остаться здесь и получить квалифицированную помощь.

– Александр абсолютно прав, Киара. Лучше для тебя будет, если ты останешься здесь. Кстати, должен поздравить тебя, Александр, и твою семью, – при этом он посмотрел на меня, как мне показалось, насмешливо. Рука, за которую я так усердно цеплялась, дрогнула, но Алекс молчал.

– Возникли новые обстоятельства, и Терн Хорс настаивает на ускорении твоего вступления в совет директоров «СтратимХорс». Я доволен тобой, и, надеюсь, ты оправдаешь все наши ожидания. Ты знаешь, насколько это важно.

Алекс аккуратно отцепил мои пальцы, давая понять взглядом, что мне ничего не угрожает, и шагнул вперед, таким образом, полностью закрыв меня от Володара. Затем он удалился вместе с остальными мужчинами в соседнее помещение, из которого, как я поняла, они исчезли, переместившись. Теперь я хотя бы имела представление, куда двигаться, чтобы попытаться сбежать. Оставалось надеяться, что сингулярность меня не подведет именно в этот момент, и я смогу телепортироваться. Я шагнула к двери, намереваясь прямо сейчас попробовать прорваться. Холодные пальцы обвилились вокруг моей руки, возвращая в реальность. Я посмотрела в спокойное лицо матери.

– С ним все будет в порядке, – сказала она, словно почувствовав мое беспокойство, но неправильно оценив предмет волнения. Она двинулась спокойным прогулочным шагом, утягивая меня за собой.

– Да, конечно. Но у меня мурашки от этого типа, – тихо сказала я, на что мама, печально улыбнувшись, кивнула и приложила палец к губам.

– Я должна выбраться отсюда. Помоги мне, – прошептала я одними губами. Мама молчала, и я уже подумала, что не услышала просьбы, но тут она повернулась ко мне и положила руки на мои плечи.

– Твоя жизнь ценна для меня, как никакая другая. Ты должна оставаться здесь, – мягко сказала она. Затем отступила назад, и я увидела, как между нами мелькнуло стекло панели, отрезавшей ее от меня. Затем мама приложила лоб к стеклу.

– Отец рассказал мне о вашем разговоре в библиотеке. Теперь ты знаешь о Киане. Это все для твоего блага, – и в ее словах было столько искренности, что мое сердце невольно откликнулось на ее нежный голос. Я кивнула.

Может, Алекс прав, и мне на самом деле стоит довериться своей семье. Зная правду, они смогут решить задачу моего состояния. Или просто отпустят к Максиму.

Я нервно тряхнула головой, выбрасывая из головы кошмарные мысли. Не в моих силах забыть, что отец отдал на растерзание Совету собственного сына, не предприняв ни единой попытки спасти его. Мама, может, и смогла простить его, но я – нет.

Голова болела, а все мои потуги прорваться сквозь энергоцит были бесполезны. Я

разработала план побега, основываясь на теории, что мы с Максом связаны. Когда энергощит отключат, я постараюсь активировать процесс распада, чтобы переместиться к Максиму. Похоже, внешняя защита здания не дает телепортироваться обычным путем, но не может удержать от распада. Ему мешает только экранирование в моей личной тюрьме. У меня целая ночь, чтобы подумать, как все это устроить. Для Макса же каждый мой час будет равен двум суткам в неведении. Я точно знала, что слова Алекса его не успокоили. Сегодня я поддаюсь увещаниям родителей, но завтра я намерена вернуться туда, где мое истинное место. К любимому человеку.

Извлечение Земли остановлено, я физически по счастливой случайности не являлась парой Алекса, нейрофаги - больше не угроза для Макса, а моя сингулярность сейчас была способна нанести вред только мне. Ничего не удержит меня от желания быть рядом с ним. Кроме этой стеклянной стены, защищенной энергощитом.

Внезапный шорох прервал мои мысли, и через секунду я уже была на ногах. С другой стороны прозрачной клетки вырисовывался силуэт высокого мужчины. В душе надежда боролась со страхом. Лица его я не видела из-за особенностей освещения, направленного ему в спину. Мне потребовалось немного больше времени, чтобы глаза привыкли к оттенкам, игнорируя пересветы фонарей, и я наконец поняла, кто передо мной.

– Володар...

Он медленно подошел ближе, оказавшись вплотную с другой стороны стекла.

– Киара... Ждала кого-то другого?

– Думала, время посещения закончилось. Чем обязана в столь поздний час? – поинтересовалась я, стараясь быть вежливой.

Меня насторожило, что он явился один и в ночное время. Неужели Володар Род заподозрил меня в саботаже, сорвавшему его террористические планы. Сомнительно было, что член Совета просто переживал за мое здоровье и поэтому решил навестить меня. Но еще больше раздражало, что я находилась за стеклом, как музейный экспонат, а заявиться ко мне мог кто угодно.

– Я уважаю твоего отца. Его исследования важны для всех нас, – неожиданно сказал он с расстановкой.

– Понимаю, – пролепетала я, чтобы заполнить паузу, хотя напротив, мне абсолютно было не ясно, зачем он мне все это говорит.

– Александр же... подает большие надежды. Скоро он займет пост заместителя генерального директора «СтратимХорс», но он метит гораздо выше... – загадочно проговорил Володар.

– Это здорово, если Александр этого хочет.

– Вот твоя проблема, Киара Стратим.

Я непонимающе смотрела на него. Тело охватило напряжение, в любой момент я ожидала разоблачительных слов.

– Что вы имеете ввиду?

– Каждый синг понимает, как важно быть успешным и приносить пользу своей родине, своим людям. Но не ты.

– Мне не ясно, к чему вы это говорите, – я с трудом сглотнула. От его странных фраз тревога все возрастала.

– Об этом я и говорю. Ты своим поведением нарушаешь все общепринятые нормы,

– спокойно сказал он, не повышая тона, и даже загадочным образом в его голосе просквозило дружелюбие.

– Что вы хотите? – настороженно спросила я.

– Я хочу сказать, что два очень важных для нашего дела человека привязаны к тебе. Ты удивлена, что я знаю это. Про твоего отца понятно, ведь ты единственный оставшийся ребенок. А Александр Хорс... Всем видно, как он относится к тебе. Но мы это исправим.

– Я все еще не понимаю Вас.

– Киара, я буду стараться, чтобы с тобой ничего плохого не случилось, пока ты нужна им, а они нужны обществу. От тебя я лишь прошу, чтобы ты пересмотрела свою жизнь, и вела себя безупречно, как и положено девице из хорошей семьи. Ты меня понимаешь?

– Да, – хрипло сказала я.

– Как только ты обманешь мое ожидание, даже привязанность твоих заступников тебе не поможет. В этом случае судьба тебя ждет незавидная. Как и твоего брата. Ты его не помнишь, конечно, но я тебе точно могу сказать, что вы были близки.

Я почувствовала, что колени у меня задрожали. Чувства страха, обиды, бессильной ярости и отвращения заполнило всю мою сущность, но я немереными усилиями заставила себя стоять и смотреть, не отводя взгляд, в лицо негодяя, открыто угрожающего мне.

– Где Киан?

– Наверяд ли вы еще с ним встретитесь. Тебе, наверное, никто про него не сказал, но он был изменником и получил по заслугам. Та же участь уготована каждому, кто будет вести себя не как синг, а как жалкий земной червяк!

– Вы, кажется, путаете понятия. Синг – это сильная личность, обладающая способностями творить великие дела. Раз был дан нашей расе дар, использоваться он должен во благо! Быть сингом – не значит быть жестоким тираном и всевластным козлом! – выплюнула я, тут же прикусив язык.

Володар рассмеялся и спокойно сказал:

– Вот как просто нарушить твое равновесие. Я знаю тебя с детства. Ты мне, как дочь. Ты была настоящим отпрыском своей семьи. Истинная леди, достойная занять лучшее место на Сварге. Красота матери и характер отца. Я тобой восхищался, как настоящим сингом, бойцом. Твой брат не шел ни в какое сравнение с Киарой Стратим! И что с тобой стало после исчезновения твоей личности. Лишь пародия. Ты меня разочаровала.

Я оцепенела от его тирады, поразившись каждому слову, сорвавшемуся с его рта.

– Пойдем со мной, – сказал он, и после его манипуляций с панелью, та отъехала в сторону, открывая путь из моей клетки.

– Куда? – я уже готова была попробовать раствориться, но интуиция мешала бежать, так и не узнав, что хотел показать Володар. К тому же я действительно опасалась этого синга, и мне совсем не хотелось случайно привести его к Максусу.

Он взял мою руку и потянул меня за собой к выходу, а из соседней залы в одно мгновение мы скользнули сквозь краски реальности. Я оцепенела, ничего не понимая. Ранее у меня изъяли крипт и его не было, чтобы синхронизировать наши траектории. Да и сам процесс скольжения отличался от всего, происходившего ранее. Такого чувства

при перемещении я еще никогда не испытывала. Казалось, что я несусь сквозь вселенные, прорубая путь и ввинчиваясь в историю времен. Это ужасало, но и колоссально впечатляло.

Едва мое тело обрело гравитацию, ноги коснулись твердой поверхности, а грудь, сдавленная паническим испугом, расправилась и вдохнула свежий воздух, я удивленно посмотрела на своего невольного спутника, который все еще сжимал мою руку:

– Что происходит?

Я огляделась и не могла не заметить темную пустоту вокруг. Она была бесконечна и в то же время я чувствовала себя в ограниченном пространстве. Периодически на разном расстоянии от нас в черноте возникали цветные всполохи и ряби. Иногда они проносились мимо, перекручиваясь между собой, напоминая живой генетический код ДНК, и устремлялись вдаль, открывая пространственную бесконечность места, где мы находились.

– Это для тебя поразительно?

Я только кивнула, стараясь уследить за движением стремительно появляющихся и удаляющихся лент.

– Это основа всего. Моя версия реальности. Твой род один из самых древних. Но я из династии создателей.

– Создатели чего? – мой язык еле ворочался, а тело отказывалось слушаться после мощной нагрузки, которую я ощутила во время перехода. Кроме того, его слова доходили до меня сквозь пелену. Все вокруг казалось нереальным из-за притупленного восприятия организма. Смысл его высказывания так вообще представлялся мне фантастическим.

– Все, что мы имеем – это результат долгого кропотливого труда. Все живое на Земле – наше детище. Они живут, потому что мы сформировали условия для их жизни. Мы создали самих людей. Они нужны нам также, как мы нужны им. И все, что мы делаем на Земле имеет свой смысл. Никто не имеет права становиться на пути Создателя и рушить его планы.

– Это вы сейчас про бога что ли? – я все еще была как в тумане, и от этого весь разговор происходил словно во сне.

– Я знаю, что ты сорвала процедуру распыления вируса, – твердо сказал он.

Черт. Отец все-таки сдал меня.

– Не понимаю, о чем вы.

– Зачем ты лжешь? Тебя опознали. Мне нужно знать, как найти тех, кто был с тобой.

– Я была одна.

– Ты не рациональна. Ты понимаешь, что я могу сделать с тобой все, что угодно? Уничтожить твою сущность прямо здесь и сейчас. Я просто завершу процесс распада.

– Понимаю.

– С тобой были преступники. Синги, которые повинны в смертях членов нашего общества. Они устроили теракт в лабораториях, где работали наши лучшие ученые. Твой отец чуть не пострадал. А твой брат погиб.

– Моего брата забрали вы. Вы сделали из него нейрофага. Вы же только что намекнули мне на это.

– Я действовал в рамках закона. Он был нестабилен, причинил вред Алексии Хорс,

участвовал в нападении. Он сам приговорил себя.

– Вы лжете! Он не причинял никому вред! А просто хотел жить, имея возможность самому выбрать свой путь!

– Удивительно, как много ты знаешь информации, за распространение которой наказывают аннуляцией. Мне придется поговорить с твоим отцом.

– Это не он!

– А кто?

Я молчала, в ужасе соображая, что мне делать.

– Ты все скажешь. Подумай о своей семье. Той, которая у тебя осталась. Я дам тебе время. Но сначала скажу кое-что.

Я вопросительно смотрела на него, и его глаза сейчас, казалось, вобрали в себя Вселенную. Такими темными они были, и лишь далекими огоньками блеснул свет, отражаясь в их всепоглощающей черноте. Тем более ужасным чудовищем он казался, напоминая сейчас бездушных нейрофагов.

– Я заметил, тебе интересна участь Земли. Я хочу, чтобы ты знала, это я отменил Извлечение. Я внял уговорам и обещаниям твоего отца все исправить.

– Я не понимаю. Что исправить?

– Ты и не должна. Знай только, что все на той планете дышит, пока она нам нужна. Как только ситуация изменится, Извлечение будет запущено. Слово Верховного Синга.

Он схватил меня за руку – и через секунду я уже снова была в своем хрустальном гробу.

– Ты будешь находиться за щитами, пока я не увижу, что ты приняла верное решение и выбрала правильную сторону. И тебе лучше поторопиться. Твоя деструкция уже началась, и обратить ее вспять все сложнее.

Я была напугана, напрямую получив доказательства его безграничной власти и силы. Ни на миг не забывая адресованные мне угрозы, я все же двинулась ему навстречу, остановившись у самого стекла. Этот опасный синг раскрыл меня и, скорее всего, уже решил мою участь, поэтому я увидела возможность получить ответ на мучавший меня вопрос.

– Зачем вы все это делаете с Землей? Почему вы издеваетесь над людьми, насылая на них катаклизмы, кризисы и несчастья?

– Чтобы жить, – были последние слова Володара перед тем, как он удалился, оставив меня ломать голову все над теми же изысканиями.

Я запуталась еще больше после его посещения. Зато я четко поняла мотив Володара, держать меня здесь до окончания деструкции, или пока я не расскажу про мятежников все, что знаю, доказав тем самым свою преданность. Как я и думала, косвенное заточение превратилось в откровенное заключение. Только вместо стражи вокруг врачи. Скорее всего, приняты усиленные меры после того, как Володар узнал, где я была и что сделала. Успокаивало лишь одно, рядом почти всегда находилась семья, а отец не выдал меня. Я все еще не доверяла ему, но уже осознавала, что он не на стороне Володара.

Правильно ли я поняла, что Володар Род не желает Извлечения Земли, но хочет продолжать мучать людей испытаниями, заставляющими их страдать по разным причинам. И он делает это, чтобы жить. Кому жить? Не для личного же его

удовольствия прилагаются такие титанические усилия. Не могу поверить, что все на Земле создано из-за извращенных потребностей какого-то садиста. Он имел в виду что-то другое, более глубокое. Но что? Мой отец был замешан в этом. Я должна попробовать поговорить с ним приватно еще раз и убедить его рассказать мне больше. И, наконец, ответить на главный вопрос: зачем они подвергают землян испытаниям?

Глава 16

Он вернулся и снова стоял надо мной. Я невольно вздрогнула, увидев возвышавшуюся фигуру, с которой нас разделяло только стекло. В этот миг я напрочь забыла, что оно лишь напоминает прозрачный хрупкий земной сплав, а на самом деле способно выдержать физический натиск любого синга. Если бы не это, я давно уже была бы далеко отсюда. Огромными усилиями я подавила свой крик и скрыла цвета страха, моментально замелькавшие вокруг головы темно-серыми и черными всполохами. Володар вернулся, чтобы закончить деструкцию. Я вскочила, стремясь оказаться дальше от предполагаемой опасности и зажмурила на секунду глаза. Я настроила фокусировку и тона в максимально короткие сроки, напряженно работая органами зрения.

Едва вокруг все прояснилось и обрело краски, я замерла в нерешительности. Мои глаза не могли меня обманывать. Это был Макс, но поверить в сей факт оказалось не просто. Настолько было противоестественным его нахождение здесь. Он улыбался своей мальчишеской ухмылкой, упиравшись лбом в стекло, и внимательный взгляд его синих глаз бегал по всему моему телу, будто ощупывая и проверяя на целостность. В следующий момент я приникла к стеклу, прижимая руки в тех же местах, где находились и его. Он открыл рот, намереваясь что-то мне сказать, но я в ужасе приложила палец к губам, призывая его к молчанию, затем обвела рукой все помещение и указала на свои уши и глаза. Я не понимала, как еще никто не появился, чтобы схватить его, ведь Алекс меня предупредил, что здесь все прослушивается и просматривается. Теперь они в любом случае будут знать лицо Макса. Они будут искать его, и когда перероют всю картотеку Сварги, начнут копать на Земле, потому что моя новая личность начала свое формирование именно там.

Макс кивнул, подавая знак, что понял меня. Я еще раз попыталась прорваться в его мысли, но, видимо, энергощит, окружавший мою камеру, не пропускал сигнал.

Боже, что он здесь делает?! Его могут поймать. Я нахмурилась, сменив радость на страх, и выказывая всем своим видом недовольство его риском.

Макс наклонился к крипту и через секунду прижал его к стеклу так, чтобы я увидела экран. Там зелеными буквами мигала надпись. Он спрашивал, как выпустить меня наружу. Я не знала, сколько времени прошло с того момента, как Алекс назвал мне код. Оставалось надеяться, что тот будет еще действителен. Я оглянулась вокруг, чтобы найти, на чем можно было бы написать Максус послание, но ничего подходящего не обнаружилось. Я только сейчас вообще обратила внимание на скудность предметов в моем изоляторе. Да уж. Как умирающей, о развлечениях думать мне не положено, но все же никто не озаботился о досуге, закрыв меня в этой камере.

Я подошла к тому месту, где была закреплена панель управления комнатой и указала на нее. Парень двигался параллельно мне, пока не наткнулся на устройство. Я подняла руку и выставила четыре пальца, соответствующих цифре, которую он должен был набрать. Макс кивнул и начал вводить числа, в итоге, завершив операцию нулем, который я изобразила, сложив кружок из большого и указательного пальцев.

Секунду ничего не происходило, и плечи мои поникли, но за этим все-таки раздался щелчок, и я оказалась в объятиях самого дорогого человека в моей жизни.

«Ты пришел за мной», – даже мысленная проекция моего голоса дрожала от переполнявших меня чувств.

«Как только смог».

«У нас три минуты до включения сигнализации», – спохватилась я, с трудом разогнав свою зачарованность. Макс кивнул, схватил мою руку и уверенно двинулся в сторону двери, бережно утягивая меня за собой. Из чего я заключила, что план отхода у него все-таки имелся. Мы вошли в небольшое помещение, скорее напоминавшее белый куб, стены, пол и потолок которого источали мягкий приглушенный свет, и парень повернулся ко мне, положив руки на мою талию.

«Помнишь тот домик на берегу?»

Мне не надо было напоминать про удивительное райское место, в котором я оказалась сразу после погребения в пещерах Мерапи, поэтому я просто кивнула.

«Мы направляемся туда. Думай о нем, чтобы не потеряться».

Я снова дала положительный ответ, хотя даже не предполагала, где конкретно, территориально, оно находится. Я прижалась к нему сильнее, внутренне поражаясь его осведомленности в тонких ментальных процессах транспортировки органических соединений сквозь пространство.

Закрыв глаза, я уже в следующую секунду услышала блаженный шум морских волн. Они накатывали одна за другой, погружая меня в гедонический транс. Но совсем не волшебные звуки живой природы были основной составляющей охватившего меня ощущения безграничного счастья. Близость горячего родного тела Макса окутывала меня наслаждением, даруя чувства любви, гармонии и защищенности. Я не могла поверить, что наконец, после такого долгого периода, могу беспрепятственно касаться его. Казалось, стоит мне открыть глаза, и я перенесусь в ненавистную реальность, где рядом со мной лишь его фантом, воспоминание. Мы стояли, не в силах разорвать объятия. Я думала лишь о том, что не смогу пережить, если что-либо снова нарушит единство наших душ и наших тел, поэтому избегала малейшего движения, уносясь в вечность чувств.

– Так скучала по тебе... – тихо произнесла я, опасаясь разрушить единение, но изнемогая от потребности поделиться переполнявшими меня эмоциями. Я подумала, что он не услышал шепота, но тут же ощутила, как он сжал мои плечи руками чуть сильнее.

– Я тоже. Очень, – раздался возле моего уха хриплый голос, заставивший трепетать каждую клеточку тела.

Оторвав голову от твердой мужской груди, рельефы которой не могла скрыть тонкая ткань майки, я тут же почувствовала сожаление от того, что перестала слышать биение его сердца. Но зато теперь я получила возможность видеть его ангельски красивое лицо, все так же приводящее меня в состояние восторга, и вызывающее в моем сердце множество теплых эмоций. Казалось, я даже задержала дыхание, когда мы сцепились взглядами, и его небесные глаза потемнели, принимая сапфировый оттенок, тем самым окончательно заставляя мои мысли путаться. Я уже забыла, как это, смотреть на него, откинув голову почти до предела назад, любоваться его благородными чертами, смягчавшимися в момент нашего зрительного контакта.

С непреодолимым усилием я пыталась вспомнить то множество вопросов, что вертелось на моем языке. Наверное, у меня был растерянный вид, потому что на полных губах Макса появилась насмешливая ухмылка, которая так смущала меня всегда, но теперь лишь невольно вынудила улыбнуться в ответ. Я освободила руки из под бицепсов

Макса и потянулась к красивому лицу, планируя заключить его в свои ладони, но на середине пути он схватил меня за запястья, нежно развернул внутренние стороны к себе и коснулся губами в поцелуе сначала одной руки, а затем и второй, послав по моему телу волну дрожи. Когда Макс отпустил их, разрешая мне завершить свой маневр, я аккуратно коснулась его скул, немного погладив угловато выпирающую мужественную часть челюсти. Потом провела одной рукой по мягкому шелку волос, убирая челку с его левого глаза. До меня донесся томный вздох, в итоге оказавшийся моим, и мы одновременно улыбнулись друг другу. Я почувствовала, что мои щеки будто обожгло пламенем, из чего стало ясно, что Макс по-прежнему заставляет меня краснеть, не прилагая особых усилий.

Я столько всего хотела спросить, но не могла оторваться от него. Наконец я открыла рот, чтобы задать вопросы, но он тут же наклонился, накрыв его губами и медленными исследовательскими движениями языка проник внутрь. Постепенно усиливая напор, он все больше увеличивал давление, вызывая головокружение и эйфорию. Я почувствовала тепло на затылке – Макс прижимал мою голову ближе к себе, утопив руку в волосах, а второй удерживал талию, будто я могла упасть. И я действительно могла упасть, если бы он отпустил меня, потому что колени подогнулись от столь желанных ощущений, поглотивших с головы до ног. Я так долго мечтала о них. Мечтала о нем.

Через некоторое время, к моему недовольству, Макс прервал поцелуй, немного отстранившись, но все еще удерживая меня в своих крепких руках. Я открыла глаза и увидела взгляд горящих страстью глаз. Тело моментально ответило очередной волной тепла. Голова кружилась, а сердце стучало быстро и неровно, прыгая по синусоиде.

– Давай войдем в дом, – хрипло сказал он.

Я кивнула и двинулась нетвердым шагом за ним в сторону милого белого бунгало.

– Как ты нашел меня? – когда мы оказались на веранде, я более-менее пришла в себя.

– Я говорил, что чувствую тебя. В этот раз долго не мог определить местоположение. Ты будто просто исчезла. Я уже не знал, что предпринять, но появился Алекс и объяснил, что ты в безопасности. Но, когда я попросил, чтобы он проводил меня к тебе, категорично отказал мне. Как и договорились, я не сказал, что могу найти тебя, но тогда меня очень беспокоило, так как я действительно не ощущал связи. Но как только все изменилось, я немедленно отправился на поиски.

– Это энергощит. Клетка Фарадея. Ты его деактивировал, чтобы меня выпустить, – пояснила я, увидев его недоумение.

– Я чертовски напугался... Хотел бы верить Алексу, что с тобой все в порядке, но без доказательств это было сложно.

– Разве он не сказал тебе, как опасно лезть в сердцевину осинового улья?! – я не смогла скрыть дрожь в голосе. Я вздрогнула от напоминания, какая угроза висела над Максом совсем недавно. Поразительным казалось так же то, что не сработала сигнализация при проникновении постороннего человека на секретный объект сингов.

– Сказал. Также он пытался заверить меня, что ты находишься в изоляции по доброй воле, – он поднял одну бровь.

– Это сложно объяснить, – я опустила голову, не в силах сразу сформулировать ответ. – Я вынуждена была согласиться. Володар не двусмысленно дал понять, что я в

любом случае пройду все необходимые обследования. Моя семья на самом деле очень старается мне помочь. А Алекс... он действительно в это верит. Верит, что меня исцелят. Но мне кажется, что этого не произойдет. Я хотела при первой же возможности бежать. – Я подняла взгляд и всмотрелась в его чудесные глаза. Меня охватила неуверенность, но все же я смогла улыбнуться и выдать из себя слова. – Бежать к тебе... Думаю, ты и есть мое исцеление.

– А ты – мое, – он снова притянул меня к себе. Я ощутила дуновение его дыхания на своей макушке. Обнимать его – казалось таким правильным.

– Сегодня ночью, скорее всего, мой статус поменялся на официально заключенную. Володар узнал, что это я разрушила его планы по распылению вируса. Также ему известно, что я была с мятежными сингами. Тот парень опознал меня, и теперь Володар Род требует, чтобы я выдала их. А даже если бы я этого и хотела, то ничего о них не знаю. Он сказал, что поступит со мной, как с моим братом.

– Ничего не бойся. Теперь я не такой беспомощный, как раньше.

– Ты никогда не был беспомощным, – я улыбнулась ему, разгоняя тучи печали над нами.

– Наверное, поэтому ты ушла, – саркастично констатировал парень, и по его лицу скользнула тень.

– Прости, – прошептала я, – признавая свою вину и прижимаясь теснее, впитывая его тепло.

Макс молча обнимал меня.

– Максим, знаешь, какая теория возникла у Алекса по поводу нас с тобой? Совершенно фантастическая, но мне она нравится. Он думает, что в тот день... – я невольно вздрогнула, вспоминая страшные события. – Я оживила тебя, поделившись с тобой своей сингулярностью.

– Как это?

– Мы разделили на двоих мою сущность. Это означает, что мы две части одного целого, понимаешь?

Он отстранился и удивленно посмотрел на меня.

– Мне не совсем ясно, как такое может быть. Как ты это сделала? Твоя раса обладает такими огромными силами?

– Я не знаю, как это произошло. Алекс сказал, что синги не могут сотворить подобное даже с родными по крови или с собственными парами, а уж тем более с ... хм... другими формами жизни. Это нарушает физические и ментальные сингулярные законы. Но такое как-то случилось. Конечно, только в теории, но она смогла бы объяснить, откуда у тебя появились способности сингов, почему мы можем общаться, не произнося слов, и ты имеешь возможность найти меня в любой части вселенной. Так умеют только сингулярные пары.

– Если я забрал у тебя силы, значит, я виновен в том, что с тобой происходит, – он сжал мои предплечья, а брови его недовольно сошлись на переносице. – Ты можешь обратить процесс?

– Макс, даже если бы могла, я этого никогда ни за что не сделала бы! Когда я увидела тебя там среди нейрофагов, ты лежал, не двигался, не дышал... – я запнулась, не в силах продолжать от наворачнувшихся на глаза слез. – Я всегда буду помнить те чувства... Ужас и бессилие... Я не помню, что происходило дальше. Все было, как в

тумане. Только знаю, что в гневе уничтожила в том месте каждого нейрофага, находившегося в радиусе моей видимости. А также навредила городу и людям, которые стали жертвами моего аффективного состояния. Я сожалею об этом, но я никогда и никоим образом не жалею о том, что смогла вернуть тебя. Если бы я этого не сделала, я бы умерла там же, рядом с тобой.

– Не говори так. Ты всегда должна помнить, если случится... что-то подобное, я хочу, чтобы ты жила дальше. Время лечит. И со временем ты снова стала бы улыбаться, а то, что было между нами, навсегда останется добрыми воспоминаниями, счастливыми мгновениями, – он снова притянул меня и стал покрывать все лицо поцелуями.

– Я не хочу улыбаться без тебя, – с грустью сказала я. – И не могу...

– Понимаю.

– Все образуется. Теперь, когда ты рядом.

– Я просто не знаю, что мне делать и как тебе помочь. Боюсь, что ты снова станешь таять передо мной, а я ничего не смогу сделать. Просто хочу, чтобы ты жила.

– Я и живу. Рядом с тобой живу!.. А отдельно – нет... Только и думаю о том, когда же смогу увидеть тебя и обнять.

Он улыбнулся.

– Я мог бы сказать те же слова. Я подвел тебя. Если бы тебе не пришлось тогда отдавать часть себя, сейчас ты была бы здорова.

– Что ты говоришь?! Ты сражался за меня и почти погиб! Даже не почти! Ты ни в чем не виноват. И вообще все было в порядке, пока мы не попытались объединить наши сингулярности с Алексом. Мы думаем, что это и было отправной точкой моей деструкции.

При этих словах Макс вздрогнул, а его руки на моей спине прижали меня сильнее. Он снова нахмурился и сделал глубокий вдох.

– Ты же понимаешь, что это была необходимость? – спросила я, одновременно вспоминая, что Володар поведал мне, как исключительно из его прихоти не состоялось Извлечение, а моя жертва получалась напрасная. – И я даже рада, что ничего не вышло, потому что теперь могу быть с тобой. Только нужно придумать, где взять взломанный крипт, чтобы до меня не добрались ни нейрофаги, ни синги. Ведь и сейчас они могут появиться в любой момент.

– Не волнуйся, у нас есть некоторое время. Пока не пользуйся своими силами. Надо связаться с мятежниками. Рен поможет нам. У него есть расшаренный крипт. Тот самый, который мы сняли при изъятии вирусной капсулы. Я разговаривал с ним, и он обещал вынести вопрос о том, чтобы это устройство получила ты, на рассмотрение своим старейшинам. Мы можем попробовать подействовать на их решение, но я уверен, они выдвинут свои условия.

– О, Макс, это черта всех сингов – находить выгоду в каждом возможном действии.

– Я не очень им доверяю, учитывая, сколько раз они пытались через меня добраться до тебя.

– И правильно делаешь. Неизвестно, что конкретно произошло тогда, когда Киана поймал Володар Род.

– Твой брат... – кивнул он.

– Да, мой брат.

– Ты расскажешь подробнее?

– Когда я попала в лаборатории, я познакомилась с девушкой по имени Миерия из рода Лада. Она когда-то была мне близкой подругой. Но что более важно, она была возлюбленной моего брата.

– Возлюбленной... – еле слышно ухмыльнулся Макс, все еще не забывая подкалывать меня по поводу особенностей сингов.

– Видимо, с нашей семьей что-то не так, – улыбнулась я.

– Я рад. А, знаешь, в какой-то момент я действительно поверил, что ты такая же бессердечная, – он взял меня за подбородок и заглянул в глаза долгим потемневшим сапфировым взглядом.

– Никогда не сомневайся в моей любви к тебе, пожалуйста, – прошептала я. – Ничего я так не желаю, как быть рядом всегда.

– Не буду, но ты должна рассказывать мне о проблемах прежде, чем идти на крайние меры, а не исчезать внезапно, – Макс нежно коснулся губами в легком поцелуе моего рта, носа, а затем лба, отпустил подбородок и отодвинулся, всем своим видом призывая продолжить беседу. Я сглотнула и негромко откашлялась, чтобы прогнать наваждение. Каждое его прикосновение делало меня похожей на повидло, растекавшееся при первой же возможности. И все больше сил мне требовалось, чтобы взять себя в руки.

– Думаю, я все неправильно поняла поначалу. Прожив в их окружении некоторое время, я могу сказать, что многим сингам не чужды эмоции, но другим совсем не свойственно сострадание. Я пришла к выводу, что, в основном, люди моей расы просто мастерски научились скрывать свои чувства и симпатии, а в действиях и решениях стараются руководствоваться холодной логикой. Ну а как по-другому, если с детства вся твоя жизнь определена и расписана, всюду приборы слежения, а вокруг сплошная полиция нравов, представленная, между прочим, теми же нейрофагами, только в более лицеприятной оболочке. Но от этого не менее ужасающие сущности. Да даже на руке каждый гражданин носит чипированное устройство, датчики в котором постоянно показывают, кто где находится, чем занимается и какую информацию запрашивает через сеть на своем крипте!

– На Земле тоже все идет к глобальному информационному контролю. Так что с братом?

На этот раз я рассказала ему каждую деталь, которая была мне известна.

– Киана забрали, и больше никто его не видел. Я разговаривала об этом с отцом. Он подтвердил, что его осудили, и вынесли приговор – извлечение и преобразование в нейрофага. Наш отец никак не мог помочь ему, опасаясь за оставшихся членов семьи. Максим, он отдал его им! И Киан стал нейрофагом! А я убила столько нейрофагов! Один из них мог оказаться моим братом!

До этого момента я боялась признаваться в этом даже себе, старательно отодвигая на задний план самобичевание. Но теперь во мне окончательно созрело решение – я должна хотя бы попытаться сделать что-то для своего брата. Я не помнила его, но точно знала, что он поступил бы также.

– Успокойся. Ты не виновата. Здесь стоял вопрос: либо ты, либо тебя, и ты приняла единственное верное решение.

– Макс, – я взяла его руку в обе свои, – все изъяты личности, те, которые не

уничтожены, как моя, находятся в Сваргском филиале «Нейрофаг Индастрис», в «Нейрофагском Архиве Личностей». Если мы сможем узнать данные, найти Киана, если... если он жив, то теоретически можно обратить процесс вспять. Мятежники – это синги, бывшие сотрудники, они могли бы нам помочь. Это единственный шанс узнать что-то о брате, и, возможно, вернуть его к нормальной жизни. Я знаю, что многого прошу...

– Все в порядке. Конечно, мы попробуем ему помочь. Единственное, мне не хочется вести тебя к мятежникам.

– Макс, они борются за Землю, как и мы. Они ненавидят то, что делает правительство, превращая людей в монстров. Они хотят жить своей жизнью, делать собственный самостоятельный выбор. Это все то, чего хочу и я. Они не сделают мне ничего плохого и не смогут манипулировать мной, как оружием для шантажа, когда я расскажу им, что мой отец всего лишь пешка в руках Совета. Что «СтратимХорс» управляет Совет, а не мой отец. И что он не смог даже сына вырвать из их лап. Единственное, что я могу, это предложить себя в качестве союзника. Все будет хорошо, я...

Макс не дал мне договорить, снова поцеловав меня, и мои ощущения головокружения вернулись с удвоенной силой. Я обхватила его за шею и внезапно почувствовала, что он поднял меня на руки, отрывая от пола и прижимая к себе. Прервав поцелуй, он повернулся боком и локтем сместил дверную ручку, спиной надавил на дверь, и через секунду мы были внутри.

– Надо отдохнуть, прежде чем приступать к наполеоновским планам, – с улыбкой сказал он.

– Да, ты прав, – поддержала я, не отрывая взгляда от его хитрых прищуренных улыбающихся глаз. – Макс?...

– Да?

– Ты знал, что этот домик на берегу моря из моих самых заветных грез? – внимательно вглядываясь в его лицо, спросила я.

– Да. Я купил его для тебя, – хрипло прошептал он, наклонившись к моему уху и заставляя меня дрожать от переполнявших эмоций в этот момент.

– Как жаль, что тебе пришлось разделить его с кем-то другим, – слова слетели прежде, чем я их остановила. Ну не могла я забыть прошлого моего визита, когда разглядывала чужой женский халатик. Кроме того, что испортила момент, я еще ощутила себя жалкой. – Прости. Это не мое дело.

– Я не...

– Ты не обязан мне объяснять, – я положила палец ему на губы, останавливая его оправдания, потому что мне было больно, и к тому же я действительно понимала, что он ничего мне не должен. Макс потратил на ожидание не месяцы, как я, а годы.

Он поставил меня на ноги, взял кисть и, поцеловав ладошку, отпустил, мягко толкнул мое плечо, отчего я неловко пошатнулась. Я взмахнула руками, ощутив себя в свободном падении, но парень, поймав мои руки, аккуратно посадил меня на диван, облокотил на спинку, а сам встал на колени около моих ног так, что наши лица оказались на одном уровне.

– Ки... Я, конечно, был очень на тебя обижен. Ведь ты обещала не уходить от меня. Вначале я вел себя... не умно. Если это вообще можно употребить в этом значении.

Я чертовски много пил, и порой просыпался... в неожиданной компании. Было много разного, прежде чем я начал осознавать твои мотивы, и смог поверить и понять, что у тебя не было выбора. Тогда я нашел это место. И сюда я никогда никого не приводил. Этот дом только для тебя и для меня. Я знал, что мы будем вместе, и ждал тебя.

Так хотелось верить ему, но сомнения и факты грызли меня изнутри. В конце концов, я кивнула, опустив глаза.

– Ну что еще?.. Говори уже... – с улыбкой сказал он.

– Я нашла вещи... халат... – хотя некоторые высказывания приносили мне боль, все же искренне хотелось верить ему.

– Глупышка... Я же понимал, что ты не приедешь ко мне с чемоданами, как сделал бы любой нормальный человек. Поэтому и купил для тебя все эти вещи. Или я зря это сделал, и ты можешь их наколдовать? Или тебе не понравился фасон? Я выбирал по своему вкусу, – он очень мило изогнул бровь, и снова улыбался. От этого скулы его обострились, а на щеках появились ямочки, сводившие меня с ума.

Чувство бесконечного счастья объяло всю мою сущность без остатка. Я не могла перестать улыбаться, хотя и понимала, какой нелепой ревнивицей сейчас выглядела.

– Чисто теоретически, я могла бы что-нибудь материализовать, но для этого понадобилось бы слишком много энергии, изъятой из другого места.

– То есть, проще говоря, чтобы здесь что-то появилось, где-нибудь должно исчезнуть?

– Примерно, но суть ты понял.

– Ловкость рук – и никакого обмана. Так тебе понравился дом?

– Он просто идеален. Как и ты... – улыбнулась я, обхватив его шею и утягивая за собою на кровать.

Глава 17

Приятное покалывание распространилось по моему телу, начинаясь в основании ладони и пульсирующими толчками проходя через каждую клеточку организма. Нейроны нервной системы, словно получили дополнительный заряд энергии, были до предела возбуждены, вырывая меня из сна и призывая к немедленным новым свершениям. Пожалуй, никогда еще я не чувствовала себя в такой отменной физической и эмоционально-ментальной форме.

Я распахнула глаза, стараясь отыскать причину своего состояния, и наткнулась взглядом на профиль Макса. Не имея возможности и желания сдерживать улыбку, я позволила ей расплыться по моему лицу, отражая внутреннюю безгранично счастливую климатическую обстановку.

Моя рука покоилась на обнаженной мужской груди. Теперь я поняла, что происходило. Я физиологически черпала его энергию и соединяла ее со своей. После этого они, переплетаясь между собой, дуэтом циркулировали через все мое тело, а затем возвращались к нему, совершая идентичные процессы уже в его организме. Впечатления были поразительными. Никогда в жизни я не испытывала подобных ощущений, поэтому просто не смогла бы точно описать эйфорию, поглотившую меня в этот момент. Я боялась шевельнуться, и только тихо дышала, опасаясь разбудить виновника своего состояния нирваны.

Он был до невозможности чертовски восхитителен и безупречен. На той грани мужской красоты, когда внешность действительно впечатляюще идеальная, но еще не смазливая. Уверена, конечно, что в большей степени моя неумемная безумная тяга к нему обязана гормональным и другим подобным процессам в организме, но до чего же я теряла от него голову. Челка беспорядочно закрывала ему практически весь лоб, делаю похожим на совсем юного мальчишку. Темные длинные ресницы тихо трепетали, указывая на поверхностный сон Макса, а небольшой прямой нос, немного вздернутый на конце, так и манил дотронуться до него. Полные губы, немного покрасневшие после непрерывных поцелуев совсем недавно, завладели всем моим вниманием, обещая новые гедонические прикосновения, и у меня едва хватало сил удерживать себя на месте, а не прижаться к ним сию же минуту. Пришлось даже закрыть глаза, чтобы унять свои желания. Но даже так передо мной стоял образ любимого человека, чрезмерно влекущий, приглашающий придвинуться еще ближе, не оставляя ни миллиметра расстояния между нами.

Потоки, проходившие через нас, пульсировали под стать ударам сердца, и через какое-то время я внезапно поняла еще один поразительный факт – мой собственный ритм четко повторялся эхом в груди Макса.

Но такого не бывает!

У меня перехватило дыхание. Я резко приподнялась и положила голову на ребра парня в том месте, где находился двигатель его сущности. Я не ошиблась. Абсолютно точное повторение барабанной дроби. О Боже...

Мое лицо опалило жаром. Алекс был прав. Правда даже еще более шокирующая, чем его теория. Мы – один цельный организм. Поэтому мы взаимодействуем и делимся энергией. Именно поэтому я так хорошо себя сегодня чувствовала. Впервые за долгое время. И отец меня не вылечит. Даже если подключит все умы Сварги, он не сможет

сделать для меня лекарство.

Мое лекарство – передо мной.

Это Макс.

Ужас и изумление, взбудоражившие все в моей душе, сменялись радостью и удовлетворением, а потом вновь возвращался страх. Пришла уверенность, что, если связь настолько крепка, значит, когда я в опасности, в опасности и Макс. Наши жизни связаны. Не станет меня – не станет его...

Если я попаду в руки Володара...

Может быть, нам удастся скрываться в этом домике всю жизнь, горькой усмешкой пришла мысль.

Я подняла голову и посмотрела на лежащего передо мной парня. Ярко голубые глаза, окаймленные синим обручем, были открыты, а губы изгибались в привычной ухмылке. Мое тело немедленно ответило ему, и на лицо непроизвольно напозла улыбка. Его ладони прошли вдоль моих рук и остановились на плечах, поглаживая их легкими движениями.

– Я думал, что достаточно утомил тебя, чтобы ты проспала весь день, – звуки его голоса прозвучали великолепной симфонией для моих ушей, давая дополнительную стимуляцию для расслабления и доминирования чувства защищенности над другими эмоциями.

– Прости, я не хотела будить тебя, – прошептала я, глядя на то, как мои волосы удобно устроились волнами на его груди.

– Решила проверить, бьется ли еще мое сердце? – он хитро улыбнулся, а я приготовилась краснеть. – Ты подумала, что я умер от...хм...

– Что-то в этом роде, – перебила я.

– Предлагаю проверить более интересным способом.

Макс переместил руку на мой затылок и нажал на него, аккуратно притягивая меня к себе, пока наши губы не сомкнулись в поцелуе. Нежность переплелась во мне со страстью. Я со всей готовностью отдалась нахлынувшим на меня эмоциям, упиваясь любовью Макса, и не забывая возвращать ему потраченную энергию с удвоенной силой.

Теперь я понимала сущность происходившего между нами. То, как меня тянуло к нему раньше, по мощности было несравнимо с тем, что совершалось сейчас. Две части одного организма стремились друг к другу и, воплотив свою суть, создавали совершенно новый вид связи, новый вид жизни. Каждое прикосновение насколько было ожидаемым, настолько же захлестывало неожиданно сильным осязательным упоением. Он знал, что нужно делать и в какой момент просто потому, что наши тела общались независимо от нас своим особенным поэтичным языком прикосновений. Жар разрастался, посылая пульсацию в каждую клетку, губы горели от поцелуев, а голова нескончаемо кружилась. Кружилась так сильно, что все мысли внезапно потерялись в просторах Вселенной, под названием Макс.

– Извини, с едой тут проблемы. Сейчас я позвоню женщине из деревни, которая присматривает за домом, и она сегодня же заполнит наш холодильник.

– Уже близится вечер. Может быть, сами съездим? – предложила я.

– Ну нет уж. Тратить время на поездки я не хочу, поэтому придется перекусить этими жуткими мюслями и засохшими печеньями прямо на пляже. Не так я

представлял романтический ужин, но что поделаешь. Не хватает всего одной составляющей идеального вечера – хорошей еды. Но у нас есть отличное вино.

– Это ерунда, и вечер все равно будет идеальный. С тобой он не может быть другим.

– Это именно те слова, которые я хотел услышать, – он подошел и неожиданно громко чмокнул меня в нос. – Пока мы там поваляемся, обо всем уже позаботится Соа.

– Соа?

– Женщина, присматривающая за домом, – кивнул Макс. – Она работает на другой стороне острова в отеле. Мне повезло, что я ее встретил. О, я попрошу ее принести традиционную еду из местного ресторанчика «Дайя». Ты же любишь морепродукты. А они здесь свежие. Все-таки мне удастся накормить тебя как следует.

– Здесь есть даже ресторан? Может, все-таки прогуляемся туда?

– Этот путь займет немало времени, и там довольнолюдно, а мне бы хотелось, чтобы этот вечер был только наш. За последние годы остров из уединенного места превратился в жирную точку на карте туриста. В связи с этим разрослась инфраструктура. Только здесь остался тихий уголок, да и то за счет того, что это частная территория и принадлежит застроенному поселку. Кроме нашего еще только семь домов, и они все на большом расстоянии друг от друга. Соседей я не видел ни разу, из чего могу заключить, что они не часто приезжают сюда.

Он достал телефон, набрал номер и удалился в сторону кухни, откуда я тут же услышала английскую речь. Воспользовавшись моментом, я переоделась в купальник, стараясь натянуть материю на максимально больший участок кожи, чем изначально предполагалось дизайнером. Не то, чтобы я стеснялась в силу последних событий, но все же умом еще не совсем привыкла к откровенным нарядам, в отличие от своего тела, которое подчинялось скорее Макс, чем мне.

– Ну что, идем? Я взял вино и вот это, – появившись в дверном проеме, он потряс передо мной пакетом, параллельно окидывая меня взглядом потемневших глаз, от которого внутри зарождался жар.

– Все, что угодно, только не мюсли, – я поморщилась. – Извини, я не смогу есть это, даже если развести их в вине вместо молока.

– Ты уверена? Это хорошее вино, – рассмеялся он.

Я кивнула, умоляюще сложив брови домиком.

– Я лучше буду его без мюслей.

– Ок.

– Как тебе удалось так угадать мой размер? – в зеркале я осматривала купальник, купленный Максом. Я сама не смогла бы выбрать такую шикарную вещь. Модой я не особо интересовалась, но тут было невооруженным глазом видно, что он идеально сидел на мне. Белый цвет с мелкими золотыми нитями выгодно оттенял мою слишком светлую бесцветную кожу. И, что самое удивительное, бюстгальтер сидел, как родной.

– Да, штука, что надо. Отлично тебе подходит. Но определиться с размером мне помогли, – после моего недоуменного взгляда он продолжил. – Кхм... помнишь, приятное знакомство с моими родителями? – с сарказмом спросил Макс, дугой изогнув одну бровь.

– Такое, пожалуй, не забудешь, – я совсем запамятовала, как отнеслась ко мне его мать. Вот уж кто точно не будет мне рад. В сердце колыхнулась печаль. Хотелось бы хотя

бы от одних родителей получить благословение.

– Не переживай. Все утряслось, когда прояснилась ситуация с Линой. Ты знаешь, теперь, после слухов, которые донесла до мамы Лера о моем...хм... плохом поведении, она совсем не против женить меня. И, думаю, она совершенно поменяла о тебе мнение. Клянусь, мама причислила тебя к лику святых после твоего исчезновения и моего загула. Однажды она даже настоятельно рекомендовала вернуть тебя, раз уж я не смог своевременно удержать.

– Ты рассказываешь что-то из разряда фантастики. С чего ей так хорошо обо мне отзываться? Она ведь меня совсем не знает.

– Ей это и не надо. У нее есть талантливая рассказчица, которая не может удержать в секрете ни одной тайны, пусть даже от этого и зависела бы ее жизнь. И она при каждой возможности использует свой дар постоянно говорить.

– Лера... – догадалась я. На душе потеплело от чувства благодарности человеку, ставшему хорошим другом.

Он кивнул.

– Так вот, перед ужином мы заезжали с тобой в магазин, чтобы купить платье. Я приехал туда, и они с радостью подняли архивы, когда я сказал, сколько всего мне необходимо приобрести, не имея ни малейшего понятия о твоём размере.

И это я тоже помнила. Особенно заигрывающий тон девушки – администратора спа-салона, разговаривавшей с Максом, как с очень хорошим знакомым. Я подавила неприятную эмоцию, стараясь не думать об их новой встрече.

– И они хранили такого рода данные? – действительно, удивилась я, отвлекаясь от клокотавшей во мне ревности.

– Конечно. Ты не представляешь, с каким усердием бутики собирают информацию о своих клиентах. Я еще и упростил им задачу, потому что все покупки раньше оплачивал с карты. Пошли? Жара уже спала, но все же хочется освежиться до заката.

Он направился в дальний конец комнаты и отодвинул стеклянную раздвижную дверь в сторону. Внутри ворвался порыв легкого ветра, принесшего невероятно приятный запах морской воды. Я не удержалась и сделала вдох полной грудью, одновременно закрыв глаза, и почувствовала, как по лицу распространилась довольная улыбка. Приятные эмоции не покидали меня с тех пор, как Макс пришел за мной в лабораторию. Кажется, я никогда в жизни не была так счастлива, как сейчас.

Передо мной мелькнула тень, прикрыв струящийся из окна свет, и через секунду, я еще не успела распахнуть глаза, как на губах ощутила нежный поцелуй. Макс взял меня за руку, заставляя очнуться от наваждения, и потянул за собой мое податливое тело на пустынный берег.

Солнце было уже низко, но еще ярко освещало местность, отражаясь в белоснежном песке и играя бликами в волнах. Ослепительный блеск ударил в глаза, принудив меня сощуриться, а мои органы зрения усиленно заработать, подстраиваясь под окружающую среду. Мы стояли на веранде, а вокруг был настоящий рай. Ни одной живой души не вырисовывалось на фоне нетленного величия тропической природы.

– Боже. Это просто восхитительно. Не могу поверить, что я здесь, – я повернулась и посмотрела на него. – С тобой. Это все, о чем я мечтала. Мы можем остаться в этом месте навсегда? – грустно спросила я, заранее зная ответ.

Макс обхватил меня за талию, притянул к себе и, наклонившись, заглянул в глаза.

– Придет время, и мы сможем это сделать.

– Надо только верить, – закончила я за него фразу. Я чувствовала благодарность за то, что он всегда давал мне надежду, за то, что каждый раз в критический момент был моим стимулом, за то, что он просто есть.

Хотя море, казалось, было близко, и ничто не разделяло его и дом, кроме белоснежного песка на береговой линии, до воды мы шли минут пять неспешным шагом. Я вспомнила эмоции Макса, когда он подумал, что я тону, и ему пришлось бежать все это расстояние. Мне стало неудобно перед ним за произошедший инцидент, и я невольно рефлексивным движением сжала его руку. Он обернулся, вопросительно глядя на меня поверх своего плеча, но я смущенно покачала головой, давая понять, что это ложная тревога.

У берега он расстелил плед и поставил сумку с импровизированным скудным перекусом. Взяв меня за руку, Макс направился к морю. Вода сомкнулась вокруг лодыжек, посылая потоки блаженства по ногам вверх, будто ростки вьющегося растения. Щекоча и поглаживая, постепенно они уже оплетали икры нежными живительными побегам. Мы продолжали входить в воду все глубже, и она не переставала дарить ощущение, что является частью меня, наполняя энергией и живительной силой. Когда я погрузилась в море по подбородок, Макс повернулся и подхватил меня на руки так, что наши лица оказались друг напротив друга, а его нос скользнул по моему в приветственном жесте. Я улыбнулась такой детской забаве, а он прижал меня к себе, впившись в рот в напористом интенсивном поцелуе. А затем Макс приподнял меня и неожиданно кинул спиной вперед. Алекс долго готовил мое тело к внештатным ситуациям, но к такому предательству – никогда. Поэтому я среагировала быстро, задержала дыхание, нырнула глубже и резко поплыла, держась у поверхности дна. Вода была кристально прозрачной, поэтому пришлось сделать большой крюк, чтобы остаться незамеченной. Я застыла позади Макса, спрятавшись за большим подводным камнем, торчащим из песка и размерами больше напоминающим скалу. Он не заставил себя долго ждать, уже через секунду погрузившись под воду. Макс завертел головой по сторонам, осматривая пространство и выдувая бурлящие пузыри воздуха. Стыд и страх захлестнули меня, когда мне стало ясно, что он мог подумать, будто я исчезла. Поэтому я тут же подалась к нему. Словно почувствовав, он развернулся, встретив меня разъяренным взглядом, схватил в охапку и оттолкнулся от дна, утаскивая за собой вверх.

Не говоря ни слова, мы выбрались на берег и сели на плед. Взырошив полотенцем свои волосы, он бережно вытер мне лицо и промокнул плечи. От его заботы я ощущала себя маленьким нашкодившим ребенком.

– Ты злишься? – прошептала я, отчетливо чувствуя его негативные эмоции.

– Не на тебя, – улыбнулся он. – Хочешь вина?

Я внутренне расслабилась, осталось только стереть хмурое выражение с его лица. Я подвинулась к нему вплотную, оказавшись на коленях между его расставленных ног, и слизала каплю морской воды, готовую в любой момент сорваться с кончика его вздернутого носа. Коснулась губами, а затем покрыла легкими быстрыми поцелуями все его лицо. Руки Макса, до этого покоившиеся локтями на коленях, обвились вокруг моих плеч, заключая меня в объятия. Прислонившись своим лбом к моему, он заглянул мне в

глаза, будто что-то спрашивая. Словно я могла бы ему в чем-то отказать.

Внезапно Макс перевернул меня, уложив на покрывало спиной, и навис надо мной, опираясь руками по бокам от моего тела. С его челки мне на лоб капала вода, заставляя меня беспричинно улыбаться. Или это его красивое ухмылявшееся лицо, склонившееся надо мной, делало меня такой беззаботной и счастливой. А, может, практически обнаженное тело, тесно прижавшееся, воспаляющее и дразнящее, оказывало такой эффект. Или это наше взаимное притяжение, наша любовь, наши энергетические и теперь уже обоюдно сингулярные потоки усиливали взаимодействие двух тел, разумов и сущностей, превращая в один единый неделимый монолит.

«Я люблю тебя так сильно»...

«Я тоже люблю тебя, Ки».

Он достал заранее откупоренное дома вино и разлил по хрустальным фужерам, довольно забавно смотревшимся на песчаном пляжу дикой местности. Я отпила немного и покосилась на печенье, которое он мне протягивал. Из вежливости попробовав его, я окончательно уверилась, что твердостью оно может поспорить с куском железа, а использовать сингулярность, чтобы нарастить новые зубы, или заживить другие, поврежденные в процессе переваривания органы, мне не хотелось. Поэтому я воздержалась от дальнейшей фатальной гастрономической ошибки. С некоторой долей облегчения я увидела, что Макс тоже обошелся одной попыткой дегустации. Он посмотрел на меня шокированным стыдливым взглядом, а я послала ему свою самую искреннюю счастливую улыбку, заверяющую, что ничего не смогло бы испортить прекрасный вечер наедине с ним.

За эти несколько месяцев, что постигала азы сущности и умений сингов, я научилась контролировать некоторые процессы жизнедеятельности. Например, замедлять метаболизм при необходимости, если в организме ничего не повреждено и не требует регенерации. К тому же по причине постоянной энергетической подпитки потоками, которыми мы обменивались с Максом, я не испытывала ни малейшего чувства голода.

После побега я опасалась пользоваться одной из своих сингулярных сторон личности, поэтому даже не предполагала, есть ли у меня вообще сейчас какие-либо способности. Я понимала, что не могу проверить это и подвергнуть нас риску, не имея перепрошитого крипта, чтобы защититься от нейрофагов. После изъятия личности, а именно на это указывали все факты, я являлась незарегистрированным сингом без четких, внесенных в картотеку, биометрических данных. У меня еще только формировался новый след, поэтому для спецслужб Сварги я – невидимка. Идентифицировать меня можно исключительно по ДНК. Теоретически, я могла бы исчезнуть и больше никогда не пользоваться сингулярностью, жить с Максом вместе в этом чудесном месте.

Я снова вздохнула от переполнявших и раздиравших изнутри противоречивых чувств. Все только выглядело бы идиллией, но в глубине души я знала, что счастье было бы временным и недолговечным. Да, сейчас я стабильна: не распадаюсь, не перемещаюсь, не кидаюсь молниями, но все может измениться.

Нужен крипт. Крипт у мятежников. Они потребуют услугу взамен. И связана она будет с Володаром или «СтратимХорс».

Даже если пытаться жить без устройства, в любой момент нас могут обнаружить. Существовать со знанием, что меня разыскивают, и круг поиска у преследователей постоянно сужается – это паранойя.

Не говоря о брате, которому я могу помочь. И родители... Что с ними сделает Володар?

Что будет с Землей, в конце концов, когда прихоти сингов будут удовлетворены? Слишком много всего, чтобы отвернуться и не пытаться изменить сегодняшнее положение вещей.

Я почувствовала руку Макса, сжавшую мою, и повернулась боком к нему, положив голову ему на плечо. Он лежал в очках, поэтому я не могла видеть его глаз небесного цвета, которые всегда смотрят на меня с такой теплотой, что зажигают внутри костер умопомрачительных эмоций.

– Расслабься, – прошептал он, еще раз сжав мою руку. Я и забыла, что мои эмоции для него открытая книга. Как и его для меня.

– Расскажи мне, где находится этот рай, – попросила я тихо.

– В Таиланде, рядом с границей Малайзии. Остров называется Ко Липе. Он совсем малыш, его можно обойти за пару часов, – начал рассказывать Макс, а я только следила за движением его губ и слушала голос, несущий мне гармонию и успокоение. – Он омывается Андаманским морем и включен в состав Национального морского парка Тарутао. Поэтому здесь запрещено ловить рыбу. В основном сюда приезжают любители дайвинга и снорклинга.

– Снорклинг? Что это?

– Подводное плавание с маской и трубкой.

– Как дайвинг...

– Не совсем. Дайвер использует серьезное снаряжение – баллоны с воздухом, и может погружаться на дно, а снорклингист плавает у поверхности. Хочешь попробовать?

– Я всегда за, если дело касается воды. Вот только не знаю, к кому себя отнести.

– В смысле дайверу или снорклингисту?

Я покачала головой. На Сварге я часто плавала в озере в усадьбе или в бассейне, увеличивая время задержки дыхания. Я поражалась результатам, но для сингов он считался нормой.

– Мне не нужна трубка. Времени, которое я могу не дышать под водой, хватит даже на исследование дна.

– Значит, я зря тогда за тебя напугался.

– Да. А ты не пробовал? Вдруг я поделилась с тобой и этим.

– Даже не представляю. Ты не перестаешь меня удивлять. Скажи, а как это вообще физиологически реализуется? Объем легких у тебя не больше, чем у меня. Да и жабр я на тебе не видел. Я бы точно заметил. Верно? – он приподнял очки, и шутливо со страхом посмотрел на меня. Рога и копыта – это мы уже проходили.

– Ну я точно не знаю. Видимо, особенность сингов, связанная с определенными процессами в эволюции, – я осторожно посмотрела на него, опасаясь обидеть подобными высказываниями.

– Но как-то это происходит... Может, по аналогии с дельфинами? – улыбнулся он предположению.

– Хороший пример, кстати, но внешнее строение у нас более схожее с тобой, чем с

этими чудесными животными. А как объясняется их способность задерживать дыхание? Ведь, насколько я знаю, они не дышат под водой, а всплывают наружу, чтобы сделать вдох.

– Да, но я думал, что ты как раз и откроешь эту тайну. Ведь ученые никак не могут выяснить обстоятельства способности дельфинов делать один вдох в пять или даже двадцать минут. Как и то, каким образом им удается нырять на глубину сорок пять метров и выныривать без каких-либо перемен, в то время, как человек просто не выдержал бы перепадов давления. Кстати, может, ты и это умеешь?

– Честно, не пробовала.

– У дельфина есть специальный орган – дыхало. Оно расположено отдельно от пищевода и рта. Может, ты тоже скрываешь от меня нечто подобное? – снова сел Макс на любимого коня.

– Ну из физиологических отличий в этой области, могу сказать, что у сингов более развиты мышцы надгортанника. Я могу заставить их сокращаться, чтобы они перекрыли путь воде в трахею.

– Как и воздуху?

– Да.

– То есть ты можешь убить себя, не совершая никаких видимых действий? – в его голосе сквозил неподдельный ужас.

– Ну если только в теории. Но организм синга может функционировать самостоятельно в экстренных случаях. Если я не подам команду вовремя, в аварийном режиме он будет действовать сам. Так же, как и человек, который решил не дышать, все равно сделает вдох.

– Ты на самом деле меня иногда пугаешь.

– Как говорится, не спрашивай, если не хочешь знать ответ, – немного обиделась я.

– Я хочу знать о тебе все, – Макс перекатился на бок и лег так, что его лицо оказалось, на уровне с моим. Очки он уже снял, так как сумерки сгустились очень резко, и теперь я могла видеть позади него, как солнце стремительно опускается за горизонт, взмахивая напоследок отблесками своих лучей.

– Закат здесь настолько же потрясающий, насколько и быстротечный, – с грустью сказала я, внутренне понимая, что завтра нам придется вернуться в реальный мир.

– Да, день почти закончился, но впереди еще ночь. И скоро я накормлю тебя вкусным ужином из морепродуктов, – сказал Макс, вставая и протягивая мне руку.

Глава 18

– Ты уверен, что это именно то место, – я нервничала, и не могла скрыть дрожь в голосе. И в который раз внутренне сделала себе замечание за проявленную слабость. Я хорошо научилась скрывать свои страхи и тревоги на Сварге. Теперь же сказывалось постоянное напряженное ожидание нападения. И если ранее я была уверена в безопасности Макса на Земле, как оказалось, ложно, теперь же действительно сильно переживала, что он может пострадать.

– Да. Координаты были указаны четко, – парень держал меня за руку, поглаживая своим большим пальцем мой указательный. Он стоял, облокотившись о машину и скрестив ноги. Поза его была расслабленной, но я знала, что Макс полностью собран и готов к молниеносным действиям. Другая рука его покоилась в том же кармане, куда он ранее положил пистолет, и это являлось еще одним доказательством, что он был готов к возможным неприятностям.

Можно сказать, мы пересекли половину земного шара, чтобы отыскать заданное местоположение встречи. Вокруг была пустынная местность, и только вдали вырисовывалась линия лесной полосы. В прокате мы взяли старый внедорожник, ничем не напоминавший сногсшибательные тачки, которым Макс отдавал предпочтение раньше.

– Кризис? – пошутила я, намекая на экономическую обстановку в мире, когда мы ехали на окраину города для встречи со связным.

Мы решили использовать сингулярность только в экстренном случае, поэтому вместо мгновенного перемещения, мы тряслись по давно не отремонтированным степным дорогам. Конечно, мы не могли покинуть Таиланд с помощью самолета. Я не имела заграничного паспорта, а мою идею, попробовать материализовать копию документа Макса, изменив номера и данные, он отбросил сразу. Как Макс объяснил, даже если документ пройдет, а на пропускных пунктах нам удастся повлиять на людей ментально, внушив им, что с паспортом все в порядке, то есть еще опасность засветиться в системе распознавания лиц, используемой в широком спектре во всех аэропортах мира. Поэтому здесь все же пришлось нарушить наше табу. Но, как только мы оказались на материке, дальше мне довелось вспоминать, как передвигаются нормальные люди.

– Поражен осведомленностью, учитывая твои редкие визиты, – он улыбнулся.

– Ты будешь еще больше поражен, насколько подробной информацией я владею в подобных областях. Моя работа на Сварге напрямую была связана с обработкой статистики, касающейся всей этой чертовщины. Мне известно, кто стоит за крещендо обстоятельств, которые привели к мировому кризису. Экономика, политика, эпидемии, природные катаклизмы – везде прослеживаются следы «СтратимХорс». Не ясно только самое важное – зачем они это делают.

– Думаю, все люди одинаковые. А причины всегда две – деньги и власть.

– Но почему так безжалостно и негуманно? – в этот момент мне было на самом деле неудобно за принадлежность к династии тиранов.

– Намекаешь, что твоя раса такая древняя, что обязательно должна придерживаться гуманистической морали? Даже на Земле большинство людей, скандирующих во все горло об этом, либо фанатики, либо просто прикрывают таким образом очередные свои выгодные сделки. По мне, твои синги у власти считают свои

сингулярные морды настолько офигительно крутыми и развитыми по сравнению с нами, что мнят себя просто богами, которые должны повелевать бесхребетным стадом.

Я немного помолчала, ощущая гнев, исходящий от него.

– В некотором роде они и есть боги, – тихо сказала я, решившись, наконец, заговорить. Я просто обязана была рассказать ему известную мне правду. Столько теорий происхождения человека на Земле: эволюция, религиозные темы, инопланетные. Я не знала, как он отнесется к тому, что моя раса повлияла на появление разумной жизни на его планете. Возможно, он уже задумывался раньше над вопросом, почему мы так похожи. И ему приходила в голову мысль, как так вышло, что на двух разных планетах могла образоваться абсолютно идентичная внешне форма жизни. Вероятность такого практически минимальна, с точки зрения биологии. Поэтому, само собой, напрашивается вывод, что мы связаны. Но в то время, пока они вставали с колен и налаживали свое бытие, обретая знания, обрастая опытом, изобретая новое, синги эволюционировали и совершенствовались.

– Что ты хочешь этим сказать? – глянул на меня Макс, отрывая внимание от дороги.

– Синги имеют отношение к возникновению человечества на Земле, – сказала я, опустив голову вниз и уставившись на свои колени.

Машина резко затормозила, и я невольно вытянула руки, схватившись за панель над бардачком. Не хватало только, чтобы подушка безопасности поработала над изменением моей внешности. Хотя навряд ли в этом динозавре были детали, отвечающие за безопасность.

– Неужели? – Макс повернулся ко мне всем корпусом. – И какое?

– Володар сказал, что он из рода Создателей... Что, все живое на Земле – детище сингов. Подробности я не знаю. Но предполагаю прямое значение его слов. Я копалась в мифологии Земли и нашла нечто странное. Возможно, это совпадение, но существуют мифы, в которых бог Род – создатель мира и отец остальных богов. Володар носит такую фамилию, и у нас он главный... Кроме того, Алекс однажды упомянул, что именем, которое носит мой род, на Земле назван морской бог. В дальнейшем он отказывался со мной это обсуждать, уходил от темы, и я так и не смогла понять, серьезно ли он тогда это сказал. Ведь при встрече он еще заявил, что голубая планета является владением моей семьи, а на деле все оказалось совсем не так. То есть не совсем так. Все запутано. У вас в сети я, действительно, нашла информацию о Стратим-птице, владычице морских ветров, бурь, погоды, моря. В сказаниях говорится, что ей подвластно целые материки опустить под воду и прочие ужасы. Но окончательно меня насторожило, когда я начала вводить в поисковик остальные, известные мне на Сварге, фамилии. Моя мать из рода Перон, мой дядя носит это имя, а Перун – бог грозы. Грозы – понимаешь?! Я формирую искровые электрические разряды! Все сходится! Хорс – бог солнца, а при тренировках Алекс, обжигал меня горячими сферами, похожими на солнечные снежки. Мараз – фамилия Дороу, моей начальницы, если опустить последнюю букву, может означать богиню смерти, и она на самом деле спокойно рассматривает смерть невинных людей. Лада – богиня любви и красоты, а сингулярность Миерии направлена на созерцание прекрасного в природе, Ян Велес из коммерческого отдела... список можно продолжать бесконечно, и всюду одно и то же! Наши имена, передающиеся из поколения в поколение тождественны земным богам. А если учесть продолжительность жизни

сингов и хронологические различия между нашими Вселенными, теоретически можно допустить, что мои предки, причем не такие уж и дальние, сделали возможной жизнь на Земле. А то, что люди так детально отразили их в своих древних письменах, говорит о близком общении с праотцами – сингами.

Речь лилась из меня потоком, и я уже не могла ее остановить, делясь своими доводами и сомнениями. Ни с кем я еще не была так откровенна, никому не рассказывала теории, крутившиеся в моей голове. И только ему я могла довериться, как ни больно мне было говорить такие ужасные вещи о моей расе. Я замолчала, наконец, выговорившись. Возникла пауза, Макс явно переваривал информацию, опустив голову и уставившись на руль. Все вокруг кричало о том, как тяжело ему сейчас было.

– Прости, я должна была сразу сказать, но мне не хотелось портить такие чудесные выходные, – я коснулась ладонью его щеки и почувствовала, как напряжена челюсть, как ходят желваки. Видела, как потемнела аура, выражая гнев, растерянность и подавленность.

– Боги, значит... – он глубоко вздохнул, вскинул голову и выпрямил спину. – О чем еще ты молчала?

– Незадолго до тебя пришел Володар. У нас состоялся довольно откровенный разговор. Я не совсем поняла его, но он упомянул, что люди нужны сингам, а синги нужны людям. И пока будет так, Земле не угрожает Извлечение. Но если все изменится, то оно произойдет.

– Теперь я тоже ничего не понимаю. Ты говорила, что вы с Алексом поженились, чтобы предотвратить Извлечение?

– Мы не поженились. Мы проходили процедуру слияния в пару, но она была сорвана, – поправила я его автоматически и прикусила язык, увидев всполох ярости в его биополе. Мне стало стыдно за свою вспышку. На сегодня у него и так достаточно потрясений, чтобы я еще подливала масла в огонь дотошными неуместными комментариями. Тем более, слияние куда хуже свадьбы, и от семейной жизни нельзя отделаться разводом.

– Если люди нужны сингам, то почему они собирались взорвать к черту всю нашу планету?

Я пожалала плечами, не в силах ответить на его вопрос.

– Зачем люди сингам? Почему работает отдел статистики происшествий? Зачем «СтратимХорс» нагнетать несчастья и катастрофы на землян? Зачем вообще этот проект? И, если моя теория происхождения человека верна, то для чего синги это сделали? Все это мучает меня уже очень долго.

– Но, судя по словам Володара получается, что от тебя не зависело, произойдет ли Извлечение, – все-таки усмотрел он камень преткновения.

– Думаю, меня ввели в заблуждение, – честно призналась я.

– Алекс?!.. – яростно прорычал Макс.

– Нет. Он ни при чем, – поспешила я разуверить его.

– Так что же произошло?

В воздухе стояло напряжение. Он был, действительно, зол.

– «СтратимХорс» руководило проектом, связанным с Землей. Алекс нашел у отца документы, где упоминалось, что Земля подлежит Извлечению, не смотря на то, что на ней имелаась разумная форма жизни. Возмущившись, он обратился к отцу, но тот заявил

ему, что это ошибка, и за гуманоидов приняты приматов. Алекс отправился узнать, так ли все на самом деле, потому что в случае, если действительно существует разумная жизнь, Извлечение противозаконно.

– Да, ты говорила. Так он оказался на Земле, – нетерпеливо прервал меня Макс.

– В этот проект было вложено много ресурсов. Как оказалось, среди главных акционеров были члены Совета Старейшин. А обычные граждане Сварги до сих пор и понятия не имеют об экспериментах в этой области, как впрочем вообще о существовании Земли. Не знаю, по какой причине, но Совету и Тернусу Хорсу, отцу Алекса, было выгодно Извлечение. Мой же отец занял место оппозиционера и подал иск. Не уверена, что он на совсем уж хорошей стороне, потому что его цели – это эксперименты и продолжение изучения разных аспектов планеты и жизни на ней, но, по крайней мере, он против ее уничтожения. Но иск все же был проигран. В этот момент Алекс и предложил объединить усилия, чтобы остановить изъятие мощности. Его отец дал согласие, с условием, что мы образуем пару. Поэтому мы оказались в безвыходной ситуации.

– Зачем ему это?

Я сразу поняла, что он о Тернусе Хорсе.

– Как сказал Алекс, он заинтересован в объединении наших семей, и готов пойти на такие уступки, потому что считает их временными. И мы позволили ему думать так.

– Не понимаю.

– Наши семьи – одни из самых могущественных на Сварге. Слияние было задумано, кажется, еще до нашего рождения. И мы – единственные наследники обеих ветвей, – я вздохнула. – У пары сингов рождается всего два ребенка – близнецы, и больше женщина синг не может иметь детей.

– Это странно.

– Яйцеклетка созревает всего один раз. Это значит, что из двух сингов получается максимум два. Это ведет к демографическому кризису. Потому что численность неустанно снижается, но прироста населения нашей расы никогда не происходит. Мы долго живем и не боеем, но это не спасает от смертей, возникающих при несчастных случаях или насильственной смерти. Именно поэтому синги со всей серьезностью относятся к своим обязательствам продолжения рода. И именно поэтому зачастую чувства отодвигаются на задний план. Я это понимаю.

– И ты поддерживаешь их варварские методы?

– Нет, я сказала, что понимаю. Они продиктованы необходимостью. Пару определяют с детства. Семьи с одинаковой по мощности сингулярностью объединяются в первую очередь. И... – я запнулась, но должна была договорить до конца.

– Что «и»?

– Сингам запрещено вступать в отношения с представителями других рас, – выпалила я, с сожалением глядя на него. – Но этому тоже есть логичное объяснение. При смешении рас у детей пропадают способности к сингулированию.

– Что ж, очень рассудительно, – саркастично заметил Макс, опуская взгляд на руль.

Его четко очерченный профиль вызвал у меня прилив бесконечной любви.

– А что ты думаешь об этом? Снова все понимаешь и принимаешь? – продолжил он после паузы.

– Макс, – я положила руку ему на плечо и нежно погладила, – для меня это означает только одно – то, что мы не сможем быть вместе на Сварге. Но я не считаю ее своим домом. Для меня дом там, где ты. Я волнуюсь лишь о том, сможешь ли ты быть со мной, зная теперь все обо мне, особенно о... некоторых репродуктивных ограничениях моей расы, – ко мне снова вернулась способность краснеть при разговоре с ним, потому что я почувствовала, как щеки опалил жар.

– Близняшки, значит, – усмехнулся он, поворачиваясь ко мне со своей фирменной полуулыбкой.

Я кивнула, продолжая полыхать.

– Так далеко я, конечно, не думал, – немного расширил он глаза, искоса изучая меня. Но ведь уже хорошо, что мы совместимы.

– Не точно. Ты должен знать, что, возможно, у нас возникнут проблемы с... с продолжением рода, – совсем смутилась я.

– А ты сможешь с этим смириться? – внимательно глядя на меня, спросил он.

– Ради тебя я могу все, что угодно... – выдохнула я со всей искренностью, чувствуя, как мной овладевает страх. Я ждала его ответа и понимала, сейчас, когда все карты раскрыты, решится вопрос о нашем будущем.

– Я с тобой в любом случае. Если у нас не будет детей, значит, так надо, а если целых два... да еще без сингулярных заморочек... Даже к лучшему, что они не вздумают исчезнуть у меня из рук, как только с чем-то не согласятся, как их мамочка, – хохотнул он.

– В точку, – я обхватила его руку, положила голову на плечо и тут же ощутила на макушке горячее дыхание и легкий поцелуй.

– Теперь, когда Володар Род признался, что Извлечение отложено исключительно по его инициативе, я вообще перестала что-либо понимать. Не ясен смысл слов о том, что люди нужны сингам, а синги необходимы людям. Если это так, то почему вообще стоял вопрос об Извлечении? Может, мятежники прояснят все эти вопросы? – с надеждой предположила я.

Макс посмотрел на часы.

– Черт! Мы опаздываем.

Теперь мы стояли посреди пустыни, поделенной на две половины извилистой дорогой. Окружающая природа была необычайно статична. Все вокруг замерло, не подавая признаков жизни, и только изредка порывы ветра несли вдаль засохшие мохнатые шарики «Перекаати-поле».

– Наверно, их нет, потому что мы опоздали, – неуверенно заметила я.

– Они заинтересованы в этой встрече. Здесь что-то не так. Не угодить бы в ловушку...

– Не волнуйтесь. Нет никакой ловушки, – раздался спокойный голос позади нас. Макс резко развернулся, выпустив мою руку. Теперь он стоял впереди, закрывая меня спиной. Рука его все так же была в кармане, сжимая пистолет.

Пришелец отступил в сторону, чтобы снова взглянуть на меня. Макс тоже интуитивно шагнул, заслоняя мне обзор.

– Киара из рода Стратим, полагаю?

– Да, – я выступила из-за широкой спины Макса, который тут же предупредительно схватил меня за руку, вынуждая остановиться около себя. Как будто я

по своей воле подошла бы ближе к чужаку.

– Мое имя Радо из рода Гаст. Я хорошо служил в компании твоего отца, долго и верно, пока не узнал, какую политику ведет «СтратимХорс». Тогда я не смог больше лояльно относиться к происходящему и покинул ее. К сожалению, с моей должности просто так не уйдешь.

– Поэтому вы участвовали в сговоре, чтобы уничтожить лаборатории и людей, которые там находились, – презрительно сказала я.

– Всегда приходится чем-то жертвовать. И, раз ты здесь, то знаешь, что «СтратимХорс» делает это постоянно.

– Расскажите, что вы узнали, если решились на такое?

– Мы не можем здесь долго находиться. Вы получите информацию в нашем Совете. Следуйте за мной, – он потянулся к своему устройству на руке.

– Нет, – выпалил Макс.

Радо поднял голову от крипта. Я тоже удивленно смотрела на своего спутника.

– Мы хотим обговорить все здесь, – твердо произнес он.

– Я не имею таких указаний, – покачал головой мужчина.

– Почему мы должны вам верить, если мне известно, какие вы имели цели относительно нее ранее?

– Вы нуждаетесь в нашей помощи так же, как и мы заинтересованы в содействии Киары Стратим. Ей необходим крипт, убежище и... ответы, – он мельком улыбнулся мне, но в улыбке его не было ни грамма теплоты, от чего на миг показалось, что идти с ним, действительно, плохая идея. – Я говорю с вами откровенно, поэтому того же жду от вас. – он будто почувствовал мое замешательство.

Во мне боролись противоречивые чувства и мысли, переключаясь с подобными сомнениями в голове Макса. После недолгого консилиума между нами и подозрительно затянувшимся молчанием, мне удалось перевесить доводы за путешествие к общине сингов. Макс простонал у меня в голове, и сдался.

– Я знаю, что вы хотели похитить меня, чтобы повлиять на моего отца. Но этот план будет для вас заведомо провальным, потому что отец уже давно не является главным акционером компании. «СтратимХорс» ему не принадлежит.

Я ждала от мужчины перед нами хотя бы какой-то реакции, но он только спросил:

– Вы пойдете со мной?

Я снова повернулась к Максиму и посмотрела в нахмуренное лицо. Глаза его недоброжелательно прожигали синга, но стоило ему перевести их на меня, они засветились мягкостью и мольбой, вопрошая отказаться от затеянного. Я послала ему обнадеживающую улыбку, повернулась к Радо и кивнула.

Макс направлял меня в сингулярном прыжке, как я некогда тянула его за собой, с той лишь разницей, что не знала конечного пункта назначения. После того, как траектория была задана, Радо путем синхронизации криптов сверил маршруты, и через несколько мгновений я ступила в знакомую ранее местность.

Ничего не изменилось с той встречи. Местные бросали все те же загадочные угрюмые недоверчивые взгляды. Только теперь я знала, кто они и кем являются мне, как и то, почему эти люди с осторожностью относятся к посторонним. Особого расположения из-за общего происхождения я к ним не почувствовала, зная, что многие сыграли немаловажную роль в диверсии в лаборатории. И, как следствие, гибели моего

брата и остальных людей.

В зале, где нас принимали и в прошлый раз, собралось теперь больше народа. Некоторых я помнила по прошлому визиту, а вот увидеть среди них знакомого синга было приятно. Рен кивнул, отвернулся и что-то сказал стоящему рядом высокому парню. Я всмотрелась внимательнее, потому что в какой-то момент мне показалось, что я уже встречала его раньше, но так и не вспомнила, где могла видеть этого человека. Скорее всего, его лицо запало мне в память во время предыдущего визита. А, может, сказался синдром Капрга, которому поспособствовали идеально правильные симметричные черты очередного красавца – синга.

– Киара Стратим, Максим Домлатов, рады видеть вас. Вы приняли правильное решение, – так торжественно провозгласил синг, сидевший в середине на возвышении, что я ощутила, как по телу пробежали мурашки. – Мы не первый раз встречаемся. Позвольте на этот раз представиться. Мое имя Бранен род Удрзец.

Сомнения прокрались в мою голову, и я напрягла память. Точно. Я почти уверена, что это имя упоминалось в славянском пантеоне богов. Вот только видела я его просто в списке, а конкретно о нем не читала. Я мысленно поделилась с Максом своим воспоминанием. Периферическим зрением я увидела, как он нахмурился еще больше, но взгляда от представившегося синга не отвел.

– В знак доброго расположения к вам, мы хотели бы преподнести подарок, – продолжил он после небольшой паузы.

Слева мелькнула приближающаяся тень. Одновременно повернувшись в ее сторону, мы увидели Рена, несущего в руках крипт, и расслабились. Подойдя ближе, он, как положено по этикету, остановился на небольшом расстоянии от нас, не пересекая черту личного пространства, посмотрел на Макса, а затем на меня и протянул ко мне руки в приглашающем жесте. Я послушно дала ему взять мое запястье и обернуть вокруг него устройство. Сначала оно обтянуло руку, как вторая кожа, а потом я ощутила укол, оповестивший, что крипт взял образец моего ДНК. Через минуту экран загорелся, а Рен продолжил копаться в своем планшете. Я уже видела подобный у него ранее, когда мы обезвреживали приспешника Володара. Техник выполнял свою работу в кромешной тишине, которую мы не смели нарушить, хотя у меня в голове копошились уточняющие вопросы по поводу происходящего. То же напряжение исходило и от Макса. Я смотрела на дисплей, где с большой скоростью мелькали цифровые коды, а через некоторое время в моем подсознании возникло расширенное табло, означающее, что соединение установлено. После этого Рен отсоединился. Макс немного расслабился.

– Спасибо, – прошептала я ему, на что он лишь кивнул, и тут же удалился.

– Теперь у тебя есть крипт, который не позволит нейрофагам идти по твоему следу.

– Благодарю.

– Готова ли ты сотрудничать с нами?

– Я хотела бы узнать, что конкретно вы имеете в виду, и, если цели наши совпадают, мы с вами.

– Наша цель, как и у любого живого существа, выжить.

– Мы пришли сюда добровольно. Вы обещали не причинять ей вреда, – напомнил Макс.

– Мы понимаем. Конечно. Мы на одной стороне, – ответил Бранен. –

Большинство сингов, находящихся здесь, являлись когда-то сотрудниками корпорации «СтратимХорс». Ты ведь тоже сотрудник этой компании. И думаю, пришла ты сюда потому, что также не всем довольна, верно?

– Да, у меня много вопросов относительно политики компании.

– Все мы смиренно выполняли свои обязательства, веря в одну нерушимую истину – все, что делает наша цивилизация, направлено на благо и процветание общества. Я владел совсем небольшой долей акций этой компании, но не входил в совет директоров. К сожалению, оказалось, что я был не полностью осведомлен, чем конкретно занимается этот холдинг, а лишь получал доход, не вникая в суть. Аарон, мой сын, исполнявший на тот момент функции руководителя отдела регистрации поступающей энергии, просветил меня, – он посмотрел в сторону, и я, проследив за его взглядом, наткнулась на человека с угольно-темными волосами и такими же глазами, которые обожгли меня льдом.

Я невольно съежилась, физически ощущая, исходившие от него, холод и равнодушие. Казалось, будто бездушная маска наблюдала за мной, заглядывая в самые уголки моей личной вселенной. Уголок его губ дернулся, словно он прочитал мои мысли, и с надменным видом синг кивнул. Я почувствовала на запястье легкое касание тыльной стороны руки Макса, будто случайное, мимолетное, моментально развеявшее неприятное ощущение.

– Когда стало известно, что мы не просто наблюдаем, тестируем и фиксируем, но намеренно наносим вред целой цивилизации разумных существ на Земле, многие возмутились. А позже мы узнали, что неминуемо Извлечение. Недовольных уже было больше. Мы решили, что надо действовать, но аккуратно, так как были связаны документами, которые не позволили бы нам разглашать сведения компании. Распространение коммерческой информации «СтратимХорс» приравнивается к государственной измене и карается самыми строгими мерами. Знаешь, что это?

– Нейрофаги, – еле выдавила я, чувствуя, что в горле пересохло.

– Так они и поступили с теми, кто не успел с нами уйти, – печально склонил голову он.

– Но мне сказали, что никого не смогли поймать!

– Всему ли ты веришь, что тебе говорят, Киара Стратим? – зло сказал Бранен. – Та же диверсия в лаборатории, которой запугивают обычных людей, это лишь вынужденный маневр, чтобы мы имели возможность выбраться со Сварги. Нас раскрыли и был отдан приказ на арест. Ничего больше не оставалось, и нам искренне жаль, что пострадали люди.

– А мой брат? – с надеждой почти простонала я дрожащим голосом.

– Ничего не известно о твоём брате. Синг, через которого он связался с нами, не смог уйти от нейронов, а значит, преобразован в нейрофага. Скорее всего, он разделит ту же участь, если не вмешался Крон Стратим.

– Не вмешался, – последний лучик был погашен жестокими словами Бранена Удрзеца. Я почувствовала пожатие руки Макса, но не смела поднять головы от пола, опасаясь расплакаться, если увижу в его глазах жалость. Я не помнила брата, но знала точно, что люблю его. Как знала и то, что его поиски – мой долг, моя цель. Поэтому понадобилось несколько мгновений, чтобы заставить себя успокоиться, выровнять дыхание и сердцебиение, заштукатурить трещину в своём биополе, и я уже вскинула

голову, твердо намереваясь выторговать свои условия.

– Я знаю, как вы изначально намеревались поступить со мной. Вы хотели повлиять на моего отца через меня. Но этот план не сработает. Отец не смог помочь моему брату, когда его обвинили в измене. Совет забрал его. И Крон Стратим не имел возможности помешать им. Не сможет сделать и теперь, для меня. Он больше не является владельцем основного пакета акций «СтратимХорс». Всем заправляет Совет Старейшин. Тернус Хорс и Володар Род.

Вокруг послышался шум и недовольный гомон. Зал наполнился возмущенным шепотом, среди которого снова и снова отчетливо звучало имя Володара.

– Мы подозревали, что Совет причастен к противозаконным негуманным действиям «СтратимХорс», но прямых доказательств у нас не было. Чем ты можешь подкрепить свои слова?

– Так сказал мой отец. Это же я услышала от Володара.

– Володар, – нахмутив брови, подался вперед Бранен, – главный Старейшина из Совета. Именно к нему мы обратились, чтобы разоблачить членов совета директоров «СтратимХорс».

– Не могу поверить, что он предал нас. Мы не можем безоговорочно ей верить, – выступил вперед синг в темных одеждах.

– Этот вывод вполне логичен, – размышлял вслух Бранен. – Компания иногда выполняла государственные заказы... Полная их солидарность в политике к Земле не укладывается в голове, конечно, но, если представить, что акции корпорации принадлежат членам Совета, это может многое объяснить. – Казалось, он уже обращается к остальным сингам, забыв о нас. – Володар дал разрешение на Извлечение Земли вместе со всем живым на ней, с людьми! Это прямо указывает на его позицию!

– Его действия попирают все законы сингов! – воскликнули со стороны.

– Противозаконно!

– Что мы можем, если это происходит с ведома главного синга, находящегося у власти?!

– Они все замешаны! – раздавалось с разных сторон.

Я прокашлялась, внезапно решившись.

– Может быть, и нет.

Все обернулись в мою сторону, и я почувствовала себя на театральной сцене маленькой девочкой, внезапно позабывшей слова.

– Я хочу сказать, что точно знаю о Володаре, но другие члены Совета могут не догадываться о его делах. В истории существуют прецеденты, когда правители брали на себя слишком много власти.

– Ясно одно – мы не можем никому доверять. Сейчас же самое главное, исключить Извлечение. Теперь это не только угроза всему живому на планете, но и нам, так как здесь теперь наш дом, – Бранен обвел собравшихся взглядом.

– Пока угроза остановлена. Временно, по крайней мере, – я быстро взглянула на Макса, – Володар сказал, что люди нужны сингам, а синги нужны людям. И пока так будет, Извлечения не произойдет. Вы понимаете, о чем он мог говорить?

Возникло молчание, и в тишине я различала только звуки своего дыхания. Некоторые переглядывались, но по их лицам не возможно было прочесть какие-либо эмоции. Поэтому я остановила взгляд на главном из них, ожидая его ответа.

– Мы не знаем, – выдохнул он. – Над Землей и ее обитателями постоянно проводятся эксперименты... Позиционируется они, как действия, необходимые для научных целей и исследований, призванных гармонизировать Вселенную. Что еще? Образовались некоторые индивидуальные, присущие только данной планете, новые звенья, пополнившие нашу таблицу химических элементов. Но ничего сверхценного или незаменимого. С Земли получают монументальные потоки энергии, которые преобразовывают в сингулярные. Но подобную мощь можно получать и из других ресурсов. От того же Извлечения выброс будет такой силы, что поставляемая с голубой планеты энергия – просто крохи. Тогда пропадает смысл в изначальной работе компании по зарождению и поддержанию жизни здесь. Но наши люди были задействованы далеко не во всех отделах корпорации, поэтому мы можем что-то упускать из вида.

– Вы хотите сказать, что появление разумной жизни на Земле было преднамеренно устроено «СтратимХорс»? – буквально выплевывая слова, спросил Макс.

«Макс, об этом же говорил Володар. Вот почему синги нужны были людям», – послала я ему мысль, ощущая его напряжение.

– Вы, двое, разве не заметили, насколько схожи по строению и функционированию ваши организмы? А флора и фауна обеих планет практически повторяется, лишь с некоторыми изменениями. Зарождению всего живого в пределах Солнечной системы, как называют ее земляне, твой мир обязан нашей расе. Уже несколько поколений сингов трудится, поддерживая жизнь на Земле, – его голос звенел от гордости и торжественности.

– Но зачем это вам? Захотели поиграть в богов? – зло спросил Макс.

– Мы лишь выполняли свою работу, и не обладаем такой информацией. Зато ответить тебе могут те, кто стоит за истоками компании, а не является рядовым орудием, как все, собравшиеся здесь. Например, Крон Стратим, – в заключение сказал Бранен, переведя на меня внимательный взгляд.

– Возможно, я могла бы уговорить его...помочь нам, – я намеренно выделила, на какой я стороне. – Отец, может, знает ответы на наши вопросы, да и у меня самой к нему много претензий, но сейчас он такой же винтик в работе огромного монолита. То, что происходит, ему самому не по вкусу. – Я обвела взглядом каждого синга в помещении. – И я знаю, что предложить Крону Стратиму, чтобы он присоединился к нам. Но вы должны помочь мне.

– Говори.

– Я хочу найти брата.

Бранен вздохнул, этим выразив все свое мнение по поводу моего замысла.

– Невозможно. Если он и жив, то теперь лишен сущности и преобразован в нейрофага.

– Я... я знаю. Но ведь это обратимый процесс! С вашей помощью я найду его, проникну в НХЛ и верну ему личность, – я застыла, изо всех сил сдерживая эмоции. Образовалась пауза. Бранен опустил взгляд в пол, размышляя.

– Мы должны посоветоваться. Вы же пока можете расположиться на отдых. Вас проводят.

– Если мы найдем Киана, Крон Стратим будет вам благодарен, а такой сильный

союзник много значит в тяжелой и неравной борьбе.

Бранен кивнул.

– И еще вопрос, – подняла я палец вверх. – То, какую роль синги сыграли в человеческой истории, мы поняли, но не поняли другое. Я работала в отделе статистики и видела многое, что делалось с подачи «СтратимХорс». Зачем?

– Что зачем?

– Цель всех этих экспериментов? Зачем политические каверзы, болезни, кризисы, катастрофы? Я не понимаю. Вы сказали, что думали, будто синги делают все во благо Вселенной. Это в общем, но почему именно так? К чему человеческие страдания?

Все вокруг снова затихло. Лицо Бранена смягчилось.

– Мы слишком поздно начали задавать себе подобные вопросы и часто размышляем об этом. Возможно, таким образом приняты меры регулирования численности населения. Как нейтрофаги призваны сохранить равновесие энергетических потоков во Вселенной, истребляя и поглощая инородные всполохи, чтобы избежать разрушения континуума. Но точного ответа не знаем, – повторил он слова, прозвучавшие ранее.

«Ты ему веришь?», – возник голос Макса в моей голове, когда мы уже выходили из вмиг зашумевшего за нашими спинами зала.

«Не знаю».

Глава 19

– НХЛ, значит? – усмехнулся Макс.

– «Нейрофагское Хранилище Личностей», – пояснила я с улыбкой, перечеркивая развеселившее его сравнение с аббревиатурой, расшифровывающейся как «Национальная Хоккейная Лига». Мальчишки всегда остаются мальчишками, и это хорошо. Навряд ли кто-то хочет со временем походить на старого сухаря. Столько проблем постоянно срывается нам на голову, как обваливающиеся карнизы исторически важных, но исторически неремонтируемых жадными чиновниками домов, и мы с Максом уже должны эмоционально иметь возраст Джессики Флетчер.

Пока мы дожидались решения мятежников, разговаривали мало, по крайней мере, вслух. Зато неустанно поглощали любезно предоставленную нам пищу. Оказывается, с тех пор, как покинули остров, мы успели перекусить только печеньями по дороге, и теперь просто накинулись на горячие блюда. Среди них были настоящие земные яства, вызвавшие у меня теплые чувства прикосновения к чему-то родному и близкому. Эти синги действительно приспособились к жизни на Земле и неплохо освоили рецептурные условности приготовления пищи.

«Не слишком ли много им времени для размышления?» – поделилась я сомнениями с Максом.

«Пожалуй, слишком. Я не доверяю им настолько, чтобы спокойно лечь спать, а до утра я точно не смогу бодрствовать».

Я тоже чувствовала себя усталой, поэтому мы одновременно нашарили взглядом кровать. Одна. Факты говорили, что либо все решится скоро и никто не планировал оставлять нас здесь на ночь, либо наши отношения с Максом ни для кого не секрет.

«Напоминает сказки про бабу Ягу. Накормили, напоили и спать уложили», улыbnулась я, стараясь сгладить неловкое молчание.

«Если мыслить в этом ключе, то уже поздно. Мы съели все до крошки», – усмехнувшись, посмотрел на меня Макс.

«И, о боже, все было вкусно, как в пряничном домике Гензель и Гретель», постаралась я разрядить обстановку, хотя его слова меня в некой мере насторожили.

«Мы им нужны. По крайней мере, ты», – тут же добавил он, почувствовав мое напряжение.

– Ты серьезно задумала лезть в самое логово? – он откинулся на спинку стула и, облокотив голову о стену, посмотрел на меня полуприкрытыми глазами.

Я кивнула, поджав губы. Мы решили все разговоры на более-менее безопасные темы обсуждать вслух, чтобы нас не заподозрили в способности передавать мысли друг другу.

– Если ты про «Нейрофаг Индастрис», то я давно уже хотела навестить злобного волка, притворяющегося больной бабушкой. Просто ужас, как хочу вспороть ему пузо и выпустить всех, кого он съел, – хмыкнула я, продолжая сказочную тематику диалога.

– Ты кровожадна...

– Я справедлива.

– Разве это не осужденные преступники?

– Мой брат точно нет. А сколько еще там может быть таких же невинных людей?!

– Например, Ден? – прищурился Макс. На секунду повеяло недовольством парня, которое он моментально прикрыл от меня. Так быстро, что я даже не поняла, не почудилось ли мне все на самом деле. Это носило явно негативный характер, нечто резкое и острое, прострелившее, как нерв. Похожее на... ревность. Я нахмурилась. Но как можно быть таким нелогичным? Он же понимает, как мне тяжело было смириться с исчезновением Дена. И как Макс может испытывать такие эмоции, если является частью меня и знает обо всем, что я ощущаю, из первоисточника. А значит, осознает степень моей безмерной всеохватывающей неиссякаемой любви к нему.

– Надеюсь, – наконец кивнула я, поймав его взгляд в надежде удостовериться в ошибочности своего восприятия. – Но надо быть готовыми, если его там не окажется. Мне сказали, что не все люди могут пережить эту жестокую процедуру.

Макс встал и стал расхаживать по комнате, сцепив руки в замок за головой. Затем подошел ко мне вплотную, ухватил пальцами мой пояс, притянул к себе и заглянул в глаза.

– Все еще винишь себя?

– Да. И всегда буду, – ответила я безапелляционным тоном и твердым взглядом.

– Ты не виновата.

– Перестань, – отвернулась я, не в силах больше видеть его жалость.

– Расскажи мне про корпорацию монстров, – кивнул он, отпуская меня, усаживаясь напротив на кровать и спиной прислоняясь к стене.

– «Нейрофаг Индастрис» полугосударственная корпорация, полностью взявшая на себя функции карательной власти. Осужденный виновник доставляется в главный филиал, где происходит изъятие личности и преобразование в нейра или нейрофага. Далее саму личность транспортируют в другой филиал «НХЛ», а преобразованного нейра/нейрофага отправляют отбывать срок. В зависимости от тяжести преступления, их распределяют по разным сферам деятельности.

– Как мы узнаем, куда отправили твоего брата?

– В разделах о правовых системах в истории государства я нашла упоминание, что эти сведения должны храниться в картотеке «НХЛ». Если приговор не пожизненный, по истечении срока процесс обращают вспять. Но это, конечно, не про него. Ему пришили государственную измену.

– Как мы проберемся туда?

– В этом нам и помогут мятежники. Потом мы найдем брата, доставим его в «Нейрофаг Индастрис» и вернем ему личность. Нам понадобится Алекс. Он уже однажды проник туда, чтобы попасть на Землю. Тебе нужно будет связаться с ним. Ты сможешь сделать это?

– Хорошо.

Я удовлетворенно кивнула. Придется многое объяснить Алексу, чтобы убедить его помочь нам. А самое главное, доказать ему, что мое возвращение в лабораторию нецелесообразно. В общем, это будет тяжелый разговор.

– Останется только самое главное – проникнуть в гнездо нейрофагов, и незаметно забрать Киана. Ну и не умереть, – добавил Макс с сарказмом.

– Я знаю, все сложно, – я подошла к нему и присела на край кровати. – Сейчас я не распадаюсь, потому что ты рядом. Ты делаешь меня целой. Я чувствую это. У меня есть переброшенный крипт, не позволяющий отследить мое местонахождение. Мой

сингулярный код не числится в базе Сварги, потому что моя личность потеряна, а след еще в процессе формирования. Это идеальные условия, чтобы мы могли спрятаться, и никто бы нас никогда не нашел.

Я увидела сверкнувший блеск в его глазах, но он чувствовал парящее между нами жирное «но». Я протянула руку и коснулась его скулы, затем провела по щеке до подбородка. Когда-то, в начале нашей истории, кожа его в этих местах была гладкая, совсем юношеская, но три месяца, проведенных мною на Сварге, сделали его на двенадцать лет старше, и теперь передо мной сидел уже не мальчишка, а мужчина, и его легкая небритость царапала ладошку. Черты его обострились, он возмужал, но ни капли все же не выглядел человеком за тридцать. Сердце отозвалось болью, стоило мне представить, через что ему пришлось пройти из-за меня, сколько времени он потерял.

– Больше всего на свете я хочу именно этого. Ты веришь мне?

Макс взял мою руку в свою и потерся об нее щекой, поцеловал, а потом приблизил лицо ко мне. Я ощутила аромат туалетной воды, который, смешиваясь с его настоящим запахом, сводил меня с ума, и это заставило мой нос протяжно втянуть в себя воздух. Я прикрыла от наслаждения глаза. Мои действия послужили для него своеобразным приглашением, на которое он ответил с безудержной страстью, прижавшись губами к моим губам в молниеносном порыве. Невообразимые эмоции блаженства раскрасили мир в разноцветные цвета, озаряя мрак вокруг нас, закрывая в коконе света, отгоняя негативное пространство и материю. Так было правильно, и только так теперь могло быть, потому что он – это я, а я – это он. Осознание такого расклада еще больше воодушевило меня и вселило уверенность, что все будет хорошо.

Макс прервал поцелуй, с недовольством оторвавшись от моих губ. Я застонала в знак протеста и открыла глаза.

«Я должна спасти брата, а потом... мы просто сбежим ото всех», – я прижалась лбом к его лбу, посылая мысль и не отводя цепкого взгляда от его мерцающих глаз.

– Давай просто сделаем это, – он опустил веки, прервав зрительный контакт. Я почувствовала легкое дуновение ветра от его мелькнувших черных пушистых ресниц и тут же ощутила, как мне не хватает его согревающего взора аквамаринового цвета. Я хотела бы смотреть вечно в эти глаза, притягивающие меня с неизбежностью, с которой Луна притягивает обращенную к ней сторону Земли, вызывая приливные деформации. Но сейчас я понимала его горечь и уязвимость, потому что отголоски этих чувств отражались и во мне.

Я знала, о чем он думает. Он не надеялся на успешный исход моего замысла. Я ощущала это физически.

– Мы все продумаем, – пообещала я. – Я не смогу потерять тебя снова.

– Ты больше никогда не потеряешь, – сказал Макс тихо.

Я понимала, о чем он. Мы оба ощущали, что наше единство гораздо глубже, чем считали сначала. Я помнила, как биение его сердца в точности повторяло мое. Мы не высказали этого вслух, но, видимо, наша догадка была верна. Мы – один организм. Если нас разделить, случится нечто плохое. Доказательством были мои приступы распада. Если одного из нас не станет, произойдет нечто еще более ужасное. Диссимиляция – так назвал этот процесс Володар Род. Поэтому больше не имело смысла бежать от Макса, пытаясь сделать для него как лучше, безопаснее, оставить его, чтобы не подвергать риску. Он всегда будет в опасности, если со мной что-либо случится. Даже если я буду

находиться за много световых лет от него. И наша лучшая модель поведения теперь – держаться вместе.

С моей стороны было эгоистично рисковать жизнью любимого человека ради брата, но это был единственный правильный выход.

Я обняла его и положила голову ему на плечо, слушая ритм родного сердца. Усталость навалилась на меня, заставляя полностью расслабиться в объятиях, дарующих безопасность и спокойствие. Было так приятно – просто сидеть рядом, осознавая близость наших тел. Его рука, обернувшаяся вокруг моего тела, удобно поддерживала мне спину, а губы прислонились к волосам, согревая голову теплым дыханием. Во всем этом сквозил настоящий уют, по силе не сравнимый ни с горящим камином холодной зимой, ни с горячим шоколадом у окна, за которым льет дождь.

– Я люблю тебя, – перед тем, как отяжелели и закрылись мои глаза, я услышала последние слова, которые, возможно, шли от него, а, может, я сама произнесла их. Это было, высказанное вслух, обоюдное ощущение. Никто из нас больше никогда не сможет усомниться друг в друге. Чувство, будто жило между нами, наполняя гармоничными эмоциями, делая сильнее и обещая счастливое будущее. Оно бурлило, смешивая ментальные потоки и объединяя два энергетических русла в одну неделимую сущность.

Я проснулась от острого жжения в руке, открыла глаза и вздрогнула от обрушившихся ощущений. Все тело ломало, что, видимо, и стало причиной пробуждения. Интуиция подсказала, что я прижимаюсь к Макс, а после того, как с усилием смогла повернуть затекшую шею, уверилась, что он все еще спал. В тусклом свете лампы его спокойное, не обремененное заботами, красивое лицо казалось совсем мальчишеским. Он все так же удерживал меня в своих объятиях. Наверное, не ожидал, что сон все-таки настигнет его.

Я разогнала кровь по телу, проталкивая ее в онемевшие участки, чтобы быстрее справиться с раздражающими болевыми ощущениями. Вывернувшись из рук, я аккуратно подтолкнула Макса в плечо, бережно поддерживая его голову, пока она не коснулась подушки. Невнятно поворчав, он повернулся на бок, спиной к стене. Я замерла, с нежностью глядя на него, затем взяла одеяло, скомканное в ногах, и укрыла его. Я прилегла рядом, но, пролежав некоторое время, поняла, что не усну.

Включив экран крипта, я начала изучать интерфейс. Он не сильно отличался от исконного, а самым главным его недостатком было, пожалуй, то, что я не могла подключиться к всемирной сети. Не цеплялась ни Сварга, ни Земля. Я уже настолько привыкла быть постоянно информационно подкованной, благодаря этой функции, что испытала некоторое разочарование.

Я села, осматривая комнату. А ведь до сих пор я не знала, вернулась ли ко мне способность к сингулированию. Я не могла попробовать раньше, не рискуя навлечь на наш след нейрофагов, но теперь у меня был крипт. Взгляд мой задержался на содержимом стола. Там оставалось все то, что мы не смогли уместить в своих желудках. Я решила начать с органики и сдвинуть брокколи, но та преспокойно продолжала вальяжно лежать на месте. Сосредоточившись, я попробовала еще раз. Ничего. Затем я постаралась переместить стакан с водой, но снова все осталось без изменений.

Во мне вспыхнули чувства разочарования, злости и обиды. Теперь, когда так важно быть в форме, чтобы помочь Киану, мое тело и мой разум подводят меня. Сейчас, когда собиралась вместе с любимым человеком в самое пекло к не очень толерантно

настроенным сингам и нейрофагам, которые просто натренированы поглощать энергию, не вписывающуюся в рамки, я бессильна, как ребенок. Настоящая обуза для такого предприятия. Слезы ярости застлали мне глаза.

– Что случилось? – рука Макса коснулась моей.

Я обернулась. Я не заметила, как он проснулся, и теперь его лицо было в нескольких сантиметрах от меня. Макс склонил голову набок и с участием смотрел в мои глаза. Мне стало совестно за то, что я своими негативными эмоциями разбудила его. Постоянно упускала из вида и забывала, что мы чувствуем друг друга.

– Прости, что разбудила, – отвернулась я вновь, не желая, чтобы он видел меня в минуту слабости.

Макс отодвинул мои волосы, перекинув их через правое плечо, и я ощутила прикосновение его губ сзади на шее.

– Я понимаю твои эмоции. Я слышу тебя. Но не могу читать твои мысли. И это начинает меня беспокоить, – усмехнулся он, но тут же снова стал серьезным. – Скажи мне, что все в порядке.

– Я ничего не могу сделать.

– Что ты имеешь в виду?

– У меня нет способностей. Я не могу элементарно сдвинуть стакан.

Макс обнял меня. Его губы находились у самого моего уха.

– Все это не важно.

– Это очень важно. Как мы поможем моему брату, если я сама себе помочь не могу?

– Справлялись и раньше. Ты же не разучилась стрелять? – он помолчал. – Эй, я прикрою тебя.

– Просто я так хорошо стала чувствовать себя с тобой. Будто излечилась от болезни. И признаки распада больше не проявлялись. Я подумала, что теперь все смогу держать под контролем.

Он слез с кровати и встал передо мной.

– Не всегда все бывает так, как мы хотим, милая, – Макс заключил мое лицо в свои ладони.

«Не волнуйся, мы справимся и вытащим твоего брата. А потом просто исчезнем со всех радаров», – пришла ко мне его уверенная мысль, и я была благодарна ему, что он все-таки верит в нас.

– Спасибо.

Мне трудно было понять, что думает Алекс обо всей этой затее. Если раньше между нами и существовали какие-то отголоски связи, сейчас они отсутствовали абсолютно. Кроме того, по его лицу было невозможно прочесть ни одной эмоции, как и по лицу любого синга, а биополе Алекса смотрелось нейтральным. То есть для меня оказалось закрыто. Я подозревала, что навсегда. У меня щемило сердце, болезненно воспринимая его недоверие и сомнения. За последнее время мы стали близкими друзьями, я была посвящена в его секреты, а он очень хорошо знал меня настоящую. Ту самую, отчаянно разбитую и сломанную изнутри, закрытую в раковине, созданной им же брони. А теперь он стоял, обдумывая нашу просьбу, и казался так далек, будто и не было между нами всего того, через что мы прошли за прошедшие месяцы.

Я старалась списать его колебания на присутствие посторонних. Он знал, что они синги. Догадывался, что мятежники. Но было и еще кое-что. То, как я сбежала из лаборатории вопреки его просьбам остаться на месте и ждать помощи от Совета. От Володара. Возможно, он усмотрел в этом предательство.

– Алекс, это Рен, техник. Это он разработал новую прошивку для криптов, – решила я дать полную информацию о людях с нами, чтобы развеять его подозрения относительно их.

– Давай поговорим наедине, – внезапно сказал он.

– Не думаю, что это хорошая мысль, – Макс с угрожающим видом сделал шаг вперед, и, таким образом, я перестала видеть Алекса. С недовольством я шагнула в сторону, откуда мне открылось обозрение на все происходящее и послала Максу в спину мысль, чтобы он помнил о том, что разговаривает с братом, другом и возможным сильным союзником.

– Не беспокойся. Тебя это тоже касается. Пойдем, – по губам Алекса скользнула саркастичная усмешка. Он отвернулся и зашагал к машине, на которой, к моему удивлению, приехал.

– Мы скоро, ребята, – кивнула я сингам.

Алекс сел на место водителя, Макс на переднее пассажирское, а я устроилась посередине на широком заднем сидении. Похоже тут все предпочитают старые джипчики.

– Я знаком с этим парнем, – сказал он, и ни один мускул на его лице не дрогнул. Сидел он в пол-оборота и смотрел на Макса.

– Но как? – удивилась я.

– Где, думаешь, я взял взломанный крипт для него, – кивнул он в сторону Макса, и в интонации его было только утверждение.

Я посмотрела в окно на Рена, видневшегося в отдалении. Они с Аргусом просто недвижимо стояли на месте и смотрели в нашу сторону. Это спокойствие, отсутствие лишних движений, всегда пугало меня в сингах. В моей памяти, или, лучше сказать, в памяти моей новой личности, меня всегда окружали люди. А люди не могут находиться в статике. Они постоянно совершают хотя бы малейшие движения. Дин всегда жаловалась и делала мне замечания, что я замираю, как манекен или хищник перед прыжком. Она даже как-то завела со мной разговор по поводу того, не ставили ли мне диагнозы, типа аутизма или еще чего-то в этом роде. Я тогда возмутилась, но не стала на нее обижаться, так как не усмотрела в ее расспросах сарказма и желания обидеть.

– Так ты связан с мятежниками? – поразила я, испытывая чувство некоторого замешательства.

– Нет, я выслеживал их. И мне удалось схватить этого хакера, когда тот пролез в систему безопасности «СтратимХорс». Он действовал довольно осторожно, и даже моей группе было тяжело распознать его след. Но у нас имелось техническое преимущество, и, в итоге, его выследили и загнали в угол. Рен убедил меня обменять его жизнь на несколько перепрошитых устройств. Пришлось постараться, чтобы это не дошло до начальства.

– Ты знал, что он мятежник, когда отпускал его?

– Догадывался. Но он поклялся, что не причастен к диверсии в лабораториях «СтратимХорс». И я понял, что парень будет молчать о нашей встрече также, как и я.

– Почему?

– Он ведь лишился нескольких взломанных криптов, а они – роскошь для мятежников, потому что сделать их можно только на секретном объекте Сварги. Кроме того, навряд ли товарищи поверят ему, что служба безопасности «СтратимХорс» просто отпустила его.

– А второго ты видел? – спросил Макс.

Алекс отрицательно покачал головой, бросив короткий взгляд на синга.

– Он вызвался идти с нами. Как и Рен. Они добровольцы. Это Тан Аргус.

– Лично я его не знаю, но слышал о его семье. Они просчитывают несколько вероятностей развития события наперед.

– Да, мы в курсе, но это наше преимущество, разве не так? – заметил Макс.

– Так, если он работает на нашу сторону.

– Я тоже не доверяю им, – высказал он свои опасения.

– У нас сейчас одна цель – спасти брата, чтобы отец присоединился к нам. Без тебя нам не справиться, – сказала я, положив руку на его плечо. Он не двинулся, но глаза Алекса поймали мой взгляд в зеркале заднего вида.

– Мы уже работали с Реном, чтобы предотвратить эпидемию. Он проявил себя хорошо, – я добавила еще плюсов в его копилку.

– Тяжело так сразу осознать, что твой брат жив. И что он не умер героически, а приговорен за измену – особенно шокирует. Я уже говорил тебе, что вернуть человека из «Нейрофаг Индастрис» – пустая затея, когда ты просила помочь вытащить твоего друга. Закончится все тем, что мы все разделим участь Киана, – несмотря на смысл сказанного, тон его был абсолютно спокоен, и он не прерывал зрительного контакта.

– Алекс, я понимаю, Ден – человек, и существует очень маленькая вероятность, что он пережил эту процедуру, и то, что он вообще ей подвергся. Я не глупая, я знаю, что нейрофаги поглощают слабую сущностную энергию, диссимилируя ее на месте. Но Киан – синг. Он сильный, и я точно знаю, что он нейрофаг.

– Откуда у тебя вся эта информация? – с сомнением спросил он.

– Это мне сказал Володар Род, а затем подтвердил мой отец, – некое дискомфортное чувство претило мне поведать о первоисточнике данных – Миерии.

Он задумался. В его глазах на секунду мелькнула надежда, и я поняла, что мне придется рассказать о его сестре.

– Алексия? – наконец услышала я его слова.

Я сжала челюсть и покачала головой.

– Нет. Ее нет. Но... – я закусила губу, не в силах произнести страшных слов. Помог Макс.

– Алекс, ее брат и твоя сестра, действительно были в момент взрыва в лаборатории. Но твоя сестра умерла немного раньше. Она совершила самоубийство.

Алекс мгновенно переменялся в лице. Всполох цветов боли и недоверия взвился и тут же пропал. Он сжал губы. Сердце мое дрогнуло от сострадания к нему.

– Ты лжешь, – уверенно бросил он Макс.

– Нет, Алекс, он не лжет, – я сжала его плечо. – Это правда.

– Киара, ты знаешь, что синги не могут навредить себе.

– Это очередная сказка, которой кормит общество Совет. Это возможно, как и то, что синги могут испытывать сильные чувства. Мы не так уж отличаемся от людей, как

пытается уверить нас Совет. Алексия испытывала сильные чувства и не смогла справиться со своими переживаниями, – прошептала я. – Мне очень жаль, что приходится тебе об этом говорить. Киан пытался помочь ей.

– Откуда у тебя информация? – вскричал он. – От горстки предателей, которые устроили диверсию и убили столько людей?! Да это они и виноваты в ее смерти!

Я перегнулась через бардачок и заключила его лицо в колыбель своих ладоней, будто стараясь удержать в ней его противоречивые эмоции.

– Алекс, никто не виноват в ее смерти. Она сделала это сама.

– Не может быть! – сказал он тихо, но уже не так уверенно.

– Ты не единожды говорил мне, что она была эмоциональна. Говорил, что я напоминаю тебе ее, – тихо шептала я, продолжая удерживать его взгляд.

– Почему?

Я сглотнула, понимая, что не могу солгать ему, а также осознавая, что после того, как узнает правду, он может отказаться помогать нам. Я вздохнула, приняв решение.

– Алексия любила Киана, ты ведь знаешь это.

Он молчал.

– Но он любил другую.

– Кого? – действительно, удивился он.

– Это уже не важно. Ему не дали бы разрешение на объединение в пару, и он попросил у мятежников убежища для себя.

– Он участвовал в убийстве людей?!

– Нет! Я уверена, что нет! Он просто хотел уйти от власти Совета. Алексия была там. Ему пришлось сказать ей правду, и она сделала ужасную вещь. Порезала вены так сильно, что организм не справился с регенерацией. Или она помешала процессу. Киан не бросил ее. Он пытался спасти Алексию, но не успел. Он потерял время, и Совет схватил его.

– Я хочу знать правду.

– Это все, что мне известно. Но ты можешь спросить у Киана, когда мы вытащим его. Без тебя нам не справиться. Ты уже однажды проник в «Нейрофаг Индастрис». Кроме того, ты знаешь, как работает служба безопасности в подобной организации. Ты ведь поможешь нам?

Глава 20

– Ты уверен, что все в порядке? – моя нервная система была на пределе. Это нормально, если учитывать, что мы уже на полпути в самое сердце серпентария. Я, Макс, Рен и Аргус. Алекс остался прикрывать нас со спины, так как его могли опознать, и это поставило бы операцию под угрозу срыва. Мало того, мы бы его подставили. Нам есть куда бежать, а он ясно дал понять, что не собирается уходить в подполье. Да и вообще, участвует в этом деле только для того, чтобы вызволить Киана. В случае, если все пойдет наперекосяк, Алекс – наша единственная надежда на спасение.

Как и все учреждения подобного уровня, «НХЛ» защищено экранами, предотвращающими любую возможность сингулярного перемещения, как и перекрывающими основной спектр остальных способностей сингов. Поэтому попасть внутрь можно только старым добрым способом – передвигая ногами. Так мы и явились небольшой группой, представившись посланниками от Совета, отправленными с внеплановой комиссией под личным руководством Володара Рода.

Рен потрудился над нашими цифровыми картами, где были указаны имена и должности. Кроме моего имени, все остальные были вымышленные, хакнутые у сотрудников из окружения дирекции «СтратимХорс». Мое оставили, так как фамилия Алекса известна во многих кругах, и я являлась по сути реалистичным персонажем, а значит, это служило, своего рода, дополнительным бонусом в системе иерархии персонала.

Это был совершенно безбашенный план, потому что в любой момент сотрудники «НХЛ» могли, и вообще по протоколу обязаны, связаться с кем-то непосредственно из Совета, а, может, и с самим Володаром Родом. Тогда мы будем раскрыты и немедленно задержаны. Рен прислал приказ всего за несколько часов до нашего появления. Любой человек из службы безопасности может засомневаться по поводу несанкционированности нашей внезапной проверки. Оставалось надеяться на внезапность и страх перед начальством. Все в нашей делегации играли свои роли на отлично. Алекс, хоть был против этого плана, достал нам костюмы отряда специального назначения, выполнявшего военные функции приближенных Совета. Макс, Рен и Аргус держались на положенной дистанции от меня, показывая этим, что мне принадлежит руководящая должность в этой миссии. С образцовой идеальной осанкой они периодически окидывали тяжелыми взорами пространство вокруг, простреливая каждого попадавшегося на пути человека угрожающими взглядами, словно жертву. Так учил их Алекс. Специальный отряд, охранявший членов Совета и часто выступавший с миссиями по их заданиям, славился абсолютной преданностью им, боевыми навыками, а также жестокостью. Их уважали и боялись, поэтому знаков отличия на их одежде было достаточно, чтобы вызывать трепет со стороны обычных людей. Тем не менее оружие нам пришлось сдать еще на первом посту.

Мы прошли три кордона без каких-либо проблем, но на четвертом пропускном пункте нас держали более продолжительное время, чем ожидалось. Макс мысленно успокаивал меня, и я была ему благодарна, так как, несмотря на мой надменный вид, мне все время хотелось обернуться, чтобы проверить, все ли с ним в порядке. Он занимал позицию прямо за мной, поэтому реализовать это, не обратив на себя внимания, было маловероятным.

– Да, – коротко недовольно бросил Рен, отвечая на очередной мой вопрос из разряда «Точно ли цифровые карты сработают?».

Мы продолжали стоять в одном положении, словно скалы, обтачиваемые ветром в бесполезной попытке сдвинуть их. Только в нашем случае не было ни дуновения. Пригодился бы хотя бы сквозняк. Не знаю, как чувствовали себя парни, но строгий костюм душил меня своим воротничком, в горле пересохло, а в теле неконтролируемо прокатывались волны жара. Стоило приложить немало усилий, чтобы лицо оставалось прежнего однотонного цвета.

Через секунду впереди образовался проем, и к нам вышел высокий светловолосый синг.

– Киара Александр Хорс, род Стратим, приветствую. И вас, господа! Извините за ожидание. Я Октавус род Нокс, управляющий этим филиалом. Я лично хотел бы сопровождать вас в вашей миссии.

Я кивнула, помня про наказ Алекса, не открывать лишний раз рот, а в душе будто сбросила огромную тяжесть с плеч, расправила их, переступила через груз и направилась к линии старта второй стадии плана. Он повел нас по лабиринту коридоров. Джи пи эс в криптах фиксировало наше движение к цели, запоминая дорогу на случай, если придется уходить быстро и силой прорываться к выходу.

– Я не только пришел засвидетельствовать свое почтение государственным посланникам, – посмотрел он на меня искоса с хитрецей, продолжая идти рядом. Я ждала, что он скажет дальше, не проявляя излишнее любопытство, и удерживала взгляд перед собой, фокусируясь на тупике впереди.

– Я имею честь знать Вашего отца, и, можно сказать, мы с ним поддерживаем дружеские отношения.

Я затаила дыхание, почувствовав, как лодка подо мной опасно закачалась. Если он друг моего отца, значит, может быть в курсе, что личность его дочери трагически утрачена. И его интересует, как меня могли взять в спецотряд и приблизить к Совету, если фактически я синг без следа, образования, без соответствующих навыков и умений и только три месяца назад восстала из пепла. Макс почувствовал мое волнение.

«Все в порядке», – услышала я его голос и приказала себе держаться за него, как утопающий за обломок корабля.

– К сожалению, дела обстоят так, что моя должность, как и его, забирает все время без остатка, поэтому дружеские встречи приходится постоянно откладывать.

После моего согласного кивка, он продолжил:

– Остаются только светские приемы, но и там особо не поговоришь. Кстати, вы, наверное, не помните, но на одном приеме мы были с вами представлены друг другу.

Сердце мое забилось быстрее, увеличивая скорость пульса. Я еле слышно вздохнула и посмотрела на него внимательнее, не поворачивая головы. Периферическое зрение подсказало, что я его уже, действительно, видела. Я была так напугана при нашем знакомстве, что вообще теперь удивлялась, как в моей памяти что-то зафиксировалось.

– Да. Вы были на моем слиянии, – утвердительно кивнула я, не подавая вида, что это меня удивило. Играет он со мной или нет?

– Я подумал, может, вы меня не узнали.

– Узнала. Моя миссия очень важна и не дает мне права отвлекаться. Прошу меня

простить, – сухо сказала я, закрывая тему.

– Да, конечно. Так что именно вас интересует? – услышала я снова вкрадчивый голос Октавуса.

– У меня приказ Совета не распространяться на данную тему. Если вам любопытно, можете задать этот вопрос советнику Роду, – пошла я ва-банк. – Проводите нас к картотеке хранения личностей категории «Р». Далее Ваша работа окончена.

– Позвольте, но я не могу оставить вас без сопровождения...

Я остановилась и повернулась к собеседнику, оказавшись на периферии границы, за которой начиналось его личное пространство. Переступить ее воспрещалось законами этикета на Сварге. Я медленно шагнула к нему и нахмурилась.

– Вы получили приказ от Совета в электронном виде?

– Да, но...

– Вы прочитали, что там написано?

– Да, конечно...

– Напомню вам строки: максимально короткие сроки... не чинить никакого препятствия... категория секретности «А»... Вы понимаете, что такое категория «А»?

– Да, абсолютно, – начал сдаваться он.

Я отвела руку назад, Рен вложил в нее бумагу, на которой мы мастерски подделали подпись и печать Володара. Я протянула ее ему. Бумага здесь была редкостью и использовалась только для важных документов в дирекциях компании. Леса на Сварге берегли, и это было одним из несомненных преимуществ перед Землей. Думаю, и имеющаяся у сингов бумажная продукция поставляется с планеты-донора. Оттуда же мы взяли и нашу.

– Вот оригинал. Совет понимает степень важности Вашей работы и уровень предпринятых мер защиты на этом объекте.

– Благодарю, – он взял его в руки, глянул только на печати и вернул бумагу мне.

– Вы можете обсудить с Советом, что конкретно вам не понятно или не нравится в приказе, – еще раз надавила я, закрепляя его поражение.

– Нет, все в порядке.

Я развернулась на девяносто градусов, и мы продолжили путь. В конце коридора он приложил к сканеру свой отпечаток, и панель перед нами отъехала, пропуская всю группу внутрь. Холод моментально проник в тело, заставляя его увеличить темп кровотока, чтобы согреться. То, что было вокруг, скорее напоминало смесь земной книжной библиотеки и серверной. Всюду возвышались стеллажи, упираясь в потолок, который, надо сказать, уходил ввысь на десяток метров. Провода переплетались между собой, местами составляя невообразимые узоры. Каждый провод был подсоединен к коробке, размером с книгу. Как мы и подозревали, все было утыкано камерами слежения.

– Пожалуйста, располагайтесь. Как закончите, вызовите меня, – указал он на тач – экран около входа, и удалился.

Рен показал мне кивком головы, где может находиться вероятная слепая зона, и мы с ним отступили в том направлении. Он достал из кармана два маленьких проектора и бросил их на пол рядом с нами. Через секунду около нас выросли двойники. Распознать в них голограммы можно только при личной встрече. Для камер же, они были нашими абсолютными копиями.

Макс и Аргус оставались в помещении «Р», чтобы создавать видимость работы, а также они были снабжены дистанционными пультами от наших голограмм, с помощью которых заставляли их двигаться.

Как только мы оказались за дверью, Рен удаленно подключился к камерам и закольцевал сюжет их однообразного фильма. Теперь они стали постоянно показывать пустой коридор. Мы прошли к следующей двери, на которой, как я и ожидала, будет значиться «С» – наша цель.

Мы расположились около панели, для которой требовался отпечаток пальца Октавуса. Я осторожно вытащила из кармана бумагу, которую он недавно держал в руках. Рен достал свое оборудование, кое тщательно проверили на посту на предмет использования его как оружия, взял из чемодана устройство и просканировал документ. Затем он вытащил самый маленький, какой мне доводилось видеть в жизни, 3д принтер и на моих глазах вырастил большой палец Октавуса. Отросток был страшный, так как не имел ногтя и возможности согнуть фалангу. Хотя на ощупь оказался мягкий, резиновый и изгибающийся в любом месте во всевозможные стороны. Если вдруг Октавус когда-нибудь лишится своего ай-пальца, мы всегда сможем предоставить ему нашу сосиску в личное пользование.

Дверь отъехала, оповестив нас своим сигналом, который в моих ушах пропиликал торжественно, как марш победителей Верди. Рен проверил камеры в помещении, подключившись к ним через свой чудо-чемоданчик, и мы уверенно вошли внутрь. Вернее вбежали, ведь времени было в обрез. Мы разделились, чтобы управиться быстрее, и стали обходить ряды.

– Здесь, – крикнул техник, и я тут же бросилась к нему. – Придется лезть наверх.

– Я сделаю, – уверенно сказала я, уже устанавливая ногу на первую секцию стеллажа и дергая конструкцию, чтобы проверить ее на устойчивость.

– Подожди, здесь должна быть лестница. Не лазают же сотрудники по оборудованию. Вот она, – он уже подкатывал ко мне лестницу. Этот парень просто незаменим. Если бы не он, миссия наша была бы намного сложнее. Я послала ему благодарный взгляд, не скрывая свое свечение, изобилующее цветами признательности. И хотя он не открыл мне свою ауру, я на миг увидела смущенную улыбку, мелькнувшую, на его вечно угрюмом лице.

– Стратим, Киан. Есть!

Я достала из-за пазухи предмет, который дал мне Рен, вытащила провод из хранилища Киана и быстро вставила его в заменитель. Он был запрограммирован несколько дней имитировать настоящее вместилище личности.

– Не открывай ящик! – напомнил мне техник, а я уже, с осторожностью прижав к себе ценность, спускалась вниз. Бережно протянув Рену свою ношу, я смотрела, как он аккуратно маскирует ее в своем чемоданчике, в потайном отделении, чтобы мы могли незаметно пронести через охрану сосуд, в котором хранилась личность моего брата. Он вытащил из сумки еще несколько небольших неизвестных штук и закинул их за полки. Я вопросительно посмотрела на него.

– Лишний вес при прохождении кордона насторожит их. Мы должны выйти той же массой, что и зашли, – развеял он мои сомнения.

Я кивнула. Мы ретировались. В коридоре я остановилась, взглядываясь в лицо Рена.

– Есть еще одно дело.

Он непонимающе уставился на меня.

– Надо найти, где хранилище безымянных жертв.

– У нас нет времени.

– Пожалуйста...

– Мы не сможем попасть незамеченно на другой этаж. Судя по плану Александра, нам придется пройти еще один кордон, более усиленный, потому что там находится инородная энергия, не сваргцы. И...

– Что?

– Макс предупредил меня, что ты попытаешься пойти искать то, что найти невозможно. Я хочу спросить, как ты собираешься искать безымянное хранилище? Там такой же зал, но ничего не маркировано. Мы потратим время, и, скорее всего, напрасно. Ты готова рисковать всеми нами ради этого.

Я опустила глаза, понимая, что выбора у меня нет, как и права рисковать чужими жизнями. Жизнью Макса...

Я кивнула, и мы вернулись к двери, где наши спутники изо всех сил изображали активную деятельность. Мы точно знали, что сейчас глаза Октавуса приросли к камерам слежения, поэтому возвращаться надо было аккуратно. Мы подали знак нашим товарищам, по которому они должны подвести голограммы к слепой зоне и прикрыть спинами наше появление из двери. Рен подключился к своему устройству и запустил мгновенную помеху. Пока та пробежала по монитору, мы уже были внутри. Я вызвала нашего сопровождавшего, коснувшись экрана, и через минуту он появился в проеме двери, оглядывая нас всех по очереди. Теперь он был немногословен, но вежливо проводил нас через все четыре поста, где мы были проверены системами безопасности.

Оказавшись снаружи, мы совершили сразу несколько перемещений, запутывая следы. Я телепортировалась без посторонней помощи, и испытала удовлетворение, что снова была самостоятельным человеком. Мы отправились во временное убежище, которым стало потаенное место на Земле. Эта область планеты была настолько отсталой, что здесь не то, что камер, даже интернета толком не было. Это при том, что совсем рядом находилась одна из самых развитых стран, Япония. На Курильских островах все было так, как и веком ранее: тишь, глушь, спокойствие. На острове, где образовался наш штаб, даже постоянного населения толком не имелось. Все это играло нам на руку.

Алекс ждал нас уже там. Хотя в душе у меня шевелилось чувство отчаяния, что я не смогла найти Дена, все же основная миссия была выполнена. Вся группа в сборе, все живы и невредимы – ну чем не повод для радости?!

Макс тут же притянул меня к себе, отчаянно смутив всех присутствующих. Возможно, смутилась только я. Синги, как всегда, выглядели равнодушными манекенами, недвижимо стоящими в одном положении и вежливо ожидающими, когда мы закончим.

– Ну вот, у тебя получилось переместиться, а ты переживала.

– Я столько ждала, чтобы попробовать. Появился крипт, вроде делай теперь, что хочешь, а тут... Ты знаешь, каким сильным было мое разочарование, когда я не смогла подвинуть даже стакан.

– Секунду, – вмешался Рен. – Ты говоришь, что пыталась воспользоваться

сингулярностью в убежище?

Я кивнула.

– Помещения, в которых вас поместили, экранированы. Вы не смогли бы в них воспользоваться даже простейшими сингулярными кодами. Это предосторожность. Не часто чужаки попадают в Атлантиду, – добавил он.

– Атлантида? – не поверила я своим ушам. Оказывается, синги довольно начитаны земными произведениями.

– Наше убежище, – кивнул он.

– Очень поэтичная аналогия. Как тот затерянный земной остров, что таинственно исчез с карты, – я забыла, что мятежники так много знают о людях.

– Это не аналогия. Так называется наше убежище. И не мы дали ему название. Так гласили надписи по всей территории города.

– Но это же только легенды... – скептически заметил Макс.

– Поразительно, – не могла я сдержать эмоций.

– А как, вы думаете, этот остров исчез с карты земного мира? Если бы он погрузился на дно, его бы уже давно нашли. Он был перемещен в параллельную Вселенную, – продолжил Рен. Он явно расслабился, так как я от него никогда не слышала столько слов сразу. А, может, после совместной миссии, уже второй, он стал доверять нам.

– Но ведь ваше убежище не похоже на остров! – не укладывалось в моей голове. Я посмотрела на Макса, вид саркастично поднятой брови которого отлично выражал его отношение к заявлению техника.

– Правильно. Остров – это участок суши, окруженный водой. Мы же находимся под землей, – констатировал тот, еще больше путая нас.

– Не понимаю.

– Чертовщина, – добавил Макс, верно истолковав и мои эмоции.

– Мы переместили его под землю, в катакомбы, чтобы нас было найти еще сложнее.

– Типа вы те боги, о которых написано в истории. Амбициозно... Очень похоже на сингов, – съязвил Макс, и мне пришлось мысленно попросить его не грубить Рену, отношения с которым только начали налаживаться.

– Нет, не мы. Мы по земным меркам тут всего около ста лет. Атлантида была перемещена в параллельную Вселенную примерно 11500 лет назад. Но остров действительно являлся обителью сингов из предыдущих поколений. Мы нашли множество подтверждений, начиная от языка, заканчивая предметами быта и технических достижений. Для нас найти ее было все равно, что обрести второй дом. Дом, который мы потеряли. Поэтому мы тщательно охраняем ее от чужаков и экранируем их, – в этот раз Рен обратил взгляд на Алекса.

– Я здесь, чтобы найти Киана. Лучше мне ничего не знать о вашей Атлантиде, чтобы не было соблазна сдать ваши предательские шкуры Совету.

– Алекс! – воскликнула я. Они с Максом, как сговорились.

– Возможно, ты забыла, что мятежники стали виновниками гибели невинных людей, а я это всегда буду помнить, – теперь он угрожающе смотрел на молчаливого Аргуса, который отвечал ему тем же.

– Давайте вернемся к первоначальному плану сотрудничества, – подняла я ладони

между ними. – Пожалуйста! – затем умоляюще посмотрела в горящие глаза Алекса.

– Все прошло гладко, – раздался голос Макса. – Но это лишь первый этап плана. И не самый сложный, в отличие от предстоящих. Времени у нас мало. Рен, сколько тебе понадобится на расшифровку данных о местонахождении Киана?

– Постараюсь сократить сроки по возможности, – кивнул тот и направился к столу распаковывать оборудование. Аргус занял место около него и стоял неподвижно, буравя взглядом Алекса.

– Я должен покинуть вас ненадолго по рабочим делам. Но в гнездо я иду с вами. Это не обсуждается. Постараюсь достать еще транквилизаторов, – сказал Алекс, обращаясь к нам с Максом, и тут же испарился.

– Я тоже буду через полчаса, – заявил Макс, игнорируя мое удивление, и тут же растаял в воздухе, не дав мне возможности узнать, куда он направился.

Что ж, я в этот момент была абсолютно бесполезна для дела, поэтому отправилась в ванную, скинула с себя тесный костюм и просто стояла под струями воды, смывая усталость и вбирая в себя жизненные силы для новых свершений.

Как только Рен вскрыет код, мы сразу выдвигаемся. Путь наш лежал в место, в подобном которому мы уже оказались однажды с Максом. И мне там было очень жутко. Тогда я испытала страшнейшие чувства, потому что чуть не лишилась самого дорогого в моей жизни. Теперь я снова должна подвергнуть его опасности. Но теперь я не смогу воспользоваться сингулярностью, чтобы не уничтожить случайно моего брата. Мы будем стрелять транквилизаторами, которые на некоторое время вырубают нейрофагов. Но что нам останется, если они окружат нас и загонят в ловушку, как вышло в прошлый раз. Я знаю, кого я выберу, но смогу ли я потом простить себя, если уничтожу тело Киана вместе с возможностью вернуть его.

Щелкнул замок и скрипнула дверь, оповещающая меня, что в ванной теперь находится посторонний.

– Занято, – крикнула я.

Никто не ответил, и я раздраженно протянула руку из-за занавески и нащупала полотенце. Обтеревшись на скорую руку, я обернулась им и вылезла наружу. Ну конечно! Кто же еще беспардонно проникает в мое личное пространство, когда ему вздумается, и, особенно, когда я в полотенце.

Я почувствовала физически, как флюиды уюта и тепла протянулись от него ко мне, притягивая, как магнит, стимулируя к сближению. Он стоял, облокотившись на стиральную машинку, скрестив руки в расслабленной позе и чуть наклонив голову, просто смотрел на меня, будто изучая, вбирая глазами образ.

– Где ты был? – я подошла к нему, положила мокрую голову на его грудь и обняла, прижавшись влажным полотенцем. Это была моя маленькая месть за то, что он ушел, не сказав куда. Он накрыл мои плечи руками так, что голова оказалась в ловушке, и поцеловал меня в лоб.

– Так уж получилось, что я тут единственный, кому надо есть с постоянной периодичностью. Хотя ребята на кухне тоже обрадовались пицце. Даже у мистера Халка от радости появилось подобие улыбки. Но я не уверен. Возможно, это был оскал. Выглядело, по крайней мере, страшно. Теперь я здесь и хочу выкинуть из памяти этот уродливый эпизод. А для этого нужно увидеть что-то красивое. Кого-то. Например, тебя.

– Пицца, говоришь? А я уж думала, ничто не пробьет Аргуса.

– В комнате я оставил коробку для тебя. Надеюсь, они еще не добрались до нее. Иди, – подтолкнул меня Макс.

Направляясь к двери, я услышала за спиной шелест одежды и, не удержавшись, обернулась. Он уже снял майку и оставался в одних штанах. Вид его широкой обнаженной спины, по которой при каждом движении перекачивались мышцы, моментально вызвал жар по всему моему телу. Я быстро вышла, но внезапно ощутила его горячие мысли, посланные мне образами, смысл которых заключался в том, что он будет со мной делать, когда закончит принимать душ.

Я промчалась в комнату, пока никто не обнаружил меня в таком растрепанном взбудораженном состоянии. Там, действительно, оказалась пицца и содовая, которые помогли мне немного остыть.

Позже, когда он пришел пожелать мне спокойной ночи, по моим венам снова текла лава, зажигая каждый уголок тела ярким пламенем. Стоило ему коснуться меня, я уже не могла остановиться в своем необузданном неугасаемом стремлении быть ближе, слиться воедино, чтобы снова стать полностью единой сущностью. Только в такие моменты внутренний голод, порожденный даже малейшим расстоянием между нами, становился не таким сильным и испепеляющим.

Глава 21

– Гнездо... – я не смогла скрыть ужаса в голосе. Макс мягко коснулся моего плеча, успокаивая. Я понимала, что не имею права бояться, так как сама втянула всех в эту историю, и сейчас старалась собраться.

Нейрофагов было слишком много. Они лежали в позах эмбрионов на дне пещеры, периодически шевелились, но их движения больше походило на вздрагивание во время поверхностной дремоты. Состояние существ, действительно, напоминало сон, но сказать точно, что происходит, не могли даже более осведомленные в этих вопросах синги, участвовавшие в нашей вылазке. Шевелящаяся масса внизу напомнила мне о последней моей встрече с жуткими монстрами, когда я чуть не потеряла Макса. Теперь я снова привела его к ним, будто испытывая судьбу.

Чтобы найти Киана, мы должны были спуститься вниз и проверить маркировку, нанесенную сзади на шею каждого нейрофага. «СК105366» – наша цель. Для экстренных случаев у нас имелось при себе оружие, заряженное транквилизаторами и оборудованное глушителями. Это должно было бы помочь, если они будут атаковать поодиночке или небольшой группой. Что же мы будем делать, если нам придется сражаться одновременно с большим количеством?... Просто самоубийство. В моем случае, даже убийство, так как я привела всех на смерть... Я почувствовала, что на меня накатывает приступ паники, и стала дышать глубже, отгоняя ее.

– Я пойду одна, – уверенно сказала я, вернув свои эмоции под контроль.

– Нет, – твердо кинул Макс.

– Ты его и утащить не сможешь, – вставил Рен.

– Ты, наверное, шутишь... – я скептически подняла бровь.

Рен усмехнулся:

– Понимаю, что на тебе перепрошитый крипт, который должен охранять тебя от нейрофагов, когда ты пользуешься сингулярностью, но здесь, – он обвел рукой пространство, – я бы не рискнул лишний раз дразнить пожирателей энергии. Мы прямо в эпицентре очень агрессивно настроенных особей, – медленно и с расстановкой проговорил он.

Как я сама не догадалась о таких мерах предосторожности?!

– Хорошо. Я найду его и подам сигнал, чтобы вы спустились.

– Нет, я иду с тобой, – я ощущала раздражение Макса.

– Прекрати, мы все идем, – резюмировал Алекс. – Так справимся быстрее. Мы должны спешить. Время подходящее, чтобы там с ними ни происходило. Я не хочу быть здесь, когда они проснутся.

Мы стали аккуратно спускаться. Знобило от холода, хотя мы и были экипированы в защитные костюмы. Их, как и винтовки, достал Алекс, но руки все равно мерзли, онемело цепляясь за ледяные камни. Я немного разогнала кровь, расширяя сосуды и проталкивая в конечности теплый поток. Я оглянулась на Макса. Может, он и перенял способность перемещаться или переставлять мебель в доме одной рукой, все же управлять организмом, как синг, он не имел возможности.

«Все в порядке, милая», – услышала я его ласковый голос в голове. Я чуть улыбнулась и продолжила путь.

Когда мы были уже близко, я увидела, что глаза нейрофагов открыты. Сея мрак,

оттуда все так же струилась чернота. Мы замерли в нерешительности, и только через секунду поняли, что они на нас не реагировали, и, следовательно, продолжали спать. От такой зловещей картины дрогнул даже Аргус.

Алекс первый опомнился и сделал шаг на свободное место между мерцающих синевой тел. Мы распределились в шеренгу и последовали его примеру, прочесывая выделенный каждому ареал на расстоянии друг от друга.

Я не единожды видела жутких существ, но всегда это было во время сражения или бегства, которые обычно сопровождалось состоянием аффекта, ужаса и паники. Страх, конечно, был и сейчас, но теперь я могла рассмотреть нейрофагов досконально. Могла... Но не стала. Даже наоборот, я старательно не вглядывалась в их кошмарные лица, быстро проверяя знаки на шее и осторожно передвигаясь к следующей особи.

«Ки, он здесь».

Я повернулась и, осторожно ступая, направилась к Макс. Он возвышался в нескольких десятках метров от меня. Парни по команде начали стягиваться к нему со всех сторон. Оставалось совсем немного, и вот я уже могла видеть неподвижного нейрофага, лежащего около Макса. Он был огромный и страшный, как и все они. Почему-то, вопреки разуму, в сердце до последнего теплилась безрассудная надежда, что Киан будет выглядеть немного иначе, чем остальные. Может быть, я даже узнаю в нем знакомые черты. Или интуиция подскажет, что передо мной близкий человек, с которым я связана кровными узами. Но этот нейрофаг вселял в меня такой же ужас, как и другие.

Мой брат.

Близнец.

Пuls убьстрялся, в голове шумело, а к горлу подступила тошнота.

Киан.

Голова кружилась, а зрение немного расфокусировалось. Я находилась в состоянии полнейшего диссонанса. Я наступила на что-то мягкое и в растерянности замерла. Огромная тень выросла надо мной раньше, чем я поняла, что произошло. Через секунду в мозг наконец поступила информация, что страшные черные провалы глаз нейрофага неподвижно уставились на меня сверху вниз. Я открыла рот, и тут же на корню зарубила свой крик, опасаясь разбудить остальных существ. Я потянулась за спину к оружию с транквилизатором, но передумала, осознав, что не успею схватить его. Мне оставалось только отражать атаку руками, которые я моментально и выставила перед собой, намереваясь первой нанести удар. Но в следующий момент нейрофаг завалился на меня, прижав монументальной массой к земле. Выбравшись из-под него, я увидела торчащую из шеи гиганта капсулу.

«Поторопись, Ки», Макс все еще направлял в мою сторону пистолет.

Рядом с ним стоял Алекс, а Рен и Аргус тащили нейрофага к дальнему краю, чтобы занять удобную позицию для перемещения с живым, опасным и очень тяжелым грузом.

«Быстро беги!»

Я обернулась и увидела, что сзади еще несколько нейрофагов уже приняли вертикальное положение. Видимо, их потревожило наше падение. Почувяв жертву, они моментально приняли позы хищников и двинулись в мою сторону.

«Поздно, уходите! Встречаемся на месте!», послала я мысль, разворачиваясь и стреляя в нейрофагов. У меня только пять капсул. Я выстрелила в ближайшего, а затем в

его предприимчивого соседа. Он успел оттолкнуться, прыгая в мою сторону, но сбитый капсулой, немного изменил траекторию и, не допрыгнув, обрушился сразу на нескольких особей. Через несколько секунд они тоже были в боевой готовности, устремляясь в мою сторону. Макс убрал их четкими выстрелами.

Я оглянулась. Рен и Аргус уже были на краю, и через секунду исчезли, перемещаясь по заданному нами ранее маршруту.

«Уходим», кивнул Макс, и мы одновременно скользнули через пространство.

– Мне так жаль. Не понимаю, как получилось, что я оступилась.

– Все в порядке. Мы ведь все живы, – сказал Макс.

– Возможно, это симптомы болезни? Ты хорошо себя чувствуешь? – спросил Алекс.

– Я... – вспомнила, как кружилась голова, – я думаю, все нормально.

– Какой болезни? – удивился Рен. – Мы не бодем.

– Долго объяснять, – ушла я от ответа.

– Это рецидив. Надо вернуться в лабораторию. Отец позаботится о тебе, – твердо заявил Алекс.

– Ты в своем уме? Володар четко дал понять, что меня ждет участь брата, если я еще что-нибудь вытворю, – во мне клокотала ярость. Алекс никак не мог понять или принять, что я больше не принадлежу тому миру, и путь туда мне закрыт.

– Эм... ребята, – вставил Рен. – Я хотел сказать, что времени мало, и наш приятель скоро очнется. И он будет не в себе, мягко говоря. Надо торопиться. Он очень ценный для нас, понимаю, но, если нейрофаг нападет, я буду защищаться. С детства недолюбливаю их, – своей речью часто он больше походил на землянина, чем на синга, и это мне в нем нравилось. Сейчас я была особенно рада его своевременному вмешательству, так как наш спор с Алексом зашел в тупик.

– Есть еще одна проблема, – внезапно заявил он.

Мы все обернулись к нему.

– Мне надо уходить.

– В смысле, Алекс? – не поняла я.

– Совет вызывает.

– Сейчас?

– Да. Уже некоторое время. И я не могу больше тянуть.

– Думаешь, они что-то узнали? – меня охватила тревога.

– Скоро мне будет это известно. Четко следуйте плану.

Я кивнула.

– Я приду, как смогу, – он внимательно посмотрел на меня и исчез.

– Готово, – заявил Аргус, занимавшийся до этого нанесением фальсифицированной метки на шею нейрофага.

– Теперь он полностью их клиент. Остается только доставить его на место, где из него снова сделают человека, – уверенно кивнул техник.

– Рен, я не знаю, как тебя благодарить. Без твоих хакерских навыков, мы провалились бы еще в «НХЛ».

– Давай сделаем все до конца, и я обязательно придумаю, как ты сможешь это сделать, – самоуверенно улыбнулся он. Удивительно, как менялся этот человек, когда

брался за свое дело.

Сзади кашлянул Макс, угрожающе сдвинув брови. Рен переменялся в лице. Он был явно смущен двусмысленностью своей фразы.

– О... я ничего такого не имел ввиду. Я... ну там, что-нибудь вроде... пиццы!

– Ну этим я сам лично тебя как следует отблагодарю, приятель, – улыбнулся Макс, разряжая обстановку.

– Пора... – громогласно прервал Аргус.

Мы облачились в костюмы личной охраны Совета, которые ранее использовали для проникновения в хранилище личностей, и отправились разыгрывать спектакль, по сценарию схожий с предыдущим.

Через пропускные посты «Нейрофаг Индастрис» мы прошли быстро. Хотя ящик с нейрофагом, проверили досконально, сам груз не вызвал ни у кого вопросов. Зато мы лишились всего своего оружия. То, что «Нейрофаг Индастрис» находилась на Сварге, было для нас самым опасным фактором, и в любой момент мы ожидали нападения. Пока же дела шли неплохо, и мы уже были в переговорной. Оуэн Сног внимательно изучал предоставленный нами документ с росписью и печатью Володара Рода. В нем содержался приказ о срочном преобразовании привезенного нами нейрофага в синга.

Для большей убедительности я снова представилась фамилией Алекса, надеясь, что еще не нахожусь в розыске. А если это и так, то для поиска нейры используют мое родовое имя. На случай, если информация обо мне уже разошлась, мы изменили метку Киана, чтобы не вызывать подозрения родственной принадлежностью.

– Вы не понимаете! Есть стандартные процедуры, и мы не можем их нарушить! – возмутился синг из руководства.

– Это приказ Володара Рода, – сказала я, пытаясь остановить поток его возражений.

– Я уважаю Совет, и в частности, Володара Рода...

– Вы получили приказ заранее. Я предоставила Вам печатный вариант с личной подписью. Что еще Вам нужно? – перебила я его.

– Я не могу взять на себя такую ответственность. Мне придется связаться с ним.

– Но времени нет! Он нужен ему срочно! – повысила я голос, выражая раздражение. Я решила сменить тактику и сказала уже мягче. – Послушайте, Вы ведь слышали про диверсию в лаборатории несколько лет назад?

Он свел брови, не мигая глядя на меня в упор.

– Вы ведь знаете, что это не несчастный случай. Этот человек был там, и может знать, где находятся остальные мятежники. Поступила информация, что возможно повторение подобного инцидента... – многозначительно понизила я голос.

На миг я увидела у него всполох удивления и любопытства, которые он тут же скрыл.

– Я всеми силами буду содействовать вам. Но сначала я свяжусь с Советом.

– Хорошо, – я сжала губы и посмотрела в сторону Аргуса, подавая ему знак.

Через секунду Аргус метнулся к сингу, занес руку с железной тонкой трубкой и приставил острие к лицу удивленного руководителя.

– Я предвижу все твои действия, – тихо произнес он.

– Что?.. – начал Сног, но Макс перебил его.

– Молчи, если хочешь жить. Трубка пройдет насквозь, пробьет глаз и мозг. Ты не

успеешь восстановиться.

Аргус одобрительно хмыкнул, оценив слова Макса, но тут же на его лицо вернулся звериный оскал. Рен метнулся к Сногу, на ходу раскладывая свое оборудование. Через несколько секунд он уже снял с мужчины крипт и деактивировал его.

– Мы не хотим причинять лишнего вреда, – начала я. – Нам надо, чтобы вы вернули этого человека, и мы уйдем. Вы должны помочь нам...

Макс вскрыл на своем костюме метку, за которой находился потайной карман, и достал капсулу. У каждого из нас имелась такая же на крайний случай. – Вот это выжигает все слизистые оболочки за одну минуту. Если ты поднимешь шум или захочешь нас сдать, я успею накормить тебя этой штукой. Кроме того, наш друг очень умело обращается с остроконечной трубкой. Ясно?

Я поморщилась, но внутренне согласилась с Максом. Экстренные случаи требуют экстренных мер. А сейчас мы в ловушке. Миссия еще не выполнена, и нам надо будет еще прорываться наружу.

– Да.

– Зовите охрану.

Рен в это время подключался к камерам слежения в системе безопасности, используя крипт. Он должен был закольцевать отрезок сюжета на всех камерах, которые находились на нашем пути, строго указанном в плане Алекса. Таким образом, наше передвижение останется незамеченным.

Он развернулся, и двинулся в сторону двери, перед этим опасливо посмотрев, как Аргус прячет иглу в рукав.

– Погодите-ка, – воскликнула я. – Рен, выведи на экран план здания.

– Пожалуйста, – он прервал свою работу и через минуту выполнил мое требование.

– Покажите, где не экранированные помещения.

Сног неуверенно помялся.

– Советую не лгать, – снова потянулся к рукаву за трубкой Аргус.

– Здесь... и здесь... – быстро сделал выбор руководитель.

– Отступать будем к этой. Рен, займись коридорами на пути к выходу.

– Хорошо, – откликнулся техник.

– Теперь зови, – Макс перевел тяжелый взгляд на Снога.

Тот двинулся к двери. Я пошла рядом с руководителем, фамильярно нарушая его личное пространство. Аргус и Макс заняли позиции по обеим сторонам двери, максимально скрывшись от глаз входивших.

– Что им сказать? – спросил Сног.

– Ничего. Просто позовите.

Он приложил руку к панели, двери разъехались.

– Служба безопасности, войдите.

Они переглянулись, но через секунду без вопросов ступили внутрь.

Никто не мог воспользоваться сингулярностью в экранированных помещениях. Не известно, были ли охранники сингами или простыми людьми, но у них имелось то, что нам нужно – их оружие. Им они и поплатились, едва вошли внутрь. Макс сразу ловко вытащил у одного из кобуры нечто, напоминающее пистолет. А вот Аргус перед этим обрушил на голову не ожидавшему подвоха мужчине свои огромные руки, сцепленные в

кулак. Тем и лишил его сознания. По крайней мере, я очень надеялась на это, а не на то, что он убил человека. Взяв оружие, Аргус неспешно подошел к Макс, не сводя взгляда со второго охранника и удерживая его под прицелом. Затем вырвал у удивленного Макса новоприобретенный пистолет, перевернул его и с усмешкой вложил обратно ему в руку правильной стороной.

– Благодарю, – лаконично сказал Макс, ничуть не смутившись.

– Готово, – Рен одел на руководителя крипт, экран которого был теперь навсегда погашен. У службы безопасности таких не было, из чего я все-таки заключила, что они не синги. Зато у них имелось подобное устройство, видимо для связи. Гаджеты техник сразу изъял, охранников связали и засунули импровизированные кляпы из их собственной одежды.

– Не советую вести нас в ловушку. Нам очень не нравится, чем вы тут занимаетесь, поэтому я без зазрения совести отправлю вас на тот свет, – презрительно выплюнул Макс слова в лицо заложнику.

Затем они с Реном подхватили ящик с нейрофагом. Мы с Аргусом обступили Снога с двух сторон, предотвращая возможность его побега, и тронулись в путь.

– Понимаю. Но должен предупредить вас, что за такое вопиющее нарушение закона вы скоро окажетесь на моем столе, и я лично сделаю вас нейрофагами на всю жизнь без права восстановления.

– Заткнись, – рявкнул Макс. – Здесь только один против, чтобы стереть с лица Земли твою жалкую шкуру.

– Земли? – не понял синг.

– Я повторять не буду, – угрожающе шагнул Макс, утягивая за собой ящик.

Синг отступил, и мы продолжили путь, плутая по коридорам, то и дело проходя идентификацию у разных дверей. После очередного пункта проверки личности, мы наконец попали в лабораторию. Там сустились люди, сновавшие по своим, заданным рабочим днем, траекториям. С нашим проводником постоянно здоровались, но ни у кого не вызывало подозрения его появление. Оказавшись в самой дальней части, мы миновали еще несколько отсеков, пока не зашли в нужный. Я постоянно сверялась с планом, полученным у Алекса, поэтому знала, что мы шли верным путем.

Подозвав к себе несколько людей в белых комбинезонах, Оуэн Сног провел нас в закрытое помещение.

– Кладите его сюда, – кивнул он на стол. – Давайте загрузочный диск, – обратился ко мне руководитель. Я нахмурилась.

– Вы ведь принесли хранилище его личности.

– Да, конечно, – я подала знак Рену, и он аккуратно извлек коробку из своего чемодана. Сног передал ее людям.

Аргус вложил мне оружие в руку и показал, куда нажимать, в случае необходимости. Затем подошел к ящику, открыл его и взвалил нейрофага себе на плечо. Несмотря на огромный рост синга, нейрофаг свисал почти до пола с обеих сторон. Выглядело это все так, будто Илья Муромец решил нести своего коня, поменявшись с ним ролями.

Как только Аргус отошел от стола, куда он, надо отдать ему должное, довольно аккуратно уложил бессознательное тело нейрофага, к существу подошли лаборанты и начали обтирать его какими-то веществами. Я нервно глянула на Снога. Он немедленно

ответил мне недоброжелательным взглядом, поджав губу. Немного позади него стоял Макс, удерживая у его спины оружие сингов. Когда наши глаза встретились, его взор потеплел, согревая меня любовью. Я улыбнулась ему и снова пристально уставилась на разворачивающуюся перед нами сцену.

К Киану уже подключили трубки. Они торчали повсюду. Особенно большая была подключена к нему со спины в районе шеи. Скорее всего, она присоединялась к спинному мозгу. В лабораторию внесли штуку, похожую на шлем. Когда его проносили мимо меня, я не поверила своим глазам – внутри он был утыкан иглками. Они торчали остриями на несколько сантиметров. Ужас сковал мое сердце.

– Что это?! – воскликнула я.

– Это один из проводников, средство для трансляции личности в главные участки головного мозга.

– Вы воткнете это в него? – не верилось мне.

– Это рядовая процедура в данном процессе. По-другому никак, – щедро одарил меня Сног презрительным взглядом.

– О Боже, – мне стало плохо.

Макс шагнул ко мне, протягивая свободную руку в попытке удержать мое пошатнувшееся тело.

– Я... в порядке, – я согнулась в приступе тошноты, но тут же выпрямилась, отодвигая руку Макса. Усилием воли подняла голову и застыла, застав самый разгар процедуры установки шлема на голову бессознательного существа, которое являлось моим бедным братом. Я почувствовала жалость, и одновременно ярость всколыхнулась в моей груди. Как можно так безжалостно поступать с живым разумным человеком?! Над суетившимися вокруг операционного стола людьми находилась проекция экрана, на которой четко отражались их действия. После того, как шлем был зафиксирован, они вручную подстраивали иглы, мгновенно впивавшиеся в нужные участки мозга, пробивая череп одним уверенным движением.

Я вспомнила, как читала некий средневековый роман, когда училась в школе. В нем одного из второстепенных персонажей подвергали пыткам в мрачном подземельном подвале. Его поместили в небольшую вертикальную камеру, похожую на гроб. Внутри «железной девы» все было утыкано длинными шипами, моментально впивающимися в жертву, пронзая насквозь плоть и ломая кости. Устроена эта конструкция изначально была так, чтобы не задеть жизненно важные органы человека. Это делалось для того, чтобы он дольше мучился перед смертью. Конечно, четко срабатывало не всегда, потому что строение у всех людей разное. Поэтому кому-то относительно везло, и «счастливчик» погибал быстро. Таким образом, персонаж книги истекал кровью, пока не умер. На душе после литературной сцены долго сохранялись чувства гадливости, печали и обиды за весь людской род, и, в частности, за страдальцев, переживших страшные муки перед тем, как оставить бранный мир. Никто не заслуживает такой чудовищной смерти. Меня поразила человеческая извращенная жестокость еще больше, когда я стала читать об орудиях пыток разных народов. Я несколько дней проходила в депрессии, постоянно думая над тем, сколько боли и ужаса приходилось терпеть жертвам адских машин.

Этот шлем напоминал мне аксессуар из коллекции «железной девы», и каждое проникновение иглы сквозь череп заставляло меня вздрагивать от ужаса и

сопереживания. Когда кошмар наконец закончился, сверху на нейрофага опустилась камера, отделившая его от всего мира. Загрузочный диск был уже установлен, и я с неровно бьющимся сердцем прижалась к стеклу, за которым происходила антигуманная операция, обещавшая вернуть мне брата.

Люди в белых халатах внезапно замерли, повернувшись в нашу сторону. Я оглянулась на Снога. Он шагнул к панели, Макс схватил его за плечо, усилив нажим оружия на спине так, что тот поморщился. Аргус угрожающе двинулся в нашу сторону.

– Я должен подать команду, – спокойно ответил руководитель. – Это часть процедуры.

Макс убрал руку, и пальцы синга забегали по панели у стекла. Рен подошел ближе, чтобы видеть, что происходит на экране. Я, уверившись, что ребята справятся и без меня в случае необходимости, снова повернулась и всмотрелась в картину за стеклом. После того, как Сног провел манипуляции, люди в белом отошли в сторону, и процесс активировался.

– Сколько времени понадобится? – услышала я голос Макса за спиной.

– Около пяти...

Внезапно раздался резкий звук сигнализации, а свет в камере за стеклом замигал красным. На проекции загорелась надпись «опасность». Это же слово мелькало на панели управления в нашей комнате.

– Что это? – закричала я, перекрикивая шум.

Люди в белом забегали вокруг камеры с нейрофагом.

– Какой-то сбой, – поморщился Сног.

– Что ты сделал? – закричал на него Макс.

– Ничего! Я сейчас все узнаю. Только дайте мне подойти к панели! – аккуратно подвинулся и немного наклонился над ней руководитель.

– Эй, сюда двигается охрана, кивнул Рен на свой чемоданчик. – Время прибытия – меньше минуты. Я заблокировал дверь, но надо уходить. Это выиграет нам минут пять, не более. Мы еще можем проскользнуть вот к этому неэкранированному помещению.

– Нет! – воскликнула я в ужасе, понимая, что весь наш план рухнет.

– Ты нас подставил! – ткнул Макс его рукой в спину.

– Я не при чем! Это несовместимость! – сказал синг, выпрямившись после удара.

– Что? – не поняла я.

– Что ты городишь? – отрезал Макс, угрожающе наступая на синга. – Он тянет время.

– У нас несовпадение! Вместилище не согласуется с данными личности на загрузочном диске!

– Не понимаю! – отчаянно кричала я.

– Это может быть только в одном случае – вы доставили не то вместилище! Не того нейрофага!

Я в шоке замерла.

– Вытаскивай диск! Быстро! – резко скомандовал Макс. – Рен, заведи его!

Техник кивнул и ворвался в операционную.

– Уходим! – он потянул меня за руку и ткнул в профессора оружием. – Ты идешь с нами!

– Но...

– Если будешь много болтать, пристрелю на месте, – прибавил мотивации сингу Макс.

– Нейрофага берем? – буркнул Аргус.

– Нет. Это не наш клиент. Следи за Менгеле, – Макс толкнул к нему Снога. – Пошли!

Хотя Аргус не понял, что Макс назвал нашего профессора именем нацистского немецкого врача времен Второй Мировой войны на Земле, замучившего бесчисленные тысячи ни в чем неповинных людей самыми садистскими методами, прикрываясь при этом наукой, мне это сравнение показалось точно отражающим настоящую истину. Неважно синг ты или человек, землянин или житель Сварги, уродов, издевающихся над невинными жертвами, везде полно.

Мы бежали по коридорам, сверяясь с картами. Впереди Аргус уверенными движениями толкал доктора. Пришлось идти другим путем, там, где Рен не успел отключить камеры. Поэтому, миновав несколько поворотов, наша группа столкнулась с вооруженной охраной. Все замерли.

– Сложите оружие! – не растерялся Аргус. – Если не хотите, чтобы я его продырявил, конечно... – необычайно длинное предложение заставило меня посмотреть на него с удивлением и радостью, что он моментально нашел выход из тупиковой ситуации.

Охранники переглянулись и уставились на Снога.

– Думаю, лучше делать, как они говорят, – кивнул тот.

Они покидали свое снаряжение вниз и отошли к стене, пропуская нас. Мы аккуратно миновали людей, даже не пытавшихся скрыть всполохи ярости над собой.

– Вводи код, – рявкнул Аргус на своего пленника, когда мы уже вышли на финишную прямую, от которой нас отделяла всего одна дверь. По крайней мере, по плану. Сног прошел идентификацию, и мы ввалились внутрь, слыша топот ног за собой. Профессор заблокировал дверь, и тут же отлетел в сторону, посланный мощным ударом Аргуса.

– Лучше тебе больше не встречаться на моем пути, – сказал Аргус.

– Думаю, надо взять его с собой, – внезапно ошеломил всех Макс.

Мы повернулись к нему, игнорируя шум за дверью.

– Что? У вас не берут заложников? – развел он руки в стороны.

– Но такого приказа не было, – нахмурился Рен.

– Мы собирались сделать все по-тихому, но не получилось. Он будет полезным бонусом.

– В этом есть смысл. Крипт его деактивирован, – подумал вслух техник.

– Но вы обещали меня отпустить! – взмолился Сног.

– Я не против, – вставил свое слово Аргус, и все повернулись ко мне.

Я была в растерянности, и никак не могла отойти от шока. Миссия возвращения Киана провалилась. У нас просто не было плана «Б» на такой случай.

– Только он может прояснить, что пошло не так с Кианом и где его искать. Я за! – кивнула я.

– Я ничего не знаю! – прорычал пленник, но Аргус уже схватил его за воротник, и я услышала звук синхронизации наших криптов, возвещающих о близящемся перемещении. Я почувствовала, как Макс взял мою руку, и мы скользнули через

пространство.

Запутав следы по predetermined схеме, мы снова оказались в домике. Тяжелое молчание, следствие неудачи, окутало нас.

– Добрый день, – услышала я незнакомый голос за спиной. Подняла голову от пола, по пути замечая нахмуренные взгляды своих товарищей, устремленные поверх меня. Обернувшись я натолкнулась на ледяные глаза Алекса. Рядом с ним стоял синг из мятежников. Но самое удивительное, что он сжимал в руках оружие, подобное изъятому у охранников, и направлял его мужчина на Алекса. Позади них было еще два человека. Я их не видела раньше, но интуиция мне подсказала, что передо мной синги.

– Что происходит? – в негодовании возмутилась я.

– В чем дело? – Макс напрягся рядом. Отпусти его, приятель. Он – друг.

– Кажется, с вами не Киан Стратим? – проигнорировал он и, не дождавшись ответа, с вызовом посмотрел на Рена.

– Ничего не вышло. Все, что мы сумели получить, это руководителя отдела восстановления, Оуэна из рода Сног. Мы взяли его в заложники, – не выдержал он взгляда начальника.

– Что ж, вы вдвоем с... пленником можете вернуться на базу. Его поместите в экранированную камеру.

– А они? – неуверенно начал техник, кивнув в нашу сторону. Взгляд у него при этом был, как у побитой собаки, что мне очень не понравилось. Аргус тоже поджал губы.

– Выполняйте приказ.

«Ки, быстро уходи отсюда», – ворвался ко мне в мысли голос Макса.

«Даже не думай об этом. Мы уйдем отсюда вместе. Это недоразумение».

«Пожалуйста, прошу тебя. Я постараюсь его вытащить».

«С ума сошел. Я тебя здесь не оставлю! Нет».

Когда они исчезли, синг снова повернулся к нам.

– Рад видеть вас, Максим Домлатов, Киара Стратим. Или лучше сказать Киара Стратим Александр Хорс? Ведь это Ваше полное имя с недавних времен?

– Какое отношение это имеет к делу? И почему вы угрожаете Алексу?

Синги вышли из-за его спины, приблизились к нам, обыскали и забрали все оружие. Также они сняли с нас крипты.

– Мы же договорились! – ровным голосом сказал Макс, еле сдерживая ярость.

– Это было до того, как мы узнали, что среди нас предатель.

– Алекс помогал нам, – сказал Макс.

– Вы ошибаетесь! Только благодаря ему отменили Извлечение Земли! – с сарказмом в голосе презрительно сообщила я, практически насмехаясь сингу в лицо.

– Проверенный источник заявил, что Александр Хорс занимает место заместителя главы совета компании «СтратимХорс».

– Бред! Да он единственный кинулся выяснять, есть ли разумная жизнь на планете, которую собирались уничтожить! – искренне возмутилась я. – Вы хотели сильных союзников?! Чем вас не устраивает имя Хорс в ваших рядах?! Уже два представителя сваргской знати на вашей стороне, а вы тычете в нас пистолетами!

«Твой справа. Сейчас!» – впрыснул Макс мимолетную мысль в мою голову, нарушив ход мыслей, где уже толпились все новые и новые аргументы, опровергающие безумные обвинения.

Я только успела бросить взгляд на Алекса, который неотрывно смотрел на Макса, и уловила легкий кивок головы, направленный ему. А затем все завертелось. Алекс резко потянулся назад и схватил руку главного синга, державшего оружие, вывернул запястье и потянул на себя. Пистолет выпал из его рук и, пролетев через комнату, нашел свое пристанище под диваном. Макс тем временем уже схватился с другим сингом, а на меня летел третий, сбивая с ног. Справа от себя я увидела стол с пистолетами – транквилизаторами, которые мы оставили после вылазки в логово нейрофагов. Алекс уже швырял в противника свои шаровые молнии. Они прожигали насквозь все вокруг, оставляя обугленные следы.

Синг повалил меня, схватив за талию, я развернулась и ударила его током, вырвавшимся из моих пальцев. По загадочным причинам разряд микромолний его не пронял. Но это дало мне немного времени, чтобы доползти до стола и схватить пистолет. Я развернулась вовремя, и всадила в моего преследователя пулю с транквилизатором. Он непонимающе уставился, и через секунду ткнулся лицом мне в живот, потеряв сознание.

В это время Алекса будто ударила невидимая стена, и он перелетел через всю комнату. Это синг, его противник, управлял плотностью воздуха, догадалась я. Молясь, чтобы в обойме остались патроны, я направила оружие на повелителя стихий и нажала на курок. Капсула попала в шею, он моментально развернулся и двинул рукой в мою сторону. Я не успела поднять ладонь в защитном жесте и почувствовала удар, отшвырнувший мое тело в стену четким взмахом теннисиста. Ужасная острая боль в голове раскололась тысячами осколков. Я попробовала подняться. Будто сквозь сон я видела, как Алекс и Макс вместе расправились с последним пришельцем. Я вздохнула, чувствуя тошноту и тяжесть в голове. Весь мир будто исказился.

Макс быстро шел ко мне. Последнее, что я видела перед тем, как мой поврежденный организм отключил сознание и оборвал зрительные функции, было и вовсе ирреальным. Алекс взял со стола пистолет и направил его в спину Макса.

– Что... – начала я, пытаюсь развеять эти галлюцинации, но тут темнота окончательно сгустилась и опустила занавес моего рассудка.

Глава 22

Боже, как сильно болела голова. Полная дисгармония всего организма, а эпицентр взрыва – мозг. Он будто устроил прощальную вечеринку с фейерверком перед тем, как уехать в длительный отпуск.

Что это? Я опять потеряла сознание. Снова побочные эффекты распада? Неужели все вернулось?

Стоп... У нас была миссия. Я хотела освободить брата. Ничего не вышло. Где Макс?

Алекс! Алекс выстрелил в него!

Это сон, не более того!

Я открыла глаза. Свет неприятно обжег зрительные рецепторы, заставляя зажмуриться.

– Макс?!

– Его здесь нет.

Я села, качнувшись от пульсирующей боли в голове, и повернулась к говорившему. Передо мной сидел Алекс, и мы находились в незнакомом месте. Комната с темными стенами и приглушенным светом, к которому я до сих пор никак не могла подстроиться. Разноцветные узоры устроили асинхронное плавание у меня в глазах. Полосы, точки, зигзаги, геометрические фигуры и световые вспышки параллельно отдавались болевыми ощущениями в мозге. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы исключить отслоение сетчатки глаза. Черепно-мозговая травма, легкая степень, ушиб головного мозга. Понадобилось некоторое время на регенеративные процедуры, запущенные организмом.

Когда я наконец смогла вращать головой, не теряя ориентации в пространстве и не погружаясь в темноту, то огляделась внимательнее. Макса действительно нигде не было.

– Где он?

Алекс сидел и смотрел перед собой в пол. Страшные воспоминания накрыли меня, в подробностях прокручивая невероятную картину парадоксальных действий Алекса в убежище.

– Алекс. Ты...ты выстрелил в него?.. – я помотала головой, понимая смехотворность своих слов, ощущая, что все это какая-то шутка. – Конечно же нет. Такого не может быть! Где он? – мой голос надрывался от напряжения и страха.

– Это был транквилизатор. Он жив, – глухо ответил парень.

– Зачем? – замерла я, пытаюсь поймать его взгляд, чтобы прочесть по нему, что его слова – ложь. Но он лишь мельком глянул в мою сторону и отвернулся. – Я не верю. – До последнего я думала, что это был лишь сон. Теперь мои эмоции душили меня, выжигая изнутри сердце одним из самых страшных чувств – предательством. Оно обрушилось на меня, опустошая и лишая сил.

На некоторое время между нами повисло молчание. Когда мое оцепенение немного спало, пришла злость и ярость, а интуиция, предвещающая ужасный исход, продолжала рвать меня изнутри. Как и вопросы.

– Зачем? Где он? Что происходит? – я пыталась взять себя под контроль, но голос мой срывался.

Алекс вздохнул.

– С ним все в порядке. Я оставил его там.

– Где там?

– На Земле.

– Значит, мы на Сварге?

Он кивнул.

– Зачем? Что происходит? Старейшина сказал правду? Ты...ты предал нас?

Алекс наконец встретился со мной взглядом. И я на один короткий миг увидела тоску в его глазах. Через секунду на нем снова была маска отчужденности.

– Я никогда тебя не предавал. Все гораздо сложнее. И если рассуждать логически, это мятежники – преступники и предатели.

– Алекс, что происходит? Зачем я здесь? Володар приговорит к немедленной смерти меня за все. Или сделает нейрофагом, – по моему телу невольно проскользнула дрожь.

– Нет.

– Что нет? Он обещал мне это лично!

– Ты амнистирована.

– Что все это значит?! Немедленно расскажи мне все! – я вскочила, не в силах удержать эмоции. Ярость так и клокотала во мне, распирая изнутри, словно дрожжи на теплом месте.

– Сегодня я занял пост заместителя главы совета «СтратимХорс».

– Поздравляю! – саркастично выплюнула я ему в лицо. – И резко решил сменить сторону?

– Я никогда не был на стороне мятежников. Они преступники.

– Но как же все это объяснить?

– Я хотел помочь тебе вернуть брата. Но, я так понимаю, у вас ничего не вышло...

– Не вышло, – зло повторила я.

– Я хочу, чтобы ты осталась со мной по своей воле.

– Что?! Ты в своем уме?!

– Совет откажется от всех обвинений. Ты амнистирована под мою ответственность.

Мы станем семьей – и все наладится.

– Мне плевать на Совет! Я не хочу ранить твои чувства, но пошел ты! – я попыталась переместиться, вызывая образ Макса, но не смогла. После еще нескольких попыток я неприлично взревела, окончательно рассерженная:

– Какого черта?!

– Здесь ты не можешь пользоваться сингулярностью, – вздохнул он с горечью.

– Ты все продумал, да? – я резко приблизилась. – А как тебе такое? – И залепила ему громкую пощечину. Алекс немного повел головой в сторону. На щеке алел отпечаток моей руки, потому что я, как следует, постаралась. И в этот раз он оторвал горящий взгляд от пола, чтобы вонзить его в меня.

– Ты остаешься здесь со мной. Тебе придется смириться. Это твой долг, – его спокойный тон подействовал на меня антагонически.

– Нет. Я уйду при первой возможности. Макс придет за мной! И лучше тебе не стоять тогда на его пути!

– Он не придет, – покачал головой Алекс.

– Что ты с ним сделал? – в отчаянии я схватила его руку.

– Ничего, я же сказал... – устало откликнулся парень, но руку мою задержал. – Ты же видела, что мятежники забрали и его крипт тоже. Стоит ему переместиться, как нейрофаги придут за ним. И они будут его наименьшей проблемой, если он попадет в руки Совета.

Я в ужасе застыла.

– Не беспокойся. Макс умный парень. Он может контролировать свои способности и не станет перемещаться, понимая, какие последствия за собой повлечет телепортация. Я просто резюмировал все это, чтобы донести до тебя главное. Он не придет за тобой.

Я опустила глаза, чувствуя, что к горлу подступают рыдания.

– Алекс, за что ты так со мной? С нами? Я считала тебя другом.

– Я и есть твой друг. Дело в том, что сегодня мне открылось много нового. Я узнал то, что заставило меня пересмотреть все свои взгляды и всю жизнь. И я не могу поступить по-другому, зная теперь истину. Ты тоже все поймешь, я уверен.

– Что ты имеешь в виду?

– Я готов с тобой поделиться государственной тайной, потому что доверяю тебе, как никому, но никогда она не должна выйти за пределы этой комнаты. Я просто надеюсь, что ты все поймешь и изменишь свою точку зрения, – он встал и нервно прошелся к противоположной стене, зарывшись рукой в свои волосы. Затем развернулся и вернулся на место. Было видно, что Алекс на что-то решается, и это дается ему тяжело.

Плохое предчувствие накатывало по нарастающей, создавая иллюзию нереальности происходящего. Наконец он остановился в шаге от меня, на расстоянии вытянутой руки. Мне пришлось задрать голову, чтобы видеть его сверкающие глаза. И тогда он начал говорить:

– Наша раса – венец человеческой эволюции. Мы многое можем и многое умеем. У нас есть сингулярность, но так было не всегда. Когда-то наши предки были такими же простыми беспомощными людьми, как земляне. Они жили, полагаясь на волю случая, не имея возможности ни на что повлиять. Но эволюция шла своим ходом. Мы развивались, изобретали, изучали. Потом произошел скачек, и люди стали такими, какими являются синги сейчас: сильные, непобедимые, собранные, контролирующие каждую сферу своей жизни. Нам подвластно все: мы управляем погодой, наши технологии самые передовые. Мы стали теми самыми богами, о которых столько пишут на Земле, – он горько хмыкнул.

– Но и на этом изучение и развитие не остановилось. Вернее, синги не могли остановиться и беспрестанно совершенствовались, внедряя технологии и достижения всюду. В том числе и в генной инженерии, переплетая ее с сингулярным витализмом. Но Вселенную не обманешь. Она всегда требует плату. И если мы играем в создателей, значит должны понести соответствующее наказание. Произошло нечто непоправимое, страшное... – он замолчал, переводя дух.

– Что?..

– Наша раса на грани вымирания.

– Это потому что у пары рождаются близнецы? Но все не так уж ужасно. Особенно учитывая средний срок жизни синга.

– Нет. Это лишь капля в море. Все гораздо хуже. Из-за исследований в области генной инженерии, мы смогли увеличить срок нашей жизни, научиться по-настоящему управлять сингулярностью, но потеряли Искру...

– Искра?.. О чем ты говоришь?

– Ты же понимаешь, что любой человек не может двигаться просто так. Есть нечто, изначально запускающее все его механизмы. То, что сплетается с сингулярностью. И то, что покидает, в итоге, тело с наступлением смерти.

– Ты говоришь о душе?

– Да.

– И что это значит «утратили Искру»? Я не совсем понимаю.

– Мы не можем родиться естественным путем.

– Что?.. Как это? Но я видела детей в больнице!

– Физически женщины сингов могут родить, но, чтобы ребенок выжил, мы должны дать каждому Искру.

– Боже! Ты сейчас говоришь нечто невероятное! Вы что вживляете детям души?

– В общем, примерно так это и происходит.

– Это невысказано!

– Теперь ты понимаешь, как необходима обществу «СтратимХорс»?

– О нет! Только не говори... Ты хочешь сказать, что это происходит прямо в компании? Этим занимается мой отец?

Алекс кивнул:

– Это нужно сохранить в секрете, чтобы избежать хаоса на Сварге.

– Как они это делают? Где берут эту Искру?

– Вот в этом вся сложность. Именно поэтому нам нужна Земля. Искра берется после смерти земного человека.

– Что? Для этого убивают землян?

– Нет, что ты! Искра извлекается после естественной смерти.

– То есть после кончины человека вы забираете его душу, как ангелы смерти, и переселяете ее в маленького синга? Типа реинкарнации что ли?

– В некотором роде, да. Мы работаем на благое дело. Но технологии несовершенны, и нельзя просто так взять душу любого человека. Наше оборудование может изъять Искру только сильной личности, чистой помыслами, утвердившейся самоотверженными поступками.

– Очень похоже на то, что происходит с праведной душой после смерти. Так написано во всех священных книгах на Земле! – в ужасе я смотрела на него.

– Верно. Наша раса имеет отношение к содержанию их духовных книг. К сожалению, при всем старании, индивидуумы с такими феноменальными данными довольно редки, и выявить их можно только поставив в кризисные условия.

– О Господи! Именно поэтому работает мой отдел! – догадалась я наконец. Все, что я знала до сих пор, перевернулось в моей голове. Я сходила с ума, и, с другой стороны, все становилось на свои места. И бессмысленная жестокость нашла свое объяснение. Субъективное, не оправдывающее гибель других людей, страдающих при катаклизмах, терактах или войнах, но все же не лишнее своих доводов. – Вы воссоздаете условия, которые заведомо определяют героев. И их души вы забираете. А что происходит с душами остальных людей?

– Никто не знает точный ответ на этот вопрос, но теория такова, что они рассеиваются по Вселенной свободной энергией.

– Но, если люди так важны для сингов, почему же стоял вопрос об Извлечении

Земли?

– Киара, нет никакого Извлечения и не будет.

– Я не понимаю. Ты же нашел документы у отца в кабинете... – только в моей голове начали выстраиваться логические цепи, как все опять разлетелось, как мозаика.

– Я задал тот же вопрос Совету Сварги. Документ действительно был, но по своей неопытности, я неправильно истолковал его значение. Настоящее назначение «СтратимХорс» тщательно скрывается. Это катастрофа, если синги узнают, что стоят на грани вымирания. Граждане думают, что мы занимаемся научными исследованиями космических объектов и добычей ресурсов. Когда начался суд, все пытались скрыть, но информация о деятельности компании просочилась из-за тех самых мятежников. Обычные граждане начали задавать вопросы. Кроме сингов, Сваргу населяет много приезжих с Нурии. Они подчиняются нашим законам, но уже давно живут здесь и так же считаются гражданами. Им здесь хорошо, потому что условия лучше, чем на их родной планете, но тем не менее, в основном, это обслуживающий персонал.

– Кенек?

– Да. На высокие должности беженцам не пробиться. Соответственно, их недовольство растет. И их численность тоже уже превышает нашу. Если эти люди узнают, что синги живут за счет доноров с другой планеты, может начаться революция. Ясно, что победа будет за нами, но никто не хочет, чтобы этим кончилось.

– Но ведь мой отец был за отмену Извлечения, а твой за нее. А сейчас ты говоришь, что никакого Извлечения не планировалось.

– Спор был не совсем об Извлечении, – Алекс вздохнул и снова сел. – То, что ты сказала про Алексею, правда. Она подвергла себя суицидальной смерти. Это дефект, присущий последним поколениям. Излишняя эмоциональность, побочные эффекты которой может быть и причинение несанкционированного ненужного вреда себе и посторонним субъектам. Сотрудники твоего отца работают над устранением этого отклонения. А мой отец... Он выдвинул теорию, что виновен в этом инородный фактор. Люди Земли слишком эмоциональны, и мы получили от них этот побочный эффект. В общем, его выход из этой ситуации совсем не гуманный...

– Что он хотел сделать?

– Перезагрузку, – прозвучало угрожающе.

– В смысле?

– Дело в том, что Земля постепенно готовится к очередному массовому вымиранию. На планете перенаселение людей, вымерло огромное количество видов животных, загрязнение экологии не прекращается, леса вырубаются, ископаемые заканчиваются, дикая природа умирает, океаны загрязняются. В итоге, в любом случае все закончится. Мой отец считает, надо форсировать этот процесс, чтобы перезапустить органическую систему на Земле. Именно такое Извлечение и подразумевалось в том документе.

– Это... – я просто задохнулась от ужаса. – Чудовищно!

– Ты права. Мне тяжело с этим смириться. Как и с тем, что Совет Сварги готов был дать на это разрешение, нарушая один из наших основополагающих законов. В любом случае, все разрешилось не в его пользу. Теперь дело за твоим отцом. Он должен придумать, как все исправить.

– Но зачем что-то исправлять?! Эмоции – это не плохо! Это же замечательно!

– Совет Старейшин считает, что эмоции – это отклонение, и с ним надо бороться. Уже долгие века синги не знали ничего о болезнях. Для них сейчас эмоции – это вирус.

– А ты, Алекс, считаешь чувства отклонением?

– Не знаю... Ничего хорошего они мне не приносят.

– Прости...

– Теперь ты поняла, что твое место здесь со мной? Это наша обязанность, сохранить расу. Мы можем помочь в исследованиях. Кроме того, твой распад – тоже побочный эффект.

Я подошла ближе к нему и положила ладони на его предплечья.

– Алекс, ты сегодня открыл для меня многое. И я понимаю, что ты не только не обязан был делиться со мной конфиденциальной информацией, но и пошел против Совета, открыв мне тайны. Но ты должен отпустить меня к Максусу. Прошу тебя, – я заглянула в голубые глаза, в его взгляде на долю секунды промелькнула боль, тут же сменившаяся решительностью. Он выпрямился, и я почувствовала, как мышцы его напряглись под курткой.

– Это ты меня прости. Ты должна смириться, иначе мне придется прибегнуть к крайней мере, – он отодвинулся, оставив мои руки висеть в воздухе.

– Что это за крайние меры? – насторожилась я.

– Я помогу тебе забыть то, что не может отпустить тебя. Если ты не будешь помнить о нем, все станет совсем по-другому, – обернулся он у двери.

– Что ты имеешь в виду? Я никогда не забуду Макса! Уж не хочешь ли ты стереть мне память?.. Или вообще личность?.. – крикнула я ему яростно в спину и замерла, обескураженная его выражением полной решимости на лице. Слезы против воли потекли по лицу. – Ты не можешь так поступить со мной!

– Для твоего блага, и блага всей нашей расы.

Злость поглотила меня целиком. Самые масштабные ошибки люди совершают во имя чего-то и безумной веры в нечто. Больше всего ненавижу, когда говорят о благих намерениях.

– Пошел ты!

Глава 23

– Киара, я так рада, что с тобой все в порядке! – вырвал меня из раздумий знакомый мелодичный голос.

– Мама? – я подняла взгляд затуманенных от слез глаз и уставилась в нежно улыбающееся лицо Ниан Стратим. Рядом стоял мой отец, не скрывая переливчатых цветов своей ауры. Они поразили меня многообразием чувств, которые он ранее всегда тщательно скрывал ото всех. Сожаление, любовь и сострадание перемешались между собой, образуя замысловатый туманный танец вокруг его головы. У меня появилась надежда.

– Алекс хочет стереть мою память! Личность! Хочет, чтобы я забыла Макса. Я не должна его забывать! Пожалуйста, не дайте ему это сделать со мной! Снова!

– Успокойся, дорогая. Расскажи нам все. Кто этот Макс?

Я колебалась лишь мгновение, но, взглянув в глаза матери, наконец решилась открыться:

– Я люблю одного человека...

Я услышала, как в удивлении втянула воздух мама, и как тяжело вздохнул отец, стоявший справа от меня.

– Нет! Только не это! И ты тоже! Я сделаю все, что смогу. Я помогу тебе, Киара! – он схватился за голову. Кажется, это была последняя капля на пути к обрушающейся плотине, сдерживавшей его эмоции и чувства всю распланированную размеренную жизнь.

– Не надо! Ты не понимаешь! Я хочу этого!

– Ты только подтверждаешь факт того, что ты не здорова. Как можно хотеть быть больной?! – вскричал он, и теперь уже действительно напугал меня своими порывами. Я искренне опасалась за его рассудок. До такой степени странным было видеть отца в таком взбудораженном состоянии. Но я должна была стоять на своем:

– Это не болезнь! Мне нравится чувствовать! Это прекрасно!

– Бред! Вся симптоматика, описанная в исторических документах, указывает на то, что это болезнь! Наши предки долго искореняли ее, чтобы мы могли быть свободными! И все это ты смеешь оспаривать?! Даже исследования эмоций людей с Земли только подтверждают теорию, что это психологический дефект! Человек становится одержимым, не может нормально полноценно функционировать, работать, есть, спать. У него сбивается ритм сердцебиения, дыхание, наблюдается дрожь, необъяснимая тревога, паника. Субъект все идеализирует, не может мыслить логически и подвержен эмоциональной и физической нестабильности. Возможно снижение серотонина, что ведет к психическим расстройствам... – сыпал он терминами, надеясь достучаться до меня.

– Я люблю его! Я дышу им! Я хочу вечно быть с ним, смотреть на него, чувствовать его, любить его, видеть улыбку на его лице! Испытывать такие эмоции – это не отклонение! Не болезнь! Это прекрасно! Поверьте мне!

– Кто он? – спросила, молчавшая все это время, мама, находившаяся будто в ступоре.

– Он... он с Земли.

Отец замер, а мать медленно опустилась на стул. Они не отрываясь оторопело

смотрели друг на друга. Тишина затянулось, пока папа внезапно не нарушил ее одним категоричным роковым словом:

– Исключено...

– Но это так, отец!

– Александр Хорс знает об этом?

– Да.

– Тогда ясно, почему он хочет стереть твою личность. А я было подумал, что ты неверно истолковала его слова.

– Нет, вы должны помочь мне!

– Но это хороший вариант исхода настоящей ситуации! Я понимаю, что тебе страшно, но все образуется, когда ты забудешь!

– Что?! Вы тоже хотите сделать это со мной?! Это жестоко!

– Поверь, это пойдет тебе на благо!

– Прекратите говорить, что мне на благо, а что нет! – взорвалась я.

Надо взять себя в руки. Таковую истеричку никто не будет слушать. Я вздохнула несколько раз, успокаивая мысли и тело. Я должна четко все аргументировать. Я должна найти выход. Я призвала все свое спокойствие, доставшееся мне в дар от предков, или, вернее сказать, я должна была наследовать эту способность, но, к сожалению, ее было у меня крайне мало.

– Подождите. Выслушайте меня. Я все понимаю. Алекс рассказал мне, чем на самом деле занимается компания. Я знаю про кризис и то, что мы на грани вымирания. Знаю, какая капитальная работа проводится, чтобы получить новорожденного синга, хотя и не совсем согласна с некоторыми способами. Знаю, о чем на самом деле была судебная тяжба и полностью на твоей стороне, если уж выбирать из этих двух зол. Но я не считаю эмоции отклонением. Я хочу чувствовать! Понимаю и то, что должна исполнить долг синга по продолжению рода. Понимаю, что должна также передать способность к сингулированию своим детям. Но есть одна большая проблема, – я ощутила, что наконец завладела их вниманием полностью. Они молча кивали, вслушиваясь, хотя у отца периодически уползали брови на лоб от моей осведомленности и дерзости. По лицу матери я поняла, что ей известна вся информация, о которой я поведала, поэтому не нужно было переживать, что я тут же разболтала то, о чем тайно поведал мне Алекс. Речь моя стала спокойной, твердой, и я приготовилась привести свои главные доводы. Я сделала паузу, чтобы каждому посмотреть в глаза.

– Кое-что произошло. А после этого начались мои приступы распада. Я, кажется, нашла причину. Когда я была на Земле, не могла контролировать способности и меня забрасывало в разные места, за мной шли нейрофаги. Так погиб мой друг, Ден, я рассказывала. Они преследовали постоянно. Макс старался защитить меня. Я пыталась бежать от него, чтобы не причинить ему вреда, но он всегда находил меня, чтобы снова защитить. Он научил меня стрелять из пистолета. В то время это было мое единственное средство обороны. Он сам и навыки, которым он меня обучил, не раз спасали мне жизнь.

– Катехоламин! Это все объясняет! – неожиданно вмешался отец. – Вы много пережили вместе. В состоянии опасности постоянно находились рядом. Нейроны в такие моменты вырабатывают дофамин, гормон удовлетворения, участвующий в фокусе внимания. Таким образом, все остальное, кроме того, кто находится рядом, уходит за пределы интереса.

– Да, папа, конечно, это сыграло свою роль, – мне показалось бессмысленным описывать, что странное притяжение возникло между нами с того момента, как наши взгляды встретились. – Я могу логически рассуждать, и не отрицаю этого, как и участия химии в процессе. Я чувствую каждый раз, когда его вижу, как у меня начинается учащенно биться сердце, как замирает мое дыхание. Да физически ощущаю, как вырабатываются гормоны радости и эйфории в моем организме, но, как ты не поймешь, что это счастье?! Все прекрасно в вашем обществе сингов: долгая жизнь без болезней, управление всеми сферами своей жизнедеятельности, планирование каждого шага, сингулярность, но это все не то! Отец, а ты не думаешь, что синги утратили Искру, потому что потеряли само понятие счастья? Счастье любить, счастье быть любимым, счастье находиться рядом друг с другом. Здесь даже рождение новой жизни происходит по графику и в обязательном порядке. Совет говорит нам, с кем соединяться, от кого рожать, и он же утверждает будущую пару еще не родившимся детям. Так быть не должно! Ты не задумывался, почему наше поколение подвержено эмоциям, как вы называете это, бракованное? Почему Алексия Хорс любила Киана? Почему Киан пошел к мятежникам, лишь бы быть с любимой? Потому что это зов природы. Это естественно, хотеть быть счастливыми! И не надо придумывать лекарства или, еще хуже, уничтожать целый вид на планете за то, что люди подвержены эмоциям. Я хочу быть счастливой, а счастье для меня – это он! И только для него и с ним я хочу быть.

Повисла неловкая пауза. Я видела уставшее выражение на лицах моих родителей, отчаяние в их глазах. Отец нахмурился:

– Это возмутительно и неправильно!

Я помотала головой, осознав, что стучусь в запертую дверь, и ничего не смогу ему доказать.

– В моем случае, это уже не важно, – сказала я. – Теперь, быть рядом с ним – это моя единственная возможность выжить. И сейчас я говорю исключительно с научной точки зрения. Мы – одна неделимая сущность.

– Что ты имеешь ввиду?! – воскликнула мама. Отец замер, непонимающе уставившись на меня.

– Мы тогда попали в одно из гнезд нейрофагов. Я не умела пользоваться сингулярностью и даже не могла контролировать перемещения. Они окружили нас, и меня выбросило обратно, на Землю, а он остался там. Я оставила его там! – на глаза мне навернулись слезы от воспоминаний того ужасного дня. Я изо всех сил пыталась сдержать их, но они все равно беззвучно скользили по моим щекам.

– Я смогла вернуться, и убила, сама не знаю как, всех нейрофагов, что там были, но пришла поздно. Он не двигался, не дышал... Он...он умер. И тогда захотелось умереть мне. Я просто легла с ним рядом. Не знаю точно, что случилось, но я как-то оживила его. А после этого он приобрел некоторые навыки сингов...

О сдержанности и эмоциональной стабильности сингов в этот день пришлось забыть всем. К моменту моих последних слов у всех были вытянутые лица и раскрытое биополе, кишащее цветами изумления, ужаса, безысходности и снова удивления.

– Какие?

– Он может перемещаться без посторонней помощи, и его физическая сила превосходит человеческие возможности. Мы слышим друг друга, и можем найти на расстоянии, как сингулярная пара.

– Невозможно! – заключил отец. – Не понимаю, как такое могло произойти.

– Я чувствую, что мы – единое целое. И моя диссимилиация происходит вдали от него, – сказала я твердо, смотря прямо в суровое лицо Крона Стратима.

– Ты уверена? – вставила мама.

– Да, теперь я абсолютно уверена.

– Мы должны исследовать это явление, чтобы понять, как помочь тебе, – заключил отец.

– Я хочу, чтобы вы помогли мне бежать со Сварги – и все! Я не соглашусь ни на какие исследования! Тем более, если ты планируешь разложить на своем лабораторном столе человека, которого я люблю! Ты этого не сделаешь! Хотя бы потому, что, если с ним что-то случится, я тоже диссимилируюсь! И я говорю не про самоубийство! – яростно крикнула я, стараясь присыпать свой отчаянный протест аргументированными пряностями.

– Мы не можем подвергать ее опасности, – прошептала мама. – Ты будешь держать ее в лаборатории, и может случиться непоправимое, если то, что Киара говорит, правда. Произойдет диссимилиация, если рядом не будет землянина. Кроме того, есть еще Совет и Володар Род. А Александр знает об этом? – адресовала она мне последний вопрос.

– Да, но продолжает настаивать, что мы с Максом просто соединились в пару. А так как он человек, связь можно разорвать, и это станет моим лекарством. Но я знаю, что это будет моя гибель. Вы должны мне помочь вернуться к нему.

– Мы не можем этого сделать, – помотала головой мама.

– Но почему? – разочарование острым клинком вонзилось мне в область солнечного сплетения, ядом распространяясь от него по всему телу.

– Даже если ты исчезнешь, Александр найдет тебя, Володар Род найдет тебя. Сейчас Александр добился твоего оправдания, и мне казалось, что лучше всего тебе остаться с ним... до этого момента. Кажется, чтобы наши дети жили, нам придется потерять обоих, – добавила она и повернулась к отцу.

В моих жилах застыла кровь от ее заявления.

– Я должна вам кое-что сказать о Киане.

Они снова посмотрели на меня, а я собралась с силами, чтобы признаться, что пыталась вытащить своего брата, но провалилась. Когда я все-таки сделала это, реакция их была неожиданной.

– У тебя загрузочный диск Киана? – удивился отец.

– Не у меня, а у мятежника. Но ему можно доверять, – уточнила я, в сердце надеясь, что это правда. Глаза Рена, когда он бросил на меня последний взгляд, не могли обманывать.

Я с изумлением наблюдала, как у мамы расплывалась по лицу открытая улыбка. Я перевела взгляд на отца и впервые увидела, что он тоже смеется.

– Киара, ты боец! Настоящая Стратим, – неожиданно похвалил он меня.

Я почувствовала, как атмосфера вокруг начала разряжаться, давая мне надежду на добрый исход. Ощувив изменения в воздухе, я все же не могла понять их реакции.

– Но ведь я говорю, мы провалились. Не смогли восстановить его.

– Конечно, не смогли!

– Не понимаю.

– Киара, папа немного солгал тебе. Но так было необходимо. Мы, действительно, не многое смогли сделать тогда для Киана. Но все-таки кое-что у нас получилось. Его личность изъяли, да. Она хранится на загрузочном диске, но тело моего сына не претерпело метаморфозных изменений. Он не стал нейрофагом. Мы смогли переправить его к мятежникам.

В моей груди промелькнули радостные всплески.

– Как? Я не понимаю! Но почему они отправили нас за Кианом, если он у них?

– А они не знают, что он у них, – ответил отец. – Он и сам не знает. Он ведь лишился личности, и память его чиста, как у новорожденного младенца. Но ему помог бежать его друг. И он же поклялся скрывать от всех, в том числе и от самого Киана, его настоящее имя. Это для его безопасности, чтобы никто не мог воспользоваться им в своих целях.

– Боже, я была там, и могла видеть своего брата, – и я вспомнила, как стояла в приемном зале мятежников, когда мы пришли к ним с Максом. Вспомнила, что видела Рена, а рядом с ним стоял молодой человек, который показался мне знакомым. Конечно!.. У него имелись характерные черты Стратимов. И Див... он сказал тогда, что знал моего брата. – Его друга зовут Див?

Родители снова переглянулись:

– Верно.

– Я видела его.

– Правда?! – не выдержала мама, снова выплескивая эмоции. – С ним все в порядке?

– Да, он казался здоровым и невредимым, – улыбнулась я.

– Я так хочу увидеть его. Пусть даже он меня и не узнает, – с грустью сказала она, и отец немного приобнял ее.

– Ты же понимаешь, что это было сделано, чтобы он жил. Мы спасли его. А теперь у них есть его загрузочный диск. Мы маркировали другого нейрофага номером Киана, поэтому у вас не получилось его восстановить. Но теперь, имея хранилище, это может получиться. Если только он захочет. Ты сама узнаешь у него, когда увидишься с ним, – последнее он адресовал уже мне.

– Так вы вытащите меня отсюда? Только без стирания личности! Один раз Алекс это уже сделал со мной. Больше я такого не допущу! – зло сказала я, вспоминая о его предательстве. Теперь я могла быть уверена, кто виноват в утрате моей памяти.

– Хм. Александр Хорс не делал этого, Киара, – губы отца сжались в тонкую линию. Каждое слово он произнес с расстановкой.

– Что ты имеешь в виду?

– Это я изъял твою личность.

– Что? – не верила я своим ушам. – Зачем?!

Боже, ну что за день?! Неожиданные признания и животрепещущие тайны сыпятся на меня, заваливая непредсказуемыми сюрпризами, многие из которых совсем не положительные, а наоборот, трагически ужасные. Вот и теперь, отец признался, что стер мою личность.

– Да что вы за семья такая?! – не выдержала я. – Ты стер личность Киану! Ладно, у тебя не было выбора, как ты говоришь. Но мне-то за что?!

– Дело в том, что ты всегда была очень любопытна. И излишне эмоциональна, это

правда. Чтобы вытащить тебя из неприятностей часто приходилось делать много разного. Если бы не положение нашей семьи, твои проделки давно закончились бы трагически. Так в итоге и получилось. Ты подслушала наш с матерью разговор. Вернее, часть его. О Киане. Ту часть, где говорилось, что он не героически погиб при взрыве в лаборатории, как считалось в официальной версии, а преобразован в нейрофага за государственную измену. Ты ничего не сказала нам, а начала копать. И вытащила на свет некоторые секретные данные о «СтратимХорс». Но это не осталось незамеченным. Володар Род раскрыл тебя, и я смог только уговорить его не трогать моего единственного оставшегося ребенка. Он согласился при условии полного изъятия и уничтожении личности.

– Так моя личность уничтожена безвозвратно?

– Нам ничего не оставалось. Я присутствовал лично. При проведении процедуры случилось непоправимое, и ты очнулась. Ты бросилась бежать, обезвредила охранника, отняла у него оружие и скрылась. Мне удалось остановить стрелявших охранников, но я тогда здорово перепугался, что тебя уничтожат на месте. Добравшись до телепортала, ты переместилась отсюда в неизвестную сторону. Я испытывал ужас, и в то же время гордость за то, как ловко ты все провернула, как поразительно четко работают твои инстинкты, и это в дезориентированном состоянии. Следа ты не имела, поэтому мы абсолютно не представляли, куда ты скользнула. Я винил во всем себя и продолжал искать. С тех пор, как тебя нашли, Володар Род внимательно наблюдает за тобой. Я предупреждал, чтобы ты была осторожна и держалась от него подальше. Ничего не вышло, – он покачал головой.

– Почему ты просто не рассказал мне все? – описать, как я была потрясена – это ничего не сказать. Море эмоций обуревало меня. Воистину, день ошеломительных откровений.

– А ты простила бы меня?

– Но ты мог хотя бы попытаться! – воскликнула я, наблюдая, как отец проводит манипуляции с тач экраном у входа.

– Не сердись, дорогая. Мы решили, пусть все будет так, как сложилось. Кроме того, всегда был Володар Род, который, при малейшем подозрении, что ты что-либо знаешь, мог бы отнять тебя у нас, – мягко вмешалась мама.

Через секунду я почувствовала, как еле заметная волна пронеслась в воздухе, и поняла, что защитный экран снят. Торжествующая улыбка начала расползаться по моему лицу, и, когда отец повернулся, я уже не могла на него злиться. Родители порой принимают неверные решения, но все их действия, обычно, продиктованы любовью к нам. А понятия любви у всех разные. Поэтому и существует во всех поколениях, во всех мирах противостояние «отцов и детей». Важно то, на что ты способен, чтобы решить эту задачу правильно и сделать счастливым не только себя, но и своих родителей, прийти к единому знаменателю, к консенсусу.

– Так вы сможете вернуться мне на Землю?

– Надо сделать это так, чтобы тебя никто не стал преследовать, – заметил отец.

– Спасибо большое! – несмотря на взвинченные чувства и осадок от новых обстоятельств, это было то, что я действительно хотела. Поэтому я незамедлительно обняла их в мгновенном порыве и тут же отпрянула, наблюдая за их смущенной реакцией.

– А мне нравится, когда ты меня обнимаешь, – с улыбкой сказала мама и прильнула ко мне вновь.

– Так как мы это сделаем? – повернулась я к отцу, продолжая оставаться в объятиях матери.

– Говоришь, Александр знает о твоём слиянии с человеком? – задумчиво сказал он, потирая подбородок.

Я кивнула.

– Удивительно... Я хотел бы изучить этот феномен, – проговорил он тихо.

– Крон! – укоряюще произнесла мама.

– Это просто мысли вслух. Конечно, безопасность Киары для меня первостепенна!

– Медленно отойдите от нее... – я не поверила своим ушам, когда услышала этот голос. Я повернулась и застыла на секунду в изумлении. Мне хотелось протереть глаза, но я даже боялась это сделать. Вдруг сие чудесное видение исчезнет.

– Макс!

– Ты в порядке?

– Да...

– Где Алекс? Он тебе что-нибудь сделал?

Он стоял здесь на самом деле и держал в руках те самые пистолеты, которые мы забрали у охранников в «Нейрофаг Индастрис». И Макс направил их на моих родителей. Плохо. Не лучшее знакомство с семьей своей девушки. Это даже более скверно, чем моя первая встреча с его родителями. А я уж было подумала, что убедил их смириться с тем, что испытываю чувство любви, и считаю это даром, а не болезнью. И еще сложнее было бы доказать, что землянин не менее достойный претендент для создания пары. Пришлось забыть об этом после того, как он пытался их расстрелять.

– Макс, его здесь нет... Это мои родители, – я оглянулась на них, чтобы дать им знать, что все под контролем. Очень суровые лица...не к добру. Я повернулась к нему обратно, но он все еще не опустил оружие. Лицо его покраснело, на щеках выступил милый румянец, а на губах появилась смущенная улыбка. – Макс, оружие... – подсказала я и в следующий момент бросилась к нему, раскрывая руки, словно птица, собиравшаяся взлететь. Впрочем, так я себя и чувствовала рядом с ним всегда.

Он наконец понял, что к чему, и убрал пистолеты со словами извинения. Я немедленно оказалась в его руках, прильнув головой к месту, где билось самое родное сердце. Я ощущала все те симптомы любви, о которых мы совсем недавно спорили с папой. Было невероятным наслаждением чувствовать его тепло рядом. Он обхватил меня руками и прижал в горячем сильном, но нежном объятии. Заключив лицо любимого в свои ладони, я стала покрывать его легкими поцелуями, пока не услышала покашливание отца. Макс казался смущенным еще больше раннего, и мы отпрянули друг от друга.

– Макс, это мои мама и папа, Ниан и Крон Стратимы.

Я была в ужасе от предстоящего. Лежа на столе в операционном наряде в виде двух широких эластичных лент в районе груди и бедер, я ждала своей участи, пока вокруг меня суетились сотрудники моего отца. Сам он стоял неподалеку, а около него, не отрывая от меня взгляда горящих голубых глаз, возвышался Алекс.

– Киара, все будет хорошо, обещаю, – обратился он ко мне. – Не бойся.

Я скрипнула зубами, сдерживая злой сарказм, готовый выплеснуться из меня змеиным ядом прямо ему в лицо. У меня нет выбора, я должна пройти эту процедуру.

– Александр, я благодарен, что ты не поставил в известность Володара Рода.

– Мне не нравится, что приходится скрывать это от моего прямого начальства, но другого выхода нет. Я за нее поручился, и если в ней увидят угрозу, ничего хорошего ее не ждет. Вы уверены, что мы сможем разорвать корреляцию Киары с земным человеком, не причиняя ей вреда?

– Если второй объект не обладает сингулярностью, соединение гораздо уязвимей, и его можно убрать. Это уже не сингулярная связь, соответственно и пара образовалась не сингулярная, – слышала я голос отца. В душе у меня каменело от его равнодушного тона, но я старалась казаться спокойной. – Начинаем.

– Подождите, – сказал Алекс. – Теоретически что было бы, если Киара все-таки разделила с землянином свою сущность?

– Это невозможно, даже теоретически, – категорично заявил отец.

– А если бы?

– Если были бы прецеденты, была бы информация. Начинаем, – снова подал сигнал папа.

Хотя мне объяснили, что со мной будет происходить, было страшно. Уже не в первый раз я оказывалась в подобном положении, и все твердили, что не случится ничего страшного, что будет не больно, и вообще, что все станет лучше, но всегда оказывалось только хуже.

Актриса из меня всегда была очень посредственная, и на театральные постановки в школе, которые вынудила посетить Дин, двери для меня закрылись сразу же после первых проб. Тут уже даже оптимизм подружки не помог, и ей пришлось признать, что без меня этой отрасли искусства будет куда проще выжить. Наверное, это то небольшое, что я получила в наследство от предков. У сингов вообще отсутствует актерское мастерство, как таковое, в связи с тем, что не существует ничего похожего на развлекательную художественную кинематографию. Среди фильмов на Сварге можно найти только записи научных выступлений, конференций или, своего рода, документальные съемки. Возможно, когда-то синги развлекались, посещая спектакли и кинотеатры, но с течением времени эти отрасли атрофировались, как и профессии, осуществляющие эти деятельности, а синги занялись исключительно научной работой.

Я сначала не поверила, что отец доставал для мамы некоторые шедевры человеческого кино с Земли, даже когда услышала это из его собственных уст. Тогда они и поведали, что, закрывшись ото всех в подвале своего особняка, проводят некоторые вечера, с удовольствием изучая культуру землян. Это только доказывало, что сдержанность сингов противоестественна.

Меня пробирала дрожь волнения. Сейчас, когда должна сыграть трагическую роль, подобную тем, которыми так изобилуют произведения Шекспира, не имея ни грамма таланта, я поняла, что это будет очень сложно. Я надеялась только на спецэффекты, коими щедро сдобрил пространство вокруг меня отец. Он же достал средства, которые помогут мне телепортироваться из экранированного здания в конце представления.

Я открыла глаза, отсчитав положенное время, затем села, изобразив на лице растерянное выражение. Повернувшись в сторону отца, туда, где все важные персоны

заняли места в партере, чтобы лицезреть театр одного актера, я, как было условлено, потянулась дрожащей рукой в их сторону. Был установлен фильтр, который видела только я и его доверенный человек. Он выглядел, как прозрачная, еле подергивающаяся субстанция, будто волна подрагивала передо мной. Я отметила, что Алекс внимательно смотрит на меня, как и все остальные, и медленно протянула вторую руку в его направлении, осторожно проникая сквозь фильтр.

И... Фантастика! Я застыла, наблюдая, как лучи, преломляясь, будто на самом деле рассеивают мою конечность на частицы. Отец оказался прав, было очень похоже на те моменты, как это случалось со мной в процессе распада. Только вот боли я не испытывала. Я спохватилась и скорчилась, будто мне больно, прерывисто дыша и постанывая.

Я заприметила, что за стеклом началось движение, и в ужасе увидела, как Алекс метнулся к двери. Надо было поторопиться, иначе он нас раскроет. Ведь папин единомышленник еще должен успеть убрать фильтр до того, как все ворвутся в помещение. Я, продолжая сжимать руку в надуманном приступе боли, сделала шаг, прогужая тело через барьер. Поразительно, как засветились частицы моего тела, мнимо разлетаясь в пыль. Как фея, единственная дурацкая мысль прокручивалась в моих мыслях, которые, защищаясь, решили выбрать ее средством концентрации внимания. Повернув голову, я поймала прощальный взгляд отца. Он сказал мне больше, чем надо, чтобы убедить меня в его искренней любви. Затем он кивнул, и я переместилась в условленное место.

На стуле были вещи: джинсы, майка и толстовка – точно, как мне и необходимо. А на столе лежал мой крипт. Я быстро оделась и зафиксировала его на себе, а затем прыгнула в следующее, конечное, место на карте перемещений. Здесь я должна была дожидаться финала нашего спектакля, последнего акта, после которого стану свободной. Я не могла долго находиться в помещении, обуреваемая тяжелыми размышлениями и переживаниями, поэтому вышла из домика и пошла по берегу.

Макс явно испытывал нежные чувства к морю, совсем как я. А, может, после того, как мы стали единой сущностью, у него появилось мое пристрастие к воде. Природа здесь была волшебная в своей монументальности. Стояла лунная ночь, и я могла видеть сливающееся с горизонтом море. Небо, отделенное от него звездами, простиралось от размытой полоски ввысь. Берег изобиловал скалами и камнями. Я шла по неизведанной тропинке, направляющей меня к манящей темной воде.

Нет, я находилась не на Ко Липе, где прошли наши незабываемые выходные. Мы не могли туда вернуться, ведь Алекс знал о райском укрытии Макса. Но это место было таким же вдохновенным и неповторимо прекрасным. Когда-то Макс сказал, что мы обязательно побываем на греческих островах, и он выполнил свое обещание. Он всегда выполняет все свои обещания.

Стояла весна, а весной здесь прохладные ночи, поэтому Макс предусмотрительно снабдил меня теплой кофтой. Его забота была так приятна, что я не смогла сдержать улыбки.

Я села на каменный выступ, образующий некое подобие скалы. Она находилась в метре над морем, что темным пятном чернело внизу. И сейчас я была заморожена мраком, хлещущимся у моих ног. Все мысли были только о Максе. Осталось совсем немного, и он вот-вот должен уже появиться здесь.

Время внезапно остановилось, превращая секунды в минуты, а минуты в часы. Они тикали, отдаваясь пульсацией в голове. Я концентрировалась, опасаясь пропустить секунду его прибытия. Волнение накаляло меня все больше. Ветер играл моими волосами, нещадно хлестая лицо. Я откинула голову и в изумлении обомлела. Небо контрастировало с несметным количеством ярких блестящих звезд. В середине его пересекала впечатляющая туманная полоса, будто вытканная из дымки. Она переливалась разными цветами, напоминая северное сияние в статике. Ясная ночь способствовала наблюдению туманности, и не было необходимости настраивать зрительные рецепторы, чтобы любоваться этим прекрасным ошеломляюще удивительным видом. Это зрелище так заморозило меня, что я невольно расслабилась и забылась, отдавая мысли в жертву просторам необъятной Вселенной.

– Привет, Ки, – раздался мягкий голос рядом, и через секунду большая тень опустилась около меня.

– Макс... – прошептала я, поворачиваясь к нему и заключая в ладони любимое лицо, озаренное мальчишеской улыбкой. – Я так сильно люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, Ки.

Я с трепетом смотрела, как он наклоняется ко мне, чтобы одарить короткими ласковыми поцелуями. Его руки обернулись вокруг моего тела, создавая уют, наполняя меня атмосферой счастья и любви. Когда он коснулся моих губ в нежном затяжном поцелуе, вся моя душа, моя Искра, встрепенулась ему навстречу, стремясь к нему всеми своими силами. Потому что она знала, где мой смысл жизни, где мое место, где сама моя суть.

– Я так хочу остаться с тобой здесь навсегда, – смогла я выговорить лишь время спустя, по прежнему прижимаясь к нему всем телом.

– Мы так и поступим... – прошептал он. – Сразу после того, как поможем твоему брату.

– Спасибо, – слезы благодарности выступили на уголках моих глаз. Чувство признательности и любви заполнило каждую клеточку тела.

– Он в безопасности, поэтому мы сделаем это немного позже, когда все утрясется вокруг нашего исчезновения.

Я согласно кивнула, справившись со смущением. Я не хотела отрываться от него взгляда, поэтому запрокинула голову вверх, вглядываясь в его родное лицо, обрамленное темным небом и сверкающими звездами. Этот вид настолько захватил меня, что я пропустила несколько дыханий, прежде чем пришла в себя и смогла задать вопрос.

– Как все прошло?

– Строго по плану.

– Он поверил? – с надеждой спросила я.

– Сначала нет. Даже попытался искать тебя. Но, когда понял, что тебя нет, могу поклясться, прежде, чем он принял свой обычный равнодушный вид, я видел сожаление и отчаяние в его глазах.

– Мне жаль, – в сердце шевельнулся стыд за этот спектакль.

– Прекрати. Мне совсем не жаль этого предателя. И у нас не было другого выхода. Мне самому неприятно ломать комедию. Никогда не любил фокусы, но если это единственный выход...

– У тебя получилось все, как велел отец?

– Я рассеялся, когда он уже собирался перемещаться. Думаю, он поверил.

– Осталось только придумать, как сообщить твоим родителям и сестре, что ты жив,

так, чтобы об этом не узнал Алекс или Володар.

– Об этом я уже давно позаботился.

– Как?

– Сказал, что собираюсь в кругосветку.

– Ого. А можно с тобой? – улыбнулась я.

– Я думал, ты хочешь жить спокойно на прекрасном отдаленном острове до самой старости, – ухмыльнулся он.

– Я просто хочу быть с тобой, – улыбнулась я, заражаясь его смехом.

– О, кстати... – внезапно, к моему недовольству, он разомкнул объятия, поднялся и стал рыться в карманах. – Вот, держи.

– Что это? – спросила я, хотя и так видела, что он протягивает мне паспорт. Я взяла из его рук и открыла маленькую книжицу, пролистав до нужных страниц. – Кьянеа Катраки? – удивилась я.

– Я лазил по интернету и честно искал греческое имя, наиболее приближенное к твоему. Тебе не нравится?

– Нет, что ты! Просто надо привыкнуть.

– Оно означает «синее небо».

Я смутилась.

– А ты?

Он с ухмылкой вынул из того же кармана такую же книжечку и протянул с загадочным видом.

– Максим Катракис, – с удивлением воззрилась я на него.

– Ну всегда можно объяснить мое имя тем, что родители обожали все римское. И это даже не ложь.

Я приподняла бровь, всматриваясь в его лицо и ожидая объяснения совсем по другому поводу. Он пожал плечами.

– Ничего даже близкого к моему имени не оказалось.

Я улыбнулась, прекрасно осознавая, что он понимает, чем вызвано мое смущение, и специально тянет.

Он посмотрел на меня внимательно, сжимая мои руки в своих. Затем снова потянулся к своему карману.

– Прости, что поспешил поженить нас, – хрипло сказал он. Наконец Макс выложил себе на ладонь маленькую коробочку и аккуратно раскрыл ее, шокировав меня еще больше. В темноте блеснуло кольцо, зажигая искрой неожиданной безграничной радости мою трепещущую душу.

– Ты выйдешь за меня замуж?

Когда вы единое целое, все же не стоит забывать об индивидуальности человека. О его сингулярности. Даже если ты знаешь каждую клеточку его тела, если ты умеешь понимать его мысленно или общаться, не используя обычных средств коммуникации, если ты знаешь все его привычки и манеры, если способен предугадать все желания любимого человека, он все равно тебя удивит.

– Да!.. – улыбнулась я, протягивая ему руку. Мне понадобилась вся сдержанность

предков, чтобы не прыгнуть на него и не кричать бесконечно свое безумное «ДА» на весь остров.